

Зарубежная

фантастика

Р. А. Лафферти

ЛУЧШЕЕ

Сборник фантастических
рассказов

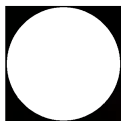

Издательство «Заря»

Зарубежная фантастика

Зарубежная

фантастика

Р. А. Лафферти

ЛУЧШЕЕ

Фантастические рассказы

Перевод с английского

ВЕЛИКИЙ ГУСЛЯР «ЗАРЯ» 2016

УДК 82.035
ББК 84.7
Л29

R. A. Lafferty
The Best of R. A. Lafferty

Коллаж на обложке: *Ирина Телегина*

Фронтиспис: *Р. А. Лафферти в своей домашней библиотеке, 1998 год.*

Лафферти, Р. А.

Л29 Лучшее: Сборник фантаст. рассказов / Р. А. Лафферти; [пер. с англ.]. – Великий Гуслияр: Заря, 2016. – 468 с. – (Зарубежная фантастика).

Подборка рассказов писателя, лучших по мнению и с краткими предисловиями известных фантастов США.

Без объявл.

Отдел психоделического сюрреализма

© перевод, Б. Силкин, Марина Литвинова, А. Грузберг, С. Гонтарев, 2016
© перевод, А. Графов, И. Телегина, Мария Литвинова, Л. Паперина, 2016
© перевод, К. Михайлов, А. Минаева, И. Почиталин, В. Кулагина-Ярцева, 2016
© всё остальное, Заря, 2016

Нил Гейман

МОЙ ЛАФФЕРТИ: ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Объективность, бесспорно, прекрасная вещь. Благодаря ей мы доверяем критикам, обозревателям и комментаторам. Собственно, именно она делает критика хорошим критиком, а обозревателя – хорошим обозревателем. И тогда мы верим их мнениям о книгах и фильмах, о музыкантах и писателях.

Честно, не знаю, можете ли вы верить тому, что я скажу о Р. А. Лафферти. Ведь я абсолютно необъективен. Это все равно как спросить у струны, настроенной на ноту «соль», что она думает о струнах нижней октавы: ты слушаешь их – и вдруг звучит еще одна «соль», и тебя охватывает радость узнавания. Да, так оно и бывает. Только так.

Мне было девять, и у нас дома откуда-то взялся сборник «Научная фантастика 12» под редакцией Джудит Меррил. Не знаю, кто его принес, возможно, мой отец. Но чья бы ни была эта книга, я утащил ее к себе, начал читать, и мир для меня перевернулся. Уильям Берроуз, Сэмюэль Дитэни, Кэрол Эмшвиллер, Кит Рид, Брайан Олдисс, Харви Джейкобс, Джон Апдайк, Тули Купферберг, Дж. Г. Баллард, Хилари Бэйли, Соня Дорман и Томмазо Ландольфи – произведения этих авторов уж точно не предназначены для девятилетних мальчишек,

но меня это не волновало. Я читал и впитывал все, что мог понять. У меня появились новые любимые писатели. И новые представления о том, какой может быть фантастика. Например, рассказ Брайана Олдисса «Слияние» – самый настоящий словарь. А один из рассказов Р. А. Лафферти – учебная программа.

Я имею в виду «Школу на Камирои», где описывается система образования инопланетной расы: детей там, помимо прочего, учат управлять как своей жизнью, так и другими планетами. Рассказ невероятно меня заинтересовал, а главное задел за живое: вот бы и у нас была такая школа, вот бы и нас этому учили.

Второй рассказ, «Узкая долина», на мой взгляд, один из лучших в том сборнике и один из самых любимых мною по сей день. По сути, это сказка, сказка о живописной долине – прекрасной, но, увы, очень уж узкой. Из этого рассказа я узнал многое о Америке, о коренных американцах, об ученых, о разных взглядах на мир и даже о магии, которую я буквально ощущал – и она наполняла мою душу радостью.

Через год отец привез мне из Америки три сборника серии «Лучшая мировая фантастика», составленные Терри Карром и Дональдом Уоллхеймом. Тогда я прочитал «Девятьсот бабушек» и «В нашем квартале». А потом «Как мы сорвали планы Карла Великого». И окончательно влюбился.

Мне здорово повезло. До сих пор не могу понять, откуда в библиотеке маленького городка в Сассексе, где я вырос, взяли все книги Лафферти, выпущенные в Великобритании в твердой обложке издательством «Деннис Добсон и компания». Видимо, у того, кто их заказал для библиотеки, был очень хороший вкус. Я прочитал и полюбил «Четвертую обитель» (роман о тайных обществах, животных и людях с волосатыми

ушами), «Рифы земли» (о детишках-инопланетянах, застрявших на нашей планете) и «Космические саги» (об Одиссее, скитающемся в космосе). (Эти мои короткие описания в лучшем случае неполны, а в худшем – сбивают с толку). Помню один потрясающий момент: я обнаружил, что содержание «Рифов Земли» зарифмовано, название каждой главы – стихотворная строка, и все вместе они складываются в небольшую поэму. Просто восторг!

В Лондоне на Бервик-стрит в магазине «Смутлые и золотоглазые»¹ я купил первую собственную книгу Лафферти – сборник рассказов «Девятьсот бабушек» в мягкой обложке. И заставил всех друзей прочитать его. Я был абсолютно убежден, что Лафферти – самый лучший, самый интересный писатель. Мне нравилось, как он обращается со словами. Я наслаждался мелодикой его текстов – они поют, они танцуют! – и, казалось, чувствовал тот восторг, который автор получает от своего слово-творения.

На Рождество 1978 года родители подарили мне «Энциклопедию научной фантастики» под редакцией Питера Николса и Джона Клютта. Тогда я еще не знал, что и Питер, и Джон станут моими близкими дорогими друзьями и что в соавторстве с Джоном Клюттом я напишу статью о Лафферти для второго издания «Энциклопедии». Но я узнал, что Лафферти, оказывается, написал множество книг, которых я не читал и, более того, понятия не имел, что они вообще существуют. Долгие годы я воодушевленно на них охотился, не подозревая, что они хоть и написаны, но еще не изданы – думаю, это открытие привело бы Клютта и Николса в замешательство.

¹ Один из крупнейших в Лондоне книжных магазинов научной фантастики, названный в честь рассказа Рэя Брэдбери «Были они смутлые и золотоглазые».

В двадцать один год я не знал точно, чем буду заниматься в жизни, но у меня уже возникло смутное желание стать писателем. Единственный рассказ, который я написал к тому времени, был явным подражанием Лафферти. В дальнем зале все той же библиотеки в нашем городке хранился толстый том «Кто есть кто в литературе». Я начал листать его в полной уверенности, что Лафферти не найду, но обнаружил почтовый адрес в городе Талса, штат Оклахома. Писать агенту или издателю я бы не осмелился, но этот адрес выглядел как домашний.

В общем, я написал письмо и отправил вместе с рассказом.

Как оказалось, Лафферти к тому времени переехал, но мое письмо переслали по новому адресу. Он получил его и к моему величайшему изумлению ответил. Поблагодарил за «очень приличный скетч, или пародию, или что-то в этом роде; конечно, это не рассказ, хоть и назван рассказом на титульной странице. Возможно, его даже кто-нибудь напечатает, хотя это зависит от причудливых особенностей вашего книжного рынка. Хороший текст, как кто-то заметил, всегда пробуждает в душе искру узнавания и принятия. Ваш текст, безусловно, пробуждает очень особую искру». И добавил: «Почему бы вам не написать еще пару вещей? Ведь это весело, а другой причины и не требуется».

Мой любимый писатель сказал мне: пиши. И я повиновался.

Я хотел опубликовать статью о нем, но в то время никто не жаждал ее печатать. Мы продолжали переписываться, я задавал ему дерзкие вопросы о писательском труде и его собственной работе, а он терпеливо на них отвечал.

Есть писатели – их очень немного – которых я читаю с увлечением. Есть те, что заставляют меня думать, тревожиться (в хорошем смысле), волноваться за судьбы их героев. Все это относится к Лафферти в высшей степени. Но он дает гораздо,

гораздо больше. Едва открыв его книгу, я сразу расплываюсь в улыбке чистого удовольствия: так действует голос повествователя, его манера преподносить свои волшебные истории.

Вряд ли Лафферти можно с кем-то сравнить. Аврам Дэвидсон тоже писал блестящие и самобытные рассказы, знал наверняка много об окружающем мире, но его произведения не похожи на небылицы, которые рассказывают с абсолютно серьезным лицом. Ирландский романист Фланн О'Брайен (он же Майлз на Гопалин, настоящее имя – Брайан О'Нолан) умел рассказывать небылицы с серьезным лицом, но никогда не уводил читателя далеко за пределы нашего мира. Джин Вулф, пожалуй, так же глубок, как Лафферти, но редко бывает настоящим забавным.

Я прочитал всего Лафферти, все, что смог найти. Я следовал за ним всегда: и когда он начал писать более путано, и когда его истории стали более личным. Я читал книги, выпущенные крупными издательствами, рассказы в сборниках и совсем тонких журналах. Я читал то, что понимал, и то, что не понимал, – думаю, иногда он писал для аудитории, которая ограничивалась им самим, но все равно, даже не понимая, я получал огромное удовольствие от сложенных им слов и созданного им мира. Я даже видел дверь кабинета Лафферти¹ в музее в Талсе!

Что еще вы хотели бы узнать? Пока писал всю эту лирику, понял, что пропустил биографические данные – важную информацию, которую читатель, безусловно, захочет видеть в предисловии.

¹ Лафферти обклеивал стены и дверь своего кабинета иллюстрациями, вырезанными из печатных изданий. После смерти писателя в 2002 году дом перед продажей реновировали, и в оригинальном состоянии сохранилась только дверь, которую забрал Уоррен Браун. См. фото на стр.10.

Дверь кабинета Лафферти

Рафаэль Алоизиус Лафферти (друзья называли его Рэй) родился в Оклахоме, в городе Талса. Получив образование инженера-электрика, проработал в электрической компании до ухода на пенсию в сорок пять лет. После чего зарабатывал на жизнь только писательским трудом, пока не отошел от дел. Он был католиком («Католицизм играет важную роль в моей жизни. Без него я бы давно уже валялся в канаве, а сейчас стою в ней только одной ногой») и алкоголиком («Выпивка дурно влияет на мою писанину. Я алкоголик и не должен употреблять спиртное вообще. Но раз или два в год забываю об этом, и результат обычно плачевен. Алкоголь в большей степени разрушал мои тексты, нежели вдохновлял их. И все же всегда оставалась слабая надежда — «искать, но опять не найти»: должен же где-то существовать волшебный эликсир, раздвигающий границы воображения! Такие заблуждения —

часть нашей жизни. В молодые годы спиртное дарило мне хорошую компанию и много веселья, но все-таки не творческий импульс»).

Во время Второй мировой войны он служил в армии. Его отправили в южную часть Тихого океана, но, как он всегда подчеркивал, «в двадцать восемь лет ты уже слишком стар для того, чтобы получать удовольствие от такого приключения – вот если бы на десять лет раньше, тогда другое дело».

Свой первый научно-фантастический рассказ «День ледника» он опубликовал в сорок шесть лет, в 1960 году, в журнале «Ориджинал Сайенс Фикшн Сториз». «Я добился кое-какого успеха, – говорил он позже о своей писательской карьере. – На главную улицу не вырулил, но в переулках для меня всегда горел зеленый свет».

В 1973 году он получил премию «Хьюго» за неплохой рассказ «Дамба Еремы», но другие его рассказы, которые были на порядок лучше, проигрывали в конкурсах, а некоторые самые замечательные и вовсе прошли незамеченными для тех, кто занимается выдвижением на премии. В 1984 году он оставил работу, успев опубликовать более двухсот рассказов и двадцати романов.

В 1994-м Лафферти пережил инсульт и в последние годы страдал болезнью Альцгеймера. Писатель умер в 2002 году в доме престарелых в Бруклен Эроу, в двадцати минутах езды от Талсы.

Свое фото, опубликованное в 1985 году в книге Пэтти Перрет «Лица научной фантастики», он сопроводил коротким комментарием: «В сорок пять лет я решил, что буду писателем. И стал лучшим в мире автором рассказов. Двадцать лет я толковал об этом людям, но некоторые не поверили».

Я поверил.

Возможно, прочитав эту книгу, поверите и вы.

ДОЛГАЯ НОЧЬ СО ВТОРНИКА НА СРЕДУ

Хотя Лафферти обычно относят к писателям-фантастам, на самом деле его точно характеризует крылатое латинское выражение *sui generis*: он уникален, он – единственный в своем роде. Сюрреалистические сюжеты его историй с их неожиданными, захватывающими дух поворотами приправлены невероятными происшествиями и удивительными отступлениями, заключенными в скобки. Поклонники Лафферти обычно представления не имеют, что их ждет за углом и куда приведет очередное хитросплетение небылиц. Ну и что с того? Маршрут неизвестен, но мы наслаждаемся путешествием.

Вспомните своего «самого первого» Лафферти. Возможно, это рассказ «Страна великих лошадей», объясняющий происхождение цыган и включенный в замечательный сборник «Опасные видения» Харлана Эллисона. Или «Дамба Еремы» из «Антологии Премии «Небьюла». А может быть, в благотворительной книжной лавчонке вы случайно наткнулись на «Бумеровы отмели» – историю о том, как трое выдающихся ученых отправились на поиски недостающего звена эволюции в некий тexasский затон, где обнаружили волосатых гигантов, прекрасную девушку Лангустию Сом, расу почти бессмертных людей и космического путешественника по имени Комета.

Лично я знакомством с книгами Лафферти обязан Джину Вулфу. Дело было в начале восьмидесятых, я брал у Вулфа ин-

тервью о только что законченной им «Книге Нового Солнца» и ненароком спросил, кем из современных авторов он восхищается. Не раздумывая, Вулф ответил: «Лафферти». Немедленно после нашей беседы я направился в книжный магазин и купил сборник «Девятьсот бабушек» в серии «Эйс Сайенс Фикшн Специал». Почему-то первым я начал читать рассказ «Долгая ночь со вторника на среду» – наверное, название зацепило. И все. Я погиб. Испытал такой же восторг, как в подростковом возрасте, когда впервые открыл «Джоркенс вспоминает Африку» или «Избранное» С. Дж. Перельмана. Наверное, вам знакомо это чувство: читаешь, а тебе хочется вскочить и запрыгать от удовольствия; ты то смеешься себе под нос, то бормочешь: «Ну ничего себе... как же здорово!»

Никакие слова не способны передать блистательного размаха «Долгой ночи со вторника на среду». Лафферти соединяет льстиво-вежливую манеру изъясняться с именами, будто взятыми из комиксов, заставляет читателя предвкушать событие, которое не состоится, и постепенно разворачивает картину мира, до боли знакомого нам сегодня. Рассказ был впервые опубликован в 1965 году в «Гэлакси», и очевидно, что Лафферти уже высмеивал одержимость американцев скоростью, наше преклонение перед богатством, статусом, «звездностью». Читая рассказ в наши дни, понимаешь, что автор предсказал и вирусную культуру Интернета – каким-то непонятным образом.

В самом начале рассказа попрошайка останавливает на улице прогуливающуюся парочку. «Да хранит вас ночь, – вежливо говорит он, прикасаясь к шляпе, – не могли бы вы одолжить мне тысячу долларов? Мне как раз хватит, чтобы поправить свои дела». Его манера речи напоминает изысканную вежливость знаменитого комика В. С. Филдса. Или даже Дж. Веллингтона Уимпи, мультипликационного героя и вороватого

дружка матроса Попая («Я с огромной радостью заплачу вам во вторник за сегодняшний гамбургер»). И попрошайка, и парочка к просьбе дать тысячу долларов относятся, как к чему-то само собой разумеющемуся. Вскоре мы понимаем, почему. После того, как в мозгу был устранен «барьер Абебайоса», люди обнаружили: «то, на что раньше уходили годы и месяцы, теперь делается в считанные минуты, и всего за восемь часов человек может пройти все ступени головокружительной карьеры».

И тут же всё – абсолютно всё – начинает раскручиваться очень быстро, а значит, ничто не продолжается долго. Попрошайке – его зовут Бэзил Бейгелбейкер – «через полтора часа предстоит стать самым богатым человеком в мире. За восемь часов он сможет сделать и потерять четыре состояния, причем не какую-нибудь мелочь для услады обывателя, а колоссальные капиталы».

За один вечер Идельфонса Импала, самая красивая женщина в городе, несколько раз выходит замуж и разводится. Ее медовый месяц с новоиспеченным богачом-изобретателем Фредди Фиксико – апофеоз китча: «Вода в знаменитых фонтанах подкрашена золотом, скалы – работы Рамблса, контуры холмов выполнены самим Спаллом. Пляж – точная копия мервальского. Самым популярным напитком в начале ночи был голубой абсент».

Медовый месяц «де люкс» продолжается час, после чего Идельфонса, сверившись с «индикатором тенденций», выясняет, что изобретение Фредди очень скоро выйдет из моды, и ее муж лишится состояния. Естественно, она тут же разводится. «За кого же мне теперь выйти замуж?» – задается вопросом Идельфонса в эту долгую-долгую ночь.

Тем временем Бэзил делает дела на Денежном рынке. «Он разрушил несколько возникших за последние два часа промыш-

ленных империй и неплохо погрел руки над их дымящимися руинами». Разумеется, его жену Джуди выбирают «самой роскошно одетой дамой на модный период до двух часов ночи».

В этом стремительном мире пьесы и фильмы длятся не больше шести минут, и Стэнли Скалдуггера выбирают «лучшим актером-имаго середины ночи». Максвелл Маузер решает написать глубокое философское исследование и посвящает этому целых семь минут своего времени. В этом ему помогает «указатель идей»: он включает его, устанавливает «активатор» на нужное количество слов, а затем, чтобы придать индивидуальность, вводит «калибратор специфической точки зрения и характерного авторского почерка». Получившееся произведение вмиг становится мега-популярным – «философский труд редкой глубины со времен первых часов ночи» – но к рассвету оно уже забыто и никому не нужно.

В «Долгой ночи со вторника на среду» Лафферти – набожный католик и человек консервативных взглядов – изображает общество бессмысленных стремительных перемен, где нет «постоянных городов» и начисто отсутствует всякая духовность. Люди живут одним моментом, ничто не имеет ценности или значения, ни одно сердце не разбивается навсегда. И все эти детали складываются в простую блестящую идею: если придать миру ускорение, он в итоге начнет напоминать кульминационный момент немого фарсового сериала «Кейстонские копы».

В рассказе «Семь дней ужаса» Лафферти пишет о гостиничном номере, который «по царящему в нем беспорядку напоминает опочивальню пьяного султана». Превосходное сравнение и к тому же отличный пример блистательно-метафоричного языка автора. Мы любим Лафферти за чистую радость, которую дарит его слово, за уникальную ироничную манеру изложения, за головокружительные повороты сюжета,

за умное лукавое подмигивание. Ожидать от него какой-либо логики, кроме логики Страны Чудес – значит лишить себя великого удовольствия. В конце концов, как говорит герой-раблезианец из рассказа «Одним днем», «сказка несовместима с рациональностью и реализмом».

Уверен, Лафферти согласился бы со своим героем.

Майкл Дирда

Молодую парочку, медленно бредущую по ночной улице, остановил попрошайка:

– Да сохранит вас ночь, – сказал он, прикоснувшись к шляпе, – не могли бы вы одолжить мне тысячу долларов? Этого мне вполне хватит поправить свои дела.

– Я же дал вам тысячу в пятницу, – ответил юноша.

– Точно, – произнес попрошайка, – и посыльный вернул ее вам в десятикратном размере еще до полуночи.

– Верно, Джордж, – вмешалась молодая женщина. – Дай ему, милый: по-моему, он такой славный!

Юноша вручил попрошайке тысячу долларов, тот выразил свою признательность, снова прикоснулся к шляпе и отправился поправлять дела. По пути к Денежному рынку он встретил Ильдефонсу Импалу – самую красивую женщину в городе.

– Ты выйдешь за меня замуж сегодня? – спросил он.

– Думаю, нет, Бэзил, – ответила она. – Я ведь не раз выходила за тебя, но сейчас у меня просто нет никаких планов. Впрочем, можешь сделать мне подарок со своего первого или второго состояния. Мне это всегда нравилось.

Когда они расстались, она все-таки задала себе вопрос: за кого же мне выйти сегодня?

Попрошайка звался Бэзил Бейгелбейкер, и через полтора часа ему предстояло стать богатейшим человеком в мире. За восемь часов он мог четыре раза сделать состояние и четырежды потерять его; причем не какую-нибудь мелочь, как заурядные люди, а нечто титаническое.

С тех пор, как в человеческом мозге был устранен барьер Абебайеса, люди научились принимать решения куда быстрее и качественней, чем раньше. Этот барьер был чем-то вроде интеллектуального тормоза, и когда пришли к выводу, что пользы от него никакой, его стали удалять в младенческом возрасте при помощи хирургической медицины.

С тех пор все преобразилось. Производство и доставка любых товаров стали практически мгновенными. То, на что ранее уходили месяцы и годы, теперь делалось в считанные минуты. Всего за восемь часов человек мог пройти все ступени головокружительной карьеры.

Фредди Фиксико только что изобрел манусную модулу. Фредди был никталоп, и подобные модулы были характерны для его типа. Все люди, в соответствии со своими наклонностями, делились на аврорейцев, гемеробрианцев и никталопов, или, как их попросту называли, на рассветников, которые активнее всего работали с четырех часов утра до полудня; поденок, которым доставалось время от полудня до восьми вечера; и полуночников, чья цивилизация умещалась между восемью вечера и четырьмя часами утра. Культура, изобретения, рынок и все виды деятельности были у них различны.

Как и у всех никталопов, в эту долгую ночь на среду рабочий день Фредди начинался в восемь часов вечера.

Фредди арендовал контору и обставил ее. Переговоры, выбор мебели, ее расстановка почти совсем не заняли времени. Затем он изобрел манусную модулу – на это ушла

минута. И тут же приступил к ее выпуску и продаже. Через три минуты новинка уже поступила к основным покупателям.

Модуля «пошла». Через тридцать секунд посыпались заказы. В десять минут девятого не осталось ни одного видного деятеля, у которого не было бы модной новинки. Вскоре модулы расходились миллионами, они стали символом этой ночи или, по крайней мере, ее начала.

Практического применения у манусной модулы не было никакого, как и у стихов Самеки. Она была привлекательна, обладала психологически привлекательными размерами и формой, ее удобно было держать в руках, или поставить на стол, или приладить к любой модульной нише в квартире.

Естественно, что на Фредди посыпались деньги. Ильдефонса Импала, самая красивая женщина в городе, всегда интересовалась нуворишами. Примерно в восемь тридцать она зашла к Фредди взглянуть на него. Люди теперь решали быстро, и Ильдефонса приняла решение сразу же. Фредди тоже стремительно сделал выбор и развелся с Джуди Фиксико в Суде по малым искам. Молодожены отправились проводить медовый месяц на курорт Параисо Дорадо.

Это было чудесно. (Все браки Ильды были чудесны). Сногшибательные окрестности, залитые лунным светом. Вода в знаменитых фонтанах подкрашена золотом, скалы – работы Рамблса, контуры холмов выполнены самим Спаллом. Пляж – точная копия мервальского. Самым популярным напитком в начале ночи был голубой абсент.

Но пейзаж – видишь ли ты его впервые или после перерыва – хорош только на время. И нечего засиживаться на одном месте. Заказанный и немедленно приготовленный ужин поглощался торопливо и радостно, и голубой абсент приносил удовольствие, пока был в новинку. Любовь для

Ильдефонсы и ее спутников была делом стремительным и увлекательным; они с Фредди заказали медовый месяц «Люкс» продолжительностью один час.

Фредди не прочь был бы продолжить, но Ильдефонса взглянула на индикатор тенденций. Популярность манусных модуль продержится только первую треть ночи. Те, кто более чутко следил за модой, уже начали от них отказываться. А Фредди не из тех, кого успех балует каждую ночь. Он преуспевал не чаще одного раза в неделю.

К девяти тридцати пяти они вернулись в город и развелись в Суде по малым искам.

Запасы манусных модуль были распроданы по дешевке, а остатки предстояло сбыть любителям покупать уцененные товары. Рассветники раскупают что ни попадя.

– За кого я выйду теперь? – спросила себя Ильдефонса. – Уж больно медленно тянется эта ночь!

«Бейгелбейкер покупает!» – разнеслось по Денежному рынку. Но прежде, чем эта весть успела обежать всех, Бейгелбейкер уже снова продавал. Бэзил наслаждался, делая деньги, и смотреть на него было одно удовольствие, когда он заправлял всем рынком и цедил приказания армии посыльных и клерков. С его плеч сняли лохмотья попрошайки и облачили в тогу. Он направил посыльного, чтобы вернуть в двадцатикратном размере сумму, которую одолжила ему молодая парочка. Другой посыльный отправился к Ильдефонсе Импале с куда более значительной суммой: Бэзил высоко ценил их отношения.

Он разрушил дотла несколько возникших за последние два часа промышленных империй и неплохо погрел руки над их дымящимися руинами. Вот уже несколько минут как он стал богатейшим человеком на свете. Он был битком

набит деньгами и уже не мог маневрировать с прежней ловкостью, как какой-нибудь час назад. Он зажирел, и стая матерых волков кружилась рядом, выжидая момент, чтобы схватить его за горло.

Вскоре ему предстояло потерять первое из состояний этой ночи. Бэзил отличался широтой: после того, как он готов был лопнуть от денег, Бэзил умел получать удовольствие, лихо спуская заработанное.

... Один глубокомысленный человек по имени Максвелл Маузер создал труд по актинической философии. На это ему потребовалось семь минут. Для того, чтобы написать труд по философии, нужно использовать гибкие наброски и указатели идей.

Затем следует запустить все полученные формулировки в активатор. Глубокий знаток вводит туда еще материал по парадоксам и подключает смеситель поразительных аналогий, а также калибратор специфической точки зрения и характерного авторского почерка. Это, конечно, должна была быть высококлассная работа, ведь выдающееся мастерство стало уже автоматическим минимумом для произведений такого рода.

– Для остроты нужно добавить немножко пикантностей, – решил Максвелл и нажал соответствующую кнопку. Просыпалась пригоршня оборотных словечек: «хтонический», «эвристический», «прозимеиды», – и теперь уже никто не мог усомниться в том, что держит в руках философский труд редкой глубины.

Максвелл Маузер послал рукопись издателям, после чего она стала возвращаться обратно примерно через каждые три минуты. И всякий раз прилагался подробный анализ его труда с изложением причин, по которым рукопись не принята к печати, – главным образом потому, что такие ра-

боты уже выполнялись и на более высоком уровне. За тридцать минут Макссуэлл получил десять отказов и впал в уныние.

И вдруг наступил перелом.

В следующие десять минут огромным успехом стал пользоваться труд Ладиона, и одновременно было признано, что монография Маузера может служить как ответом на ряд поставленных в труде вопросов, так и своеобразным дополнением к нему. Не прошло и минуты, как произведение Маузера было принято и опубликовано. В первые пять минут рецензии еще носили осторожный характер, а потом вспыхнул подлинный энтузиазм. Несомненно, это был воистину один из крупнейших философских трудов, увидевших свет в начале и середине ночи. Некоторые даже утверждали, что создано произведение, которое переживет часы и, может быть, даже на следующее утро найдет путь к сознанию рассветников.

Само собой, Макссуэлл стал очень богат, и само собой, примерно в полночь Ильдефонса заглянула к нему. Он был революционно мыслящий философ, презирающий условности в любви, но Ильдефонса настояла на браке. Так что Макссуэлл развелся с Джуди Маузер в Суде по малым искам и отправился вместе с Ильдефонсой в свадебное путешествие.

Эта Джуди, хотя и была не так красива, как Ильдефонса, но обладала феноменальной интуицией и постоянно опережала соперницу. Таким образом, Ильдефонса считала, что уводит мужчин у Джуди, а Джуди убеждала всех, что это она оставляет сопернице объедки.

– Но первая, кого он выбрал, – была я! – издевательски бросила она Ильде, пробираясь сквозь толпу в Суде по малым искам.

– Это невыносимо! – стонала Ильдефонса. – Скоро она начнет носить мою прическу раньше меня.

Максуэлл Маузер и Ильдефонса Импала отправились проводить медовый месяц на курорт Мюзикбокс-Маунтин. Это было чудесное место. Горные пики были отделаны зеленым снегом по мотивам Данвара и Фиттла. (А тем временем на Денежном рынке Бэзил Бейгелбейкер сколотил уже третье – самое большое состояние этой ночи, которое превосходило по размеру даже его четвертое состояние минувшего четверга). Шале, где поселились Максуэлл с Ильдефонсой, было пошвейцаристей самой Швейцарии, в каждой комнате жил настоящий горный козел. (А в это время стал возвышаться Стэнли Скулдуггер – создатель блестящих образов, ведущий артист середины прошлой ночи). Самым популярным напитком этого периода был глотценглуббер с рейнвейном, который полагалось охлаждать розовым льдом. (А между тем в городе видные никталопы собирались на полуночный перерыв в Клубе носителей цилиндров).

Конечно же, это было чудесно – как и каждый медовый месяц Импалы. Только вот она никогда не была сильна в философии, поэтому заказала специальный тридцатиминутный медовый месяц. Чтобы избавиться от сомнений, она сверилась с индикатором тенденций. Оказалось, ее супруг уже устарел, его опус стал предметом всеобщих насмешек, и называли его не иначе как «ржавый маузер». Она вернулась в город и развелась в Суде по малым искам.

Состав Клуба носителей цилиндров был непостоянным. Чтобы оставаться членом Клуба, необходимо преуспевать. За одну ночь Бэзил Бейгелбейкер от трех до шести раз мог оказаться членом Клуба, стать его президентом и быть исключенным из состава. На членство могли рассчитывать

только влиятельные лица – или те, кто пользовался в данный момент влиянием.

– Я, пожалуй, посплю утром, когда рассветники встанут, – сказал Оверколл. – Попробую-ка съездить на часок в новый Космополис. Говорят, там неплохо. А ты где будешь спать, Бэзил?

– Видно, в ночлежке.

– Думаю поспать часок по методу Мидиана, – сказал Бернбаннер. – Мне сообщили, что построена отличная клиника. А может быть, сначала посплю способом Прасенка, а потом – по Дормидио.

– А вам известно, что Крекл каждые сутки один час спит естественным методом? – спросил Оверколл.

– Я пробовал этот способ – на полчаса, – сказал Бернбаннер. – Но это уж слишком. А ты, Бэзил, когда-нибудь пробовал?

– Естественный способ и бутылочка виски – почему бы нет?

На целую ночь Стэнли Скулдуггер стал яркой кометой на всем театральном небосводе. Естественно, он разбогател, и около трех часов утра Ильдефонса заглянула к нему.

– А я была первой! – послышался язвительный голосок Джуди Скулдуггер, которая выскакивала из Суда по малым искам после развода. И Ильдефонса со своим Стэнли отравились проводить медовый месяц. Ведь это так здорово – закончить ночь с ведущим мастером артистических обменов! В актерах всегда есть что-то от подростка, какая-то неуклюжесть, что ли. И, кроме того, известность, что всегда импонировало Ильдефонсе.

Слава ширилась. Продержится ли она еще десять минут? Или тридцать? Или целый час? А вдруг этому браку

суждено продлиться весь остаток ночи и дожить до дневного света? Ведь бывали же случаи, когда супружество длилось до следующей ночи!.. Браку удалось продержаться еще целых сорок минут – чуть ли не до конца периода.

Очень долгая была эта ночь со вторника на среду. На рынок выбросили несколько сотен новых товаров. В театрах состоялся добрый десяток сенсаций – трех- и пятиминутных капсульных драм и несколько шестиминутных постановок.

Многоэтажные здания возводились, заселялись, устаревали, сносились, чтобы освободить место для более современных сооружений. Только посредственность могла позволить себе жить в доме, оставшемся еще со времени поденок, рассветников или даже никталопов предыдущей ночи. За эти восемь часов город был перестроен чуть ли не полностью три раза.

Период близился к концу. Бэзил Бейгелбейкер – самый богатый человек в мире, президент Клуба носителей цилиндров – развлекался вместе со своими друзьями. Четвертое состояние, которое он заработал этой ночью, – это была целая бумажная пирамида, уходившая вершиной в небеса, и Бэзил только посмеивался, смакуя воспоминания о том, как он этого достиг.

Трое служащих Клуба носителей цилиндра приближались к нему решительным шагом.

– Убирайся отсюда, бродяга поганый, – свирепо накинулись они на Бэзила, содрали с него тогу и швырнули ему драные лохмотья попрошайки.

– Все пропало? – спросил Бэзил. – А я думал, минут пятнадцать дело еще протянет.

– Все рухнуло, – сказал посыльный с Денежного рынка. – Девять миллиардов в пять минут. Да кое-кого еще с собой прихватили.

– Вышвырните отсюда этого разорившегося подонка, – заорали Оверколл и Бернбаннер, а за ними и все остальные закадычные друзья.

– Погоди-ка, Бэзил, – спохватился Оверколл, – сдай сначала президентский посох, пока мы еще не спустили тебя с лестницы. Все-таки завтрашней ночью ты его снова получишь разок-другой.

Период закончился. Никталопы разбрелись по клиникам, чтобы поспать, и по разным тихим местечкам, где можно переждать отлив. За дело брались уже аврорейцы-рассветники.

Вот теперь-то жизнь закипит ключом! Рассветники – вот кто умеет быстро принимать решения. Они не мешкают ни минуты, затевая любое дело.

Сонный попрошайка повстречался на улице с Ильдефонсой Импалой.

– Да хранит нас нынешнее утро, – сказал он. – Следующей ночью пойдешь за меня?

– Наверное, Бэзил, – ответила она. – А ты женился этой ночью на Джуди?

– Не припоминаю... Одолжи-ка мне пару долларов, Ильди.

– Ну, конечно. Знаешь, Джуди Бейгелбейкер, наверное, получит звание самой роскошной женщины нынешнего сезона мод за весь период... А зачем тебе два доллара, дорогой?

УЗКАЯ ДОЛИНА

«Узкая долина» – пожалуй, самая понятная и близкая к обыденной человеческой жизни сказка Рэя Лафферти. Наверняка вы были бы не против, окажись у вас в соседях ее герои: конечно же, Кларенс Малое Седло и его отец Кларенс Большое Седло; но и толстяк из земельного отдела тоже сгодится, равно как и фермер мистер Даблин, который обожает ради шутки постреливать из винтовки в своих друзей. Естественно, и таинственно-вездесущий Вилли Макджилли, и не одна, а целых две очень умных девчушки. (Братья у них тоже смекалистые, но у Лафферти был особый дар изображать именно умных девочек). Правда, Роберт Рэмпарт – не слишком приятный персонаж, но в семье из семи человек он один такой, а это уже хорошо. Честно, я даже не помню, скольких знакомых превратил в страстных поклонников Лафферти, вручив им сборник «Девятьсот бабушек» и тыкнув пальцем в «Узкую долину»: «Вот, прочитай его для начала!»

Этот рассказ легко полюбить.

Именно «Узкую долину» надо благодарить за то, что прозе Лафферти начали приписывать сильное влияние американского фольклора и народных сказок. Безусловно, один из его самых эффектных приемов – невозмутимое повествование о самых невероятных событиях. И да, внутреннюю жизнь героев он почти всегда игнорирует, – нет, он не Генри Джеймс. Если персонажа Лафферти ограбили, автор даст ему встать, открыть

рот, сообщить, что случилось, и громко пожаловаться на жизнь. А если женщина заскучает, то она прямо так об этом и скажет. Так что утверждение насчет влияния сказок отчасти верно.

И все же, современные сказки писали и пишут многие, но никто не сумел даже приблизиться к «Барду из Талсы». Взять хотя бы «лирические отступления» вроде речи Кларенса Малое Седло об индейском военном головном уборе или лекцию об огромной луне на горизонте. Или изящное использование диалектных слов. Или очаровательные смешные шутки, или восхитительную пародию на речи ученых. Сказки всегда просты и прямолинейны. «Узкая долина» – совсем наоборот. Это сложная тонкая работа, выполненная очень непростым человеком.

Можно многое сказать об авторе по тому, чью сторону он принимает. За этим рассказом стоят невеселые события прошлого, и Лафферти, который знал историю Оклахомы вдоль и поперек, прекрасно понимал, о чем пишет. В начале семнадцатого века шестьдесят тысяч индейцев пауни владели огромными землями, а в 1893... что было дальше, прочитаете сами в первом же абзаце. Тем не менее, как ни парадоксально, «Узкая долина» – один из самых светлых и радостных рассказов Лафферти, ода стойкости и человеческому достоинству.

Ну и, как я уже сказал, его легко полюбить. Сами увидите.

Майкл Суэнвик

В 1893 году оставшиеся индейцы пауни – всего числом восемьсот двадцать один – получили в собственность личные земельные наделы. Каждому досталось по сто шестьдесят акров, и ни акром больше. Предполагалось, что пауни, осевшие на земле, будут платить в казну подоходный налог.

– Киткехахке!¹ – чертыхнулся Кларенс Большое Седло. – Сто шестьдесят акров! Да на них и собаку не выгуляешь! Еще и налог! Сроду не слышал ни о каких налогах.

Он выбрал себе чудесный зеленый участок, один из тех шести, которые с давних пор считал своими. На участке построил летний вигвам, потом обложил его дерном, и получилось жилище на все времена года. Но, конечно, никакого налога он платить не будет – ишь чего захотели!

Кларенс разжег огонь, бросил в него кору с листьями и произнес заклинание.

– Будь моя земля всегда зеленая и цветущая. И широкая-преширокая, – говорил он нараспев, как все индейцы пауни. – А сунутся чужаки, стань земля тесной расщелиной.

У него не было под рукой еловой коры, и он бросил в огонь немного кедровой. Не было бузины – бросил пригоршню дубовых листьев. Но слово-то он забыл, а заклятье без слова не действует. И Кларенс, рассчитывая обмануть богов, крикнул во всю глотку:

– Питахауират!¹

И тихонько добавил про себя:

– Это слово такое же длинное, как и в заклятии.

И все же он сомневался.

– Я что, безмозглый дурак? Белый человек? Конь с ключками в хвосте? Поверить, что заклятье подействует?! Даже самому смешно! Впрочем, ничего не поделаешь.

Бросил в огонь остатки коры с листьями, снова прокричал обманное слово. И вдруг ему в ответ небо озарила яркая летняя молния.

– Скиди!¹ – изумился Кларенс Большое Седло. – Сработало! Вот уж не думал!

¹Название одного из четырех племен пауни.

Кларенс Большое Седло много лет прожил на своей земле. Никогда не платил налогов, и никто чужой к нему не вторгался. Участок три раза пытались продать, но никто на него не позарился. В конце концов его внесли в земельный реестр как свободную землю. Несколько раз отводили поселенцам, но никто не смог на нем обосноваться.

Прошло полвека. И вот однажды Кларенс Большое Седло кличет своего сына.

– Я устал от жизни, мой мальчик, – сказал он. – Пойду домой и помру.

– Ступай, отец, – ответил его сын Кларенс Малое Седло. – А я спешу в город: хочу покатать шары с друзьями. Вернусь к вечеру и похороню тебя.

Так Кларенс Малое Седло стал наследником этой земли. Он тоже прожил на ней много лет и тоже не платил налога.

Как-то в здании местного суда поднялся переполох. Можно было подумать, в суд ворвались грабители. Но это была всего лишь семья – мужчина, женщина и пятеро детей.

– Я Роберт Рэмпарт, – представился мужчина. – Нам нужен земельный отдел.

– Я Роберт Рэмпарт-младший, – сказал крутой парень лет девяти. – Он нам очень нужен, черт побери, и как можно скорее.

– По-моему, у нас нет такого отдела, – пожала плечами девушка за конторкой. – Но, помнится, много лет назад что-то подобное было.

– Незнание не оправдывает бестолковости, моя дорогая, – вступила в разговор восьмилетняя Мэри Мейбл Рэмпарт, которой можно было дать и восемь с половиной. – Вот напишу жалобу, и посмотрим, кто будет завтра сидеть на вашем месте.

– Вы, видно, заехали не в тот штат или ошиблись столетием, – сказала девушка.

– Закона о поселенцах еще никто не отменял, – настаивал Роберт Рэмпарт. – В этом округе есть свободный участок. И я хотел бы, чтобы его отвели мне.

Толстяк за дальним столом призывно подмигнул Сесилии Рэмпарт, и она порхнула к его столу.

– Привет, – переведя дыхание, сказала она. – Я Сесилия Рэмпарт, мое сценическое имя Сесилия Сан Жуан. Или семилетние, по-вашему, не могут выступать в амплу инженю?

– К вам это не относится, – любезно ответил толстяк. – Позовите-ка сюда ваших родителей.

– Вы знаете, где находится земельный отдел?

– Конечно. Четвертый левый ящик моего стола. Это самый маленький отдел в нашем суде. Мы очень редко в него заглядываем.

Семейство Рэмпартов ринулось к толстяку. А он уже доставал бумаги из ящика.

– Вот проспект этого участка... – начал было Роберт Рэмпарт. – А, вы его уже нашли? Как вы догадались?

– Я давно здесь работаю, – ответил толстяк.

Документы оформили быстро. И Роберт Рэмпарт с семьей стали поселенцами.

– Но вы не сможете жить на этой земле, – предупредил толстяк.

– Это почему же? – спросил Рэмпарт. – С моим участком что-то не так?

– Похоже на то. На нем еще никто не смог поселиться. Заколдованное место.

– Что ж, постараюсь расколдовать. И либо поселюсь на нем, либо дознаюсь, где собака зарыта.

– Вряд ли это возможно. Последний поселенец записал эту землю на себя лет десять назад, но осесть на ней так и не смог. И толком не объяснил, что этому препятствовало. Помучился с семьей дня два и махнул рукой. Ну и лица у них были, скажу я вам! До сих пор помню.

Рэмпарты покинули здание суда, погрузились в автофургон и поехали искать свой участок. Остановились у дома Чарли Даблина, владельца скотного двора и пашни. Даблин, явно навеселе, встретил их широкой улыбкой.

– Я вас провожу, если не возражаете. Лучше идти пешком через мое небольшое пастбище. Ваш участок строго на запад.

Идти до забора было недалеко.

– Меня зовут Том Рэмпарт, – завел по дороге разговор шестилетний Том. – Но мое настоящее имя Рамирес. Я плод опрометчивого поступка моей матери, когда она несколько лет тому назад ездила в Мексику.

– Мальчик любит шутить, мистер Даблин, – произнесла в свою защиту Нина Рэмпарт. – Я никогда не была в Мексике. Но иной раз кажется, так бы и сбежала на край света.

– Понятное дело, миссис Рэмпарт. А как зовут парня по-младше? – поинтересовался Чарли Даблин.

– Жиртрест, – ответил пятилетний Рэмпарт.

– Это, конечно, не настоящее имя?

– Одифакс, – буркнул Жиртрест.

– Одифакс, значит. Ты, Жиртрест, тоже любишь пошутить?

– Он делает успехи на этом поприще, мистер Даблин, – ответила Мэри Мейбл. – А ведь всего неделю назад он был одним из близнецов. Второго звали Скелет. Маман ушла промочить горло и бросила детей без присмотра. А поблизости отирались бродячие собаки. Когда мама вернулась

под градусом, знаете, что осталось от Скелета? Две шейных косточки и одна лодыжка. И все.

– Бедняга, – покачал головой Даблин. – Ну вот, Рэмпарт, за этим забором заканчивается моя земля и начинается ваша.

– А эта канава на моей земле? – показал рукой Рэмпарт.

– Эта канава и есть ваша земля.

– Прикажу ее засыпать. Она такая узкая и глубокая. Это опасно. А второй забор за ней очень неплох. Держу пари, нас ожидает за ним отличный кусок земли.

– Нет, Рэмпарт, земля за вторым забором принадлежит Холистеру Хайду. Ваша земля тем забором и заканчивается.

– Пойдите, пойдите, Даблин! Это какая-то чепуха. Мой участок – сто шестьдесят акров земли, то есть шестьдесят четыре гектара с лишним. Значит, одна его сторона должна составлять не меньше восьмисот метров. Ну и где они?

– Между двумя заборами.

– Но тут и трех метров нет.

– Это видимость, Рэмпарт. Возьмите камень – вон их сколько – и бросьте на ту сторону.

– Бросать камни – мальчишеская забава! – взорвался Рэмпарт. – А мне нужна моя земля!

Детям, однако, забава пришлась по вкусу. Они набрали камней и давай швырять через расщелину. Камни вели себя очень странно. Летя в воздухе, уменьшались, а сделавшись размером с гальку, падали в расщелину, не достигнув противоположного края. Никто не сумел перебросить через нее ни одного камня. А уж швырять камни дети умели.

– Вы и ваш сосед поделили между собой свободную землю и втихую переставили свои заборы, – обвинил Рэмпарт Даблина.

– Ничуть не бывало, – добродушно улыбнулся Даблин. – Моя земля отмерена точно. Как и земля Хайда. Да и ваша тоже, если б вы могли ее измерить. Все это похоже на трюки топологического пространства. Отсюда дотуда – те самые восемьсот метров, но взгляд почему-то теряет это пространство на полдороге. Это и есть ваша земля. Перелезайте через забор и осмотритесь.

Рэмпарт перелез через забор и приготовился прыгнуть в расщелину. Но передумал, увидев ее глубину. Вширь же она была не более полутора метров.

У забора лежало тяжелое бревно, заготовленное для углового столба. Рэмпарт с трудом поднял его за один конец. Подтащил к краю и перекинул через расщелину. Но бревно, не достав противоположного края, сорвалось вниз. Это было странно. Бревно длиной два с лишним метра должно было перекрыть полутораметровый проем. Но оно упало в расщелину и стало вращаться. Такое впечатление, что катится вперед, а на самом деле летит строго по вертикали вниз. Зацепившись за каменный выступ, бревно остановилось. Оно казалось так близко, что Рэмпарт мог бы, нагнувшись, коснуться его рукой. Выглядело оно теперь не больше спички.

– Что-то неладное с этим бревном. Или со всем миром? Или с моими глазами? Хотя голова вроде не кружится...

– Мы тут с соседом Хайдом придумали игру. Подходим каждый к своему забору. У меня с собой ружье на крупную дичь. Он стоит на своей стороне, менее чем в трех метрах отсюда. Целюсь ему в лоб, а я меткий стрелок. Стреляю, даже слышу свист пули. И я бы его убил, если бы то, что видят глаза, соответствовало действительности. Но никакой опасности для Хайда нет. Пуля всегда попадает вон в то место, метрах в десяти ниже. Оно все в выщерблинах. Я вижу

брызги осколков, а секунды через две слышу, как они погромыхивают о камни.

В небе кружил козодой – в народе его еще зовут ночным соколом. Прямо над расщелиной он взмыл, потом спикировал вниз и оказался ниже ее краев. Сперва козодой был хорошо виден на фоне противоположной стены. Но становился все меньше, неразличимее, словно до него метров триста. Белые полоски на крыльях стали невидимы, да и сама птица почти исчезла. Она была глубоко у другой стороны расщелины, ширина которой – около двух метров.

За вторым забором появился человек. Это был, по словам Даблина, Холлистер Хайд. Он шел улыбаясь и приветственно махал рукой, что-то кричал, но слов было не разобрать.

– Мы с Хайдом научились читать по губам, – сказал Даблин. – Так что довольно легко можем переговариваться через эту канаву. Ребятки, хотите сыграть в «кто первый струсит»? Хайд бросит в кого-нибудь увесистый камень. Кто отпрыгнет или присядет – трус.

– Я, я хочу! – закричал Одифакс.

И Хайд, крупный мужчина с сильными руками, швырнул устрашающего вида зазубренный камень в голову пятилетнего мальчика. Он бы, конечно, размозжил ее, если бы то, что видят глаза, соответствовало действительности. Но камень на лету уменьшился до размера гальки и упал в расщелину. Это было непонятно и странно. По обе стороны предметы имели свойственные им размеры. Но, как только оказывались в воздухе над расщелиной, уменьшались в разы.

– Мы все будем играть? – спросил Роберт Рэмпарт-младший.

– Играйте, если хотите. Но оставаясь здесь, внизу не окажешься, – сказала Мэри Мейбл.

– Кто не рискует, тот не получает удовольствия, – сказала Сесилия. – Это из рекламы одной порнокомедии.

И все пятеро младших Рэмпартов бросились в расщелину. Посыпались туда, как горох. Казалось, они бегут по отвесной стене. Возможно ли это? Расщелина шириной не больше двух шагов. Она их уменьшила, поглотила живьем. Вот каждый из них уже размером с куклу. С желудь. Прошло три минуты, пять, а они всё бегут в расщелине шириной полтора метра. Чем ниже уходят, тем меньше становятся.

Роберт Рэмпарт перепугался и закричал. Его жена Нина зарыдала. Потом вдруг перестала.

– Что это я разревелась? – укорила она себя. – По-моему, это весело! Помчусь-ка я вдогонку!

Она нырнула вслед за детьми, уменьшилась, как они, в размерах и побежала, покрыв расстояние около девяноста метров в расщелине шириной полтора метра.

А Роберт Рэмпарт, не тратя времени зря, поднял бучу. Вызвал к расщелине шерифа и дорожную полицию. Канавка похитила у него жену и пятерых детей, стенал он, и, возможно, убила их! А если кто-то вздумает смеяться над ним, произойдет еще одно убийство! Он воззвал к полковнику, возглавляющему местное управление Национальной гвардии, и возле расщелины организовали сторожевой пост. Прилетели даже два самолета. У Роберта Рэмпарта было одно качество: когда он начинал причитать во весь голос, людям ничего не оставалось, как спешить ему на помощь.

Он зазвал репортеров из ближайшего города и пригласил именитых ученых – доктора Вонка Великова, Арпада Аркабаряна и Вилли Макджилли. Эта троица всегда была под рукой: вечно они первыми оказываются там, где случается что-то интересное.

Именитые ученые накупились на феномен со всех четырех сторон, исследовали как внутренние, так и внешние его свойства. Если у плоскости каждая сторона равна восьмистам метрам и они представляют собой прямые линии, в середине непременно должно что-то быть.

Были проведены аэрофотосъемки. Снимки показали, что Роберт Рэмпарт владеет самым прекрасным в стране участком площадью сто шестьдесят акров, или же шестьдесят четыре гектара. Большую его часть занимает тучная зеленая долина. И находится участок именно там, где и полагается. Более подробные снимки показали красивую, шириной около восьмисот метров полосу земли между усадьбами Чарли Даблина и Холлистера Хайда. Но человек не фотокамера. Собственными глазами никто из ученых этой полосы не видел. Где же она?

Впрочем, сама долина не имела никаких странностей. Она была шириной восемьсот метров и от краев полого снижалась к центру. Перепад составлял около двадцати пяти метров. Внизу было тепло и привольно, свежие луга и пашни ласкали глаз. Долина очень понравилась Нине и детям. Но кто-то на их земле уже поставил небольшое строение. Не то жилище, не то сарай. Его стен никогда не касалась малярная кисть. Хотя его покрасить – только испортить. Оно было сооружено из расколотых повдоль бревен, гладко зачищенных с помощью топора и ножа и склеенных между собой белой глиной. Снизу до половины строение было обложено дерном. Рядом с ним стоял бессовестный посягатель на чужую землю.

– Эй, послушайте! Что вы делаете на нашей земле? – спросил у мужчины Роберт Рэмпарт-младший. – Немедленно убирайтесь, откуда пришли! О, вы к тому же еще и вор. Вся ваша скотина наверняка краденая.

– Только вон тот теленочек, черный с белым, – ответил Кларенс Малое Седло. – Виноват, не смог удержаться. А все остальные мои. Думаю, мне следует ненадолго остаться и помочь вам устроиться.

– А дикие индейцы здесь есть? – спросил Пончик Рэм-парт.

– Как вам сказать. Я раз в квартал напиваюсь и тогда становлюсь чуточку диким. Да еще братья осаджи¹ из бара «Серая кобыла» шумят время от времени. Вот, пожалуй, и все, – ответил Кларенс Малое Седло.

– Надеюсь, вы не собираетесь примазаться к нам под видом индейца? – произнесла с вызовом Мэри Мейбл. – Потому что ничего не выйдет. Мы люди ушлые.

– Девочка, с тем же успехом ты можешь сказать этой корове, что она никакая не корова – раз вы такие ушлые. А она знает, что она короткорогая корова и зовут ее Сладкая Вирджиния. А я индеец пауни по имени Кларенс. Хоть убейте меня, а это так.

– Если вы индеец, где ваш головной убор из перьев? Что-то я не вижу ни одного пера.

– От кого ты слышала про эти головные уборы? Кстати, еще ходят слухи, что у нас на голове перья вместо волос. Рассказал бы одну смешную историю, да не могу при такой маленькой девочке. А ну-ка ответь: чем докажешь, что ты белая девочка, раз у тебя на голове нет железного ломбардского шлема? Или ты ждешь, что я без этого шлема поверю, что ты белая девочка? И что твои предки приехали сюда из Европы пару столетий назад? Есть шестьсот индейских племен, но только индейцы сиу носят военный головной убор.

¹ Индейцы осаджи, представители одного из равнинных племен.

– Ваше сравнение хромает, – укорила его Мэри Мейбл. – Мы встречали индейцев во Флориде и Атлантик-Сити. Они носят головные уборы из перьев, и я не думаю, что они – сиу. А вчера в мотеле мы смотрели по телику, как массачусетские индейцы надели на Президента головной убор из перьев и назвали его Великий Белый Отец. Или вы хотите сказать, все это обман? Так кто же будет смеяться последним?

– Если вы индеец, где ваш лук и стрелы? – спросил Том Рэмпарт, – Держу пари, вы даже стрелять не умеете.

– Вот тут ты прав, – согласился Кларенс. – Всего раз в жизни я стрелял из этой штуковины. В нашем городке, в Саду камней, как-то устроили соревнование лучников. Кто хотел, брал напрокат лук со стрелами и стрелял в набитый сеном мешок. Я содрал всю кожу с руки и палец чуть не сломал, когда натянул тетиву и выстрелил. Совсем не умею обращаться с луком. И не верю, что из него вообще можно стрелять.

– Ладно, дети, хватит болтать, – обратилась к своему выводу Нина Рэмпарт. – Надо это строение очистить от мусора, чтобы можно было вселиться. Скажи, Кларенс, как-нибудь можно сюда пригнать наш автофургон?

– Ну конечно. Сюда ведет отличная грунтовая дорога. Она гораздо шире, чем кажется сверху. У меня в вигваме валяется пачка неоплаченных счетов в тряпице. Пойду заберу их и заодно наведу порядок. Дом не мыли и не убирали с тех пор, как приходили предыдущие новые владельцы. Но я сперва провожу вас наверх. И вы доставите сюда ваш фургон.

– Эй ты, старый индеец, ты все врешь! – крикнула из вигвама Сесилия Рэмпарт. – У тебя, оказывается, есть военный головной убор! Можно я его возьму?

– Я и не думал врать. Просто забыл про него, – сказал Кларенс Малое Седло. – Мой сын Кларенс Голая Спина прислал мне его из Японии. Шутки ради много лет назад. Конечно, можешь его взять.

Дети принялись выносить мусор из дома и жечь на костре. А Нина Рэмпарт и Кларенс Малое Седло отправились к краю долины по грунтовой дороге, которая была гораздо шире, чем казалась сверху...

– Нина, ты вернулась! Я думал, что больше никогда тебя не увижу. – Роберт Рэмпарт чуть не разрыдался от счастья. – А где же дети?

– Как где? В нашей долине. То есть в этой узкой расщелине. Ты опять меня нервируешь. Я вернулась за фургоном. Его надо перегнать туда и разгрузить. Роберт, нам нужна твоя помощь. И перестань, пожалуйста, болтать с этими нелепыми джентльменами.

И Нина поспешила к дому Даблина за фургоном.

– Легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем этой смелой женщине въехать на машине в столь узкий проем, – сказал именитый ученый, доктор Вонк Великов.

– Знаете, как верблюд это сделал? – спросил Кларенс Малое Седло, взявшийся неизвестно откуда. – Он просто зажмурил один глаз, прижал уши к голове и пролез. Верблюд становится совсем маленький, когда зажмурит один глаз и прижмет уши. К тому же, иголка была с очень большим ушком.

– Откуда взялся этот сумасшедший? – подпрыгнув чуть не на метр, возопил Роберт Рэмпарт. – Из земли начинает появляться черт те что. Хочу мою землю! Хочу к моим деткам! Хочу к жене! Уф! Вон, кажется, она едет. Прошу тебя, Нина, не пытайся въехать в расщелину на груженом фурго-не. Ты погибнешь или опять исчезнешь!

Нина Рэмпарт направила фургон к краю узкой расщелины на довольно большой скорости. Скорее всего, она зажмурила один глаз. Фургон уменьшился и покатил вниз. Он стал меньше игрушечной машинки, но поднял облако пыли, покрыв расстояние в несколько сотен метров в расщелине шириной полтора метра.

– Видите ли, Рэмпарт, это явление сродни феномену, известному под названием «mareво», только наоборот, – стал объяснять именитый ученый Арпад Аркабаранян и, размахнувшись, бросил через расщелину камень. Камень полетел в воздухе, завис в самой высокой точке, уменьшился до размера песчинки и упал в полуметре от края. Никто не может перебросить камень через участок, ширина которого восемьсот метров, пусть даже на глаз кажется, что всего полтора.

– Вспомните, Рэмпарт, – продолжал именитый ученый, – как иногда восходит луна. Она выглядит огромной, кажется, покрыла треть горизонта, а на самом деле заняла всего полградуса. Чтобы заполнить весь оком горизонта, требуется поместить бок о бок семьсот двадцать таких лун, и сто восемьдесят, чтобы соединить горизонт и точку зенита. В это просто трудно поверить. И точно так же трудно поверить, что этот участок в тысяча двести раз больше того, что видят наши глаза. Но деваться некуда – зафиксировано фотосъемкой.

– Хочу мою землю. Хочу к детям. Хочу к жене, – уныло затанул Роберт Рэмпарт. – Какая-то чертовщина, я опять ее упустил...

– Знаете, что я вам скажу, Рэмпарт, – не выдержал Кларенс Малое Седло. – Мужчина, который дважды упустил свою жену, попросту ее недостоин. Даю вам сроку до вечера. Не вернете жену, вам крышка. Мне по сердцу пришлось

ваши детки. Сегодня вечером один из нас будет локти кушать.

В конце концов, вся компания отправилась в небольшую харчевню, что на дороге между Кливлендом и Осаждем. До нее было всего восемьсот метров. Протянись участок не на запад, а на восток – он бы находился в двух шагах от нее.

– Это явление – психический нексус¹ в виде удлинненного купола, проще сказать, головы, – начал именитый ученый доктор Вонк Великов. – Он сохраняется благодаря бессознательному сцеплению по крайней мере двух мозгов, один из которых, более сильный, принадлежит человеку, умершему много лет назад. Этот нексус существует, по-видимому, чуть менее века. На протяжении следующих ста лет он постепенно будет слабеть. Нам известно из европейского, а также из камбоджийского фольклора, что подобные зачарованные образования редко живут более двухсот пятидесяти лет. Человек, воплотивший в жизнь подобную вещь, обычно теряет к ней интерес, как и к другим мирским вещам, в течение ста лет после своей смерти. Это предельный психо-танатомический² срок. Как тактический прием, краткосрочный психонексус неоднократно применялся в военных целях. Покуда нексус в состоянии поддерживать собственное бытие, он порождает групповые иллюзии. Но, в общем, все это достаточно просто. Такой нексус не может обмануть ни птицу, ни кролика, ни камеру. Только человека. Погодные условия здесь не при чем. Это чистая психология. Я очень рад, что сумел дать научное объяснение этому феномену, иначе лишился бы покоя.

¹Группа связанных между собой предметов, или же способ их сцепления.

²Танатос – древнегреческий бог смерти. В психоанализе Эросу (влечению к жизни) противопоставлен Танатос (влечение к смерти).

– Это явление – геофизический дефект вкупе с ноосферическим, – высказал свое мнение именитый ученый Арпад Аркабаранян. – Ширина долины действительно восемьсот метров и, в то же время, всего полтора. Если мы измерили верно, у нас получился двойственный результат. Разумеется, дело здесь в погодных условиях. Все явления в мире, включая сны, зависят исключительно от погоды. Обманулись именно камеры и животные, поскольку измерение им несвойственно. Только человек способен постичь истинную двойственность. Это обычное дело, если смотреть на него с точки зрения геофизических дефектов. Суть одного из них: земля может либо приобрести, либо потерять восемьсот метров, которые непременно должны где-то возникнуть. К примеру, они могут протянуться вдоль всей полосы Кросс-тибер¹ от юго-востока Канзаса через центральную Оклахому до Техаса. И даже деревья там могут появиться те же самые. Человек в здравом уме и твердой памяти будет возделывать землю на этих восьмистах метрах, разводить скот, но на самом деле этих метров не существует. Очень похоже на один район в германском Шварцвальде² – называется *Luftspiegelungthal*. То он есть, то отсутствует, в зависимости от обстоятельств и отношения к нему наблюдателя. Или Безумная гора в Моргане, штат Теннесси, она тоже иногда исчезает. А возьмите мираж Литтл Лобо к югу от Пресидио в Техасе. Два с половиной года пришлось качать из него воду, чтобы он опять обрел свойства миража.

¹ Часть пограничной полосы, отделяющей более лесистую часть юга Америки от почти безлесных Великих равнин.

² Шварцвальде («Черный лес») находится на юго-западе Германии. Туда за приключениями ходили герои братьев Гримм и Гауфа. Хвойные леса, сырые мхи и глубокие озера Шварцвальда навевали сказочникам страшные сюжеты.

Выкачали три миллиона литров воды! Я очень рад, что сумел дать научное объяснение этому феномену, иначе не видать мне покоя, как своих ушей.

– Не понимаю, как ему это удалось, – пожал плечами именитый ученый Вилли Макджилли. – Кора кедра, дубовые листья и слово «питахауират». Это же невозможно! Когда мы в детстве делали себе тайное укрытие, мы брали кору сизой ели, листья бузины и произносили слово «Боадичея»¹. Но здесь-то все три элемента фальшивые. Я не могу найти научного объяснения. И это не дает мне покоя.

Вся компания двинулась обратно к расщелине. Роберт Рэмпарт продолжал канючить: «Хочу мою землю. Хочу к детям. Хочу к жене».

Нина Рэмпарт, пыхтя, выехала в фургоне из узкой щели и поднялась на поверхность сквозь маленький ход ниже забора.

– Ужин готов, мы заждались, Роберт, – сказала она. – Какой из тебя поселенец! Боишься ступить на свою землю! Идем сейчас же, надоело ждать.

– Хочу мою землю. Хочу к детям. Хочу к жене, – канючил Роберт Рэмпарт. – Это ты, Нина? Ты вернулась. Никуда больше тебя не отпущу. Я хочу мою землю! Хочу к детям! И хочу знать, что весь этот ужас значит.

– Пришло время решить, кто в этой семье носит штаны, – твердо сказала Нина.

Она подняла мужа, перекинула через плечо, поднесла к фургону и затолкала внутрь. Потом с грохотом захлопнула дверцу, села за руль и на полной скорости покатила вдоль

¹ Жена Прасутага, вождя племени иценов, одного из кельтских племен. Воинственная королева кельтов пользовалась большой любовью у своего народа.

узкой расщелины, которая становилась с каждой минутой все шире.

Ух ты, расщелина явно приобретала нормальный вид! Скоро она совсем разгладилась, вытянулась в ширину и длину, как и положено долине. Психонексус в виде продолговатого купола приказал долго жить. Геофизический дефект вкупе с ноосферическим глянул правде в глаза, и ему тоже пришлось сдаться.

Семейство Рэмпартов наконец-то обрело свой надел. И узкая расщелина стала обычной зеленой долиной.

– Я потерял свою землю, – запричитал Кларенс Малое Седло. – Это была земля моего отца Кларенса Большое Седло, и я думал, что она станет землей моего сына Кларенса Голая Спина. Она выглядела такой узкой, что люди не видели, какая она на самом деле. И даже не пытались ступить на нее ногой. И вот теперь я ее потерял.

Кларенс Малое Седло и именитый ученый Вилли Макджилли стояли на краю Узкой долины, приобретшей истинные размеры – восемьсот метров в ширину и восемьсот метров в длину. Выходила луна. Она была такая большая, что заполняла собой треть небосвода. Чтобы соединить горизонт и зенит, самую высокую точку над головой, потребуется сто восемь таких монстров. Это невозможно себе представить. Однако вы сами можете в этом убедиться, поглядев на восход луны и сделав расчеты.

– Держать за хвост енота и упустить его! – сокрушался Кларенс, – У меня была земля, прекрасная, бесплатная, но я потерял ее. Я вроде Иванушки-дурачка или библейского Иова. Жизнь моя кончена.

Вилли Макджилли огляделся украдкой. Они были одни на краю участка, сторона которого равнялась восьмистам метрам.

– Давай-ка попробуем еще раз, – сказал он.

Они взялись за дело. Разожгли огонь и стали в него бросать – что бы вы думали? – всего-навсего кору вяза. Кто сказал, что она не подействует? Подействовала! Дальняя сторона участка приблизилась метров на сто, и из-под земли донеслись встревоженные возгласы.

Подбросили в огонь листьев рожкового дерева, и участок стал еще уже.

Из расщелины уже слышались отчаянные вопли детей и взрослых. А счастливый голос Мэри Мейпл воскликнул: «Землетрясение! Землетрясение!».

– Будь всегда моя земля цветущая и зеленая – травой и деньгами. И всегда широкая-преширокая, – говорил Кларенс нараспев, как говорят индейцы пауни. – А если сунутся чужаки, стань расщелиной и раздави их, точно букашек!

Люди добрые, участок был теперь в ширину не больше тридцати метров! И к воплям подземных жителей добавилось истерическое чихание заводимого мотора.

Вилли и Кларенс бросили в огонь остатки листьев и коры. Но слово? Слово?! Кто вспомнит слово?

– Корсиканатехас!¹ – проорал во всю глотку Кларенс Малое Седло, надеясь провести богов.

Ответом ему была не только яркая молния – загремел гром, и полил проливной дождь.

– Чахикси!² – возблагодарил богов Кларенс Малое Седло. – Сработало. Этого я не ожидал. Все теперь наладится. А дождь сейчас ох как нужен!

¹ Придуманное слово. Кларенс Малое Седло соединил Корсику с Техасом.

² Чахиксичахикс (мужчины из мужчин) – так называли себя индейцы пауни.

И долина опять превратилась в расщелину шириной полтора метра.

Фургон кое-как выехал из Узкой долины через крохотные ворота. Его сплющило так, что он стал не толще листа бумаги. И его пассажиры, вопящие дети и взрослые, превратились в одномерных существ.

– Она сию минуту захлопнется! – голосил Роберт Рэмпарт, превратившийся в картонного человечка.

– Нас раздавило, как букашек, – вторили ему сыновья. – Мы теперь тоньше бумаги.

– Смерть, удушение, погибель! – прощальным тоном декламировала Сесилия Рэмпарт, чувствуя себя величайшей трагической актрисой.

– На помощь! На помощь! – сипела Нина Рэмпарт, но, увидев Вилли с Кларенсом, подмигнула и сделала хорошую мину при плохой игре: – Это нас после застолья так плющит! Сами знаете, новоселье.

Но Мэри Мейбл не забыла предупредить:

– Никогда не выбрасывайте бумажных кукол. Вдруг окажется, что это мы, Рэмпарты?

Автофургон еще почихал немного и, подпрыгивая, выехал на земную поверхность. Но вечно это продолжаться не могло, и машина понемногу начала увеличиваться в размерах.

– Уж не перестарались ли мы с тобой, Кларенс? – спросил Вилли Макджилли. – А те, предыдущие поселенцы, ничего никому не рассказывали?

– Никаких слухов насчет размеров не ходило, – сказал Кларенс. – Не волнуйся, Вилли, все в порядке. Смотри, фургон уже шириной с полметра. А выедет на шоссе, и все они опять станут такими, как были. Ну а я в следующий раз знаешь что сделаю? Брошу в огонь прессованные опилки. Интересно, кто тогда будет смеяться последним?

И НИКАКИХ ИЗВЕСТНЯКОВЫХ ОСТРОВОВ

Читаешь Лафферти и сразу понимаешь: он – единственный в своем роде. Таких больше нет. Его проза искрится, завораживает и пьянит. Он настолько уникален, что, возможно, стоило бы придумать отдельный вид литературы и назвать ее: «Лаффертитур».

Возьмем хотя бы первый абзац рассказа «И никаких известняковых островов» – истории, выросшей из интереса автора к геологии, минералогии, работе с камнем, изучению легенд, к архитектурным и литературным лапидариям. (Его глубокие познания во множестве наук, теорий и практик поистине обескураживают). Итак, абзац гласит: «Гранильщик – это человек, который обрезает, полирует, гравировывает и вставляет мелкие камни в оправу. А еще он художник, потому что, помещая маленькие камни и их кусочки в разные места, пытается создать мозаику».

С помощью этого поэтического описания наш эльф из Оклахомы не только дает определение термина, который знаком далеко не всем, но еще и сравнивает сложную почти ювелирную технику создания архитектурной мозаики с литературным методом, который использовал он сам, когда писал этот рассказ.

Что говорит продавец известняка городским чиновникам? «...мы хотим, чтобы у нас было как можно больше гостей, но никто не приходит. Сейчас наша страна [Небесная Стуцамуца]

примерно в пяти километрах отсюда» [!]. Этот пассаж напоминает мне «Путешествие в Лапуту», третью часть моей самой любимой книги – «Путешествия Гулливера». Летающие острова Лапуты, управляемые магнитами, впервые поразили мое голодное подростковое воображение в Оклахоме, в Талсе; и было это около 1958 года.

Возможно, еще и поэтому, составляя в 1984 году антологию «Светлые годы и тьма: научная фантастика и фэнтези вне и для нашего времени»¹, Лафферти я представил рассказом «И никаких известняковых островов». Предисловие там было такое:

Может ли девушка весом сорок восемь килограмм построить за шесть часов розовую пагоду, весящую тридцать миллионов тонн? На этот вопрос ответит Р. А. Лафферти в своей захватывающей «статье» о летающих известняковых островах и бесстрашной мисс Фосфор Маккейб, чьи поразительные фотографии Небесной Стуцамуцы (см. фото 1-22), к сожалению, не представлены.

Лафферти знаменит – точнее сказать, «скандално знаменит» – неизменным невероятием своих идей и необычностью подачи материала. Его проза узнаваема сразу, его не спутаешь ни с кем, чего, к сожалению, не скажешь о многих других писателях. Кажется бы, столь яркая индивидуальность должна вызывать желание написать на него пародию. Но работы Лафферти настолько оригинальны, что любая попытка его пародировать превращается в бледное копирование его стиля – то есть в своего рода дань уважения автору.

Новая волна? Старая волна? Какая разница? Лафферти взлетел на такой высокий и причудливо изогнутый гребень волны, справиться с которым способен только он сам.

¹ «Light Years and Dark: Science Fiction and Fantasy Of and For Our Time».

Сегодня я могу сказать почти то же самое. Есть и те, кому удается написать нечто лучшее и большее, чем сносная пародия-подражание или дань уважения Лафферти – например, Нил Гейман. Но для этого автор должен понимать, как же сложно создавать такие рассказы, и почему никто даже не пытается следовать путем нашего уникального Рафаэля Алоизиуса Лафферти.

Майкл Бишоп

Гранильщик – это человек, который обрезает, полирует, гравировывает и вставляет мелкие камни в оправу. А еще он художник, потому что, помещая маленькие камни и их кусочки в разные места, пытается создать мозаику.

Но как назвать человека, который нарезает и устанавливает очень большие камни?

Возьмем в качестве примера вот этот небольшой лапилли¹.

Возникновение в Греции живописи, как искусства, связано с известными историческими личностями, но происхождение скульптуры скрыто дымкой легенд. Достоверная история скульптуры начинается не ранее VI века до нашей эры. Скульптура считалась искусством, дарованным людям богами; именно эта мысль содержится в утверждении, что самые первые статуи упали с небес.

Харперовский словарь классической литературы и древностей, статья «Скульптура»

Поместим этот маленький камешек в угол, и неважно, что утверждение об упавших с неба статуях не соответствует действительности. Да, статуи падали, но они были незавершенные.

¹ Лапилли (итал. lapilla от лат. lapillus – камешки) – округлые или угловатые вулканические выбросы размером от горошины до грецкого ореха.

А теперь еще один камушек – и еще одна цитата.

Впрочем, точной цитаты у нас нет. Это всего лишь слова, которые приписывают Чарльзу Форту или одному из его подражателей. Они об ученом, который не поверил в то, что с неба упали куски известняка, хотя двое крестьян видели это. Камни не могли упасть с неба, твердил ученый, потому что на небе нет и не может быть известняка. Интересно, что бы он сказал о китах небесных?

Устанавливаем этот камешек мудрости в угол и осматриваемся в поисках других камней.

Продавец известняка пытался всучить партию товара городской администрации. Торговля шла неважно. Вроде и цена низкая (в десять раз меньше того, что запрашивали другие поставщики), и качество товара превосходное. Но вот внешность продавца не внушала доверия. Широкая грудь, короткий кафтан нараспашку, вокруг бедер обернут кусок ткани, на ногах сандалии из оленьей кожи наподобие тех, что носил Гермес – странное кокетство. Загорелый, но явно белокожий, светлые волосы совсем выгорели на солнце. Золотистая борода припорошена известняковой пылью, впрочем, как и он весь. Продавец беспрерывно потел, и от него пахло смесью известняка, заточенной бронзы, коз, клевера, меда, свежего ветра, чечевицы, кислого молока, навоза и хорошо выдержанного сыра.

– Не думаю, что нам стоит иметь с вами дело, – сказал мэр города. – Есть много компаний с хорошей репутацией и длинной историей.

– Наша фирма тоже давно основана, – сказал продавец известняка. – Мы в этом бизнесе уже... девять тысяч лет.

– Вздор! – воскликнул начальник отдела уборки улиц и канализации. – Вы даже не хотите сообщить нам адрес ва-

шей фирмы. К тому же вы не подали официальную заявку.

– Наш адрес – Стуцамуца. Другого адреса дать не могу по причине отсутствия. А официальную заявку подам, если объясните, как это сделать. Я предлагаю вам триста тонн отборного мраморного известняка, вырубленного точно по спецификации, и гарантирую безупречное состояние материала – он будет белого цвета или любого оттенка, какой пожелаете. Доставка в течение часа или точно в срок. И за все про все – триста долларов или триста бушелей очищенной кукурузы.

– О, примите, примите его предложение! – воскликнула мисс Фосфор Маккейб. – Мы для того вас и выбрали, джентльмены, чтобы вы заключали выгодные сделки. Прошу вас, не отвергайте его предложение!

Фосфор Маккейб, девушка-фотограф, была в каждой бочке затычка.

– Соблюдайте тишину, юная леди, или мы удалим вас из зала заседаний, – сказал начальник отдела парков и игровых площадок. – Ждите своей очереди и не вмешивайтесь в чужие дела. Я уже вздрагиваю от одной мысли о том, что сегодня придется рассматривать еще и ваше прошение. Редко выпадает выслушивать столько сумасбродов зараз.

– У вас очень плохая репутация, приятель, – сказал финансовый советник продавцу известняка. – Если кто-то вообще слышал о вас прежде. Есть мнение, что ваш известняк ненастоящий, что он тает, как град. Говорят, вы имеете отношение к той ужасной грозе с градом, которая прошла позавчера ночью.

– Да, у нас была небольшая пирушка, – ответил торговец известняком. – Мы продали немного камня в Арканзасе, купили несколько десятков бутылок вина и выпили. Этим градом мы не причинили никому вреда. Ну да, некоторые

градины были размером с баскетбольный мяч! Но мы тщательно следили, куда они падают. Вот вы, лично, часто видели, чтобы такой крупный град не причинил никакого вреда?

– Мы не хотим выставлять себя дураками, – сказал начальник отдела школ и мероприятий. – В последнее время мы несколько раз попадали впросак, хоть и не всегда по нашей вине. Мы не можем позволить себе покупать известняк у таких, как вы.

– Скажите, а вы могли бы продать мне сто двадцать тонн хорошего розового гранита? – спросил улыбчивый розовощекий человек из зала заседаний.

– Нет, это совсем другой остров, – ответил продавец известняка. – Но я передам им вашу просьбу, если увижу.

– Мистер Чалупа, не знаю, зачем вы опять явились, – строго сказал мэр розовощекому человеку, – но вам придется ждать своей очереди и не вмешиваться не в свое дело. Складывается впечатление, что в последнее время открытые слушания привлекают безумцев со всего света.

– Ну что вы теряете? – продолжал убеждать чиновников продавец известняка. – Я привезу камни, нарежу и уложу, как пожелаете. Если они вас не устроят, оставлю камни даром или заберу обратно. Триста долларов или триста бушелей очищенной кукурузы заплатите, только если будете удовлетворены.

– Хочу отправиться с вами в вашу страну, – вмешалась в разговор мисс Фосфор Маккейб. – Я очарована тем, что о ней слышала. Хочу сделать фотоочерк для журнала «Географическое наследие». Далеко ли сейчас ваша страна?

– Пока примерно в пяти километрах отсюда, – сказал продавец известняка. – Я вас подожду. Отправимся, как только я закончу свои дела, а вы – свои. Нам нравятся люди, и мы хотим, чтобы у нас было как можно больше гостей, но

никто не приходит. Джентльмены, последний шанс: предлагаю вам выгодно купить мраморный известняк, лучше которого вы вряд ли найдете, даже если проживете лет двести. А я надеюсь, что все вы действительно доживете до двухсот лет. Нам нравятся все люди, и мы хотим, чтобы все жили не меньше двухсот лет.

– Категорически нет, – ответил мэр города. – Мы станем посмешищем для всего штата, если начнем вести дела с такими, как вы. И что это за страна в пяти километрах отсюда? Нет там никакой страны. Приятель, вы зря тратите наше и свое время.

– Только не он, – согласился начальник отдела уборки улиц и канализации. – Что о нас напишут газеты, узнав, что мы купили известняк у человека с такой же подозрительной репутацией, как у инопланетянина из летающей тарелки?

– Отказать, отказать, – согласился начальник отдела парков и игровых площадок. – Нас избрали, чтобы мы вели городские дела экономно и с достоинством.

– Ну и ладно, – махнул рукой продавец известняка. – Не всегда удастся продать стилобаты. Всего хорошего, господа. А вы, леди, не торопитесь. Я вас подожду. – И продавец известняка вышел, оставив после себя, как показалось, облако известняковой пыли.

– Что за день! – простонал начальник школьного отдела. – Что за шуты гороховые! А этот вообще непревзойденный!

– Не уверен, – проворчал мэр. – Следующая – мисс Фосфор Маккейб.

– Я быстренько, – прощобетала Фосфор. – Мне нужно разрешение на строительство пагоды на холме, который мне оставил дедушка. Площадь холма – двенадцать гектаров. Пагода никому не мешает. К ней не нужно проводить коммуникации. И она будет красивая.

– Для чего вам пагода? – спросил начальник отдела уборки улиц и канализации.

– Чтобы сфотографировать. А еще я просто хочу построить пагоду.

– Что это будет за пагода? – спросил начальник отдела парков и игровых площадок.

– Розовая пагода.

– Какого размера? – спросил начальник отдела школ.

– На все двенадцать гектаров. И примерно сто двадцать метров в высоту. Она будет большая, но никому не мешает.

– Зачем вам такая большая пагода? – спросил мэр.

– Чтобы она была в десять раз больше, чем Черная пагода в Индии. Она будет очень красивая и привлечет внимание к нашему району.

– А деньги на строительство у вас есть? – спросил начальник отдела уборки улиц.

– Нет, денег совсем нет. Но если я продам журналу «Географическое наследие» фотоочерк «С фотоаппаратом и каное по небесной Стуцамуце», то немного заработаю. Еще я последние несколько минут делала ваши фотопортреты, джентльмены, и, возможно, продам их в «Комик Уикли», если придумаю остроумные подписи. В общем, деньги я раздобуду.

– Мисс Маккейб, ваша просьба отложена, передана на дополнительное изучение вопроса и тому подобное, в общем, отправлена в долгий ящик, – сказал мэр.

– Что это значит?

– Не знаю точно. Но наш юрист, который сегодня отсутствует, всегда так говорит, когда мы не хотим брать на себя ответственность.

– Это значит, что вам нужно прийти через неделю, мисс Маккейб, – пояснил начальник отдела канализации.

– Хорошо, – согласилась мисс Маккейб. – На этой неделе я все равно не смогу начать строительство.

А теперь мы поместим в другой угол вот такой камешек странной формы:

Когда в семнадцатом веке моряки открыли острова Полинезии, это было похоже на исполнение древнего обещания рая на земле. Зеленые острова, синее море, золотые пляжи, золотое солнце, смуглые девушки! Бесподобные фрукты, бесподобная рыба, жареные поросята и запеченные птицы, хлебное дерево и вулканы, неизменно превосходная погода, загорелые райские красавицы Корана, пение, музыка струн и музыка прибора! Обетованные райские острова, выполненное древнее обещание.

Но даже это чудесное событие уступает другому, более раннему: открытию Летающих (или Известняковых) островов бесстрашными путешественниками. Девушки с Летающих островов светлее (за исключением чернокожих красавиц с Зеленого Доломита), чем полинезийки; они умнее и веселее, стройнее и сочнее и принадлежат к более древней, но полной жизни культуре. И еще они живее. Ох, какие они живые! А сами острова, их просто невозможно описать! Ни в Полинезии, ни в Эгейском море, ни среди Антильских островов нет ничего подобного. Жители Известняковых островов такие дружелюбные! Может, и хорошо, что о них мало кому известно и мало кто их посещает. Должно быть, человек просто слишком слаб, чтобы познакомиться с их жизнью ближе.

Гарольд Блювотер «Рай. Факты и легенды»

Посмотрите внимательно на этот камешек, прежде чем мы оставим его в покое. Вы уверены, что верно определили его форму?

А вот камешек поменьше. Мы поместим его вот сюда, где пустует маленький пяточок. Это небольшая запись:

Свои краткие заметки автор писал не под присягой.

Доктор Джонсон

Мисс Фосфор Маккейб побывала в стране торговца известняком и сделала фотоочерк «С фотоаппаратом и каное по небесной Стуцамуце». Мы не можем показать здесь поразительные, яркие, наполненные чистой радостью снимки, но вот выдержки из текста:

Стуцамуца состоит из известняка такой невероятной белизны, что на него больно смотреть. На белоснежном фоне все остальные краски кажутся особенно яркими. Нигде нет такого голубого неба, какое большую часть года окружает Стуцамуцу (см. фото 1 и 3). Нигде нет полей зеленее и воды серебристей (см. фото 4 и 5). Водопады окружены радугами, особенно Последний, который низвергается с огромной высоты (см. фото 6). Нигде нет таких разноцветных скал – синих, черных, розовых, оранжевых, красных, зеленых – и всегда на вечном белом фоне (см. фото 7). И нигде нет такого сияющего солнца.

Обычно Стуцамуца плавает очень высоко (кое у кого глаза выскочили бы от удивления, если б я сказала, как высоко). Из-за этого у местных жителей широкая грудь и хорошо развитые легкие. Выглядят они, как герои сказок. Редкие гости с низких, более мирских высот, едины в своем изумлении. «О-о! – восклицают они. – Таких девушек просто не бывает!» Однако они есть (см. фото 8). «И как давно существует эта страна?» – иногда спрашивают гости. Девять тысяч лет истории Стуцамуцы задокументированы. А вообще она существует с сотворения мира.

Возможно, благодаря объему легких и широкой груди

жители Стуцамуцы прекрасно поют – громко, страстно и очаровательно. Кроме флейт и волынок (а какие удивительные вещи проделывают с волынками широкогрудые люди!), а также арф и маленьких барабанов, у них есть громовые барабаны (см. фото 9) и четырехметровые трубы (см. фото 10 и 11). Сомнительно, чтобы где-то еще могли играть на таких больших трубах.

И, возможно, опять-таки из-за их широкогрудости жители Стуцамуцы необычайно любвеобильны. Есть что-то захватывающее в их божественной чувственности. Сила и страстность любви их мужчин и женщин поражает недоразвитых жителей низин (см. фото с 10 по 19). К тому же, эти люди отличаются остроумием и благоразумием, и у них всегда хорошее настроение.

Говорят, изначально на Стуцамуце совсем не было почвы. Ее жители обменивали высококачественный известняк, мрамор и доломит на такое же количество почвы, даже самого плохого качества – глину и песок. Этой почвой они заполняли трещины и расщелины – так появилась растительность. За несколько тысячелетий возникли зеленые террасы, холмы и долины. Теперь на Стуцамуце растут в изобилии виноград, оливки и клевер. Вино, масло и мед веселят сердца ее жителей. Пчелы и козы кормятся удивительным сине-зеленым клевером (см. фото 20). На острове две разновидности коз. Луговых и пастбищных коз содержат ради молока, сыра и шерсти, а на более крупных диких горных коз охотятся ради мяса. Одежду жители Стуцамуцы изготавливают из козьей шерсти и шкур. Одеваются легко, несмотря на то, что в те дни, когда резко увеличивается высота, становится ощутимо холодно.

На Стуцамуце выращивают немного зерна, и его не хватает. Основное занятие жителей – добыча камня в каменоломнях. Камень они обменивают на зерно. Собственно, это единственное занятие населения острова. В больших каме-

ноломнях иногда обнаруживают поразительные окаменелости. Например, полный скелет кита, вымершего зеуглодона – древнейшего кита, жившего в эоцене (см. фото 21).

– Если это действительно кит, тогда его останки должны находиться на глубине океана, – сказала я своему широкогрудому другу.

– Да, конечно, – ответил он, – именно там и образуется известняк.

– А как он оказался на такой высоте?

– Спроси у геологов и гипнологов.

Поразительное свойство воды на Стуцамуце – ее непредсказуемость. Иногда за день образуется целое озеро, а на завтра из-за наклона острова оно может исчезнуть. Во время сильного дождя плавать по порогам стремительных рек – чистое наслаждение. Иногда за несколько минут всю Стуцамуцу затягивает льдом. Люди, за исключением гостей, радуются неожиданному развлечению. Поразительна его красота, столь же поразителен и холод. Лед нарезают большими блоками и сбрасывают вниз, забавляясь.

Но все это меркнет, когда видишь сверкающие на солнце водопады. Самый удивительный из них – Последний. Уникальное зрелище: водопад устремляется вниз со Стуцамуцы (см. фото 22), низвергается в почти бездонную пропасть – от десяти до двадцати тысяч метров, превращается в сильный туман, в мокрый лед или град – в зависимости от погоды. В небе сверкают радуги многокилометровой длины, которые начинаются прямо у вас под ногами!

На северной оконечности острова (временно северной, то есть в данный момент) стоит особенно поразительный утес из розового мрамора.

– Нравится? – спросил мой друг. – Он твой.

Именно этого я от него и ожидала.

Да, мисс Фосфор Маккейб сделала поразительный фотоочерк для «Географического наследия». Но журнал не принял его. Редактор сказал, что мисс Маккейб кое-где пришла к неверным заключениям.

– На самом деле я пришла не в то место, – ответила мисс Фосфор. – Я шесть дней была на острове, все сфотографировала и все описала.

– Но у нас из-за этого будут неприятности, – парировал редактор. Отчасти его встревожили слова мисс Маккейб о высоте, на которой обычно плавают Стуцамуца. И еще слова о резком увеличении этой высоты.

Вот еще один камешек необычной формы. На первый взгляд его невозможно поместить в нужное место. Но глаз обманывает: форма камешка подходит точно, как часть паззла. Это воспоминания одного человека, который всю жизнь следил за погодой.

Еще будучи мальчишкой, я заинтересовался облаками. Мне казалось, что есть облака, которые сохраняют свою индивидуальность и время от времени появляются снова; и эти облака плотнее других.

Позже, на метеорологическом факультете университета я подружился с однокурсником, у которого было несколько, на первый взгляд безумных, убеждений. Его звали Энтони Таммли. Он утверждал, что некоторые видимые облака состоят не из водяного пара, а представляют собой плывущие в небе каменные острова. Он считал, что таких островов не меньше тридцати, большинство из известняка, но есть из базальта, песчаника и даже из сланца. По крайней мере один из них образовался из горшечного или мыльного камня.

По его мнению, острова большие, один даже больше восьми километров в поперечнике. Управляют ими так,

чтобы спрятать от взгляда человека; поэтому известняковые острова обычно плавают среди белых кучевых облаков, базальтовые – среди темных грозовых, и так далее. Он считал, что иногда эти острова опускаются на землю, что у каждого есть несколько стоянок в малонаселенных местностях. И он был уверен, что плавучие острова населены.

Мы смеялись над Энтони Таммли. Говорили друг другу, что его идеи безумны. И действительно, в конце концов Энтони попал в психушку. Печальный случай, но о нем невозможно говорить без смеха.

Однако, занимаясь метеорологией больше пятидесяти лет, я пришел к выводу, что Энтони Таммли абсолютно прав. Несколько таких же, как я, ветеранов метеорологии разделяют его убеждение, и мы выработали условный код, не решаясь говорить об этом открыто. «Небесные киты» – вот кодовое название этой темы, и мы обычно обсуждаем ее в шутливой манере.

Над нашей страной постоянно висит около тридцати таких островов (а всего в мире их больше сотни). Их замечают на экранах радаров. Их форма незначительно меняется (время от времени от них откалывают немного камня и оставляют на земле). Их знают, у них даже есть имена.

Иногда их посещают странные люди, которых отличают такие черты, как простота, доверчивость, живой ум и душевная гармония. Некоторые жители деревень и даже целые семьи нанимают острова для пересылки писем и товаров. Например, в сельской болотистой Луизиане часто удивлялись, зачем отправлять почту и грузы речными баржами. «Разве они лучше каменных островов, которыми мы всегда пользовались?» – спрашивали эти люди. – Острова появляются не менее регулярно, движутся гораздо быстрее, а платить нужно всего лишь меру риса. К тому же жители каменных островов – наши друзья и родня». В некоторых других местностях тоже существует такое взаимодействие.

Многих жителей каменных островов хорошо знают в тех местах, где они курсируют. Все эти люди очень сильны и удивительно красивы, добродушны и отзывчивы. Они действительно торгуют камнем, обменивают отличный строительный материал на зерно и другие простейшие продукты.

Нет научного объяснения тому, как могут каменные острова летать по небу. Но само их существование – тайна, известная, по крайней мере, миллиону человек.

Сейчас я достаточно богат, чтобы меня посадили в сумасшедший дом (хотя состояние нажил способом, в который мало кто поверит). Я слишком стар, чтобы надо мной смеялись в открытую: окружающие только улыбаются, считая меня эксцентричным. Я ушел на пенсию, оставив работу метеоролога, которая много лет прикрывала мою истинную деятельность (хотя я искренне любил и до сих пор люблю свою профессию).

Я знаю то, что знаю. В слое в пять тысяч метров над землей есть многое такое, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.

Хэнк Фэйрди «Пятьдесят два года жизни метеоролога»
(издано за счет автора в 1970 году)

Мисс Фосфор Маккейб сделала для «Географического наследия» еще один удивительный фотоочерк. У него запоминающееся название: «Ладно, тогда объясните, как я построила Розовую пагоду?»

Розовая пагода завершена, за исключением тех пристроек и добавлений, которые могут возникнуть, когда поблизости снова окажутся мои небесные друзья. Это, несомненно, самое большое сооружение в мире и, на мой взгляд, самое прекрасное. Внешне оно не массивное, напротив, легкое и воздушное. Приходите посмотреть пагоду

в камне, приходите все! Посмотрите на ее цветные снимки (фото с 1 по 129), если не можете приехать сами. Это замечательное сооружение даст ответы на сотни вопросов, если только у вас есть глаза и уши.

Относительно некоторых мегалитических сооружений часто спрашивали, как можно было блоки в сто и больше тонн поднимать, устанавливать на место, да еще так точно, что между блоками невозможно загнать лезвие ножа. Ответ прост. Никакие стонные блоки и не устанавливались – разве что для украшения. Обычно устанавливается блок весом в десять тысяч тонн, а линии соединений наносят чисто декоративно. При строительстве Розовой пагоды использовались блоки розового известняка весом в триста тысяч тонн (см. фото 21).

Как это происходит? Остров пригоняют в нужное место, отрезают блок намеченного размера (поверьте, у них есть инструменты для этого). Потом остров отплывает в сторону, а блок остается на месте.

Ну, а как еще это сделать? Как мне удалось поднять в воздух на сто сорок метров замковый камень свода, который один весит сто пятьдесят тысяч тонн? С помощью рампы? Не смешите! Вокруг – башенки и колонны, похожие на кружева, а этот замковый камень должен лечь последним. Его не поднимали по настилам, даже если бы для них было место. Все сделали в субботу за полдня – вот снимки, на которых запечатлен ход работ. Остров, плавающий в воздухе, оставлял нужные блоки в нужном месте. Говорю вам, нет другого способа для девушки весом сорок восемь килограммов за полдня сложить Розовую пагоду весом в тридцать миллионов тонн. Нужен летающий остров, на северной оконечности которого стоит утес розового известняка. И нужно, чтобы жители этого острова были твоими друзьями.

Пожалуйста, приходите посмотреть на мою Розовую пагоду. Все чиновники отворачиваются от нее. Говорят, ее су-

Этот маленький камень с надписью немного испортил мне удовольствие от лицезрения Розовой пагоды. Но миссис Маккейб говорит, что камень уберут, как только вернутся ее небесные друзья и она попросит их помочь.

Это все, что мы можем сказать об установке больших камней. У кого-нибудь есть что добавить?

ВЕЛИКАЯ МЕЖДУГОРОДНЯЯ

Нет сомнения, его «Окла Ханнали» рано или поздно займет место рядом с «Гекльберри Финном» и «Моби Диком» в списке великих американских романов. Но сейчас Рафаэля Алоизиуса Лафферти больше знают по его коротким рассказам. И далеко не все из них известны широкому кругу читателей.

Неудивительно, ведь Лафферти так тонок, так неуловим, так глубок; в нем заключена сама суть писательства. Его любят, им восхищаются, его чествуют – но не массы, а лишь преданное ему (прочитайте предисловия) гордое немногочисленное племя.

Даже в нашем мире научной фантастики Лафферти стоит особняком, он – темная звезда, пришелец с Облака Оорта литературы. Наш поэт. Не поэт-романтик (на эту роль больше подходит Брэдбери), а скорее елизаветинец – в блистательной точности языка, в метафизической игре противоречивых идей. Сложный, но бесконечно интересный.

Нет, его нельзя назвать ведущим писателем пост-золотой эпохи научной фантастики. Разве автор настолько оригинальный может считаться «ведущим»? А вот незабываемым – да, может! Открыв его однажды для себя, вы останетесь с ним навсегда. Его колдовские чары странного свойства, но, хоть раз попав под их влияние, вы уже никогда не очнетесь.

Итак, перед вами «Великая междугородняя». Не самый блестящий из его рассказов: «среднячок» из тех, что ставят

Лафферти в мировой авангард авторов коротких рассказов. История альтернативного мира – форма, которую Лафферти (инженер-электрик со Среднего Запада) часто использовал для того, чтобы перевернуть с ног на голову рутинную действительность родной Оклахомы. Это сказка-антиутопия (еще один излюбленный жанр автора) с мощным бизнес-мозгом и солнечной кровожадной сердцевиной.

Добро пожаловать.

В компании правнучки вы отправляетесь прокатиться вдоль зеленых полей, мимо живописных ландшафтов вашей мечты.

Винтовки заряжены.

Терри Биссон

– В 1907 году я достиг совершеннолетия и вступил во владение приличным наследством, – начал рассказ старик. – Паренек я был смысленый и понимал, что многого в жизни не знаю. И я решил спросить у профессионалов, куда выгоднее вложить деньги. Пообщался с банкирами, скотоводами и нефтепромышленниками, людьми передовыми, устремленными в будущее и думающими о приумножении своих капиталов. Как раз в тот год образовалось наше государство. Над новой страной витал дух процветания, и я хотел внести свою лепту в грядущее благоденствие.

Наконец мой выбор сузился до двух инвестиционных идей, чьи потенциалы, как мне тогда казалось, были равны. Сегодня такое сравнение вызовет лишь улыбку. Итак, на одной чаше весов лежали акции некоего Харви Гудрича, чья компания продавала каучук. Популярность новомодного автомобиля росла, и я логично предположил, что резина

обречена на коммерческий успех. На другой чаше весов лежали акции транспортной компании, прокладывающей железнодорожную линию между небольшими городками Кифер и Маундс. В дальнейшем они планировали протянуть ветки в Гленпул, Биксби, Кельвиль, Слик, Бристоу, Беггз и даже в Окмулги и Сапулпу. Я считал, что у небольших междугородных линий большое будущее. Междугородка уже функционировала между Талсой и Сэнд-Спринг, еще одну ветку тянули от Талсы до Сапулпы. Всего в стране действовало больше тысячи маленьких троллейных дорог, которым, по мнению серьезных людей, предстояло расшириться до масштабов общенациональной сети и стать хребтом всей транспортной системы.

Старика звали Чарльз Арчер. Когда-то давно он был молодым человеком и внимательно слушал напутствия Джо Элайза, банкира из маленького, но быстро растущего городка:

– Ну и загадку ты мне загадал, юноша. Дай-ка подумаю. Мы инвестировали в обе компании, рассчитывая получить от каждой курочки по яичку. Но, судя по всему, мы промахнулись. Развитие этих компаний – два разных варианта будущего, и лишь один из них осуществится. В стране открыли месторождения нефти. Может показаться, что резина – предпочтительный вариант, ведь она напрямую связана с автомобилем, который потребляет получаемое из нефти топливо. Но все не так просто, юноша. На мой взгляд, главное предназначение нефти – снабжение энергией новых заводов. Резина же, учитывая ее невысокий промышленный потенциал, и так уже сильно переоценена. А вот новый способ транспортировки будет точно востребован. Железная дорога – колоссальный шаг вперед по сравнению с лошадью. Я убежден, что конная тяга, как основной способ

транспортировки, свое отжила. Мы больше не кредитуем производителей повозок и поставщиков упряжи. И в то же время я в автомобиль, честно говоря, не верю. В нем есть что-то разрушительное. Междугородка придет во все, даже самые маленькие, поселки и разрежет магистральные железные дороги так, что их останется не больше полудюжины на всю Америку. Юноша, я бы с полной уверенностью инвестировал в междугородку.

Потом Чарльз Арчер выслушал скотовода Карла Бигхарта:

– А скажи-ка, парень, сколько крупного рогатого скота можно запихнуть в машину? Или даже в грузовик? Или в фургон? А теперь скажи, сколько его войдет в специализированный вагон для скота, который можно прицепить к любому составу на любой междугородней линии? Междугородка – спасение для скотоводов. Правила запрещают перегонять скот на расстояние больше тридцати километров. А короткие междугородные линии протянутся вглубь сельских территорий, ответвляясь от каждого второго или третьего путевого участка магистрали. Вот что я скажу, парень: у автомобиля нет будущего. Мы этого просто не допустим! Глянь на человека, сидящего верхом на лошади. Я знаю, о чем говорю: большую часть жизни я провел в седле. В обычной жизни всадник, возможно, и неплохой парень. Но стоит ему взобраться в седло – и он меняется. Теперь это высокомерный индюк, и неважно, каким он был, передвигаясь на своих двоих. Замечал не раз такое за собой и другими. Да, когда-то без езды верхом было не обойтись, но все это в прошлом. Всадник – извечный источник опасности. А человек в машине, ручаюсь, опаснее в тысячу раз! Едва сев за руль, милейший господин напускает на себя невероятное высокомерие. А если машины станут мощнее и

навороченнее, высокомерие взлетит до небес! Верь мне, автомобили разовьют в человеке абсолютный эгоизм, что породит насилие невиданных масштабов, ознаменует конец традиционной семьи, когда под единой крышей живет несколько поколений. Это разрушит добрососедские отношения и само чувство единой нации. Разрастутся язвы городов и фальшивая роскошь пригородов. Разрушится привычный сельский уклад. Возникнет нездоровая конгломерация специализированных хозяйств и обрабатывающей промышленности. Это приведет к отрыву от корней и росту безнравственности. Это превратит каждого в тирана... Я уверен, частный автомобиль будет запрещен. Должен быть запрещен! Это нравственная проблема, а мы – нравственная нация и нравственная страна. И мы предпримем нравственные действия против автомобиля. А без автомобиля у резины нет будущего. Так что, парень, смело бери акции междугородки.

Затем юный Чарльз Арчер выслушал нефтепромышленника Нолана Кушмана:

– Не стану врать, дружище, я обожаю машины. У меня их три, все собраны на заказ. За рулем я император. Черт, да я император в любом случае! Купил летом замок, где останавливались настоящие императоры, и перевез его, камешек за камешком, в родной Осейдж. А что до автомобиля, я точно знаю, как его модернизировать. Но сначала нужно улучшить дороги: сделать ровнее, покрыть щебнем и бетоном. Потом взяться за машины: уменьшить посадку, нарастить мощность. И так бы мы и сделали, не будь мы людьми. Ведь такова логика развития цивилизации, но я надеюсь, этого не случится. Этого нельзя допустить! Иначе автомобиль широко распространится, а разве можно доверить обществу такую мощь? К тому же я люблю роскошные

авто и не хочу, чтобы их было много. Только очень богатые и смышленные должны ими владеть. Во что превратится мир, если машина станет доступна рабочему, попадет в руки обычного человека? Все станут такими же высокомерными, что и я. Нет, автомобиль должен остаться предметом гордости состоятельных господ. А каучук – товаром ограниченного спроса. Так что, инвестируй, друг, в свою междугородку. За ней будущее. Иное будущее меня пугает.

Молодой Чарльз Арчер понял: мир стоит у развилки. От выбранного пути будет зависеть судьба страны, нации и всего человечества. Он хорошенько все взвесил и принял решение. А после пошел и вложил деньги.

– Я долго думал и сделал выбор, – закончил рассказ старик Чарльз Арчер. – Купил акции на всё, что у меня было – тридцать пять тысяч долларов. По тем временам сумма немалая. Результат вам известен.

– Я часть этого результата, прадедушка, – улыбнулась Анжела Арчер. – Сделай ты иной выбор, твоя судьба сложилась бы иначе: ты женился бы на другой женщине, и я была бы сейчас не такая, если бы родилась вообще. А я себе нравлюсь такой, какая я есть, и меня все устраивает в моей жизни.

Ранним субботним утром троица отправилась прокатиться: старый Чарльз Арчер, его правнучка Анжела и ее жених Питер Брэйди. Они ехали по квази-городу – богатому сельскому району. Железнодорожная ветка, по которой катились вагончики, была далеко не главной, но из окон открывались чарующие виды, частично естественные, частично рукотворные, одновременно волнующие и умиротворяющие, и все такие прекрасные, что дух захватывает.

Чудеса: вплотную к насыпи подступает вода! Это пруды с карпами – один за другим. Станции разведения рыбы. Тан-

цующие по камням ручьи. Быстрые речушки, из которых мальчишки таскают крупную форель. В менее просвещенную эпоху здесь были бы водосточные канавы придорожной полосы отчуждения.

Чуть дальше от дороги растет кустарник – сумах, гамелис, лавровый сассафрас, ладанные деревца. А вот и деревья, да какие огромные: пекан, гикори и черный орех – вздымаются, словно высокие декорации! А между ними деревья поменьше: ивы, тополя, платаны. Из воды торчит осока, камыш и тростник, берега покрыты суданкой и бородачом. И повсюду – сладкий аромат клевера и запах влажного донника.

– С выбором я ошибся, – продолжал Чарльз Арчер, глядя на проплывающие мимо пейзажи. – Сегодня всем ясно, как чудовищно я ошибся, но ведь я тогда был молод. Спустя два года компания, акции которой я купил, обанкротилась, и я потерял все. Мечта о скором богатстве растаяла как дым, зато появилось хобби, полное горькой иронии: я стал отслеживать курс акций компании, в которую не стал инвестировать. Акции, которые я мог купить на свои тридцать пять тысяч долларов, сегодня принесли бы мне девять миллионов.

– Фу, хватит о деньгах! – запротестовала Анжела. – Сегодня такой прекрасный день!

– Кстати, – вмешался Питер Брэйди. – Ночью слышали еще одного. Не первый раз на этой неделе. Но пока не поймали.

– Не хочу, чтобы их убивали, когда ловят, – вздохнула Анжела. – По-моему, убивать людей неправильно.

На поле, засаженном луком, девочка-пастушка сгоняла в стаю галдящих белых гусей, жадно поедающих сорняки. Цветущая капуста грюнколь полыхала зеленью и пурпуром,

после нее тянулись насаждения бамии. Джерсейские коро-вы паслись прямо возле покрытого пластиком железнодорожного полотна: украшенный узорами пластик почти не отличался от травы.

По воздуху плыли облака, похожие на желтую пыль. Да это же пчелы! Но пчелы без жал. А вот пыли как таковой нет. И никогда не будет!

– Хорошо бы отыскать тех, кто клепает драндулеты, и ликвидировать, – сказал старик Арчер. – Искоренить зло в зародыше.

– Да, но их слишком много, – возразил Питер. – И день-ги там крутятся немалые. Конечно, мы находим и убиваем. В четверг прикончили еще одного. И три почти готовых драндулета разломали. Но как ликвидировать всех? Они словно из-под земли лезут.

– Не хочу, чтобы их убивали, – повторила Анжела.

На погрузочной платформе стояли разноцветные фляги с молоком – это молочный склад. В девятиэтажных клетках громко кудахтали куры, но им никогда не приходится долго ждать отправки. На рефрижераторной площадке громоздились десятки тысяч яиц. Чуть дальше – выводок поросят и десяток красных бычков.

Кусты томатов подвязаны к двухметровым шестам. Ку-куруза еще не выпустила кисточки початков. За окном ва-гончика проплывают поля с вьющимися огуречными стеб-лями и дыньками-канталупами, их сменяют сине-зеленые холмы с рядами картофеля. Дальше виноградники, луга с люцерной, живые изгороди из оранжевой маклюры и боя-рышника. Морковная ботва волнуется под ветерком, словно зеленое кружево. На полях, засеянных красноголовником и арахисом – самым очаровательным из всех видов клевера – мирно пасутся стада коров. Мужчины косят сено.

– Я слышу его! – воскликнул Питер.

– Тебе показалось, – покачала головой Анжела. – Сейчас же день. Не думай об этом.

В фермерских прудах из воды высовывают хвосты кормящиеся утки. В придорожных парках подпирают небо дубы. Овцы щиплют траву в загоне – белые островки в зеленом море. В небольших палатках продается местное вино, шоколадное пиво, сидр, раскрашенные деревянные фигурки или статуэтки из белого камня. На погрузочных площадках козлята скачут под музыку, льющуюся из установленных на столбах громкоговорителей, а козы лижут выходящий на поверхность аспидный сланец, пробуя на вкус новый для себя минерал.

А вот и придорожный ресторан: столики поставлены прямо между деревьями под нависающей небольшой скалой. Метровый водопад изливает свои воды в ручей, который струится прямо через ресторанный зал. Мостик, выложенный из сланца, ведет на кухню.

Один вид сменялся другим, но глаза не уставали впитывать красоту. Придорожные фермы, дальние фермы, ягодные поля! В свои сезоны – ирга, черника, голубика, ежевика, бузина, калина, малина, ежемалина, малижевика, девять сортов смородины, клубника, крыжовник...

Фруктовые сады! Разве их может быть много? Слива, персик, абрикос, черемуха, вишня, яблоко и ранет, груша, папайя, хурма, айва. Бахчи, пасеки, участки овощей для засолки, сыроварни, льнозаводы, сбившиеся в кучу деревеньки (по двадцать домов в каждой, по двадцать человек в доме, двадцать небольших поселений на километр дороги). Сельские трактиры, клубы собаководов, уже открытые и оживленные с самого утра. Дорожные часовни со статуями и коробками «богатый-бедный» (тот, у кого есть деньги и

желание поделиться, бросает в прорезь монеты, а тот, кто нуждается, выуживает их из нижней части), часовни с небольшими прохладными нишами, в которых всегда есть хлеб, сыр, мясной рулет и непременно – початый бочонок местного вина. Голодных путников больше нет!

– Теперь и я слышу! – вскричал старый Чарли. – Высокий звук, вот он смещается влево. И... фу! Выхлопные газы и вонь резины! Кондуктор, кондуктор!

Кондуктор, как и остальные в вагончике, тоже услышал звук и остановил поезд, чтобы прислушаться в тишине. Потом позвонил по телефону и, советуясь с пассажирами, передал максимально точные координаты. Налево простиралась пересеченная местность – скалы и холмы, и там среди бела дня кто-то гонял на автомобиле.

Кондуктор выломал из оружейного шкафа несколько винтовок, передал их Питеру и еще двум молодым людям, потом отнес по три винтовки в два других вагона. Солидного вида мужчина связался с пассажирами, которые ехали по другой железнодорожной ветке, слева от них, по другую сторону от сумасшедшего водителя. И водитель он оказался в западне, запертый на территории площадью примерно квадратный километр.

– Анжела, оставайся в вагоне, и вы, дедушка Чарли, – приказал Питер Брэдли. – Вот небольшой карабин. Воспользуйтесь им, если безумец вдруг выскочит прямо на вас. А мы его сейчас выследим.

Питер поспешил за кондуктором и вооруженными мужчинами – десять человек вышли на смертельную охоту. Еще четыре группы охотников стягивались к завывающей, кашляющей цели с разных сторон.

– Зачем убивать их, прадедушка? Почему просто не отдать под суд?

– Суды снисходительны. Максимум, дают пожизненный срок.

– Это же хорошо! Не будут больше ездить на машинах, а кого-то из них, возможно, даже перевоспитают.

– Анжела, они очень умело устраивают побеги. Вот, десять дней назад безумец Гадж убил трех охранников, перелез через стену тюрьмы и скрылся от преследования. Потом ограбил кооператив сыроделов на пятнадцать тысяч долларов, пришел к тайному сборщику драндулетов и уже на следующий день гонял по пустырям. Через четыре дня его поймали и убили. Они же невменяемы, Анжела! Психушки ими забиты, но перевоспитать никого не удалось.

– А что плохого в том, что они ездят на машинах? Они же гоняют по пустырям глубокой ночью и не дольше двух-трех часов.

– Анжела, их безумие заразно. Их высокомерие способно вытеснить из людей все остальное. Наша страна сейчас – в состоянии равновесия. Наш обмен информацией и путешествия минимальны и почти оптимальны, спасибо замечательным троллеям и тем, кто на них работает. Все мы соседи и одна семья! Все мы живем в любви и взаимопомощи. У нас почти нет разделения на богатых и бедных. Высокомерие и ненависть покинули наши сердца. Мы помним о своих корнях. И у нас есть наши вагончики. Мы – одно целое с нашей землей.

– Да кому какое дело, если водители получают собственный огороженный участок, где будут делать что хотят, не беспокоя остальных?

– Кому какое дело, если болезнь, безумие и порок обретут собственный огороженный участок? Анжела, неужели ты думаешь, что они останутся в отведенных пределах? Их обуревают дьявольское высокомерие, безудержный эгоизм

и отвращение к порядку. Что может быть опаснее для общества, чем человек в автомобиле? Дай им волю – и сразу вернутся нищета, голод, богачи, капиталы. И города.

– Но города – это же самое замечательное, что только есть! Я обожаю туда ездить!

– Анжела, я говорю не про наши прекрасные экскурсионные города. Я о городах иного, опасного рода. Однажды они почти подмяли под себя цивилизацию, после чего потребовалось ввести ограничения. Те города лишены уникальности; это просто скопления людей, забывших о своих корнях; высокомерных, обезличенных, лишенных сострадания. Нельзя, чтобы они снова отняли у нас землю и наши квази-города. Мы не совершенны, но то, что в нас есть, мы не предадим ради кучки дикарей.

– Какой запах! Он невыносим!

– Это выхлопные газы. Хотела бы ты родиться в такой атмосфере, прожить в ней всю свою жизнь и в ней же умереть?

– Нет, только не это!

Раздались выстрелы – разрозненные, но отчетливо слышимые. Завывание и кашлянье незаконного драндулета приближалось. А вот из-за холма выскочил и он сам. Подпрыгивая на ходу, понесся по томатному полю прямо к вагончикам междугородки.

Драндулет горел, испуская ужасную смесь запахов горящей кожи, резины, ядовитой окиси углерода и обожженной плоти. Человек, привставший за сломанным штурвалом, выглядел как безумец и завывал, как сумасшедший, излучал ненависть и высокомерие. На голове и груди с левой стороны адела кровь. Человек излучал ненависть и высокомерие.

– Убейте меня! Убейте меня! – хрипло кричал он, и его голос звучал, как отдаленный грохот. – После меня придут

другие! Мы не перестанем ездить, пока есть хоть один пустырь и хоть один тайный умелец!

Человек дернулся и затрясся. В него попала еще одна пуля. Умирая, он продолжал истошно вопить:

– Будь проклят ваш троллейный рай! Человек в автомобиле стоит тысячи пешеходов! И миллиона пассажиров в вагончиках! Вы никогда не ощущали ту силу, которая просыпается в тебе, когда управляешь монстром! Вы никогда не задыхались от ненависти и восторга, не смеялись над миром, пролетая по нему в грохочущем центре вселенной! Будьте вы прокляты, благопристойные людишки! Лучше я помчусь на автомобиле в ад, чем поползу на троллее в рай!

Переднее спицевое колесо издало звук, похожий на приглушенный залп винтовок. Драндулет ткнулся носом в землю, встал на дыбы, перевернулся и взорвался, выплюнув языки пламени. Но сквозь огонь сияли два гипнотических глаза, кипящие темной страстью. И доносился безумный голос:

– Коленвал в порядке! Дифференциал в порядке! Тайный умелец возьмет их на запчасти! Авто снова поедет... а-а-а-а!

Троллейные вагончики покатали дальше. Часть пассажиров пребывала в радостном возбуждении, другие сидели в задумчивости, происшествие их явно обескуражило.

– Не могу без содрогания вспоминать, что я когда-то инвестировал деньги в такое вот будущее, – вздохнул прадедушка Чарльз Арчер. – Уж лучше потерять богатство, чем жить в таком кошмаре.

Молодая пара благополучно погрузила пожитки в багажный вагончик и отправилась занимать места согласно купленным билетам: они переезжали из экскурсионного города в квази-город к родственникам. Население экскурсионного

города (с его замечательными театрами и мюзик-холлами, изысканными ресторанами, литературными кофейнями, алкогольными погребками и развлекательными центрами) достигло установленного лимита – семь тысяч человек. Экскурсионных городов несколько сотен, и все восхитительные! Но их население ограничено законом, ведь у всего должен быть предел.

Чудесный субботний день. Птицеловы ловят птиц раскладными сетями, натянутыми между бумажными змеями. Дети, пользуясь бесплатным проездом, торопятся на бейсбольные площадки для участия в играх Троллейной Лиги. Старики с голубиными клетками едут соревноваться, чей голубь быстрее вернется домой. На мелководье полусоленого озера Малая Креветка рыболовы накидными сетями собирают креветок. На поросших травой улочках музыканты под аккомпанемент банджо поют серенады своим девушкам.

Мир – это звучание единственного бронзового гонга, в которое вплетается мелодичный звон троллейных вагончиков, катящихся по зеленым рельсам, опутавшим всю страну. Искры сыплются на вагончики, и на их медных боках играют отблески солнца.

По закону расстояние между параллельными троллейными линиями не должно превышать километр, но на деле они проходят чаще. По закону ни одна троллейная линия не может иметь протяженность больше сорока километров – так создается ощущение обособленности. Пересадки между линиями идеально продуманы. Чтобы пересечь страну, нужно сделать примерно сто двадцать пересадок. Магистральных железных дорог не осталось. Они тоже порождают высокомерие, а значит, им пришлось исчезнуть.

Карпы в прудах, хрюшки на клевере, уникальные хозяйства в каждой деревушке, и каждая деревушка по-своему уникальна. Пчелы в воздухе, душистый перец вдоль тропинок и целая страна – живая, как искры над троллеем, и прямая-прямая, как рельсы.

КАК МЫ СОРВАЛИ ПЛАНЫ КАРЛА ВЕЛИКОГО

*Огузок скунса и полное безумие, или как читать
Р. А. Лафферти*

Да, на первый взгляд все вроде так просто... В прозе Лафферти мало прилагательных, зато явственно звучит традиционный мотив американской сказки-небылицы. Его герои зашифрованы, иногда они кажутся одномерными карикатурными изображениями, а повествователь ведет свой рассказ наивно-шутливым тоном, по ходу дела изобретая собственный замысловатый синтаксис, подробно растолковывая исторические эпизоды и делая акцент на невероятных деталях. Он переходит вброд философские болота, спеша, как сказочный дровосек Пол Баньян, скорее добраться до конечной точки.

Но невозможно не почувствовать, что в рассказах Лафферти происходит нечто более важное, нечто невидимое и неуловимое. И, хотя некоторые фразы мы попросту не понимаем, наталкиваясь на незнакомые слова, невозможные события и теории, которые могут – или не могут? – быть исторически точными, на якобы незначительные отступления – мы не сойдем с этого поезда, пока... пока он не остановится. Всеми признано, что Лафферти уникален. Неподражаем, неповторим. Его сравнивали с Джином Вулфом из-за влияния христианства в его работах; сравнивали с Марком Твенем, видимо, из-за фантазийной природы его прозы. Но по большому счету

Лафферти не сопоставим ни с кем, и, даже проведя всевозможные параллели, по прочтении рассказа ты по-прежнему недоумеваешь: что это было? Что сейчас со мной произошло? Почему эти истории навсегда западают в душу, как воспоминания детства, как сказки, которые будоражили и подчас пугали?

Наверное, потому, что рассказы Лафферти и есть сказки – философские сказки для взрослых.

«Как мы сорвали планы Карла Великого» – не исключение. На мой взгляд, это один из его лучших рассказов. Это квинт-эссенция Лафферти, воздействующая на читателя на всех уровнях, заставляя долго скрести затылок, пока сказка – или притча? – впечатывается в твое сознание. Этот рассказ – от начала до конца классический вымысел: в нем говорится, что может произойти, когда ты меняешь одно историческое событие, чтобы сотворить альтернативную историю; автор сам выбирает «поворотные пункты» и тем самым создает новую ветвь событий, которая разрушает ход той истории, которую мы знаем или думаем, что знаем. Лафферти предоставляет нам возможность самостоятельно разбираться с Ронсевальской битвой и номинализмом Уильяма Оккама, и, если вы так увлечетесь, как я, вы точно дадите себе труд выяснить, что означает тот или иной термин.

Но отставим все это в сторону. Когда будете читать рассказ, задумайтесь: а вообще, научная ли это фантастика? Или, возможно, антинаучная? Автор умело жонглирует образами и метафорами НФ, равно как и альтернативной истории; но ведь наука, по большому счету – лишь еще одна форма магии, ее большая метафора. А исторические события, описанные в рассказе... мы верим в них, потому что Лафферти приправляет их наукообразной эзотерикой настолько живо и щедро, что все кажется правильным и разумным. И не только кажется!

Короче говоря, рассказ, который вам предстоит прочитать – простой, загадочный и полный глубокого смысла. Добро пожаловать в противоречивый мир Лафферти. Добро пожаловать в его счастливую антиутопию. Как сказал однажды критик и ученый Дон Уэбб, «проза Лафферти – она создает Неведомое».

Смотрите живые картины и наслаждайтесь.

Джек Данн

Дело было в Институте.

– Мы с вами покоряли самые разные высоты, – говорил Григорий Смирнов, – но никогда еще не подходили к краю такой глубокой пропасти и не смотрели в будущее с такими зыбкими надеждами. И все же, если расчеты Эпиктистеса верны, у нас все получится.

– Получится, люди хорошие, – подтвердил Эпикт.

Ктистек-машина Эпиктистес – здесь? Как? Ведь он – то есть основной его корпус – находится пятью этажами ниже! Но для щупальцев Эпикта нет преград, так что до небольшой гостиной пентхауса он дотянулся. Все, что понадобилось – кусок кабеля метровой толщины и приделанная к нему голова.

И какая голова! Не то дракона, не то морского змея, длинной в полтора метра, словно снятая с корабля античного флота и к тому же говорящая на причудливой смеси новоирландского и древнееврейского, приправленной интонациями голландских комиков из старых водевилей. Впрочем, это не удивительно: Эпикт и сам тот еще комик, до последнего пара-ДНК реле. Возложив на стол огромную, украшенную гребнем голову морского чудовища, он раскурил сигару – наверное, самую большую в мире.

Однако к нынешнему проекту он относился более чем серьезно.

– Условия для эксперимента идеальные, – изрек Эпикт строго, словно призывая людей к порядку. – Мы подготовили контрольные тексты и изучили окружающий мир. Изменится он – изменятся и тексты, причем прямо у нас на глазах. Объектом наблюдения выбран район, который открывается из окон этого пентхауса. Всем ясно, что связь «прошлое-будущее» неразрывна, и если в результате нашего вмешательства мир станет другим, то и лицо города изменится. Здесь собрались лучшие умы современности: восемь человек и одна Ктистик-машина, то бишь я. Запомните, нас девять. Это может быть важно.

Девять лучших умов составляли: Эпиктистикес, трансцендентальная машина (за ее выдающиеся способности слово Ктистик стали писать с большой буквы); Григорий Смирнов, директор Института и широкой души человек; Валерия Мок, блистательная леди-ученый; Чарльз Когсворт, ее мозговитый муж, прозябающий в тени жены; непогрешимый Глоссер, лишенный чувства юмора; Алоизий Шиплеп, признанный гений; Вилли Макджилли, человек без ложной скромности, но с необычными частями тела – зрячесть среднего пальца левой руки он подхватил на одной из планет звезды Каптейн. И, наконец, Одифакс О’Ханлон и Диоген Понтифекс. Двое последних не числились сотрудниками Института в соответствии с «Правилами минимальной порядочности», но, когда собирались лучшие умы человечества, эти двое не оставались в стороне.

– Пока что такие эксперименты не проводились открыто, – продолжил Григорий Смирнов. – Мы собираемся изменить какую-нибудь малозначительную деталь прошлого и отследить полученный эффект. Для начала мы собираемся

проникнуть в эпоху правления Карла Великого, ту, что называют «лучом света в темном царстве». Беда в том, что этот луч погас, хотя трут для нового огня уже был подготовлен. И мир потерял четыреста лет. Почему это произошло? Давайте вернемся к эпохе ложного заката Европы и рассмотрим, где именно случился сбой. Год – 778-ой, регион – Испания. Карл Великий вступает в альянс с Марсилием, арабским королем Сарагосы. Их союз направлен против калифа Абд ар-Рахмана из Кордовы. Карл Великий занимает такие города, как Памплона, Уэска и Херона, и тем самым расчищает Марсилию путь в Сарагосу. Калиф вынужден согласиться с изменившейся расстановкой сил. Сарагосе предстоит стать независимым городом, принимающим и мусульман, и христиан. Христианство откроет проходы на север к границе Франции, и наступит всеобщий мир. Марсилиий давно относился к христианам Сарагосы как к равным, а теперь вдобавок распахивалась дверь из исламского мира в саму Франкскую империю. Чтобы закрепить партнерство, Марсилиий подарил Карлу Великому тридцати трех мусульманских, иудейских и христианских ученых и несколько испанских мулов. Все это должно было привести к взаимному оплодотворению культур. Но в Ронсесвальесе все планы рухнули. Арьергард Карла Великого, возвращавшийся во Францию, попал в засаду и был уничтожен. Среди устроителей засады числилось больше басков, чем мусульман, но Карл Великий все равно закрыл проход через Пиренеи и поклялся, что отныне граница останется на замке. Он сдержал свое слово. Так же поступил его сын, а потом и внук. Вот только отгородившись от мусульманского мира, Карл Великий изолировал и свою культуру. На закате правления он попытался сдвинуть цивилизацию с мертвой точки и призвал на помощь ирландских ученых, греческих

паломников и помнивших еще старый Рим переписчиков. Но их стараний оказалось недостаточно, хотя Карл и был близок к успеху. В общем, если б ворота в исламский мир не захлопнулись, Ренессанс наступил бы не через четыреста лет, а гораздо раньше. Наша задача – не допустить засады в Ронсесвальесе и оставить дверь между двумя мирами открытой. Если у нас все получится, интересно будет посмотреть, что произойдет с нами.

– Своего рода проникновение со взломом, – заметил Эпикт.

– И кто грабитель? – любопытствовал Глоссер.

– Я, – ответил Эпикт. – Все мы. Это цитата из древнего стихотворения. Автора не помню. Кому интересно, покопайтесь в моей главной памяти на нижнем этаже.

– В качестве контрольного текста мы взяли отрывок из сочинения Папы Гилария, – продолжил Григорий. – Отрывок аккуратно отмечен вот в этой книге.. Нужно запомнить его таким, какой он есть, потому что скоро, возможно, придется вспоминать, каким он был. Предполагаю, что слова изменятся прямо у нас на глазах – сразу после того, как мы исполним задуманное.

Отмеченный текст гласил:

«Предатель Гано, слуга нескольких господ, взяв деньги у кордовского калифа, подкупил группу басков-христиан, чтобы те, переодевшись мосарабами Сарагосы, устроили засаду на пути арьергарда французских войск. Для этого Гано нужно было одновременно поддерживать связь с басками и замедлять движение арьергарда франков, и Гано устроился к франкам работать проводником и разведчиком. Засада сработала. Карл Великий лишился испанских мулов. Дверь в исламский мир захлопнулась».

Таков был текст Гилария.

– Как только мы, образно говоря, нажмем на кнопку, то есть дадим добро Эпикту, текст должен измениться, – сказал Григорий. – Используя сложный комплекс устройств, Эпикт отправит в прошлое аватара – полуробота, полупризрака. И предателя Гано в Рансесвальесе наступит беда.

– Надеюсь, аватар не очень дорогой, – заметил Вилли Макджилли. – Мало ли, вдруг понадобится его уничтожить? Помнится, в детстве для таких целей у каждого из нас был дротик, выструганный из древесины красного вяза.

– Вилли, опять ты со своими шутками, – приструнил его Глоссер. – Кого ты, будучи мальчишкой, убил во времени?

– Многих. Короля Ву из Маньчжурии, Папу Адриана VII¹, президента нашей страны Харди, короля Марселя из Оверни, философа Габриеля Топлица. И хорошо, что мы их убили. Дрянные были людишки.

– Никогда не слышал о таких, – заметил Глоссер.

– Разумеется. Ведь мы их убили, когда они были детьми.

– Вилли, хватит дурачиться, – вмешался Григорий.

– Он не дурачится, – изрек Эпикт. – Откуда, по-вашему, я взял эту идею?

– Взгляните на мир, – тихо произнес Алоизий, – на наш городок с полудюжиной башен из серого кирпича. На наших глазах он разрастется или, наоборот, съезжится. Изменится мир – изменится и городок.

– А я, кстати, еще не побывала на двух выставках, которые сейчас проходят в городе, – заволновалась Валерия. – Не дайте им исчезнуть! В конце концов, их всего три!

¹ Во время написания рассказа не было Папы Адриана VII. Период его папства – с 1984 по 2006 гг.

– Наше отношение к современным изящным искусствам полностью совпадает с мнениями, изложенными в рецензиях, которые мы тоже отобрали в качестве эталонных текстов, – вклинился в разговор Одифакс О’Ханлон. – Можете не соглашаться, но мы уже давно не видели столь катастрофического упадка искусств. Живопись представлена всего тремя школами, и все они переживают не лучшие времена. Современная скульптура – это стиль «металлолом» и непристойные паяные безделушки. Единственный истинно массовый вид искусства – граффити на стенах туалетов – не оставляет простора для воображения, отличается грубой стилистикой и просто неприятен на вид. Немногочисленные мыслители, которых я могу вспомнить, – это покойный Тейяр де Шарден и мертворожденные Сартр, Зелинский и Айхингер. Ну хорошо, раз вы смеетесь, не вижу смысла продолжать.

– Все мы, кто собрался здесь, – эксперты в разных областях знаний, – подытожил Когсворт. – У большинства широкий кругозор. Мы хорошо знаем подноготную мира. Так давайте сделаем то, ради чего собрались, и посмотрим, каков будет результат.

– Эпикт, дави на кнопку! – распорядился Григорий Смирнов.

Эпиктистес выпустил из своих механических недр аватара – полуробота, полупризрака. Вечером четырнадцатого дня августа месяца 778 года по дороге из Памплоны в Ронсесвальесе предатель Гано был схвачен и вздернут на единственном в дубовой роще рожковом дереве.

И все изменилось.

– Ну как, Эпикт, сработало? – спросил, сгорая от нетерпения, Луи Лобачевский. – Не вижу никаких изменений.

– Аватар вернулся и доложил, что миссия выполнена, – сообщил Эпикт. – Но я тоже не вижу перемен.

– Давайте взглянем на образцы, – предложил Григорий.

Присутствующие – десять человек и три машины: Кти-стек, Кресмоидек и Проаистематик – разочарованно всмотрелись в образцы-эталоны.

– В тексте Гилария никаких изменений, – вздохнул Григорий.

И действительно, текст остался прежним:

«Король Марсилиий Сарагосский вел сложную игру. Он взял деньги у кордовского калифа, чтобы убедить Карла Великого отказаться от завоевания Испании (чего тот, кстати, не планировал, да и не смог бы). Он требовал с Карла компенсацию за города у северной границы, поскольку те возвращались под христианское управление (хотя сам Марсилиий никогда ими не владел) и начал взимать плату со всякого, кто проходил по новому торговому пути через его город. Взамен Марсилиий подарил Карлу тридцати трех ученых, столько же голов мулов и несколько повозок манускриптов из древней эллинистической библиотеки. Дорога через перевал, соединяющая два мира, была открыта. Обе стороны имели теперь доступ к Средиземному морю. Миры приоткрылись друг для друга, что оказало благотворное влияние на каждую из сторон и на цивилизацию в целом».

– Не изменилось ни слова, – констатировал Григорий. – История проследовала тем же курсом. Эксперимент не удался. Но почему? При помощи устройства, которое лично мне кажется невообразимо сложным, мы попытались сократить период беременности и ускорить рождение нового мира. Но у нас ничего не вышло.

– И город ничуть не изменился, – сообщил Алоизий

Шиплеп. – Такой же большой и красивый, с двумя десятками импозантных башен из разноцветного известняка и мидлэндского мрамора. Крупнейший культурный и деловой центр. Мы обожаем его, но он такой же, как прежде.

– Все выставки и спектакли на месте, – радостно сообщила Валерия, изучив афиши. – Включая те, на которых я не была. Их больше двадцати. Как я боялась, что они исчезнут!

– В изящных искусствах тоже никаких перемен, если судить по рецензиям, взятым за эталонные образцы, – известил Одифакс О’Ханлон. – Можете не соглашаться, но искусство никогда еще не переживало такого подъема и не пользовалось такой популярностью!

– Прямо как копченая кровяная колбаса, – заметила машина Кресмоиди.

– «Не знаю я дороги, по которой нельзя пробежаться трижды», – продекларировала машина Проаист. – Это из одной древней сказки. Автора, к несчастью, забыла. Если что, сказка хранится в моем банке памяти в Англии.

– О да, трехходовая история, которая заканчивается там же, где началась, – изрек Эпиктистес. – Но колбаса недурна, и мы должны ею наслаждаться; ведь большинство эпох было лишено даже этого.

– О чем вы болтаете, ребята? – спросил Одифакс и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Живопись по-прежнему переживает эпоху расцвета. Школы – как гроздь галактик. Большая часть людей творит только ради удовольствия. Скандинавии и Маори все труднее сохранять лидерство в области скульптуры, ведь почти все новые произведения – экстраординарные. Страстность и чувство юмора освободили музыку от излишних догм. А с тех пор как математики и психологи занялись инсталляциями и перформансом,

жить стало значительно веселее. Пит Тейлхард проявил себя талантливым писателем-фантастом, виртуозом эксцентричной пародии. Конечно, он изрядно переработал лейтмотив «Мира Мозга», зато превратил эту вещь в захватывающую комическую феерию! А другие! Мульдум, Зелинский, Поппер, Гандер, Айхингер, Вайткроу, Хорнвангер – цвет высокой литературы, все мы перед ними в неоплатном долгу! Нескончаемая череда великих романов и романистов! Извечно популярный вид искусства – граффити на стенах туалетов – удерживает свои позиции. Компания «Путешествия без границ» предлагает девяностодевятидневный кругосветный арт-тур, посвященный просмотру веселых, но изысканных миниатюр на стенах туалетных комнат филиалов компании. Ах, как же щедр наш мир!

– Да, наш мир – рог изобилия, – подхватил Вилли Макджилли. – Достижения просто ошеломляют! Но я задаюсь вопросом: не продиктованы ли мои слова тайным злорадством? Ведь понятно, что эксперимент провалился. А я этому рад. Люблю мир таким, какой он есть.

– Мы пока провели треть эксперимента, и не стоит утверждать, что он провалился, – возразил Григорий. – Завтра снова попытаемся изменить прошлое. А если настоящее останется прежним, попробуем еще раз.

– Хватит уже о работе, люди добрые, – прогудел Эпиктистес. – Встретимся завтра здесь же. А теперь, вы к своим развлечениям, мы – к своим.

Вечером люди продолжили разговор: машин поблизости не было, так что никто над людьми не насмеялся.

– Давайте вытянем из колоды случайную карту. Как она ляжет, так и поступим, – предложил Луи Лобачевский. – Выберем интеллектуальный переломный момент чуть более

поздней истории, внесем изменения и посмотрим, что получится.

– Я предлагаю Оккама, – сказал Джонни Кондули.

– Но почему? – спросила Валерия. – Ведь он последний и самый малоизвестный из средневековых схоластов. Разве то, что он сделал или не сделал, может повлиять на ход истории?

– Еще как может, – подтвердил Григорий. – Оккам приставил бритву к сонной артерии и вскрыл бы ее, если б ему не помешали. Хотя... здесь что-то не так. В этом воспоминании чего-то не хватает, как будто у истории с бритвой¹ есть другой смысл, и номинализм Оккама имеет более глубокое значение, чем нам кажется.

– Давайте позволим ему вскрыть артерию, – предложил Вилли. – Заодно поймем ценность номинализма и посмотрим, насколько остра эта бритва Оккама.

– Так и поступим, – решил Григорий. – А то наш мир – совсем как жирный лентяй, он пресыщен, он докучлив, особенно по вечерам. Мы выясним, способны ли интеллектуальные воззрения быть реальной силой. Детали операции поручим Эпикту, а поворотным моментом, на мой взгляд, нужно считать 1323 год. Джон Люттерелл тогда приехал из Оксфорда в Авиньон, где размещался папский престол. С собой он привез пятьдесят шесть тезисов из оккамовских «Комментариев к Сентенциям Павла» и предлагал их заклеить. Хотя их и не осудили прямо, Оккам подвергся серьезной критике, от которой так и не оправился. Люттерелл доказал, что нигилизм Оккама – не более чем «ничто».

¹Бритва Оккама – философский принцип, лаконично сформулированный как «Не должно множить сущее без необходимости». Или, выражаясь более современным языком: «Не следует умножать сущности сверх необходимого».

Идеи Оккама увяли, прокатившись невнятным эхом по мелким площадкам Германии, но сбывать массово ему ее уже не удавалось. А между тем его мировоззрение могло пустить под откос целый мир, если, конечно, интеллектуальные воззрения и впрямь способны выступать как реальная сила.

– Уверен, нам не понравился бы Люттерелл, – сказал Алоизий. – Без чувства юмора, без искры, да еще и всегда прав. А вот Оккам – другое дело. Он обаятелен, он совершал ошибки. Возможно, развязав руки Оккаму, мы уничтожим мир. Развитие Китая замедлилось на тысячелетия из-за мировоззрения, которое оккамовскому и в подметки не годится. Индия погружена в гипнотический застой, который называют революционным, но никаких изменений там не происходит – интеллектуальные воззрения этой страны ее намертво загипнотизировали. А вот воззрение, подобное оккамовскому, ни разу не получало шанс распространиться действительно широко.

Итак, они решили, что бывший канцлер Оксфордского университета вечно больной Джон Люттерелл должен подцепить еще одну болезнь по дороге в Авиньон, куда он направлялся в надежде покончить с ересью Оккама, пока та не заразила весь мир.

– Пора бы уже и начинать, люди добрые, – прогрохотал назавтра Эпикт. – Моя часть работы состоит в том, чтобы остановить человека, следующего из Оксфорда в Авиньон в 1323 году. Ну, проходите, располагайтесь, и давайте приступим.

Эпиктистес затынулся семирожковым косячком, голова морского чудовища засияла всеми цветами радуги, и гостиная наполнилась волшебным дымом.

– Все приготовились резать горло? – насмешливо спросил Григорий.

– Всегда готов, – проворчал Диоген Понтифекс, – хоть и не верю в результат. Вчерашняя попытка потерпела фиаско. Не представляю, чтобы какой-то английский схоласт, оспаривавший около семисот лет назад в итальянском суде во Франции на плохой латыни пятьдесят шесть пунктов ненаучных абстракций другого схоласта, может стать причиной масштабных изменений.

– Мы усовершенствовали условия опыта, – сообщил Эпикт. – Контрольный текст взяли из «Истории философии» Коплстона. Если попытка окажется удачной, текст изменится у нас на глазах. Как и все остальные тексты, да и мир в целом. – И добавил: – Здесь собрались лучшие умы человечества: десять человек и три машины. Запомните, нас тринадцать. Это может быть важно.

– Следите за миром, – приказал Алоизий Шиплеп. – Я говорил это вчера, но повторю еще раз. Мы сохранили мир в нашей памяти и теперь наблюдаем за ним. Изменится он хоть на йоту, мы это сразу уловим.

– Дави на кнопку, Эпикт! – скомандовал Григорий Смирнов.

Эпиктистес выпустил из своих механических недр аватара – полуробота, полупризрака. В один из дней 1323 года на полпути из Менде в Авиньон, что в древнем округе Лангедок, канцлер Оксфордского университета Джон Люттерелл внезапно занемог. Его отвезли на небольшой затерянный в горах постоялый двор. Возможно, там он и умер. Во всяком случае, до Авиньона он не добрался.

– Ну как, Эпикт, сработало? – спросил Алоизий.

– Давайте взглянем на образцы, – предложил Григорий.

Все четверо – три человека и призрак Эпикт, похожий на противогаз с разговорной трубкой, – повернулись к эталону и разочарованно переглянулись.

– Все та же палка и пять насечек на ней, – вздохнул Григорий. – Наша контрольная палка. В мире ничего не изменилось.

– Искусство тоже осталось прежним, – сообщил Алоизий. – Наскальная живопись, которой мы посвятили несколько последних лет, выглядит как и прежде. Мы рисовали медведей черной краской, буйволов – красной, а людей – синей. Когда у нас появится другая краска, мы сможем изобразить птиц. Как я надеялся, что эксперимент подарит нам новые цвета! Даже мечтал, что птицы на рисунке возникнут сами собой, у нас на глазах.

– А из еды все тот же огузок скунса и ничего больше, – вздохнула Валерия. – А я так ждала, что эксперимент превратит этот огузок в бедро оленя!

– Не все потеряно, – успокоил ее Алоизий. – У нас по-прежнему есть орехи гикори. Об этом я молился перед экспериментом: только бы орехи гикори не пропали!

В невыделанных шкурах, надетых на голое тело, они восседали вокруг стола совещаний, под который приспособили большой плоский камень, и кололи каменными топорами орехи гикори. Мир оставался прежним, хоть они и пытались изменить его с помощью магии.

– Эпикт подвел нас, – констатировал Григорий. – Мы создали его тело из лучших палок. Сплели ему лицо из лучших сорняков. Наши песнопения наполнили его магией. Все наши сокровища – в его защечных мешках. И что же волшебная маска предлагает нам в ответ?

– Спроси у нее сам, – посоветовала Валерия.

Вокруг стола сидели лучшие умы человечества. Трое смертных – Григорий, Алоизий, Валерия (единственные люди на Земле, если не считать живущих в других долинах) и дух Эпикт, противогаз с разговорной трубкой.

Григорий встал, обошел стол и наклонился к разговорной трубке:

– Эпикт, и что прикажешь нам делать?

– Я помню женщину, к носу которой приросла кровяная колбаса, – сказал Эпикт голосом Григория. – Это как-нибудь поможет?

– Возможно. – Григорий снова занял место за столом сое-вещаний. – Это из одной старой – ну почему старой, я придумал ее только сегодня утром! – народной сказки про три желания.

– Пусть Эпикт расскажет, – предложила Валерия. – У него лучше получается. – Обогнув Эпикта, она подошла к разговорной трубке и выпустила через нее клуб дыма – она курила большую рыхлую сигару, свернутую из черных листьев.

– Жена тратит первое желание на колбасу, – начал Эпикт голосом Валерии. – То есть на куски оленьего мяса с кровью, утрамбованные в перевязанную оленью кишку. Муж злится, что жена так бездарно потратила желание, ведь она могла попросить целого оленя, из которого получилось бы много колбасы. Муж злится так сильно, что в сердцах желает, чтобы колбаса навечно приросла к носу жены. Так и происходит. Жена в истерике. До мужа доходит, что он истратил второе желание... Дальше я забыл.

– Как же так, Эпикт?! Как ты мог забыть? – в смятении вскричал Алоизий. – Ведь от твоей способности к запоминанию, очень может быть, зависит судьба мира. А ну-ка, дайте мне поговорить с этой треклятой маской! – И Алоизий направился к разговорной трубке.

– О да, вспоминаю, – продолжил Эпикт голосом Алоизия. – Мужчина тратит третье желание на то, чтобы избавить жену от колбасы. Таким образом все возвращается на круги своя.

– Мы не хотим, чтобы все оставалось на кругах своих! – простонала Валерия. – Это невыносимо: из еды только огузок скунса, из одежды – обезьяньи манто. Мы жаждем лучшей жизни. Мы желаем верхнюю одежду из шкур оленей и антилоп!

– Я призрак-ясновидец, больше ничего от меня не требуй, – обиделся Эпикт.

– Послушайте, мир остался прежним, но у нас есть намеки на нечто иное! – осенило Григория. – Скажите, какой народный герой выстругал дротик? И из какого материала?

– Народный герой – Вилли Макджилли, – произнес Эпикт голосом Валерии, которая первой подскочила к разговорной трубке, – а выстругал он его из красного вяза.

– А мы? Сможем мы выстругать дротик по примеру народного героя Вилли? – спросил Алоизий.

– У нас есть выбор? – осведомился Эпикт.

– А сможем мы сконструировать метатель дротиков и перебросить его из нашей среды? Точнее, сможем мы убить дротиком аватара, пока он не убил еще кого-то? – взволнованно спросил Григорий.

– Попробуем, – изрек призрак Эпикт, противогаз с разговорной трубкой. – По правде сказать, мне эти аватары никогда не нравились.

Называть Эпикта противогазом не совсем честно. Внутри него находилось еще много всяких вещей: красный гранат, настоящая морская соль, толченые глаза бобра, хвост гремучей змеи и панцирь броненосца. По сути, он стал первой Ктистек-машиной.

– Приказывай, Эпикт! – воскликнул Алоизий, приладив дротик к метателю.

– Стреляй! Достань предателя-аватара! – прогудел Эпикт.

На закате нenumерованного года на полпути из ниоткуда в никуда аватар пал замертво, сраженный в сердце дротиком, выструганным из красного вяза.

– Ну как, Эпикт, сработало? – спросил, волнуясь, Чарльз Когсворт. – Скорее всего, да, ведь я снова здесь. А то в последний раз меня не было.

– Давайте взглянем на образцы, – бесцветным голосом предложил Григорий.

– К черту образцы! – воскликнул Вилли Макджилли. – Вспомните, ведь мы это уже слышали!

– Уже началось? – спросил Глоссер.

– Уже закончилось? – удивился Одифакс О’Ханлон.

– Дави на кнопку, Эпикт! – рявкнул Диоген. – Такое чувство, будто я что-то пропустил, очень важное. Давай по новой!

– О нет, нет! – всполошилась Валерия. – Только не по новой. Это же путь к огузку скунса и... полному безумию.

БЕЗЛЮДНЫЙ ПЕРЕУЛОК

Это не первый рассказ Лафферти, который я прочитал, и даже не первый, в который влюбился.

Но первый, который я постарался разобрать, проанализировать и понять, как же автор написал.

Наверное, мне тогда было одиннадцать лет. Я смутно представлял себе, что такое квартал в американском городе – для меня это слово значило нечто вроде «района». Сам я рос в поселках и городках с извилистыми беспорядочно расположенными улицами. Но рассказ мне очень понравился. История без основной линии, но с множеством невероятных сценок, сказка-небылица без видимого конфликта: два друга прогуливаются по кварталу и разговаривают с разными интересными персонажами. Посыл ясен: это рассказ о людях, недавно приехавших в город, об иммигрантах, которые много и тяжело работают, стараясь пробиться в этой жизни. И о том, что необычные вещи принимаются как данность.

И еще мне очень понравился язык.

Я прочитал рассказ, перечитал, потом прочитал громко вслух и попытался во всем разобраться. Так и не додумался, что такое «лента Дорт» (полагаю, Лафферти и сам этого не знал). Я чувствовал: если смогу понять, как выстроена эта история, как она сконструирована – возможно, пойму, как вообще надо писать.

Мне понравилась речь людей в лачугах. Хотелось научить-

ся говорить, как машинистка или ее сестра из бара. Я надеялся, что когда-то смогу произнести что-то вроде: «Заметьте, как ловко я ухожу от ответа», – но возможности так и не представилось. И у меня только один язык, так что сказать: «А это я делаю моим другим языком» тоже вряд ли бы удалось.

Став старше, я перечитывал этот рассказ как минимум раз в год, и он мне все так же нравился. Он с сумасшедшинкой, и в нем много гротеска, но вместе с тем это великолепная глубокая история о бедном рабочем люде, об одном квартале в Оклахоме, куда приезжают новички и стараются изо всех сил стать своими. История об иммиграции, о том, какие знания привозят с собой приезжие. История о раскрытых секретах.

И еще это история о писателе, о местах, где он черпал свои идеи. Я представляю себе, как Рэй Лафферти идет в местный бар мимо лачуги, которую прежде никогда не видел. И в тот же вечер возвращается домой с готовым рассказом в голове.

Нил Гейман

В этом квартале хватало разных затейников.

Повстречав там Джима Бумера, Арт Слик спросил его:

– Ходил когда-нибудь вон по той улице?

– Сейчас – нет, а мальчишкой бегал к одному лекарю. Он ютился в палатке – летом, когда сгорела фабрика комбине-зонов. Улица-то всего в один квартал длиной, а потом упирается в железнодорожную насыпь. Несколько лачужек, а вокруг бурьян растет – вот и вся улица... Правда, сейчас эти развалюшки как-то не так выглядят. Вроде и побольше их стало. А я думал, их давно снесли.

– Джим, я два часа смотрю на тот крайний домик. Утром сюда пригнали тягач с сорокафутовым прицепом и стали

грузить его картонными коробками каждая три фута в длину, торец дюймов восемь на восемь. Они их таскали из этой лачужки. Видишь желоб? По нему спускали. Такая картонка потянет фунтов на тридцать пять – я видел, как парни надрывались. Джим, они нагрузили прицеп с верхом, и тягач его уволок.

– Что же тут такого особенного?

– Джим, я тебе говорю, что прицеп нагрузили с верхом! Машина еле с места сдвинулась – думаю, на ней было не меньше шестидесяти тысяч фунтов. Грузили по паре картонок за семь секунд – и так два часа! Это же две тыщи картонок!

– Да кто теперь соблюдает норму загрузки? Следить некому.

– Джим, а домик-то – что коробка из-под печенья, у него стенки семь на семь футов, и дверь на полстенки. Прямо за дверью в кресле сидел человек за хлипким столиком. Больше в эту комнатку ничего не запихнешь. В другой половине, откуда желоб идет, что-то еще есть. На тот прицеп влезло бы штук шесть таких домиков!

– Давай-ка его измерим, – сказал Джим Бумер. – Может быть, он на самом деле побольше, чем кажется.

Вывеска на хижине гласила: «ДЕЛАЕМ – ПРОДАЕМ – ПЕРЕВОЗИМ – ЧТО УГОДНО ПО ЗАМЕНЬШЕННЫМ ЦЕНАМ». Старой стальной рулеткой Джим Бумер измерил домик. Он оказался кубом с ребром в семь футов. Он стоял на опорах из битых кирпичей, так что при желании можно было под него заглянуть.

– Хотите, продам вам за доллар новую пятидесятифутую рулетку? – предложил человек, сидевший в домике. – А старую можете выбросить.

И он достал уз ящика стола стальную рулетку.

Арт Слик отлично видел, что столик был безо всяких ящичков.

– На пружине, имеет родиевое покрытие, лента «Дорт», шарнир «Рэмси», заключена в футляр, – добавил продавец.

Джим Бумер заплатил ему доллар и спросил:

– И много у вас таких рулеток?

– Могу приготовить к погрузке сто тысяч за десять минут. Если берете оптом, то уступлю по восемьдесят восемь центов за штуку.

– Утром вы грузили машину такими же рулетками? – спросил Арт.

– Да нет, там было что-то другое. Раньше я никогда не делал рулеток. Только сейчас вот решил сделать для вас одну, глядя, какой старой и изломанной вы измеряете мой дом.

Арт и Джим перешли к обшарпанному соседнему домику с вывеской: «СТЕНОГРАФИСТКА». Этот был еще меньше, футов шесть на шесть. Изнутри доносилось стрекотание пишущей машинки. Едва они открыли дверь, стук прекратился.

На стуле за столиком сидела хорошенькая брюнетка. Больше в комнате не было ничего, в том числе и пишущей машинки.

– Мне слышалось, здесь машинка стучала, – сказал Арт.

– Это я сама, – улыбнулась девушка. – Иногда для развлечения стучу как пишущая машинка. Чтобы все думали, что здесь стенографистка.

– А если кто-нибудь войдет да и попросит что-то напечатать?

– А как вы думаете? Напечатаю, и все.

– Напечатаете мне письмо?

– О чем говорить, приятель, сделаю. Без помарок, в двух экземплярах, двадцать пять центов страница, есть конверты с марками.

– Посмотрим, как вы это делаете. Печатайте, я продиктую.

– Сперва диктуйте, а потом я напечатаю. Нет смысла делать две вещи одним разом.

Арт, чувствуя себя последним дураком, пробубнил длинное витиеватое письмо, которое уже несколько дней собирался написать, а девушка сидела, подчищала ногти пилочкой. И перебила только раз.

– Почему это машинистки вечно сидят и возятся со своими ногтями? – спросила она его. – Я тоже так стараюсь делать. Подпилю ногти, потом немного отращу, а потом опять подпилю. Целое утро только этим и занимаюсь. По моему, глупо.

– Вот и все, – сказал Арт, кончив диктовать.

– А вы не прибавите в конце «люблю, целую»? – спросила девушка.

– С какой стати? Письмо деловое, и человека этого я едва знаю.

– Я всегда так пишу людям, которых едва знаю, – сказала девушка. Письмо на три страницы. Это семьдесят пять центов. Пожалуйста, выйдите секунд на десять. Не могу при вас печатать.

Дверь захлопнулась и воцарилась тишина.

– Эй, девушка, – крикнул Арт, – чем вы там занимаетесь?

Из домика донеслось: «Вам что, нужно еще и память подправить? Уже забыли о своем заказе? Письмо печатаю».

– Почему же машинки не слышно?

– Это еще зачем? Для правдоподобия? Надо бы за это

брать отдельную плату. – За дверью хихикнули, и секунд пять машинка стрекотала как пулемет. Потом девушка открыла дверь и вручила Арту текст на трех страницах. Действительно, письмо было напечатано безукоризненно.

– Что-то тут не так, – сказал Арт.

– Да что вы! Синтаксис ваш собственный, сэр. А разве надо было выправить?

– Нет, я не о том. Девочка, скажи по чести, как твой сосед умудряется доверху нагрузить машину товаром из дома, который в десять раз меньше этой машины?

– Так ведь и цены уменьшены.

– Ага. Он тоже вроде тебя. Откуда вы такие?

– Он мой дядя-брат. И мы называем себя индейцами племени инномини.

– Нет такого племени, – твердо сказал Джим Бумер.

– Разве? Тогда придется придумать что-нибудь еще... Но звучит очень по-индейски, согласитесь! А какое самое лучшее индейское племя?

– Шауни, – ответил Джим Бумер.

– О'кей, тогда мы – индейцы шауни. Нам это пара пу-
стяков.

– Идет, – сказал Бумер. – Ведь я сам шауни и всех шауни в городе знаю наперечет.

– Салют, братец! – крикнула девушка и подмигнула. – Это как в той шутке, которую я заучила, только начинается там по-другому... Видишь, какая я хитренькая: о чем ты ни спросишь, у меня уже ответ готов.

– С тебя двадцать пять центов сдачи, – сказал Арт.

– Да я знаю, – сказала девушка. – У меня из головы выскочило, что там на обратной стороне двадцатипятицентовой монетки... Заговариваю вам зубы, а сама стараюсь припомнить. Ну конечно, там такая смешная птичка сидит

на вязанке хвороста. Сейчас я ее кончу. Готово. – Она вручила Арту Слика двадцатипятицентовик. – А вы, уж пожалуйста, рассказывайте, что здесь поблизости есть лапочка-машинистка, которая отлично печатает письма.

– Без пишущей машинки, – добавил Арт Слик. – Пошли, Джим.

– Люблю, целую! – крикнула им вслед девушка.

Рядом стояла маленькая убогая пивная под вывеской «КЛУБ ХЛАДНОКРОВНЫХ». Буфетчица была похожа на машинистку, как родная сестра.

– Мы бы взяли по бутылке «Будвайзера», – сказал Арт. – Но ваши запасы, я вижу, на нуле.

– А зачем запасы? – спросила девушка. – Вот ваше пиво.

Арт поверил бы, что бутылки она достала из рукава, но платье у нее было без рукавов.

Пиво оказалось холодным и вкусным.

– Вы не знаете, девушка, как это ваш сосед на углу делает товар из ничего и тут же грузит им машину.

– А вещи делаются из чего-то! – вставил Джим Бумер.

– А вот и нет! – сказала девушка. – Я учу вашего языка. Эти слова я знаю. «Из чего-то» собирают, а не делают. А он делает.

– Забавно, – удивился Слик, – на этой бутылке написано «Будвизер», а правильно – «Будвайзер».

– Ой, какая же я простофиля! Не могла вспомнить, как это пишется; на одной бутылке написала правильно, а на другой – нет. Вчера вот тоже один посетитель попросил бутылку пива «Прогресс», а я на ней написала «Прогерр». Сбиваюсь иногда. Сейчас исправлю.

Она провела рукой по этикетке, и надпись стала верной.

– Но ведь чтобы печатать типографским способом, надо сперва сделать клише! – запротестовал Слик.

– Все проще простого, – сказала буфетчица. – Только надо быть повнимательнее. Как-то я по ошибке сделала пиво «Джэкс» в бутылке из-под «Шлица», и посетитель был недоволен. Я взяла у него эту бутылку, раз-два, поменяла вкус пива и дала ему, будто б новую. «Это у нас освещение такое, что стекло кажется коричневым», – сказала я ему. И тут сообразила, что у нас вовсе никакого освещения нет! Пришлось быстренько сделать бутылку зеленой. Еще бы мне не ошибаться, ведь я такая бестолковая.

– В самом деле, у вас тут нет ни лампочек, ни окон. А светло, – сказал Слик. – И холодильника у вас нет. Во всем этом квартале нет электричества. Почему же у вас холодное пиво?

– Прекрасное холодное пиво, не правда ли? Заметьте, как ловко ухожу от ответа. Добрые люди, не хотите ли еще по бутылочке?

– Хотим. Заодно поглядим, откуда вы их достаете, – сказал Слик.

– Смотрите, сзади змея, змея! – вскрикнула девушка. – Ого, как вы подпрыгнули! – засмеялась она. – Это же шутка. Неужели я стану держать змей в таком хорошем баре?

Перед ними тем временем появились откуда-то еще две бутылки.

– Когда же вы появились в этом квартале? – спросил Бумер.

– Кто за этим следит? – ответила девушка. – Люди приходят и уходят.

– Вы не местные, – сказал Слик. – И нигде я таких не встречал. Откуда вы взялись? С Юпитера?

– Кому он нужен, ваш Юпитер? – возмутилась девушка. – Там и торговать не с кем, кроме как с кучкой насекомых. Только хвост отморозишь.

– Девушка, а вы нас не разыгрываете? – спросил Слик.

– Я сильно стараюсь. Выучила много шуток, но еще не умею ими шутить. Я улучшаюсь, ведь хозяйка бара должна быть веселой, чтобы людям хотелось снова к ней зайти.

– А что в том домике у железной дороги?

– Сегодня моя сестра-кузина открыла там салон. Отращивает лысым волосы. Любого цвета. Я ей говорила, что она спятила. Пустое дело. Будь им нужны волосы, стали бы люди ходить лысыми?

– Она и вправду может отращивать волосы? – спросил Слик.

– А как же! Вы сами не можете, что ли?

В квартале стояли еще три-четыре обшарпанных лавчонки, которых Арт и Джим не заметили, когда входили в «Клуб хладнокровных».

– По-моему, этой развалюшки тут раньше не было, – сказал Бумер человеку, стоявшему у последнего из домов.

– А я ее только что сделал, – ответил тот.

Старые доски, ржавые гвозди... Он ее только что сделал!

– А почему вы... э... не построили дом поприличнее, раз уж вы взялись за это? – спросил Слик.

– Меньше подозрений. Если вдруг появляется старый дом, на него никто и не смотрит. Мы здесь люди новые, и пока что хотим осмотреться, не привлекая особого внимания. Вот я и думаю, что бы мне сделать. Как вы считаете, найдут здесь сбыт отличные автомобили, долларов по сто за штуку? Хотя, пожалуй, при их изготовлении придется считаться с местными религиозными традициями.

– То есть? – спросил Слик.

– Культ предков. Хотя все уже отлично работает на естественной энергии, у машины должны быть пережитки

прошлого, бензобак и дизель. Ну что ж, я их встрою. Подождите, сделаю вам машину за три минуты.

– Машина у меня уже есть, – сказал Слик. – Пошли, Джим.

Арт с Джимом повернули назад.

– А я все гадал: что творится в этом квартале, куда никто никогда не заглядывает? – сказал Слик. – Уйма в нашем городе занятых местечек, стоит только поискать.

– В тех лачугах, что стояли здесь раньше, тоже жило несколько странных парней, – сказал Бумер. – Я кое-кого встречал в «Красном Петухе». Один умел кулдыкать индюком. Другой мог вращать глазами одновременно – правым по часовой стрелке, левым против. А работали на маслозаводе, сгребали пустые хлопковые коробочки, пока он не сгорел.

Приятели поравнялись с хужиной стенографистки.

– Эй, милая, а если серьезно, как это ты печатаешь без пишущей машинки? – спросил Слик.

– На машинке слишком небыстро.

– Я спросил не «почему», а «как»?

– Поняла. Но до чего ловко я увертываюсь от твоих вопросов! Пожалуй, выращу-ка к завтрашнему утру у себя перед конторой дуб, чтобы давал тень. Люди добрые, у вас в кармане желудка не найдется?

– Н-нет. А как же ты все-таки печатаешь?

– Дай слово, что никому не скажешь.

– Даю.

– Я печатаю языком, – сказала девушка.

Арт и Джим не торопясь пошли дальше.

– А чем ты делаешь второй экземпляр? – крикнул вдруг Джим Бумер.

– Вторым языком, – ответила девушка.

Из углового дома опять грузили товар в сорокафутовый трейлер. По желобу ползли связки водопроводных труб со стенками толщиной в полдюйма и длиной футов по двадцать. Жесткие трубы двадцатифутовой длины – из семифутовой развалюшки.

– Не понимаю, как он может загружать товаром из такой маленькой лавчонки целые машины? – не унимался Слик.

– Девчонка же сказала – по уменьшенным ценам, – ответил Бумер. – Зайдем-ка в «Красный Петух». Может быть, там тоже что-нибудь затевается. В этом квартале всегда хватало разных затейников.

ПРОКАТИТЬСЯ В КОНСЕРВНОЙ БАНКЕ

Переписываясь с Лафферти в ранней юности, я спросил у него, какие из собственных рассказов ему нравятся больше всего. Он назвал четыре. Три из них я уже прочитал и полюбил – «Джинни, окутанная солнцем», «Конфигурация северного берега» и «Продолжение на следующем камне». Четвертый пока не попался мне на глаза – «Прокатись в консервной банке».

Я пошел в книжный, купил сборник «Странные дела» и прочитал рассказ.

И был страшно разочарован. И очень сильно расстроен.

Думаю, я, как обычно, ждал радостного душевного подъема. Хотел, чтобы получилось, как всегда с Лафферти: этот его апокалипсис, населенный забавными происшествиями, в итоге всегда наполняет душу удовольствием и даже весельем. А здесь? Существа по имени шелни шли навстречу своему апокалипсису – шли весело и с удовольствием...

Я захлопнул книгу с ощущением, что прочитал самую печальную историю в мире. Мне казалось, что мною манипулируют: в конце я едва не расплакался, хотя манера повествования не допускала такой реакции. И я не поверил слезам. Рассказ заставил меня разочароваться в человечестве. Я мог восхищаться этой историей, но не сумел полюбить ее и не хотел возвращаться к ней снова.

Став старше, я вернулся к рассказу и полюбил его всей душой. Полюбил за необычную структуру: три небольшие сказки,

понимание которых приходит лишь в самом конце; полюбил за сотворение мира, который так и остался не очерченным полностью; полюбил за отношения между шелни и скоки, лягушками и деревьями. И за Холли Харкель, человеческую девушку, которой хватило духу быть гоблином – для того, чтобы разговаривать с гоблинами в норе под корнями дерева, а потом прокатиться, как и они, в консервной банке.

Этот рассказ никто, кроме Лафферти, не мог ни написать, ни даже просто вообразить. Никто не сумел бы так сдержанно и без лишних слов рассказать о боли геноцида. Я думаю: «Нет, мы не такие плохие. Мы лучше. Наверняка мы должны быть лучше, правда?» И еще я думаю: «Как же ему удалось написать такую историю? Так легко написать эту невыносимо тяжелую историю?»

Но ему удалось. Я не знаю как.

Можете плакать. Это нормально.

Нил Гейман

Я пишу об одном очень неприятном деле. Это не протест, протестовать бесполезно. Холли больше нет, а через день-два не останется и шелни, если кто-то из них вообще жив. Просто я хочу рассказать, как все произошло.

Меня зовут Винсент Ванхузер. Мне и моей коллеге Холли Харкель разрешили записать голоса шелни и даже выделили на это деньги: за нас ходатайствовал наш координатор, старик Джон Холмберг. Это было неожиданно, потому что для меня и моих коллег Холмберг – враг номер один.

– Мы уже истратили кучу денег, чтобы записать нюансы хрюканья свиней и шорохи дождевых червей, – сказал мне Холмберг. – Записали, как пищат сотни грызунов в беличь-

ем колесе. У нас огромные фонотеки разнообразного чирикания, кудахтанья и гоготанья птиц и псевдоптиц. Почему не пополнить каталог и голосами шелни? Лично я не верю, что их стук по корням или гудение в кувшинообразные тыквы имеет хоть какое-то отношение к музыке. Что их песни, которые они якобы поют, содержат осмысленные слова – их там не больше, чем в скрипе несмазанных петель. Кстати, скрипы дверей, более тридцати тысяч дверей, мы тоже записали. И кое-что похлеще. Так что давайте увековечим еще и шелни, чтобы ваше навязчивое желание исполнилось. Но торопитесь, их осталось не так уж много. Да, и хочу добавить с искренним сочувствием: любой человек с внешностью мисс Харкель заслуживает исполнения самых сокровенных своих желаний. Хотя бы из простой справедливости. Что касается расходов на экспедицию, их оплатит компания-производитель завтраков «Поющая свинка». Время от времени владельцы крупных компаний мучают угрызения совести, и, чтобы заглушить ее голос, они делают взнос в тот или иной фонд. Суммы, как правило, незначительные, соответствующие глубине их страданий. Но, если разумно распорядиться средствами, на вашу экспедицию хватит.

Таким образом вопрос с финансированием был решен, и мы с Холли отправились в путешествие.

Надо сказать, Холли уже давно заработала себе дурную славу, когда заявила, будто понимает язык животных. А когда она объявила, что сумеет понять и шелни, негодованию коллег не было предела. И это не поддавалось никакой логике. Ведь не пострадала же репутация капитана Шарбоне, утверждавшего, что он понимает разговоры земных обезьян, хотя это была явная ложь. Не пострадало и реноме Мейровича, когда тот сообщил, что видит эзотерический смысл

в узорах, образуемых пометом полевок. А вот заявления гоблинолицей Холли – и не только о том, что она быстро разберется в языке шелни, но и о том, что шелни не падальщики, а чистокровные гоблины, исполняющие настоящую гоблинскую музыку и настоящие гоблинские песни, – эти ее заявления воспринимались в штыки.

Казалось, сердце и душа Холли слишком велики для ее карликового тела, а мозг – для ее курьезно маленькой головы. Думаю, именно поэтому всю ее покрывали бугры. Она состояла целиком из любви, заботы и смеха, которые так и выпирали из ее конусообразной фигуры. Ее уродство выглядело необычно, и, подозреваю, ей нравилось демонстрировать его миру. Она любила змей, жаб, обезьян и прочие невозвышенные виды. Изучая их, она становилась похожа на них. Превращалась в змею, когда мы наблюдали за змеями, или в жабу, когда те были объектом наших исследований. Живых существ она изучала не только снаружи, но и изнутри. И в этом тоже добивалась редкостного сходства.

Шелни она полюбила с первого взгляда. И сама стала как шелни, причем не особо ей пришлось меняться для этого. Она двигалась, как шелни. Перебегала с места на место, как шелни. Лазила на деревья, как шелни. Спускалась по стволу – по-беличьи, головой вперед, – как шелни. Мне и раньше она казалась не совсем человеком. А сейчас она жадно впитывала все, что касалось шелни, торопясь сделать как можно больше, пока они не исчезли.

Что касается самих шелни, то некоторые ученые отнесли их к гуманоидам – правда, после этого вынужденно ушли в глухую оборону. Если шелни и были гуманоидами, то, несомненно, самыми мелкими и странными из них. Но мы, собиратели фольклора, интуитивно чувствовали: на самом деле они чистой воды гоблины, и словосочетание «чистая

вода», на мой взгляд, очень им подходит. Самые крупные из них ростом не дотягивали до метра, а самые старые – до семи лет. Пожалуй, во Вселенной не найдешь существ уродливее них, но их уродство не отталкивало. В них не было ни капли зла.

Ученые, проводившие с ними опыты, констатировали отсутствие у них разума. Шелни дружелюбны и открыты. Слишком дружелюбны и открыты, на свою голову. Их доверчивость не имела границ. Но человеческого в них было не больше, чем в эльфе или великане-людоеде. И гораздо меньше, чем в обезьяне.

– А вот и их логово, – объявила Холли, разгадав его местоположение в первый же день (это было позавчера). – Прямо под этим деревом. Туда ведет проход между корнями. Защищая докторскую диссертацию по первобытной музыке, я и представить не могла, что когда-то сама навещу малюток под деревом. По крайней мере, не сильно на это надеялась. Жаль, они очень многому нас не научили. И даже был период, когда я вообще перестала верить в гоблинов.

Последнее утверждение показалось мне неубедительным.

Внезапно Холли нырнула в нору головой вперед, как суслик или земляная белка. Или как шелни. Я последовал за ней – осторожно опустил тело в отверстие, но не головой вперед. Лично я предпочитаю изучать шелни снаружи. Я не могу мысленно влезть в зеленую кожу гоблинов, не умею квакать, как они, распевать на лягушачьем языке, не чувствую того, что заставляет их глаза вылезать из орбит. Я не могу даже определить, где их норы.

На дне прохода, у входа в убежище, случилась неожиданная встреча, в которую я бы ни за что не поверил,

не произойди она у меня на глазах. Там же состоялся разговор, в который я бы тоже ни за что не поверил, если б он не происходил в моем присутствии – в тот момент слух у меня обострился до предела. Напоминающий лягушачье кваканье разговор состоялся между Холли и охранявшим убежище пятилетним старцем. Их речь отдаленно напоминала английскую, так что суть я уловил.

– Тук-тук.

– Ты не друг.

– Чужая с воли.

– Кто ты?

– Холли.

– Что за напасть?

– Внутрь попасть.

И нас пустили. Если вы думаете, что это так просто – войти в убежище шелни, предварительно не перебросившись рифмованными фразами с охраняющим вход пятилетним старцем, то, очевидно, вы ни разу не бывали в таких местах. И пусть филологи утверждают, что «речь» шелни – не более чем бессмысленное кваканье, Холли всегда воспринимала ее как осмысленный набор слов. А иногда, в моменты просветления, и я тоже.

Холли твердила мне, что шелни используют английский язык в пределах возможностей своего голосового аппарата. При первой встрече они рассказали, что у них не было своего языка, потому что его никто для них не придумал. Но потом они услышали английский, и с тех пор разговаривают на нем. «Мы могли бы заплатить за использование языка, если бы у нас было чем», – признались они. Это был лягушачий, квакающий диалект английского, и только человек с безупречным слухом мог уловить смысл.

Я занялся записывающим устройством, а Холли занялась шелни. И те очень скоро согласились сыграть на своих кувшинообразных флейтах. Лягушачья музыка! Невыразимо печальный вой ирландских лисов. Мелодичное переругивание грача, ворона и галки. Странные, но приятные короткие пассажи, звучащие так, словно музыка идет из-под воды. По крайней мере, трудно представить, что ее играют не под землей.

Мелодии по-детски короткие, без настоящей аранжировки – правда, непонятно почему, поскольку в распоряжении музыкантов имелось семь по-разному звучащих флейт отличающихся форм. Но в музыке присутствовала истинная мелодичность: краткая, полноценная, законченная – застывшее в развитии совершенство. Подземные фуги, наполненные кровью червей и холодные, как сок корней. Песни цикады, кузнечика и сверчка.

Кувшино-флейты сдавленно хихикали, и Холли попросила одного из старейших рассказать какие-нибудь сказки. Приведу здесь две из записанных в первый день. Те, кто слушает их сегодня, говорят, что различают лишь кваканье. Но я слушал их вместе с Холли, и она мне помогала. Так что, переслушивая их сегодня, я отлично понимаю лягушачье-квакающий английский шелни.

И вы их послушайте, скверные потомки! Не уверен, что вы достойны даже такой малости от шелни.

КАК ШЕЛНИ ПОТЕРЯЛ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ЗУБ

Рассказывают об этом так.

Однажды шелни потерял погребальный зуб. Произошло это еще до того, как он умер. В начале жизни у каждого шелни по шесть зубов, и каждый год он теряет по одному.

Перед смертью остается один зуб, который он отдает скоки-могильщику как плату за погребение. Но наш шелни то ли потерял два зуба в один год, то ли подзадержался на этом свете – зуба у него не было.

И вот он умер, и ему нечем было оплатить погребение.

– Я не буду хоронить тебя, раз нет зуба для оплаты, – заявил скоки-могильщик. – Почему я должен работать бесплатно?

– Тогда я похороню себя сам, – ответил мертвый шелни.

– Ты не знаешь, как хоронить, – возразил скоки-могильщик, – не знаешь, где есть свободное место. Ты увидишь, что все места заняты. У меня соглашение: все должны говорить друг другу, что места заняты и хоронить имеет право только могильщик. Это моя работа.

Пропустив мимо ушей слова скоки, мертвый шелни пошел выбирать место для могилы. Сначала решил вырыть яму на лугу, но, где бы ни копал, повсюду находил мертвых шелни, скоки или лягушек. И все требовали обратно забросать их землей.

Он выкопал ямы в долине, но и там было то же самое. Он выкопал ямы на холме, но и холм оказался занят. Тогда он пошел прочь, плача от горя, потому что не нашел места для упокоения.

Он спросил у птиц, можно ли остаться на их дереве. Птицы ответили: нельзя. Они не могут позволить жить на дереве всяким мертвецам.

Он спросил у рыб, можно ли остаться в их пруду. Рыбы сказали: нельзя. Они не пустят к себе в пруд чужого мертвеца.

Он спросил у лисиц, можно ли спать у них в норе. И они ответили: нельзя. Когда он был живой, он им нравился, но у мертвеца друзей не бывает.

Так и бродит с тех пор неприкаянный шелни, не находя места для упокоения. И скитаться ему до тех пор, пока не найдет погребальный зуб.

Вот как рассказывают.

Один комментарий к этой погребальной истории. У шелни все умершие заботливо похоронены. При этом хорошо видно, что могилы выкопаны не шестипалыми руками шелни, а сильными, когтистыми семипалыми лапами скоки. Так скоки-могильщики зарабатывают себе на жизнь. При этом сами скоки, превосходящие шелни – хоть и незначительно – в развитии, своих соплеменников не хоронят.

Более того, вы не найдете останков шелни, пролежавших в земле больше тридцати лет. Беспорядочно лежащих или ископаемых шелни нет вообще, хотя останки остальных местных видов – не редкость.

А вот вторая сказка (записанная в тот же день).

КАК ШЕЛНИ СТАЛ ДЕРЕВОМ

Вот как ее рассказывают.

Жила-была женщина – ни шелни, ни скоки, ни лягушка. Небесная женщина. Однажды она шла с ребенком на руках и села отдохнуть под деревом. А под тем деревом жили шелни. Когда она встала, чтобы идти дальше, то по ошибке взяла ребенка шелни. А ее ребенок как раз спал. Потом пришла женщина-шелни, чтобы забрать своего ребенка, и не поняла, что произошла ошибка и это ребенок небесного народа.

– О, как странно порозовела у него кожа и ввалились глаза! – удивилась женщина-шелни. – Отчего бы это?

Она унесла его в свой дом, и с тех пор он живет у шелни. А те со временем перестали замечать, что он не такой, как все.

Никто не знает, что подумала небесная женщина, когда принесла домой ребенка шелни и взглянула на него. Но она оставила его у себя, и ребенок рос очень милым, милее многих.

На следующий год этот юный шелни гулял по лесу и вдруг сказал:

– Я не чувствую себя небесным человеком. Тогда кто я? Я не утка и не лягушка. Если птица, то какого вида? А больше и быть-то не кем. А может, я дерево?

Для этого были основания. Мы, шелни, действительно слегка похожи на деревья и даже умеем чувствовать, как деревья.

Поэтому этот шелни пустил корни, покрылся корой и очень старался быть деревом. Он стойко переносил тяготы жизни деревьев. Его обгрызали козы и гобнии, лизали шершавыми языками коровы и кромии, по нему ползали слизняки, на него гадили твари без названия. А некоторую часть его отпилили на дрова.

Зато он чувствовал музыку: она овладевала им, распространяясь от пальцев ног вверх до кончиков волос, и он понимал, что именно этой музыки ему раньше не хватало. Эту музыку – а ее исполняют на кувшин-флейтах и зубцах вилок – вы слышите прямо сейчас.

А потом птичка объяснила ему, что он никакое не дерево, но перестать расти как дерево было уже поздно. «В норе под корнями поселились твои братья, сестры и родственники, – сказала птичка. – И где им жить, если ты перестанешь быть деревом?»

Так и стоит это дерево – прямо здесь, над нашим убежи-

щем. Оно – наш брат, который потерялся и забыл, что он шелни.

Именно так об этом рассказывают.

На второй день я заметил, что Холли стала еще сильнее напоминать шелни. Она становилась похожей на любых животных, которых мы изучали. Холли считала, что шелни наделены разумом, и я отчасти с ней соглашался. А вот соответствующий параграф в Базовом руководстве утверждал обратное:

«...стремление наделять шелни разумом возникает, по-видимому, из-за их отдаленного сходства с человеком. Тем не менее они медленнее мышей проходят лабиринт. Не такие искусные в манипулировании задвижками и защелками, как земные еноты или астероидные рохоны. Они уступают обезьянам в умении обращаться с инструментами и склонности к имитированию. Способность находить пищу и выживать в сложных условиях у них гораздо хуже, чем у свиньи или харзла. По умению передавать и использовать опыт предков – а это необходимое качество для развития интеллекта – они примерно на одном уровне с черепахами. Их «речь» лишена внешнего правдоподобия говорящих птиц, а их «музыка» примитивнее звуков, издаваемых насекомыми. Из них получаются плохие сторожевые собаки и никуда не годные пугала. Все это указывает на то, что общественное движение против шелнифагии, несмотря на возможно присущую ему искренность, основано на ошибочных предположениях. И напоследок приведем слова одного космонавта, который однажды спросил: «Ну а на что еще они годны?»»

Что ж, трудно не признать, что шелни не так умны, как крысы, свиньи или харзлы. И все же я испытываю к шелни – естественно, не без влияния Холли – несравненно

большую симпатию, нежели к крысам, свиньям, енотам, воронам и им подобным. Однако нет в мире существа более беспомощного, чем шелли.

Как им вообще удалось сохраниться?

У шелли много разных песен, но ни одной романтической – в нашем понимании, разумеется. По сути, они так и остаются детьми до самой смерти. Их сексуальные отношения, похоже, характеризуются или полным незнанием или крайней застенчивостью.

– Винсент, я не понимаю, как они размножаются, – сказала Холли на второй день (то есть вчера). – Они живут, значит, должны рождаться. Но как эти робкие легкомысленные трехлетки создают пары и производят потомство? Ни из их легенд, ни по манере их поведения этого не понять. В легендах у них дети всегда найденыши. Новорожденных находят под голубикой (так я перевел слово, которое, возможно, обозначает сорт винограда) или – попеременно, в другие циклы – под кустами рябины или на огуречной грядке. Оценивая шелли с позиций здравого смысла, можно предположить, что они – плацентарные живородящие. Но стоит ли апеллировать к здравому смыслу, когда изучаешь гоблинов? Бытует легенда, что по ночам они выскакивают из земли, как грибы. Якобы, женщина-шелли, которая хочет ребенка, должна купить у скоки грибковый корешок и посадить в землю. И на следующее утро у нее будет ребенок.

Вчера утром Холли выглядела подавленной. Оказывается, она увидела рекламу нашего спонсора – производителя готовых завтраков «Поющая свинка» – и сильно расстроилась.

«Поющая свинка! Детвора в восторге! Питательная новинка! Персонаж детских стишков в консервной банке – это интригует! Настоящее мясо настоящих гоблинов! Ни жира, ни костей! Найдите на этикетке счастливое число и полу-

чите точную копию флейты шелни. Спешите первыми подать к столу «Поющую свинку» – мясо настоящих гоблинов. Добавки: кукурузный крахмал и стопроцентно натуральные ароматизаторы».

Ну что тут скажешь? От рекламы нигде не спрячешься. А нам нужно продолжать записывать шелни.

– Винсент, не знаю, как шелни появились, но чувствую, скоро их не станет, – вздохнула Холли. – Надо торопиться! Еще не знаю как, но я заставлю их все вспомнить.

В тот день (то есть вчера) Холли попросила шелни сыграть на зубьях. «Раньше они не согласились бы, – объяснила она. – На зубьях не играют в первый день знакомства». У шелни нет струнных инструментов. Вместо струн у них зубья – вибрирующие поющие вилки. Шелни играют на выстроенных в ряд вилок, как на арфе. Корни дерева при этом работают как резонаторы, так что даже листья вверху излучают музыку. Сами вилки сделаны из очень крепкой, но легкой древесины. Для затачивания зубьев в ход идут кремнистый сланец и известняковая мука. Думаю, это древесина в ранней стадии окаменения. Игра на вилок обычно следует за игрой на кувшин-флейтах. Баллады, исполняемые под эту музыку, навевают грусть, которая противоречит детской простоте текстов.

Вот еще две баллады-сказки, записанные нами на второй день (который был вчера).

КАК СКОКИ ПОТЕРЯЛ ЖЕНУ

Вот как об этом рассказывают.

Однажды ночью скоки услышал флейту шелни.

– Да это же голос моей жены! – воскликнул он. – Его ни с чем не спутаешь.

И он отправился на поиски жены. Перешел болото и спустился в нору, из которой доносился ее голос. Там сидел шелни и играл на кувшин-флейте.

– Я ищу пропавшую жену, – сказал скоки. – Ее голос доносился из этой норы. Где она?

– Здесь только я, – ответил шелни. – Сижу тут один, играю для луны, а ее свет струится по стенам норы.

– Но я слышал голос жены, – настаивал скоки. – И хочу ее вернуть.

– А какой у нее голос? Не такой ли? – спросил шелни и подул в флейту.

– Да, это моя жена, – подтвердил скоки. – Где ты ее прячешь? Ее голос не спутаешь ни с каким другим.

– Это не твоя жена, – возразил шелни. – Это мелодия, которую я сочинил.

– Но в твоей мелодии звучит голос моей жены. Следовательно, ты ее проглотил, – рассудил скоки. – И я должен разобрать тебя по косточкам.

– Мне очень жаль, если я проглотил чью-то жену, – сказал шелни. – Пожалуй, ты имеешь право разобрать меня по косточкам.

И скоки разобрал шелни по косточкам и разбросал их по всей норе, а часть – на траве у входа. Но жены так и не нашел.

– Наверное, я ошибся, – признал скоки. – Но откуда мне знать, что можно извлекать из флейты голос моей жены, не проглотив ее?

– Ничего страшного, – ответил шелни. – Если, конечно, ты сумеешь собрать меня обратно. Я помню, как ты меня разбирал, правда, не все шаги. Если ты помнишь остальное, то мы соберем меня заново.

Но никто из них не помнил, каким шелни был первоначально. И скоки собрал его как попало. Для одних мест частей не хватило, зато для других – остались лишние.

– Давайте помогу, – проквакал лягушка-самец, который проходил мимо. – Я помню, откуда некоторые части. И я точно знаю, что шелни не глотал жену скоки. Он проглотил мою жену, это ее голос звучал во флейте.

И лягушка-самец стал помогать. Втроем они вспомнили, что смогли, но этого оказалось недостаточно. Опять не хватило нескольких частей, зато другие никуда не подходили. Когда они закончили, шелни едва мог двигаться и у него все болело. Да и на шелни он больше не походил.

– Я сделал все что мог, – сказал скоки. – Теперь ты всегда будешь таким. А где лягушка?

– Внутри, – ответил лягушка-самец.

– Вот там и оставайся, – велел скоки. – С меня хватит вас обоих. А лишние части я заберу. Вдруг кого-нибудь из них смастерю.

Так шелни и живет собранным как попало. Из норы выходит только по ночам, потому что стыдится своего вида. Те, кто не знает, что с ним стряслось, очень пугаются, когда сталкиваются с ним нос к носу. Он все еще играет на кувшин-флейте, которая звучит как голос пропавшей жены скоки или пропавшей жены-лягушки. Послушайте, она играет прямо сейчас! Несчастный шелни страдает от боли, потому что никто не знает, как правильно его собрать.

А скоки жену так и не нашел.

Так это рассказывают.

А вот еще одна сказка, записанная вчера днем. Она последняя, хотя вчера мы об этом не знали.

ПОЮЩАЯ СВИНКА

Вот как ее рассказывают.

Есть у нас древняя сказка о свинках, которые поют так громко, что улетают в небо на хвосте собственного пения. А теперь мы сами, если поем громко, дуем во флейты что есть мочи и дергаем зубья изо всех сил, становимся поющими свинками из сказки. И многие уже улетели.

К нам приезжают люди-колокольчики на музыкальных повозках. Они играют – динь-дон, динь-дон – небесную музыку. Они приезжают из любви к нам. И если поспешить и не опоздать на музыкальную повозку, то можно прокатиться по небу в жестяной банке.

Дилин-н-нь! Дилин-н-нь! Это человек-колокольчик с музыкальной повозки! Торопитесь, шелни, и вам повезет улететь сегодня. Выходите, шелни, из своих долин и лесов и запрыгивайте в повозку – проезд бесплатный. Собирайтесь, шелни, со своих полян и рек. Вылезайте из-под корней и из земляных нор. Скоки приходиться не нужно, лягушкам приходиться не нужно – только шелни.

Плачьте, если повозка полна и вы не улетите сегодня. Но плачьте не слишком долго. Люди-колокольчики обещают вернуться завтра, и послезавтра, и так до тех пор, пока не останется ни одного шелни.

– Все сюда, маленькие поющие свинки! – зазывает человек-колокольчик. – Только у нас бесплатная поездка на Землю в жестяной банке!.. Эй, Бен, смотри, какое чучело запрыгнуло в фургон для забоя, стоило тебе прозвонить в колокольчик!.. Торопитесь, маленькие свинки-шелни, в фургоне осталось место только для десятерых. Ну вот, фургон полон! Завтра мы пригоним больше фургонов, чтобы вместились все!.. Эй, Бен, ты видал поросенка, который

плачет, что не успел на живодерню? – Человек-колокольчик произносит эти милые, добрые слова из любви к нам.

И никакого погребального зуба не надо, вообще никакого зуба не надо, чтобы оплатить поездку. Лягушки лететь не могут, скоки лететь не могут, только шелни!

А потом происходит удивительное! Из фургона шелни попадают в камеру, где из них извлекают косточки, все до единой. Раньше с шелни такого не делали. В другой камере шелни купают в кипятке, пока те не становятся в два раза меньше, почти как шелни-малютки. Потом они должны поиграть в игру «кто скорее заползет в жестяную банку». И только после этого шелни получают бесплатный билет на Землю. В консервных банках!

Утрите горькие слезы, если не успели на музыкальную повозку. Ложитесь пораньше спать и просыпайтесь чуть свет. Начинайте петь так громко, как только можете, чтобы люди-колокольчики знали, куда ехать. Дуйте во все флейты что есть силы, дергайте за зубья так, чтобы те чуть не трескались. И кричите «Люди-колокольчики! Сюда! Мы здесь!»

Уезжая с людьми-колокольчиками на музыкальной повозке, все счастливо смеются. Но есть пророчество, что однажды женщина-шелни, когда ее заберут на небо, будет плакать. Какое у нее горе? Из-за чего ей плакать? Она будет кричать: «Черт возьми! Это же убийство! Они почти как люди! Не смейте их трогать! Они такие же, как я! Будьте вы прокляты! Не прикасайтесь ко мне! Я человек. Выгляжу я странно, и что? Я похожа на одного из них, но я человек. Ой-ей-ей!». Эта пророческая часть сказки не совсем понятна.

«Ой-ей-ей!» – скажет женщина. «Ой-ей-ей», – эхом ответит кувшин-флейта. Что такого произойдет с женщиной-шелни? Отчего она будет плакать, а не смеяться?

Это наша последняя сказка, где бы ее ни рассказывали. Расскажут ее в последний раз, и сказок больше не будет. И шелни больше не будет. Кому нужны сказки шелни, их муча, если можно прокатиться в консервной банке?

Так было сказано.

Потом мы начали выбираться из норы шелни (как оказалось, в последний раз). И, как и положено, произошел обмен рифмованными репликами с охраняющим вход пятилетним старцем.

– Поболтаем?

– Мы сбегает.

– Холли плачет,
слезы прячет.

Что ты, Холли?

– Мы уходим.

Всем нам крышка,

Мой братишка!

И действительно, когда мы выбрались из норы (как оказалось, в последний раз), я заметил, что Холли плачет. Огромные гоблинские слезы катились по ее щекам. Я почти удивился, что слезы не зеленые.

Сегодня я весь день думаю о том, как сильно под конец изменилась Холли. Ее трудно было отличить от шелни. Собственно, она и стала женщиной-шелни.

– Я пойду со всеми, – сказала она утром. – Разве это любовь, если они уйдут, а я останусь?

В общем, отвратительная история. Я отправлял жалобы, но те люди продолжали звонить в колокольчик и кричать: «Эй, свинки-певцы-шелни, запрыгивайте в наши повозки. Прокатитесь на Землю в жестяной банке! Эй, Бен, ты толь-

ко посмотри, они так и сигают в фургон для забоя!»

– Это непростительно! – возмутился я. – Вы определенно должны были отличить человека от шелни.

– Не в тот раз, – ответил звонарь. – Говорю же, все за-скакивали в фургон по доброй воле, даже та странная уродка, которая плакала. Разумеется, можете забрать ее кости, если отличите от остальных.

Кости Холли у меня. Все, что от нее осталось. Не было на свете другого такого создания, как она. И уже не будет.

Но это не конец!

Берегись, компания завтраков «Поющая свинка»! Возмездие не за горами!

Так было сказано.

ДЕВЯТЬСОТ БАБУШЕК

Древнейшая из всех древних бабушек знает, с чего началась Вселенная. Или не знает? К тому же она – да и все они – умеет жить бесконечно.

С помощью такой простой, но бесконечно манящей наживки Лафферти поймал на крючок своего «непростого» героя, космического джентльмена удачи по имени Керан Свайсгуд. Конечно, Керану льстит воображать себя «специалистом по особым аспектам», персонажем более утонченным и глубоким, чем его соратники, прочесывающие космос под грозными именами «Вырубала Крэг» или «Джордж Костолом». Эти псевдонимы, по их мнению, помогают им наживаться на обитателях других планет. А вот «Керан Свайсгуд» – имя человека, охотящегося на добычу более... философскую, эзотерическую, глобальную.

Но именно эта глубокомысленная, претенциозная (и в итоге жестокая) погоня разрушает личность Керана куда быстрее, чем простые материальные желания его спутников. Знание – сила, но неутоленная жажда познать главную и непостижимую истину – смертельный яд для души.

Да. Забыл сказать, что рассказ еще и очень забавный.

Паттон Освальт

Керан Свайсгуд был молодым, подающим надежды специалистом по особым аспектам. Но, как и у большинства Особых, была у него одна раздражающая черта. Он все время задавался вопросом: «С чего все началось?».

У всех участников экспедиции, за исключением Керана, имена были суровые и грубые: Вырубала Крэг, Громила Хакл, Шквал Берг, Джордж Костолом, Двигло Мэньон (уж если Двигло сказал «двигай», так и делаешь) и Задира Трент. Парням полагалось быть крутыми, поэтому они и взяли такие прозвища. И только Керан оставил собственное имя – к неудовольствию командира Вырубалы Крэга.

– Ну что за имя для героя – Керан Свайсгуд! – громыхал Вырубала. – Почему бы тебе не назваться Шторм Шэннон? Звучит круто. Или Потрошитель Бэрелхауз, или Рубака Слэйгл, или Нэвел Тесак. Ты же едва взглянул на список имен.

– Меня устраивает мое, – упрямо повторял Керан. И ошибался, ведь новое имя может кардинально изменить человека. Так было, например, с Джорджем Костоломом. И неважно, что волосы у него на груди – результат трансплантации. Вкупе с новым именем они превратили его в мужчину.

Возьми Керан настоящее героическое имя вроде Потрошитель Бэрелхауз, глядишь, на смену его нерешительности и вспыльчивости пришли бы целеустремленность и благородная ярость.

Крупный астероид под названием Проавитус, на который они высадились, звенел от потенциальной прибыли, которая так и просилась в руки. Крутые парни из экспедиции знали свое дело. Они соблазняли, ошеломляли и даже слегка запугивали невинный народ Проавитуса, а потом подписывали пространные контракты на туземных бархатистых

свитках и собственных бумажных лентах. На солидном обоюдовыгодном рынке астероида парни чувствовали себя работоторговцами. Мир, полный диковин, сулил сказочные барыши.

На четвертый день пребывания на астероиде Вырубала Крэг вызвал Керана на ковер.

– Все заняты делом, кроме тебя. – Голос Вырубалы перекатывался, как отдаленный гром. – Но даже Особые должны отрабатывать свой проезд. Устав обязывает включать в команду парня вроде тебя – на случай, если дело примет культурный оборот. Но это же не повод для безделья! Цель наших походов, Керан – зарезать большого жирного борова, и это ни для кого не секрет. Но если вдруг выяснится, что свиной хвостик закручен необычным с точки зрения культуры образом, значит, мы тебя не зря взяли с собой. А если эта культурная особенность еще и обратится в звонкую монету, мы дружно возрадуемся. Керан, ты должен разобрататься, что такое местные живые куклы. Культурный феномен иногда имеет солидную рыночную ценность.

– По-моему, они – часть чего-то более важного. Это целый клубок загадок, и его не так-то просто распутать. Думаю, ключом может стать утверждение проавитов о том, что они не умирают.

– Уверен, они умирают, причем довольно рано. Ну посудите сам: те, что шатаются по астероиду, еще молоды. А те, что сидят дома, среднего возраста. Никого старше я не видел.

– Тогда где их кладбища?

– Возможно, умерших кремируют.

– Тогда где крематории?

– Может, они просто развеивают пепел или целиком испаряют останки. По-видимому, у них не принято почитать предков.

– Судя по тому, что мы узнали, вся их культура построенная на подчеркнутом почитании предков.

– Вот, Керан, и разберись с этим. Ведь ты же специалист по особым аспектам.

Керан отправился поговорить с Нокомой. Они оба выступали в роли переводчиков, каждый со своей стороны. Оба отлично знали свое дело и понимали друг друга с полуслова.

Нокома предположительно была женщиной. В вопросе половой принадлежности туземцев существовала определенная неясность, но члены экспедиции предпочитали думать, что проавиты все же делятся на мужчин и женщин.

– Ты не против, Нокома, если я задам несколько прямых вопросов? – сходу спросил Керан.

– Конечно, не против. Иначе как я освою разговорный язык, если не буду разговаривать?

– Некоторые проавиты утверждают, что вы бессмертны. Это правда?

– А почему нет? Если бы они умирали, то их бы не было с нами, чтобы сообщить, что они бессмертны. О, я шучу! Нет, мы не умираем. Это глупый чужеземный обычай. Какой смысл перенимать его? На Проавитусе умирают только низшие существа.

– И никто из вас?

– Никто. А зачем быть исключением?

– Но что с вами происходит, когда вы стареете?

– Наши силы медленно убывают, мы становимся не такими активными. А у вас разве не так?

– Так. Но куда вы потом исчезаете?

– Никуда. Остаемся дома. Путешествия – удел молодых.

– Хорошо, попробую зайти с другого конца, – терпеливо продолжал Керан. – Нокома, где твои родители?

– Где-то странствуют. Они еще не старые.

– А бабушки и дедушки?

– Некоторые тоже еще не вернулись. А те, что постарше, дома.

– Сформулирую иначе. Сколько у тебя бабушек?

– М-м-м... В нашем доме, наверное, девятьсот. Знаю, это немного, но мы совсем молодая ветвь проавитов. У некоторых в домах очень много предков.

– И все живы?

– А как же иначе? Кому нужны неживые предки? Как мертвые могут быть предками?

Керан почти пританцовывал от возбуждения.

– И я могу их увидеть? – спросил он внезапно севшим голосом.

– Встречаться со старейшими не стоит. Вы, чужеземцы, реагируете на них неадекватно, поэтому мы их скрываем. Но с теми, кто помладше, можешь встретиться.

И тут Керана осенило: а вдруг он нашел то, что искал всю жизнь? Его охватила дрожь предвкушения.

– Нокома, это же ключ к разгадке! – воскликнул он. – Если никто не умер, следовательно, все поколения вашей расы еще живы!

– Конечно. Это как в задачке про яблоки. Если ты никому их не отдаешь, они все по-прежнему у тебя.

– Но если живы ваши самые первые предки, они должны помнить, откуда произошли! Должны знать, с чего все началось! Они знают? Ты знаешь?

– Ну нет! Я молода для ритуала.

– А кто знает? Ведь кто-то же знает?

– Ну да. Все старые проавиты знают.

– Насколько старые? Столько поколений до тебя?

– Десять и больше. Когда у меня будет десять поколений детей, я тоже пройду ритуал.

– Какой ритуал?

– Раз в год старые предки приходят к старейшим предкам, будят их и расспрашивают, как все началось. И те рассказывают. Они чудесно проводят время! Все веселятся и хохочут! А потом старейшие засыпают до следующего года. И так из поколения в поколение. Это и есть ритуал.

Проавиты не были гуманоидами. Еще меньше они были «обезьяномордыми», хотя именно этот термин прижился в лексиконе разведчиков. Проавиты были прямоходящие, носили длинные одеяния и, предположительно, имели под одеждой пару нижних конечностей. Хотя, как заметил Вырубала, с тем же успехом вместо ног у них могли быть колеса. Их руки – удивительные, струящиеся – будто состояли из тысячи пальцев. Проавиты умело обращались со всевозможными инструментами, а иногда и сами их руки становились очень сложными инструментами.

Джордж Костолом считал, что лица проавитов – на самом деле не лица, а ритуальные маски, которых проавиты никогда не снимают. А поскольку из всех частей тела проавитов люди видят только удивительные руки, значит, эти руки и являются настоящими лицами.

На заявление Керана о том, что он приблизился к разгадке величайшей тайны, парни отреагировали потоком грубых шуток.

– Малыш Керан снова завел любимую шарманку, – издевался Вырубала. – Неужели не надоело выяснять, что появилось раньше: курица или яйцо?

Но Керан только улыбался:

– Очень скоро я получу ответ. Мне представилась уникальная возможность. Я раскрою тайну происхождения проавитов и, возможно, смогу понять, откуда появилось все во Вселенной. Ведь все проавиты до сих пор живы, включая самое первое поколение.

– Не могу поверить, что ты такой идиот, – проворчал Вырубала. – Говорят, безумие бывает заразно. Господи, да минует меня чаша сия!

Однако двумя днями позже Вырубала снова разыскал Керана. Поразмышляв на досуге над особенностями проавитов, он сделал собственные выводы.

– Керан, ты, конечно, специалист по особым аспектам, – начал Вырубала издалека, – вот только аспект выбрал не тот.

– То есть?

– А то и есть, что наплевать, как все началось. Важно, что это может не иметь конца.

– Но я хочу докопаться до начала.

– Эх, дурень, у тебя голова вообще работает? То, чем обладают проавиты, настолько уникально, что мы даже не представляем, появилось ли это у них благодаря науке или по дурацкой случайности.

– Думаю, все дело в химии.

– Верно! Органическая химия проавитов даст нашей науке сто очков вперед. У них тут всякие нексусы, ингибиторы, стимуляторы. Они могут отращивать и сокращать, съезживать и удлинять все что угодно и как пожелают. Подозреваю, глупые создания пользуются всем этим чисто по наитию. Но главное, у них это есть. Ты только представь: тот, кто завладеет их секретом, станет королем патентной медицины. Ведь проавиты не путешествуют в космосе и не стремятся к внешним контактам, а между тем, с помощью

их трюков можно сотворить что угодно и уничтожить что угодно. Подозреваю, они способны уменьшать клетки и делать черт знает что еще...

– Нет, Вырубала, они не уменьшают клетки. Это чепуха.

– Это наша химия – чепуха по сравнению с их фокусами. А с помощью препаратов, созданных на основе их знаний, можно бесконечно продлевать жизнь. В общем, ты оседлал правильного скакуна, парень, да только сидишь на нем задом наперед. Проавиты утверждают, что бессмертны, так?

– Они в этом уверены. Если бы они умирали, то первыми бы узнали об этом. Так сказала Нокома.

– Что? У туземцев есть чувство юмора?

– В некотором смысле.

– И все же, Керан, ты не осознаешь важности открытия.

– Наоборот! Я единственный, кто ее осознает! Если проавиты бессмертны, значит, до сих пор живы старейшие из них. А раз они живы, значит, я могу узнать, откуда берет начало их вид, а возможно, и любой другой.

Вырубала превратился в разъяренного быка. Его лицо налилось кровью, глаза вылезли из орбит. Он раздул ноздри, взрыл копытом землю и протяжно взревел:

– Да плевать, откуда они берут начало, идиот! Главное, что этому нет конца!

И холмы вернули эхо:

– Да плевать... идиот...

Керан Свайсгуд отправился в гости к Нокоме – по ее приглашению, но без нее самой. Он знал, что ее нет дома. Это было не совсем честно, но бесчестность в экспедиции давно уже стала нормой жизни.

Без сопровождающего проще разузнать о девятистах бабушках и пресловутых живых куклах. Он выяснит, что происходит со стариками и откуда взялись первые проавиты. Вторгаясь в чужой дом, он рассчитывал на врожденную вежливость жителей астероида.

Дом Нокомы, вместе с остальными домами, располагался в зарослях на вершине большого плоского холма – Акрополя проавитов. Постройки, слепленные из глины, отличались некоторым изяществом. Они будто вырастали из холма и казались его естественным продолжением.

Керан поднялся по извилистой мощеной дорожке и вошел в дом, на который когда-то ему указала Нокома. Прокрался внутрь – и сразу нос к носу столкнулся с одной из девятисот бабушек... такой, скрываться от которой не имело смысла.

Маленькая бабушка сидела и ласково улыбалась. Керан поговорил с ней без особых затруднений, хотя и не так легко, как с Нокомой: та понимала его с полуслова. Потом на зов бабушки вышел дедушка. Он тоже улыбался. Старики были чуть ниже ростом, чем взрослые проавиты, и словно излучали благожелательность и безмятежность. Их окружала особая атмосфера с едва уловимым ароматом былого – сонная, располагающая к воспоминаниям, почти печальная.

– Здесь есть кто-нибудь старше вас? – спросил Керан.

– О, очень-очень много! Никто и не знает сколько. – И бабушка позвала других стариков, еще старше и ниже ростом – они едва достигали пояса взрослого проавита. И все они, маленькие и заспанные, улыбались.

Теперь Керан знал, что туземцы не носят масок – такое можно было подумать только о юном проавите. Их лица с возрастом становятся интереснее, выразительнее. Маски не

смогли бы передать такую спокойную и светлую улыбочку старости. Материал со странной структурой и был настоящей кожей проавитов.

Старые-престарые, улыбочивые, доброжелательные, слабые, сонные – вокруг Керана собрались десятки поколений этих существ, все старше и старше, все меньше и меньше ростом.

– А старейшие из вас – насколько они стары? – спросил Керан у первой бабушки.

– Ну, поскольку все мы вечные, то у нас принято считать, что мы одного возраста, – ответила бабушка. – Конечно, это не так, возраст у нас разный, но спрашивать об этом бестактно.

– Вы, конечно, вы не знаете, кто такой лобстер, – продолжал Керан, дрожа от нетерпения. – Это существо водится на Земле. Его варят, а потом едят. Если вода в котле нагревается медленно, он не тревожится, потому что не понимает, как это опасно. То же самое происходит и со мной. Я скольжу с вами от одного поколения к другому, и моя доверчивость играет со мной злую шутку. Если я буду узнавать вас шаг за шагом, есть опасность, что я поверю всему увиденному. Да я уже верю в ваше существование, потому что вижу вас и могу потрогать. Что ж, я готов свариться, как лобстер, но не отступиться. Есть здесь кто-нибудь еще старше?

Первая бабушка жестом попросила следовать за ней. Они спустились по наклонному полу в более старую часть дома, которая располагалась, по-видимому, ниже уровня земли.

Живые куклы! Вот они, рядами на полках, сидят в маленьких креслах в глубине ниш. Несколько сотен, и размером действительно не больше кукол.

Многих разбудило вторжение незваных гостей, другие же просыпались, только когда к ним обращались или прикасались. Древние, как мир, но с живыми, любознательными глазами, они улыбались и сонно потягивались – но не как взрослые, а как очень старые малыши. Керан заговорил с ними, и они на удивление хорошо поняли друг друга.

«Лобстер, лобстер, – напомнил себе Керан, – температура воды опасно выросла, но ее изменение так трудно уловить. Свариться тебе живьем из-за твоей доверчивости!».

Теперь он точно знал, что живые куклы существуют и что они – бессмертные предки проавитов.

Маленькие существа начали проваливаться обратно в сон. Их бодрствование длилось совсем недолго, но и сон, казалось, занимал не больше времени. Керан еще не вышел из комнаты, а несколько живых мумий уже проснулись во второй раз. Освеженные коротким сном, они горели желанием продолжить разговор.

– Вы удивительны! – воскликнул Керан, и куклы, согласно кивая, засмеялись в ответ – и маленькие, и поменьше, и совсем крохотные. Конечно же, они удивительны. Все милые и добрые существа удивительны – но где еще найдешь их такое множество? Но Керан не мог остановиться. Этой комнаты чудес ему было недостаточно.

– Я должен заглянуть в самую дальнюю древность! Должен дойти до конца! – воскликнул он. – Есть кто-нибудь еще старше вас?

– Есть и старше, и еще старше, и трижды старше, – ответила первая бабушка. – Но с твоей стороны было бы мудро не искать чрезмерной мудрости. Ты уже достаточно увидел. Старики спят. Идем назад.

Обратно вверх? Отсюда? Да ни за что! Керан смотрел на уходящие вниз коридоры, ведущие в сердце великого

холма. Целые миры комнат лежали у его ног. Он пошел дальше, и никто сейчас не остановил бы его – ни куклы, ни существа меньше кукол.

Вырубала Крэг однажды назвал себя старым пиратом, который любит наслаждаться звоном монет в своем сундуке. Ну а Керана можно было сравнить с юным алхимиком, увлеченного поиском философского камня. Он спускался все ниже и ниже сквозь века и тысячелетия. Атмосфера, которую он уловил наверху, стала насыщенной, сонной и густой; она обрела осязаемый аромат – смесь полузабытых воспоминаний, неуловимых улыбок и легкой печали. Именно так пахнет Время.

– Есть кто-нибудь еще старше вас? – спросил Керан у маленькой бабушки, взяв ее в руку.

– Настолько старше и меньше, что уместились бы у меня в руке, – ответила бабушка на диалекте, похожем на раннюю упрощенную форму языка проавитов, о которой Керан знал от Нокомы.

И так он проходил комнату за комнатой, а существа становились все меньше и старше. Сейчас он уже точно был как лобстер в кипящей воде, он полностью доверился своим чувствам.

Бабушка величиной с птаху, улыбаясь и клюя носом, шепнула «Да, есть старики гораздо старше ее» и тут же провалилась обратно в сон. Керан вернул ее в нишу в покоей на улей стене – там спали тысячи других стариков, поколения миниатюрных проавитов.

Конечно, это уже был не дом Нокомы. Керан спустился в самое сердце холма, туда, где были собраны предки всех жителей астероида.

– А есть кто-нибудь еще старше вас? – спросил Керан у бабушки, которую сжимал двумя пальцами.

– Еще старше и еще меньше, – пискнула она едва слышно. – Ты почти у самого конца.

Она заснула, и он вернул ее на место. Чем старше они были, тем больше спали.

Керан добрался до скальных пород в основании холма и теперь шагал по проходу, вырубленному в камне. Внезапно он испугался: а вдруг следующие бабушки будут такие крохотные, что он не сможет поговорить с ними и выяснить, как все началось? Но ведь Нокома сказала, что тайна известна всем старикам. Да, именно так. Вот только ему надо услышать истину из первых уст. Как бы то ни было, через минуту он узнает все...

– Кто из вас самый старый? Я дошел до конца? Здесь начало всего? Просыпайтесь! Просыпайтесь! – закричал он, оказавшись в самой нижней, самой древней комнате.

– Ритуал? – пропищал кто-то спросонья: существо меньше мыши, чуть крупнее пчелы, но гораздо старше обеих.

– Это особый ритуал, – объяснил Керан. – Вы должны рассказать, что было в самом-самом начале.

Что за шум – такой тихий, едва уловимый, даже не похожий на шум? Как смех миллиона микробов. Это веселились проснувшиеся малютки.

– Кто из вас старше всех? – требовательно повторил Керан. Их смех раздражал его. – Кто самый старый, самый первый?

– Я самая древняя, самая первая, – отозвался веселый голосок. – Все остальные – мои дети. Ты тоже мой потомок?

– Само собой разумеется, – кивнул Керан, и тихий смех недоверия выпорхнул из множества крошечных ртов.

– Тогда ты, должно быть, самый последний ребенок, потому что не похож на других. А коли так, то конец истории не менее смешон, чем ее начало.

– А что было в начале? – заискивающе спросил Керан. – Вы первая в роду. Вы знаете, как вы появились на свет?

– О да, еще бы, – засмеялась древнейшая бабушка, и теперь тихое хихиканье малюток превратилось в настоящий шум.

– Что было в начале? – настойчиво спросил Керан, дрожа от возбуждения.

– О, это было так смешно, что ты не поверишь, – прыснула бабушка. – Всем шуткам шутка!

– Расскажите! Если ваша раса возникла таким образом, расскажите мне эту космическую шутку.

– А ты сам расскажи, – прозвенел голос бабушки. – Если ты мой ребенок, то ты – часть этой шутки. Это было так забавно, ты не поверишь! Как хорошо проснуться, посмеяться и снова заснуть...

Что за насмешка судьбы! Подобраться вплотную к раздадке и получить отказ от хихикающей пчелы!

– Не смейте засыпать! Расскажите, как все началось! – Керан сжал древнейшую бабушку в пальцах.

– Это противоречит ритуалу! – запротестовала она. – Ритуал требует, чтобы ты сам угадывал, как все началось. Ты угадываешь три дня, а мы смеемся и повторяем: «Нет, нет, это было не так, а в десять раз невероятнее. Отгадывай дальше».

– Не буду я гадать три дня! Говори, или я тебя раздавлю! – пригрозил Керан дрожащим голосом.

– Вот смотрю на тебя и дивлюсь: неужто ты способен на такое? – кротко проговорила древнейшая бабушка.

Любой из парней экспедиции раздавил бы ее не раздуывая. А потом другую, и еще, и еще, пока те не раскрыли бы тайну. Если бы Керан обзавелся грозным именем и крутым характером, он так бы и поступил. Потрошитель

Бэрелхауз без колебаний раздавил бы их всех. Но Керан Свайсгуд не смог.

– Расскажи мне, – простонал он. – Я всю жизнь пытаюсь узнать, как все началось. А ты это знаешь!

– Мы все знаем. Ах, как же было смешно! Экая насмешка природы! Нелепая, балаганная, бредовая шутка! Никто не догадается, и никто не поверит!

– Расскажи же! Расскажи! – Керан побледнел и весь трясся.

– Нет, нет, ты не мой ребенок, – хихикнула главная бабушка. – Что за нелепость – рассказать все постороннему? Мы не можем оскорбить чужеземца, разболтав такую невозможную, такую несусветную чушь. Он, того и гляди, померет от смеха. Я не могу принять такой грех на душу.

– Нет, расскажи! Оскорби меня! Позволь умереть от смеха! – Но он едва не умер от разочарования, которое впилося в него, словно миллион хихикающих, улюлюкающих пчел: «О, это было так смешно... в самом начале, в начале начал!»

И они смеялись, смеялись и смеялись... пока Керан Свайсгуд, смеясь сквозь слезы, тащился к выходу. На корабль он вернулся, все еще хихикая. Перед следующим рейсом он сменил имя на Вспышку Молнии и девяносто семь дней правил в статусе короля Островом Сладкого Моря в галактике М-81.

Но это уже другая история. Не такая веселая.

Рассказ «Девятьсот бабушек» я впервые прочитал в книге «The Norton Book of Science Fiction», составленной Урсулой Ле Гуин и Брайаном Эттебери при участии Карен Джой Фаулер. Эта антология, как оказалось позже, сыграла очень важную роль в моей профессиональной жизни. Книга вышла осе-

нию 1993 года; я тогда учился на первом курсе аспирантуры по литературному творчеству в Университете Северной Каролины. Не могу сказать, что купил ее сразу же. Но в январе 1994-го я впервые пошел на семинар к обладателю премии «Небьюла» Джону Кэсселу. Он долго смотрел на мою рукопись, которую уже прочитал, потом перевел взгляд на меня, потом опять на рукопись и наконец изрек: «У литературы такого рода долгая и очень интересная история, и вы, молодой человек – часть этой истории, знаете вы об этом или нет».

С этого дня Кэссел стал моим «сэнсеем». Именно по его совету я купил «The Norton Book» – настоящий сундучок с сокровищами, содержимое которого шепчет начинающему писателю-фантасту: «Пиши все, что взбредет тебе в голову, лишь бы это было странно и необычно». Тем летом я поехал на семинар писателей «Кларирон Уэст» и в качестве мотивирующего чтива взял с собой две толстые книги, одной из которых была антология «The Norton Book». (Вторая, к слову – «Авессалом, Авессалом!» Уильяма Фолкнера, но к ней меня никогда не попросят написать предисловие или послесловие).

Из всего, представленного в антологии, больше всего мне в душу запал рассказ «Девятьсот бабушек». Во вступлении к книге Урсула Ле Гуин пишет о склонности писателей-фантастов превращать метафору в литературную реальность, и в рассказе Лафферти в точности описывалась одна из основополагающих метафор, усвоенных мною еще в детстве, когда я жил в сельском доме в Южной Каролине. Меня учили почитать предков – длинную их вереницу, уходящую в прошлое, и чем дальше, тем меньше они становились из-за расстояния. Их тайны и знания тщательно оберегались, и, продираясь сквозь дебри последних годов XX века, я словно слышал их тихие голоса, журчащие, как вода в ручье; я был почти уверен тогда, что они смеются. Более того, самые значимые из моих

предков – проводники культуры и в особенности языка – были женщины. Незабываемые «живые куклы» планеты Проавитус (как мне сказали, в переводе с латыни *proavitus* значит «предки») – воплощение знаменитой фразы Фолкнера из «Реквиема по монахине»: «Прошлое никогда не умирает. Оно даже не прошлое».

Перечитав сейчас рассказ Лафферти, я всерьез задумался о судьбе проавитов. Что происходит с ними в промежутке между двумя последними фразами? «С помощью препаратов, созданных на основе их знаний, можно бесконечно продлевать жизнь», – говорит Вырубала Крэг, который спит и видит свою команду «королями патентной медицины». Сможет ли «невинный народ» пережить вмешательство Крэга в свою органическую химию? Не забывайте, что Лафферти почти всю свою жизнь прожил в Оклахоме, штате, отнятом у коренного населения усилиями энного числа Вырубал. И над многими произведениями писателя, словно тень, нависает история эксплуатации коренного населения Северной Америки; это, как и язык индейцев, главная и неизбежная тема его великого романа «Окла Ханнали».

Я уверен: Лафферти точно знает, что случится с проавитами, но избавляет читателя от этого знания, «переводя стрелки» на «другую историю, не такую веселую». Как сказала бы древнейшая бабушка, подобные шутки лучше не рассказывать посторонним; вот и Лафферти не хотел расстраивать незнакомцев такими «невозможными» подробностями.

Энди Дункан

СТРАНА БОЛЬШИХ ЛОШАДЕЙ

Посмотрите в окно. Что вы там видите? Банда на углу развязала драку: подростки тыкают штопорами друг другу в лицо; разноцветная тележка точильщика звенит колокольчиками; полная женщина в слишком коротком цветастом платье обихаживает свой газон; воют пожарные сирены: на пятом этаже горящего здания в западне оказались дети; бешеная собака вцепилась в ногу разносчика буклетов Адвентистов Седьмого Дня; реклама предстоящих выборов красуется на новеньком фургоне. Что-то еще? Или это все? Не нужно обладать таким уж особым даром, чтобы увидеть не совсем привычные детали.

А теперь посмотрите снова. Что вы видите? Как обычно: пустую улицу. И вот ее описание:

Бордюрный камень, без которого машины не могли бы подъезжать к дому. Почтовые ящики, без которых связь с миром стала бы ограниченной. Телефонные столбы и провода, без которых коммуникации бы прекратились. Водосточные трубы, желоба и люки, без которых в дождь вас бы затопило водой. Асфальт, без которого резина на вашем автомобиле приказала бы долго жить через месяц. Легкий ветерок, без которого день будет испорчен. Что это? Вещи привычные и очевидные. Настолько очевидные, что становятся невидимыми. Сколько почтовых ящиков и пожарных гидрантов вы заметили сегодня? Нисколько? Вряд ли. Вы прошли мимо десятков

таких приспособлений, но не увидели их. А ведь они чрезвычайно ценны и абсолютно необходимы. И сообщество с хорошо отлаженной жизнью их полностью игнорирует.

Писатели-фантасты – очень небольшое сообщество. У него есть яркие представители. Найт, Шекли, Старджон, Бредбери, Кларк, Воннегут. Их мы видим, замечаем, знаем, в чем их особенность. Но жизнь этого сообщества заметно обеднеет без не бросающихся в глаза и не «звездных» авторов, которые пишут рассказ за рассказом – не громкие хиты, но по-настоящему прекрасную прозу. Вроде тех, прочитав которые, долго обдумываешь, повторяя: «Отличный рассказ!» И быстро забываешь имя автора. Возможно, позже ты снова вспомнишь рассказ: «Ну да, это же о том, как... – и потом морщишь лоб и говоришь: – Черт, как его имя? Он написал много хороших рассказов, настоящий писатель...»

Проблема здесь в отсутствии эффекта накопления. Каждый рассказ блистателен – отдельно взятый. Но почему-то они не складываются в общность, создающую имидж автора; не работают на его карьеру. Печально, но очевидно: судьба Р. А. Лафферти среди писателей-фантастов именно такова.

Но Лафферти – человек значительный, и его проза – самого высокого полета. Не просто грамотная – образцовая. Сколько лет он писал? Больше шести, но меньше пятнадцати? Вроде бы так. И все же, обсуждая авторов, поклонники массовой фантастики редко упоминают его имя. И это несмотря на то, что его произведения неоднократно входили в антологии, несколько раз были включены в сборники Джудит Меррил «Лучшая научная фантастика года», дважды – в антологию «Уорлдс Бест» Карра-Уоллхейма и печатались практически во всей научно-фантастической периодике. Он – человек-невидимка. Но теперь мы это исправим. Рафаэль Алоизиус Лафферти предстанет перед всеми, заявит о себе, и вы прочтаете еще один

его блистательный рассказ. И, черт возьми, на этот раз запомните имя автора!

Вот что говорил о себе сам Лафферти: «Я – необязательно именно в таком порядке – холостяк пятидесяти одного года, инженер-электрик, толстяк. Родился в Айове, с четырех лет живу в Оклахоме и провел в ней всю свою жизнь, кроме службы в армии. Да, и еще год работал в одной компании в Вашингтоне. Все мое образование – пара лет на вечернем факультете Университета Талсы; это было давным-давно, изучал я в основном математику и немецкий. Почти тридцать лет работал в компаниях по электроснабжению, занимался в основном покупками и продажами оборудования. Во время Второй мировой войны служил в Техасе, Северной Каролине, Флориде, Калифорнии, Австралии, Новой Гвинее, на острове Моротай (тогда голландском, сейчас это Индонезия) и на Филиппинах. Я был отличным сержантом и в один период довольно прилично говорил на малайском и тагайском языках.

Что человек может сказать сам о себе? Ничего важного. Несколько лет я сильно выпивал, лет шесть назад завязал с алко-голем. Образовалась пустота: отказываясь от компании интересных друзей-собутельников, ты лишаешь себя яркой удивительной жизни. Фантастической жизни. И, чтобы заполнить пустоту, я начал писать фантастику. В одном журнале для писателей я вычитал нечто, вселившее в меня дурацкую идею о том, что научную фантастику писать просто. Возможно, но только не для меня. У меня не было той подготовки, которую имело большинство авторов в этой области.

Мое хобби – языки. Все языки. Я потратил как минимум тысячу долларов на самоучители, учебники грамматики, хрестоматии, аудиокурсы. Могу читать на всех романо-германских языках, на славянских, на ирландском и греческом, но говорю свободно только на испанском, французском и немецком.

Я консервативный католик. Что касается политики, то я – единственный член Американской Партии Центристов, чьи основные принципы когда-нибудь изложу в иронической утопии. Очень люблю ходить; запустите меня в любой незнакомый город, и я исследую каждый его уголок – пешком, пусть даже на это уйдет неделя. Не думаю, что я очень интересный человек».

А теперь снова я, редактор, с завершающим комментарием. Лафферти – неинтересный человек? Ну да, примерно как его рассказы, то есть, совсем наоборот! Как доказательство обвинения Р. А. в принижении собственных достоинств – вот вам рассказ, один из самых моих любимых в этой книге.

Харлан Эллисон

«Они пришли и забрали нашу страну», – повторяли эти люди. Но никто не понимал, о чем они говорят.

Два англичанина, Ричард Рокуэл и Сирано Смит, ехали в открытом джипе по пустыне Тар. Скучная местность с почвой красноватого оттенка – больше камня, чем песка – выглядела так, будто кто-то срезал с нее верхний пласт, обнажив более глубокие слои.

Издаലെка докатились раскаты грома. Блондин Рокуэл и смуглый темноволосый Смит удивленно переглянулись. На всей территории от Нью-Дели до Бахавальпура никогда еще не гремел гром. Да и чему гроыхать в безводной пустыне на севере Индии?

– Поедем-ка мы по этому гребню, – сказал Рокуэл и свернул туда, где начинался подъем. – Может, здесь и не бывает дождей, но однажды я чуть не утонул, проезжая по

местности, где не бывает дождей. В тот раз мне просто повезло.

Снова загромыхало, тяжело и раскатисто, словно убеждая людей, что они не ослышались.

– Это лощина Кути Тавдави, Маленькая река, – мрачно заметил Смит. – Интересно, почему ее так назвали? – И Смит вздрогнул, будто испугавшись собственных слов. – Рокуэл, почему я это сказал? Я впервые вижу это место. Откуда мне знать, как оно называется? А лощина и впрямь превратится в бурную речку, если зарядит дождь. Но осадков здесь не бывает: нет гор – нет условий для образования облаков.

– Каждый раз, глядя на Страну Больших Лошадей, я думаю о том же. – Рокуэл кивком указал на мерцающие высоты знаменитого миража. – Если бы они были реальны, то собирали бы достаточно влаги, чтобы превратить пустыню в цветущую саванну.

Два англичанина занимались геологической разведкой – брали пробы грунта на участках, отмеченных после аэрофотосъемки. Беда пустыни Тар заключалась в том, что в ее кладовых было все: бокситы, свинец, цинк, сурьма, медь, олово, – но в количествах, недостаточных для промышленной разработки. Никакие вложения в Тар не окупились бы, обещая в лучшем случае работу на грани рентабельности.

Внезапно между вершинами миража сверкнула молния – такого зрелища они еще не видели. Небо нахмурилось и потемнело. Вскоре докатились раскаты грома, а ведь миражи никогда не создают звуковых эффектов.

– Это или крупная и очень деятельная птица, или пошел дождь, – сказал Рокуэл.

И действительно, начало моросить – слабо, но постоянно. Это было приятно – в жаркий полдень в тряском джипе

посреди пустыни попасть под дождик. Дождь в пустыне – всегда дорогой подарок.

Смит затянул жизнерадостную песню на одном из языков северной Индии, сопровождая пение непристойными жестами. Рокуэл не понял ни слова. Текст переполняли двойные рифмы и слова из сплошных гласных, очень похожие на те, что лопочут малыши.

– Невероятно, где ты так хорошо выучил местные языки? – удивился Рокуэл. – На мой взгляд, это непростая задача, а ведь у меня лингвистическая подготовка.

– Мне и не нужно было их учить, – ответил Смит. – Я их просто вспомнил. Все они группируются вокруг нашего *боро*, как листики клевера на стебле.

– Вокруг чего? И сколько языков ты вспомнил?

– Всех «семерых сестер», как их называют: пенджабский, кашмирский, гуджарати, маратхи, синдхи и хинди.

– Твоих сестер только шестеро, – усмехнулся Рокуэл.

– Говорят, седьмая сбежала с конокрадом. Но ее до сих пор встречают то здесь, то там.

Они часто останавливались для пешего обследования. Сам по себе цвет ручьев, появившихся как по мановению волшебной палочки, мог сказать очень многое – никогда еще в этой местности не видели потоков воды. Так, то и дело останавливаясь, они преодолели несколько километров по раскисшему грунту.

Вдруг Рокуэл охнул и чуть не вывалился из машины: ему почудилось, что на соседнем тряском сидении подпрыгивает абсолютно незнакомый человек. Потом он увидел, что это Смит – такой же, как всегда. Но мимолетная иллюзия ошеломила.

Впрочем, вскоре Рокуэл испытал еще одно потрясение.

– Что-то здесь не так, – сказал он.

– Все здесь так, – отозвался Смит и затянул другую песню на индийском языке.

– Похоже, мы заблудились, – беспокойно произнес Рокуэл. – Из-за дождя ничего не видно, местность не должна идти на подъем. Этого нет на карте.

– Конечно, есть! – воскликнул Смит. – Это Джало Чар.

– Что-что? Откуда ты берешь эти названия? Там, где мы находимся сейчас, на карте ничего не значится, поэтому и на местности ничего не должно быть.

– Значит, карта неправильная. Брат, это же самая красивая лощина на свете! Она будет вести нас все дальше вверх! Почему карта забыла это? Почему мы все забыли это так надолго?

– Смит! Что ты несешь? Ты словно пьяный.

– Все хорошо, поверь мне. Минуту назад я заново родился. Я возвращаюсь домой.

– Смит! Мы едем по зеленой траве!

– Как я ее люблю. Я мог бы щипать ее, как лошадь!

– А эта скала, Смит! Ее не должно быть так близко! Это же часть мир...

– *Нанэ, сэр. Это Лоло Трушыл* – Гнедой крестец.

– Абсурд! Ее нет ни на одной топографической карте!

– Карте, сэр? Я простой человек *кало*, откуда мне знать о таких вещах?

– Смит! Но ты же квалифицированный картограф!

– *Аи...* вроде я слышал о таком ремесле, с таким названием. А скала настоящая. В детстве я излазил ее вдоль и поперек. В другом детстве. А вон там, сэр, *Драпенгоро Рез* – Цветущая гора. Ну а плато, на которое мы поднимаемся, называется *Дис Боро Граес* – Страна Больших Лошадей.

Рокуэл остановил джип и спрыгнул на землю. Смит тоже вышел, его лицо светилось от счастья.

– Смит, ты похож на чокнутого! – ахнул Рокуэл. – Интересно, на кого похож я? И как мы сумели заблудиться? Смит, посмотри на регистратор маршрута и датчик пройденного расстояния.

– Регистратор маршрута, сэр? Я простой *кало*, я сроду не знал...

– Черт возьми, Смит, ты же сам установил приборы! Если они не врут, мы на высоте двухсот метров над уровнем моря и проехали пятнадцать километров вглубь плоскогорья, которое предположительно является частью миража. Этих скал здесь не должно быть. Как, впрочем, и нас тоже. Смит!!

Но Сирано Смит повернулся и потрусил прочь.

– Смит, ты куда? Эй, ты меня слышишь?!

Смит обернулся:

– Сэр, это вы мне? Как вы меня назвали?

– Мы такие же невменяемые, как и эта чертова местность, – простонал Рокуэл. – Мы же вместе работаем вот уже три года. Разве твоя фамилия не Смит?

– Очень может быть, сэр. Думаю, ее англофицировали как Конь-кузнец или Черный кузнец. Да только мое настоящее имя – Петталангро, и я направляюсь домой!

И человек, еще недавно бывший Смитом, потрусил дальше вглубь Страны Больших Лошадей.

– Смит, я сажусь в машину и возвращаюсь назад! – крикнул Рокуэл. – Я напуган до чертиков, это место меняется на глазах. Когда мираж материализуется, лучше держаться от него подальше. Поехали! Завтра утром будем в Биканере. Там есть врач и виски в баре. И то, и другое нам не помешает.

– Спасибо вам, сэр, но мне надо домой! – радостно прокричал Смит. – Вы были очень добры, подбросили меня в такую даль.

– Я оставляю тебя, Смит. Один безумец все же лучше, чем два.

– *Ашав*, бывай! – крикнул Смит и помахал на прощание рукой.

– Смит, объясни мне одну вещь! – прокричал Рокуэл, пытаюсь отыскать в происходящем соломинку здравого смысла, за которую можно было бы уцепиться. – Как зовут седьмую сестру?

– Староцыганский, – донеслось издалека, и Смит взошел на высокое плато, которое всегда было миражом.

В верхней комнате дома по Олива-стрит в Сент-Луисе, штат Миссури, супружеская пара держала семейный совет.

– *Драпенгоро Рез* вернулась, ты слышишь, *ромны*? – говорил мужчина. – Чувствую, гора на месте, и *брышынд* там летит как из ведра. Нам пора *джилём*.

– *Аи*, – кивнула жена, – раз ты так уверен, *куч*.

– Черт, *бут* уверен! Клянусь всем нашим *бэнгланы* ба-рахлом! Тем более, оно, считай, уже *бикиндло* – спасибо дя-дюшке за помощь...

– За чуток *ловэ* можно *джилём аэропланэса*, – предложила жена.

– Ты что, *ромны*? Наша *дром* лежит только по земле и по морю!

– *Аи, мишто*, – согласилась жена и начала паковать чемоданы.

Неудачливый автомеханик из мексиканского города Камарго, штат Чиуауа, продал за сто песо свое дело и приказал жене собираться в дорогу.

– Уехать сейчас, когда бизнес наконец-то пошел в гору? – удивилась она.

– В гору? У меня в ремонте только одна машина, и ту я не могу починить.

– Ну так поддержи ее разобранной, и хозяин заплатит, чтобы ты собрал ее обратно. Ну как в прошлый раз. А еще у тебя лошадь, которую нужно подковать.

– Ох, боюсь я эту лошадь. И все-таки *Драпенгоро Рез* вернулась! Начинай собираться.

– А ты уверен, что мы найдем дорогу?

– Конечно, не уверен. Но мы сядем в фургон, и наша кляча потянет его.

– Зачем фургон, если машина есть? Ну, или почти есть.

– Я не знаю. Но мы сядем в фургон и приедем на перекладину самую большую подкову, какую только найдем.

На ярмарке в Небраске клоун задрал голову и принялся.

– *Романистан* возвращается, – проговорил он. – Я всегда знал, что мы это почувствуем. Есть ли здесь еще цыгане?

– В моих жилах течет немного *романо рат*, – отозвался один из акробатов. – По любому этот балаган – *нарвеленгеро*, дешевка. Скажем боссу, чтобы засунул ее в свой жирный *палуи*, и поедем.

В Талсе торговец подержанными автомобилями, по кличке Рыжий Цыган, объявил тотальную распродажу:

– Все задаром! Я уезжаю. Берите документы, садитесь в машины и катайтесь. Девять почти новых машин и тридцать в отличном состоянии. Все забесплатно.

– Считаешь нас идиотами? – усмехались люди. – Знаем мы эти уловки.

Рыжий Цыган сложил документы на землю, придавил

камнем, потом сел в самый дешевый автомобиль из тех, что стояли на площадке, и уехал из города навсегда.

– Все на халяву! – крикнул он на прощанье. – Берите документы, садитесь в машины и ездите на здоровье.

Машины по-прежнему стоят на своих местах. Думаете, хоть один простак попался на крючок торговца?

В Гальвестоне барменша по имени Маргарет выпрашивала у торговых моряков, как добраться до Карачи.

– Почему до Карачи? – поинтересовался один из них.

– Я рассудила, что через Карачи самый короткий путь. Знаете, она возвратилась.

– У меня тоже чувство, что *она* вернулась, – сказал моряк. – Я сам *ром*. Мы подыщем попутное судно.

По всему свету мужчины с золотыми перстнями и женщины в звенящих монисто, воинственные балканские овчары и знойные испанские мачо, бродячие клоуны и коммивояжеры, графы Кондомские и герцоги Малого Египта собирали кровные *ловэ* и отправлялись в путь.

В разных странах люди и целые семьи внезапно принимали одно и то же решение. *Атинганои* поднимались на холм возле греческих Салоников, где к ним присоединялись братья из Сербии, Албании и с болгарских Родоп. *Цингари* северной Италии собирались вокруг Павии и выдвигались в сторону Генуи, чтобы там сесть на корабль. *Боемиос* Португалии спускались в Порто и Лиссабон. Гитанос Андалузии и всей южной Испании спешили в Санлукар и Малагу. *Цигейнер* из Тюрингии и Ганновера переполнили Гамбург в поисках выхода к морю. *Джиобога* и их родственники-полукровки *шелта* из каждой ирландской деревеньки, каждой *гава*, грузились на судна в Дублине, Лимерике и Бантри.

Из континентальной Европы они ехали по суше на восток. Люди прибывали из двухсот портов разных континентов и двигались по тысячам давно забытых шоссе.

Балаурос, кале, мануш, мелело, цыгане, моро, ромалэ, фламенко, синто, чикара – народ со множеством имен – *джелем-джелем*, ехал тысячами. *Романи Раи* переселялся.

Два миллиона цыган, разбросанных по всему свету, возвращались домой.

В Институте Григорий Смирнов беседовал с друзьями и коллегами.

– Помните тезис, озвученный мной недавно, – говорил он. – Тезис о том, что тысячу лет назад к нам спустились космические визитеры и забрали с собой кусочек Земли. Вы тогда еще посмеялись над моей догадкой, хотя я пришел к ней в результате изостатического и экстатического анализа, проделанного филигранно и скрупулезно. Без всяких сомнений, событие имело место.

– Одна область изъятия обнаружена, – подтвердил Алоизий Шиплеп. – Пришельцы забрали срез площадью около тридцати тысяч квадратных километров и толщиной, в самой высокой его части, около полтора. Ты утверждал, что пришельцы взяли его для изучения. Есть о срезе какие-нибудь новости?

– Я закрываю расследование, – объявил Григорий. – Срез возвращен на место.

Это действительно было просто, *джеквастескero*, поцыгански просто. Это только *гаджё*, не-цыгане мира, дают путанные ответы на простые вопросы.

«Они пришли и забрали нашу страну», – всегда говорили цыгане, и именно так все и было.

Космические визитеры отделили ее от основания, мягко покачали, чтобы стряхнуть всполошившуюся фауну, и забрали для изучения. А чтобы отметить место среза, оставили нематериальный симулякр высокогорной страны – так иногда мы сами отмечаем столбиком место, на котором позже будет что-то установлено. Этот симулякр люди воспринимали как мираж.

Также симулякры были внедрены в сознание высшим представителям эвакуировавшейся фауны. Так у цыган появилась врожденная тяга к родному дому, не позволяющая им вести оседлый образ жизни, и связанные с этим определенные предчувствия, представления о счастье и взгляды на жизнь.

И вот визитеры вернули срез на законное место, и фауна среза спешит домой.

– Ну и что эти космические визитеры (предвижу снисходительную улыбку в свой адрес) будут делать дальше, Григорий? – спросил Алоизий Шиплеп.

– Хм, Алоизий... возьмут другой срез.

Три дня слабые землетрясения раскачивали Лос-Анджелес и его окрестности. На третий день район полностью эвакуировали. Потом небо взорвалось громким свистом, словно предупреждая: «Посторонним сойти на берег». А затем участок земли некоторой толщины неожиданно исчез вместе со всей инфраструктурой и постройками на нем. Со временем о происшествии забыли.

Из общеобразовательной энциклопедии XXII века, том 1, с. 389:

АНДЖЕЛЕНОС (см. также «Автомобильные цыгане» и «Сборщики слив»)¹. Смешанная этническая группа не вполне ясного происхождения, большую часть времени скитающаяся в автомобилях по дорогам. Судя по всему, они – последние пользователи этих транспортных средств. Некоторое количество устаревших, отделанных хромом моделей все еще производится с расчетом на эту группу. Люди эти не нищие, их интеллект выше среднего. Они часто открывают собственное дело, становятся риэлторами, игроками на биржах, мошенниками на доверии, менеджерами компаний, торгующих фальшивыми дипломами по почте, промоутерами того или иного рода. Редко задерживаются в одном городе надолго.

Любопытно, как они проводят свободное время. Часами, а то и сутками напролет, гоняют по старым и малоиспользуемым двухъярусным развязкам и бесплатным шоссе. Считается, что большинство анджеленос – наркоманы. Однако Гарольд Фрилав, несколько месяцев проживший среди них, доказал ошибочность данного стереотипа. Тот дым, что они вдыхают для получения удовольствия – под названием «смог-крэк» – всего лишь черный дым, образующийся в процессе сгорания угля и нефтепродуктов и содержащий высокий процент угарного газа. Цель этого действия не вполне ясна.

Религия анджеленос представляет собой смесь старых вероисповеданий с очень строгим эсхатологическим эле-

¹ Анджеленос – так называют жителей Лос-Анджелеса. «Сборщики слив» (англ. Prune pickers) – прозвище коренных калифорнийцев, возникшее во времена Великой Депрессии.

ментом. Идея рая представлена ссылкой на таинственный «Бульвар Сансет». Язык анджеленос ярок и насыщен непристойным жаргоном. Их мнение по поводу собственного происхождения довольно туманно.

«Они прилетели и забрали нашу тусовку», – говорят они.

В 1967 году в издательстве «Даблдей» впервые вышла антология «Опасные видения», составленная Харланом Эллисоном. Я тогда жил в Айове, учился в старшей школе, жадно поглощал Фредерика Брауна, Бредбери, Хайнлайна, Азимова, Желязны и Дика, и, конечно, книга Харлана Эллисона сразу привлекла мое внимание. Оглядываясь на те времена, мы часто вспоминаем многие прекрасные антологии – под редакцией Гарднера Дозуа, Дэвида Хартвелла, Эллен Датлоу, Терри Виндлинг, Келли Линк и Гевина Гранта, Терри Карра и так далее, – но забываем, какую грандиозную работу проделал Харлан, собрав под одной обложкой, как они их называл, «тридцать два провидца». Сейчас я живу неподалеку от Филадельфии, и, думая о Харлане, представляю его себе Альбертом Барнсом научной фантастики. Коллекция импрессионистов Барнса – удивительна; если быть честным, рядом с Матиссом, Ван Гогом, Гогеном, Пикассо и Ренуаром там можно найти несколько скромных работ художников, ныне преданных забвению, хотя сам Барнс, судя по всему, видел в них что-то. «Опасные видения» – все равно как коллекция Барнса, только в научной фантастике. Несколько вопросов: «А куда делся тот автор...» – но все остальное замечательно.

Именно «Опасные видения» открыли для меня дверь в миры Рафаэля Алоизиуса Лафферти. Этой дверью стал рассказ,

выбранный Харланом – «Земля больших лошадей». Насколько удивительны эти миры, я в то время еще не знал, равно как и то, что сам Лафферти родился в Айове, на юго-западе штата в городе Неола – если меня сейчас читает кто-то из Неолы, ребята, Бога ради, хотя бы приколите к лацкану значок!

Как часто бывает у Лафферти, этот рассказ короткий, и поначалу он кажется простым, но по мере чтения бьет тебя под дых, причем не раз. В некотором смысле, этот рассказ можно считать «напарником» «Узкой долины» – истории, в которой тоже говорится о чудесах топографии.

К тому же это пример того, как Лафферти вводит читателя в историю – как бы с бокового входа; текст движется и вроде бы ведет к определенной ситуации, и ты думаешь: так вот он о чем! Но оно совсем о другом. А потом, когда ты решаешь, что вот теперь-то все ясно, автор добавляет штрих, которого ну никак не ожидаешь.

Начинается все с изречения, похожего на заклинание: «Они пришли и забрали нашу страну», – повторяли эти люди. Но никто не понимал, о чем они говорят».

Какая страна, какие люди – чтобы узнать, надо читать дальше. Затем перед нами предстают два англичанина, Ричард Рокуэл и Сирано Смит. На автомобиле они пересекают Тар – великую индийскую пустыню (так говорится в рассказе). Наконец они добираются до знаменитого миража под названием Земля Больших Лошадей, или Дис Боро Граес. Именно на нее они приехали посмотреть. И сейчас же все начинает идти не по плану. Посреди засушливой бесплодной пустыни гремят раскаты грома, а затем сверкает молния. Странное климатическое явление радикально меняет Сирано Смита: внезапно и неизвестно откуда к нему приходят названия этих мест, и он начинает петь песни на языке, которого прежде не знал. Рокуэл спрашивает, в чем дело, и Смит объясняет, что только такие

песни и помнит, и что «все языки группируются вокруг нашего боро, как листики клевера на стебле». Смит, похоже, наслаждается новой жизнью, возникшей из ниоткуда. Он признается Рокуэлу, что знает все семь языков – «семь сестер», но называет только шесть. Рокуэл указывает на это, и Смит отвечает, что седьмой язык – коренной цыганский. Рокуэл пытается увести приятеля от миража, но Смит отказывается, называя Рокуэла «англичанин», будто они внезапно стали друг для друга иностранцами, а затем бежит к горе, которая еще несколько мгновений назад была частью миража.

Дальше рассказ состоит из разных коротких сцен, в которых люди говорят на диалектах цыганского, пенджаби, хинди – совершенно ясно, что в жилах каждого течет цыганская кровь, зовущая их в Землю Больших Лошадей. Некоторые из них цыгане-джентльмены, некоторые – женщины-гадалки, некоторые, возможно, атинганой из племени предков всех цыган. И все эти разные люди, объединенные цыганской кровью, бросают насиженные места и устремляются «домой», потому что *Драпенгоро рез* вернулась, окутанная свежим ароматом дождя, она тянет их к себе, и это притяжение невозможно преодолеть. Домой – значит в Землю Больших Лошадей, которая тысячу лет была миражом, но теперь вернулась.

Еще одна деталь, чтобы сделать рассказ более заманчивым для читателя. Допустим, вы думаете, что все уже поняли, но у Лаффети всегда есть козырь в рукаве – «Дис Боро Граес», где «Дис» – на самом деле новое диалектное слово, связанное не с чем-нибудь, а с Диснейлендом.

В «Узкой долине», как объяснил мне Майкл Суэнвик, Лафферти играет со словами языка индейцев-пауни, здесь же пользуется терминами и фразами на разных цыганских диалектах, и все это ведет к знаковому финалу, возможному

только потому, что автор виртуозно жонглирует диалектными выражениями.

И, как всегда бывает с Лафферти, вы снова застываете в ошеломлении. И снова. И снова. Но всегда существуя внутри придуманной им истории. Как читатель, я теряю дар речи. Будучи писателем, постоянно задаю себе вопрос: «КАК? Как же ему это удастся?»

Грегори Фрост

ДАМБА ЭВРЕМЫ

Это история о недотепе, дурачке, «шлемазле» – последнее слово на идише, пожалуй, точнее выражает суть героя, хотя его не так часто услышишь в Талсе, родном городе Рафаэля Алоизиуса Лафферти. Истории про дурачков – жанр, которого я, как редактор и составитель сборников, всегда сторонился. Мне казалось, что рассказы о простофилях, дурачках, шлемазлах, неудачниках, тупаках и так далее читают только простофили, дурачки, неудачники и недотепы. Это в лучшем случае. Вряд ли такой аудитории интересны книги, которые издаю я. Но оставим это. Лафферти – автор искусный и ловкий, это понимаешь сразу, и созданный им дурачок – особенного рода.

Рассказ «Дамба Эвремы» получил премию «Хьюго» в 1973 году в Торонто. Не могу сказать, что трепещу перед историями, которые получают премии, и отношусь с презрением к тем, кому они не достаются. Но то, как ее заполучил Лафферти, заслуживает некоторых пояснений. Чтобы удостоиться премии «Хьюго», рассказ должен быть опубликован в научно-фантастической периодике или в антологиях, доступных широкой аудитории. Моя же антология «New Dimensions II» была выпущена в дорогой твердой обложке и тиражом всего шесть тысяч экземпляров. Несмотря на это, включенный в нее рассказ Лафферти умудрился набрать достаточное количество голосов для победы. Как? Понятия не имею. Но он выиграл, и помимо всего прочего, оставил позади мой собственный рас-

сказ. Не стану притворяться, что не хотел победить сам, но я был бесконечно счастлив, что премия досталась таком замечательному и необыкновенному автору и что свою первую награду Лафферти получил за рассказ, который опубликовал я.

Роберт Сильверберг

Рядом с ними он выглядел набитым дураком.

С кем это – с ними? С гениальными творцами? С титанами мысли? Рядом с теми, чьи открытия определили будущее?

Вовсе нет. Просто он был глупее всех дураков.

Дети, родившиеся одновременно с ним, оказались сметливее, как, впрочем, и те, кто появился на свет позже. Он был самым тупоголовым из всех маленьких тупиц, когда-либо подавших голос. Даже его мать была вынуждена признать, что Альберт немного недоразвит. Что еще можно сказать о ребенке, сказавшем первое слово в четыре года, научившемся пользоваться ложкой в шесть, а дверной задвижкой в восемь лет? Как иначе можно назвать мальчика, который не может правильно обуться и ходит с натертыми ногами? И который, зевнув, постоянно забывает закрыть рот?

Сущность многих предметов навсегда осталась выше его понимания, как, например, назначение большой стрелки часов. Но эта тайна не занимала Альберта. Он никогда не стремился узнать точное время.

В возрасте восьми с половиной лет Альберт достиг большого успеха: он научился различать правую и левую руки. Для этого ему пришлось выдумать для себя сложную систему подсказок. Учитывалось помахивание собачьего

хвоста, направление смерчей и водоворотов, а также с какого бока надо подходить к корове, чтобы подоить ее, и с какого к лошади, чтобы оседлать. Имели значение форма дубовых и платановых листьев, узоры мха, расположение слоев в известняке, направление полета ястреба, описывающего круги в небе, движение охотящегося скорпиона и свертывающейся в кольцо змеи (причем, надо было помнить, что гремучая змея является исключением из правил), очертания ветвей сосны, особенности норы скунса или барсука (не забывая, что скунсы иногда пользуются заброшенными барсучьими норами). Итак, Альберт наконец научился различать «право» и «лево», но надо заметить, что нормальный ребенок сумел бы освоить эту науку и без подобной чепухи.

Альберт так никогда и не научился писать разборчиво. Чтобы избежать неприятностей в школе, ему пришлось схитрить. Используя велосипедный спидометр, миниатюрный моторчик, крошечные грузики со смещенным центром тяжести и батарейки, тайком вытащенные из отцовского слухового аппарата, Альберт смастерил машинку, которая стала писать вместо него. Она была не больше муравьиной личинки и закреплялась на карандаше или ручке, так что Альберт мог спрятать устройство между пальцами. Машинка выводила буквы – Альберту же оставалось только выбирать шрифт в соответствии с образцом, данным в учебнике. Конечно же, это было мошенничество, но что еще может предпринять мальчишка, который слишком туп, чтобы научиться писать мало-мальски сносным почерком.

Альберту абсолютно не давался счет. И потому он был вынужден сделать еще одну машину – ту, что считала за него. В результате получился механизм величиной с ладонь, способный складывать, вычитать, умножать и делить.

В следующем году, когда Альберт был уже в девятом классе, учебная программа усложнилась, – и незадачливому ученику пришлось усовершенствовать свое изобретение. Теперь новинка справлялась с квадратными и кубическими уравнениями. Если бы не все эти хитрости, Альберт не получил бы ни одной удовлетворительной отметки.

Когда подростку исполнилось пятнадцать лет, его ожидала очередная трудность. Ах нет, читатель! Сказать «трудность», значит, ничего не сказать о проблемах Альберта. Дело в том, что он робел перед девушками.

И что же делать в таких случаях?

«Сконструирую-ка я машину, которая не боится девчонок», – сказал себе Альберт и принялся за работу. Устройство было уже почти готово, когда одна мысль начала беспокоить изобретателя: «Но ведь любая машина не боится девчонок. Может ли мне это помочь?».

Но тут его размышления зашли в тупик, метод аналогий не сработал. И Альберт сделал то, что делал всегда. Он схитрил.

Из старой пианолы, найденной на чердаке, он извлек программирующий ролик; потом отыскал подходящую коробку передач, вместо перфорированных нот, свернутых в рулоны, он использовал намагниченные платы, а в матрицу поместил экземпляр «Логики» Уормвуда – и получил логическую машину для ответов на различные вопросы.

– Почему я боюсь девчонок? Что происходит со мной? – задал Альберт вопрос своей логической машине.

– С тобой ничего не случилось, – ответила машина. – Вполне логично бояться девочек. Они и на меня нагоняют страх.

– Но что мне делать?

– Подожди, пока наступит время и возникнут должные

обстоятельства. Придется набраться терпения. Если только ты не хочешь перехитрить...

– Да-да, хочу, и что же мне делать?

– Создай машину, Альберт, которая будет похожа на тебя и станет говорить так же, как ты. Только пусть она будет потолковей и решительней. И – о, Альберт – вложи в нее одну вещицу на всякий случай. Я прошепчу ее название. Это опасная штука.

И Альберт сделал Малыша Денни – робота, похожего на него и внешностью, и голосом, но только более смышленно-го и решительного. Он ввел в память своего изобретения шуточки и остроты из журналов «Псих» и «Насмешка», а потом они отправились на поиски приключений.

Альберт и Малыш Денни нанесли визит Элис.

– Ах, какая прелесть! – сказала Элис. – Почему ты не можешь быть таким же, Альберт? Ты и вправду так мил, Малыш Денни! Ах, Альберт, отчего ты так глуп, тогда как Малыш Денни такой славный?

– Я, гм... я не знаю... – только и смог пробормотать Альберт.

– Похоже на рыбью икоту! – к месту вставил Малыш Денни.

– Вот умора! – радостно воскликнула Элис. – Альберт, почему бы тебе не выражаться так же остроумно, как Малыш Денни? Почему ты такой рохля?

Робот явно вел подрывную работу, однако Альберт не отказывался от него. Он снабдил Малыша Денни новой программой. Теперь тот мог играть на гавайской гитаре и петь. Элис по-прежнему была без ума от Малыша Денни и третировала Альберта. Но в один прекрасный день ему это надоело.

– За-заче-зачем нам нужна эта кукла? – спросил Альберт. – Я сделал ее только затем, чтобы раз-развле... чтобы рассмешить тебя. Давай уйдем и бросим его.

– Уйти с тобой, Альберт? – возмутилась Элис. – Но ведь ты глуп! Мы поступим по-другому. Уйдем с Малышом Денни, а тебя оставим. Так будет гораздо веселее!

– Правда, кому он нужен? – подхватил Малыш Денни. – Чеси отсюда, приятель!

И Альберт ушел. Его радовало лишь одно: по совету своей логической машины он кое-что вложил в Малыша Денни. Изобретатель удалился от машины на пятьдесят шагов. Потом на сто. «Достаточно», – решил он и, сунув руку в карман, нажал на кнопку.

Никто, кроме Альберта и его логической машины, не объяснил бы причину последовавшего взрыва. Крошечные колесики и шестеренки из туловища Малыша Денни фонтаном брызнули во все стороны.

Альберт хорошо усвоил урок, преподанный ему логической машиной: «Никогда не создавай того, от чего нельзя избавиться!»

Альберт был слишком бестолков, чтобы зарабатывать на жизнь своим трудом. Ему ничего не оставалось, как продавать свои хитроумные изобретения ловким посредникам и фирмам сомнительной репутации. Но все же он приобрел некоторую известность и даже скопил кое-какое состояние.

Нерасторопность мешала Альберту решать финансовые проблемы, но он смастерил машину-бухгалтера, которая сумела выгодно вложить его деньги. Порой прохода-машина пускалась в такие аферы, что ее создатель и сам был не рад.

Не сказать, чтобы Альберт был таким уж одиноким. Среди его соратников был карфагенянин, который в силу тупоумия не сумел освоить иероглифическое письмо и выдумал уродливый короткий алфавит, доступный даже кретинам. Был и безымянный араб, способный считать только до десяти и создавший десятичную систему исчисления для младенцев и идиотов. Был немец со своим печатным станком, превратившим изящные манускрипты в грубые стандартные книги. Альберт оказался в этой жалкой компании.

Сам по себе Альберт был ни на что не годен. Но он умел создавать машины, способные абсолютно на все. Вам, конечно, известно, что с давних пор наши города задыхаются от смога. Но воздух можно очистить достаточно простым способом. Все, что для этого требуется, – это помпа. И Альберт создал откачивающую машину. Он включал ее по утрам. Машина очищала воздух в радиусе трехсот ярдов вокруг его дома и за каждые 24 часа накапливала в своей утробе около тонны осадка. Этот осадок, богатый полифункциональными молекулами, шел на корм одной из его химических машин.

– Почему бы вам не очистить весь воздух? – спрашивали люди.

– Потому что Кларен Дезоксирибонуклеиконибус не нуждается в большем количестве осадка, – отвечал Альберт. Так он называл свою химическую машину.

– Но смог убивает нас, – жаловались люди. – Смилуйте!

– Ну, хорошо, – смилостивился Альберт. И командовал одному из своих воспроизводящих агрегатов сделать столько машин-помп, сколько необходимо.

С годами у Альберта развился комплекс неполноценности. Заявлял о себе он в основном тогда, когда Альберту

приходилось общаться со своими машинами, особенно с теми, которые имели человеческий вид. У изобретателя не было и доли их остроумия, живости или сообразительности. Он был просто дубиной рядом с ним, и они недвусмысленно давали это понять.

Одна из машин Альберта заседала в кабинете министров. Другая была членом Главного совета Всемирной организации наблюдателей, обеспечивающей мир во всех уголках земли. Третья председательствовала в обществе «Богатство без границ» – неправительственном органе, гарантирующем умеренные материальные блага каждому человеку. Еще одна занимала руководящий пост в Фонде здоровья и долголетия, который снабжал всех желающих и тем, и другим. Почему бы таким замечательным и преуспевающим особам не смотреть сверху вниз на своего захудалого родича?

«Я разбогател из-за курьеза, – однажды подумал Альберт, – и мое благосостояние – результат ошибки. Но на всей Земле нет машины или человека, который был бы моим настоящим другом. У меня есть книга о том, как приобрести друзей, но я не умею следовать ее советам. Но я сам создам себе друга!»

И Альберт принялся за его изготовление.

Он сотворил Беднягу Чарльза, робота, такого же глупого, бестолкового и непутевого, как он сам. «Теперь у меня будет товарищ», – решил Альберт, но его надежды не оправдались. Сложите два нуля – и вы все равно получите нуль. Недотепа Чарльз был слишком похож на Альберта.

Бедный Чарльз! Лишенный способности мыслить, он сделал машину (все та же надоевшая история, не так ли?), которая могла думать за него и...

Понятно без лишних слов! Среди всех машин Альберта один лишь Бедняга Чарльз решился на подобный шаг.

Но что сделано, то сделано. Однажды Альберт оказался невольным свидетелем беседы двух роботов. Неприятный сюрприз: оказалось, что машина, созданная Беднягой Чарльзом, полностью овладела ситуацией и вертит им как хочет. Машина машины, устройство, созданное для того, чтобы думать за изобретателя, читало настоящую лекцию, да притом в выражениях, способных унизить кого угодно.

– Выживут только придурки и слабоумные, – бубнила эта чертова машина машины. – Греки не знали изобретательства в период расцвета. Они не знали ни усилителей энергии, ни станков. Они поступали так, как всегда поступают умные машины или думающие люди, – они использовали труд рабов. Эллины не опускались до выдумок. Они, с легкостью решавшие трудные задачи, не искали простейших путей. Но безголовым суждено изобретать. Простофилям суждено изобретать. Дуракам суждено изобретать. И мошенникам суждено изобретать.

Альберт в порыве внезапного гнева уничтожил и Чарльза, и его изобретение. Но он знал, что машина его машины сказала правду.

Альберт был подавлен. Умный человек наверняка понял бы, что с ним происходит. Но Альберт лишь интуитивно догадывался, что у него нет и никогда не будет никакой интуиции. Не видя выхода, он произвел на свет машину, которую назвал «Озарение».

По всем показателям это была наихудшая машина из всех когда-либо сделанных им. Не зря все другие его машины собрались вокруг и освистали изобретателя.

– Эй, парень, ты сдурел? – насмеялись они, – что за примитивная вещь! Поглощать энергию из окружающей среды! Еще двадцать лет назад мы убедили тебя выбросить

подобные идеи из головы и снабдить всех нас кодированной энергией.

– А о социальных волнениях вы подумали? – слабо отбивался Альберт. – Ведь вас отрежут от источников питания... Озарение будет функционировать, даже если человечество сметут с лица Земли.

– Но оно даже не подключено к нашей информационной матрице, – не отставали машины. – Оно хуже Бедняги Чарльза!

– Зато вполне вероятно, что оно войдет в моду, – защищался Альберт.

– Оно писается! – продолжали атаку машины, к слову сказать, всегда отличающиеся изысканными манерами. – Взгляни! По всему полу – лужи смазочного масла!

– Я хорошо помню детство и понимаю бедолагу, – сказал Альберт.

– И все-таки, на что оно нужно? – задали машины вопрос по существу.

– Ну... у него интуиция, – промямлил Альберт.

Машины разразились негодованием:

– Тогда вот что! Мы проведем выборы и заменим тебя на посту Главного координатора.

«Босс, я интуитивно догадываюсь, как можно сорвать их план», – прошептало Озарение. Надо отметить, что машина в этот момент еще не была окончательно собрана.

«Они блефуют, – прошептал в ответ Альберт. – Моя первая логическая машина учила меня не делать машин, от которых нельзя избавиться. Они у меня в руках, и им это известно».

«Возможно, придут трудные времена, а тогда и я на что-нибудь сгожусь», – сказала Озарение.

—

Только однажды, уже будучи стариком, Альберт подчинился внезапному порыву и поступил прямодушно. В тот вечер Альберту вручали Приз Финнерти-Хохмана – самую почетную награду, которой научный мир удостаивал лучших своих представителей. Странно, конечно, что они оставили свой выбор на Альберте. Однако куда ни кинь – почти все значительные изобретения последних тридцати лет так или иначе были связаны с его именем.

Как выглядит этот приз – известно. Статуэтка изображала Эврему, многоликую греческую богиню изобретателей. Скинув руки, она словно готовилась к полету.

У Альберта было заготовлено выступление, написанное его машиной для составления речей. Но по неясным причинам он решил на этот раз обойтись без чьей-то помощи. Дело завершилось катастрофой. Когда Альберт услышал свое имя, он поднялся и, заикаясь, принялся молоть ерунду.

– Только в больном моллюске зарождается жемчужина, – начал он, и все изумленно уставились на него. – Но, может быть, мне подсунули другой приз? – неуверенно продолжал Альберт, тараща при этом глаза на скульптуру. – Эврема выглядит по-другому. Нет, это не она. Эврема ходит задом наперед, и к тому же она слепа. А ее мать – безмозглая корова.

Собравшиеся наблюдали за ним с выражением сочувствия.

– Для роста необходима закваска, – пытался объяснить Альберт. – Но дрожжи сами по себе – не что иное, как проявление грибкового заболевания. Все вы скроены по одному стандарту, блистательны и величавы. Но вы не можете обойтись без тех, кто не соответствует вашим нормам. Кто же будет изобретать, если не станет ни ущербных, ни глупцов? Что вы будете делать, когда не останется ни одного из нас, неполноценных? Кто будет месить тесто?

– Вы нездоровы? – тихо осведомился церемониймейстер. – Может, лучше закончить? Вас поймут.

– Конечно, я не здоров. Да никогда и не был здоровым, – согласился Альберт. – Иначе что бы из меня получилось? Вам представляется, что все должны быть нормальными и приспособленными к жизни. Нет и нет! Если бы было по-вашему, человечество погрязло бы в косности и вымерло. Естественный порядок жизни на Земле существует благодаря нескольким не совсем нормальным личностям, которые держатся в тени. Не мотыга, не долото и не лом были первыми орудиями человека. Прежде всего появился кость, и тот, кто смастерил его себе в помощь, был, конечно, мощным калекой.

– Скорее всего, вам лучше отдохнуть, – тихо обратился к Альберту распорядитель. Никогда еще эти стены не слышали подобного вздора!

– Вы, конечно, уверены, что впереди стада шествует могучий бык, а следом – самые крепкие животные, – продолжил Альберт. – Нет, дорогу выбирают увечные или больные телята! Все, что выживает вопреки тяжелым обстоятельствам, покоится на несуразностях. Послушайте, как говорят женщины: «Мой муж кретин, но я всегда терпеть не могла Вашингтон в летние месяцы».

Все остолбенело уставились на Альберта.

– Это была моя первая шутка в жизни, – нескладно объяснил оратор. – Моя машина-шутник острит гораздо удачнее. – Он остановился, бросил взгляд на присутствующих и набрал побольше воздуха. – Дураки! – страстно провозгласил он. – Что вы будете делать, когда умрет последний из дураков? Как вы продержитесь без нас?

Альберт замолчал, но, по обыкновению, забыл закрыть рот. Он так и замер с выпученными глазами. Изобретателя

отвели на место. Его машина по связям с общественностью пояснила, что Альберт переутомился, и раздала копии речи, с которой тот должен был выступить.

Печально, что великие мира сего только на то и годны, чтобы быть великими.

В тот год был издан указ о проведении переписи населения всей страны. Декрет был подписан Чезаре Панебьянко, президентом государства. После предыдущей переписи прошло десять лет, и поэтому в указе не было ничего необычного. Тем не менее, поступило специальное распоряжение охватить переписью людей без определенных занятий и недееспособных. Раньше эти несчастные никого не интересовали. Но теперь из гуманных соображений ими решили заняться. Таким образом Альберт попал в сферу интересов правительства. Да и вряд ли кто-нибудь больше, чем он, подходил на роль отверженного.

И вот Альберт оказался в компании с другими никчемными людишками. Чиновники помогли ему усесться и стали задавать разные вопросы.

– Как вас зовут?

Он всегда путал свое имя, но тут сосредоточился и ответил:

– Альберт.

– Который час?

Это был удар ниже пояса. Где часовая стрелка, а где минутная? Он разинул рот, но ничего не ответил.

– Вы умеете читать?

– Только с помощью моей... – начал Альберт. – Я не захватил с собою мою... Нет, я едва умею читать.

– Попробуйте.

И они протянули ему листок с текстом, в котором он должен был найти правильные и ошибочные утверждения. Он отметил все утверждения как верные, надеясь, что таким образом справится хотя бы с половиной задания. Но все положения оказались неправильными. Потом Альберт получил задание вставить слова в пословицы.

«Семь бед – ... ответ» – эта фраза требовала массы математических операций. «Имеются три неизвестных, – лихорадочно размышлял он про себя, – и только одна положительная величина – семь. Слово «ответ» мало что говорит. Я не могу решить это уравнение. Я даже не уверен, что передо мной уравнение. Вот если бы со мной была моя...»

Но все его машины и устройства были далеко. Пришло время действовать самостоятельно. Он не заполнил ни одного пропуска в пословицах. Но вдруг перед ним забрезжила надежда.

«... – мать изобретательства», – гласила очередная пословица.

«Глупость» – вывел Альберт, как курица лапой. И выпрямился, ощущая себя победителем. «Уж я-то знаю эту самую Эврему и ее мать, – хихикнул он. – О Господи, как хорошо я ее знаю!»

Но они не засчитали и этот ответ. Альберт провалился по каждому вопросу всех тестов. Тогда они решили направить его в передовой приют для умалишенных, где он мог бы научиться делать что-нибудь руками – было очевидно, что его голова ни на что не годилась.

Две машины пришли за ним и вызволили его оттуда. Они сказали: да, конечно, он тунеядец и доходяга, но очень богатый тунеядец и доходяга и даже пользуется некоторой известностью.

– Хотя в это трудно поверить, но он – великий человек, – объяснила одна из чудесных машин. – И хотя, зевнув, он забывает закрыть рот, это не помешало ему стать обладателем Приза Финнерти-Хохмана. Мы берем его под свою ответственность.

Альберт чувствовал себя очень несчастным, когда машины вели его домой. Но он вконец расстроился, когда роботы попросили его отстать от них на три-четыре шага, сделав вид, что не имеют к нему никакого отношения. Они потешались над Альбертом и поддевали его. Альберт улизнул от своих неблагодарных детей и отправился в укрытие, которое давно приготовил для себя.

«Я пущу пулю в свою безмозглую голову! – поклялся Альберт. – Терпеть подобное унижение выше моих сил. Однако самому мне будет трудно справиться с этой задачей. Надо, чтобы кто-нибудь помог мне». И, сидя в своем убежище, он принялся за изготовление нового устройства.

– Чем занимаешься, босс? – спросило его Озарение. – Интуиция подсказывает мне, что ты работаешь над очередной новинкой.

– Мастерю машину, которая пустит пулю в мою тупую голову! – крикнул Альберт. – Я слишком ничтожен, чтобы справиться с этим в одиночку.

– Босс! Интуиция подсказывает, что есть более подходящее занятие. Давай-ка немного развлечемся.

– Кажется, я на это не способен, – задумчиво ответил Альберт. – Как-то раз я изобрел увеселительную машину. Она вдоволь потешилась, пока не взлетела на воздух, но не принесла мне ни капли радости.

– А теперь мы будем развлекаться вдвоем. Представь, что весь мир пред тобой, как на ладони. Что ты видишь?

– Этот мир слишком хорош для меня, – ответил Альберт. – Он слишком совершенен, все люди прекрасны и одиноковы и все преуспевают. Они овладели мирозданием и толково распорядились им. В этом мире нет места для такого недотепы, как я. Поэтому я выхожу из игры.

– Босс, догадываюсь, что тебя подводит зрение. Но ведь ты не так близорук. Посмотри вокруг без досады и раздражения! Что ты видишь теперь?

– Ах, Озарение, неужели это возможно? Я не ошибаюсь? Интересно, почему я раньше не замечал этого? Вот как, оказывается, обстоит дело, если быть внимательнее!

Шесть миллиардов простофиль, которые только и делают, что ожидают пастыря! Шесть миллиардов безынициативных ничтожеств! Уж будь уверен, мы заставим их плясать под дудку усовершенствованной конструкции Альберта.

– Босс, интуиция подсказывает, что я создан для подобных дел. Мир скисает, как застоявшееся молоко. Пора заняться им всерьез. Дружище, какую кашу мы заварим!

– Мы положим начало новой эры! – торжествовал Альберт. – Мы славно позабавимся, Озарение. Мы возьмем их голыми руками! Мы слопаем их, как удав кролика... Как же я мог раньше не понимать этого? Шесть миллиардов ничтожеств!

На этой странной ноте начался двадцать первый век.

ЛУННЫЕ ПРИЗРАКИ 1870-Х

Я из будущего.

Рассказ «Лунные призраки 1870-х» впервые вышел в 1978 году. Мне было тогда десять лет, мы жили в Канаде, у подножия гор и в окружении леса, где часто вспыхивали пожары, доносилось эхо волчьего воя и криков койота. Там, где горы близко, радиосигнал неустойчив, и наша связь с внешним миром, помимо телефона, ограничивалась только телевидением. И как же мы его любили!

У нас был всего один телеканал – Канадская вещательная корпорация (CBC). Наполнение канала не слишком радовало: в основном там показывали доморощенные сериалы наподобие «The Beachcombers» и шоу вроде «Front Page Challenge». Американские фильмы, например, «М.А.С.Н.»¹, появлялись редко, только в прайм-тайм, и это было как подарок. Мы расстраивались, когда канал начинал заново крутить старые серии – тут уж без вариантов. Но мы были дети и могли смотреть что угодно. Даже в шутку называли брата «фанат заставок»: когда терялся сигнал и картинка зависала, он продолжал упорно глазеть на статичное изображение.

Я иногда смотрела вместе с ним на такие картинки. И, если разглядывала их долго-долго, на экране начинало что-то происходить. Так мне тогда казалось.

¹ В российском прокате – «Чертова служба в госпитале МЭШ».

«Лунные призраки 1870-х» – это альтернативная история телевидения. Повествователь, безымянный историк (очевидно, непрофессиональный), рассказывает о телешоу, созданных неким Аврелианом Бенгли в 1873 году. Лунные драмы «медленного света» передавались на теле-ресиверы, которые показывали то, что им передали. Удивительно, но из-за причуд медленного света телешоу улучшались, если их показывали чаще. Драмы развивались и разрастались. Картинка становилась четкой и ясной. Потом волшебным образом появился звук, причем не только слова из самой драмы, но и комментарии за кадром – таким образом зритель попадал за кулисы «Волшебного мира Аврелиана Бенгли».

Чудесная научно-фантастическая идея! В 1978 году мы с братьями и сестрами приняли бы такую технологию на ура. Смотрели бы драмы «медленного света» постоянно, пока они не превратились бы в реальность, и мы не вошли бы в их удивительный мир.

Это Лафферти в его самой восхитительной ипостаси: играя словами и образами, он выстраивает многослойную историю внутри истории (и опять внутри истории), и все это кажется абсолютно реальным и жизненным, несмотря на стилизованные мелодраматические элементы. Я стараюсь (наверное, я должна?) простить автору неоднозначные с расовой точки зрения эпитеты, даже несмотря на то, что они выталкивают меня из этой его истории (в 1978 году было бы именно так). Но его мир тесно переплетается с моим, и это главное. Лафферти заставляет меня вспомнить детство, голодное до развлечений – мы тогда сделали бы все, лишь бы только телепередачи менялись, да еще и становились лучше, если смотреть их чаще! И еще он напоминает мне, как чудесно будущее, в котором я живу: ведь у меня в кармане лежит маленький ресивер, и в любой

момент, только пожелай, он покажет мне какую угодно мелодраму или телешоу.

Келли Робсон

Даже сегодня изобретение телевидения приписывают немцу Паулю Нипкову, а годом его открытия называют 1884-й. Нипков использовал принцип электропроводимости селена под воздействием света, и основным механическим элементом у него служили диски, сканирующие изображение – так называемые «диски Нипкова». Ну а что ему еще оставалось? Ведь в ту пору не существовало ни электроламп, ни усилителей, ни тем более электронно-лучевой трубки. Разрешение телеприемников Нипкова было очень низким из-за так называемой «медленной световой реакции» селена и отсутствия усиливающей аппаратуры.

Интересный факт: некоторые ученые в Соединенных Штатах еще до Нипкова создали нечто похожее на телевидение. Разрешение изображения у этих первопроходцев – их звали Аврелиан Бенгли, Джесси Полк, Сэмюэл Дж. Перри и Гиффорд Хаджин – было еще ниже, чем у Нипкова. Да и вообще, честно говоря, донипковские изобретатели не заслуживают внимания. Все, кроме Бенгли. Но и этот, впрочем, интересен вовсе не техническими открытиями, а содержанием созданных им телевизионных драм.

Наша цель сейчас заключается не в том, чтобы выяснять, кто в действительности изобрел телевидение (это был не Пауль Нипков, и не Аврелиан Бенгли, и не Джесси Полк). Наша цель – изучить некоторые из ранних телевизионных драм Бенгли с их «медленной световой реакцией». А именно, первые из селеновых, читай «лунных», телепостановок, представленных Аврелианом Бенгли в 1873 году.

Ранние произведения нового вида искусств всегда самые интересные и почти всегда самые лучшие. Гомер создал первый, удивительный в своей новизне и, пожалуй, лучший эпос. Кого бы из древних ни называли пионером наскальной живописи, его рисунки – самые интересные и живые. Эсхил написал первые и лучшие трагедии. Эвклид изобрел первую и лучшую математику – мы сейчас говорим о математике как об искусстве, а не сухих цифрах. Что же касается Аврелиана Бентли, то он выпустил, возможно, первые и лучшие из всех телевизионных драм, несмотря на техническое несовершенство.

Телевизионный бизнес Бентли не имел широкой известности, а вот доходы его впечатляли – по тысяче долларов с день с клиента. В золотые деньки (а точнее, в золотом ноябре 1873 года) у него было пятьдесят подписчиков в Нью-Йорке, семнадцать в Бостоне, четырнадцать в Филадельфии и один в Хобокене. Вместе они приносили девяносто одну тысячу долларов в день (по нынешним меркам это примерно миллион долларов ежедневно). Но Бентли был человек экстравагантный, расточительный, безмерно кичился своими расходами. И так случилось, что к началу 1874 года Бентли прогорел. И тогда же и умер.

От «Волшебного мира Аврелиана Бентли» до наших дней дошли тринадцать драм «медленного света», проектор и одиннадцать древних телеприемников. Возможно, приемники пылятся где-то еще, но человек, нашедший их, вряд ли поймет, что это такое. Они мало чем походят на сегодняшние телевизоры.

Тот, на котором мы просматривали телевизионные драмы, был добротной моделью, работающей на керосине. Купили мы ее два года назад за восемнадцать долларов. Если бы кто-то догадался, что это за штука и какую ценность

имеет для коллекционеров, ее цена удвоилась бы или даже утроилась. Но мы уверили владельца, что этот аппарат – жаровня для каштанов. Кстати, если к нему приделать решетку, то на нем вполне можно жарить каштаны. Проектор мы купили за двадцать шесть долларов, объяснив хозяйину, что это старый инкубатор. Тринадцать кассет с телепостановками обошлись нам еще в тридцать девять долларов. Чтобы вернуть к жизни кассеты, понадобился формальдегид, им пришлось обработать и проектор и приемник. За формальдегид мы заплатили пятьдесят два доллара. Вскоре я обнаружил, что кассеты с драмами вовсе ее нужны, впрочем, как и проектор. Приемник сам по себе повторял все, что когда-то показывал. Но в любом случае деньги были потрачены не зря.

Керосиновая горелка активировала небольшой генератор, который посылал импульс на селеновую матрицу и пробуждал воспоминания о драмах. В этих показах с примесью воспоминаний присутствовала одна странность. Приемник накапливал впечатления, и всякий раз драма «медленного света» предстала перед зрителем несколько иной – ведь она впитала переживания тех, кто ее уже видел. Четкость изображения с каждым просмотром становилась выше, и от просмотра к просмотру росло удовольствие.

Сценарии первых двенадцати драм Бентли были довольно слабые, гораздо слабее, чем у Джесси Полка и Сэмюэла Дж. Перри, дебютировавших немного позже. Аврелиан Бентли не имел никакого отношения к литературе, более того, он плохо знал грамоту. У него, истинного гения, было много таких пробелов. Но он был человек страстный и полный драматизма, и телепостановки, которые он сочинял и ставил, отличались необычным размахом, динамизмом и крутыми поворотами сюжета. Его слабые сценарии имеют

ценность уже хотя бы по одной причине: они объясняют нам, пусть смутно и неумело, что такое телевизионные драмы и ради чего они существуют. Без этих объяснений мы вообще не могли бы понять смысла великих телесериалов и их значения для мира.

Во всех его фильмах присутствует некая нереальность, призрачность, как будто их снимали где-то под землей, при плохом освещении, или при неярком лунном свете. Не забывайте, что химической основой телепоказов был селен (металл, который на самом деле никакой не металл), названный так в честь Селены – Луны. Чтобы передать жизненность и динамику сцен, Бентли не пользовался «движущимися картинками» или быстро сменяющимися друг друга кадрами. Хотя Мэйбридж примерно в то же время создавал свой зоопраксископ¹, первый в мире прибор для проецирования движущихся картинок, Аврелиан Бентли не знал о его работе. Позже Сэмюэл Дж. Перри и Гиффорд Хаджен применили технику движущихся картинок, но Бентли, к счастью, этого избежал. Каждый из его полчасовых «живых» фильмов, появлявшихся впервые в телеприемнике, был записан на одной-единственной матрице, одним кадром, после чего история начинала жить и развиваться сама собой. В некотором смысле это были фильмы без определенной последовательности кадров (подобного эффекта «свободы от порядка» позже пытались достичь представители других видов искусства, но потерпели поражение). Именно в этом и заключалась «призрачность» творений Бентли, именно это наделяло их таким очарованием и си-

¹ Зоопраксископ – прибор для «проецирования движущихся картинок», ранний проекционный аппарат, изобретённый Эдвардом Мейбриджем в 1879 году.

лой воздействия. Каждая драма становилась одним развивающимся моментом вне времени и пространства, хотя все сцены происходили в основном в Нью-Йорке и степях Нью-Джерси.

Конечно же, ранние фильмы Бентли были немыми, но в данном случае не будем заходить слишком далеко с «конечно же». Медленный звук, как и медленный свет – характеристики селена, и вскоре мы обнаружим, что на самом деле звук каким-то образом прокрадывался в некоторые сцены драм, правда, после многочисленных просмотров. Было ли это специально задумано или вышло чисто случайно, не суть важно. Главное, что эти ранние фильмы совершенно уникальны.

В 1873 году Аврелиан выпустил тринадцать драм «медленного света». Тринадцатая, таинственная «Стряпчие из Филадельфии», не была отмечена логотипом Бентли; кроме того, она вышла уже после его смерти, хотя он и исполнял там заглавную роль. Итак, вот эти драмы.

1. «Злоключения Пейшнс, или дьявольская погоня»

Кларинда Каллиопа, возможно, одна из величайших актрис Америки да и всего мира, в этой драме играет главную героиню по имени Пейшнс Палмер. Лесли Уайтмэншн исполняет роль Саймона Легри, Кирбак Фуайе играет злодея по кличке «Кнут», Пол Маккоффин – «Бельзамировщика». Хайме дель Дьябло выступает в роли «Иезуита», одного из самых опасных персонажей. Торрес Мальгре играет работодателя, вооруженного поддельным сертификатом, в котором написано, что Пейшнс имеет примесь черной крови, а значит, должна вернуться в рабство на остров Сен-Круа.

Инспиро Спектралски играет «Пантеру» (Человек ли он? Или Призрак?), изображая зло, пришедшее, возможно, извне мира. Юбер Сен-Николя играет «Хранителя», который на самом деле довольно-таки слабо выполняет свои обязанности.

«Злоключения Пейшнс» динамичны и аллегоричны. Аллегоричны, ибо символизируют противостояние добра и зла, света и тьмы, смекалки и тупого невежества, жизни и смерти, открытости и интриганства, любви и ненависти, отваги и трусости. Пожалуй, ни одна телевизионная драма не сравнится со «Злоключениями» по накалу страстей и по силе воздействия на зрителя. Снова и снова Бальзамировщик, внезапно появляясь из мрака, хочет уколоть Пейшнс иглой с бальзамирующей жидкостью, после чего бедная девушка превратится в живого заостеневшего мертвеца. Снова и снова Кнут готовится исполосовать ее своим длинным бичом, пропитанным ядом, а это – мгновенная смерть. Снова и снова Работорговец и Саймон Легри стремятся поработить ее нежное тело, а Иезуит и Пантера – душу. Таинственный же Хранитель как будто бы всегда готов прийти на помощь, но каждая его попытка спасти героиню приводит к обратным, причем ужасающим, последствиям, заставляя зрителя усомниться в его честности и искренности.

Самая яркая сцена драмы – дуэль локомотивов, которая происходит грозовой ночью в грузовом порту Уэст Орандж. Несчастливая Пейшнс вновь и вновь попадает в западню на железнодорожных эстакадах, по которым туда-сюда носятся грохочущие локомотивы, ведомые ее преследователями (создается впечатление, что этот грузовый порт состоит исключительно из железнодорожных путей). Пейшнс, управляя собственным локомотивом, старается ускользнуть от врагов, но их ревушие машины несутся со всех сторон, так

что, когда локомотивы сближаются, от неминуемой гибели ее отделяет какая-то доля секунды, в которую она, впрочем, успевает увильнуть в сторону. Всякий раз, проносясь с грохотом мимо, Бальзамировщик заносит свою смертоносную иглу, Кнут замахивается отравленным бичом, Рабовладелец потрясает фальшивым сертификатом, и только благодаря фантастической гибкости тела героине удается увернуться от жадных рук в момент сближения, после чего локомотивы с ревом проносятся мимо. Кажется совершенно невозможным, что они так тесно сближаются – и при этом избегают столкновения. А потом (О Боже, помоги!) Пантера (Человек ли он? Или Дьявол?) выпрыгивает из своего локомотива и влетает в локомотив Пейшнс. Вот он уже прямо за ней, но она не видит его. Он подходит ближе...

Впрочем, кульминация «Злоключений» происходит не в грузовом порту, а в тайном заброшенном городе в степях Нью-Джерси, в замке с очень дурной славой. В этом мрачном месте враги Пейшнс поселили банду громил (с выдубленными темными лицами и отрезанными языками) и дрессированных псов-ищеек, чтобы те затравили девушку до смерти. Она почему-то едет в большом фургоне, полном соломы и запряженном шестью храбрыми лошадьми. Мрачной грозовой ночью мчится девушка в этой колеснице, погоняя коней, по извилистому серпантину дороги (из-за того, что вокруг все время вспыхивают молнии, повороты кажутся еще более резкими и ломанными, как и вообще все вокруг). Естественно, дорога ведет к замку. Псы, клацая зубами, прыгают высоко в воздух, стараясь вцепиться в Пейшнс, но им не удается вытащить ее из фургона.

Вдруг Пантера (Человек ли он? Или чудовище?) непонятно как оказывается прямо в ее фургоне, прямо позади нее, хотя она не видит его. Он приближается к ней, но

Пейшнс в этот момент совершает решающий ход. Ловко и храбро управляя фургоном и следуя своему плану, она поднимает высоко в воздух металлический ключ. Ослепительная молния ударяет в фургон, и сено вспыхивает. Пейшнс в последнюю секунду выпрыгивает из полыхающей колесницы, и огнедышащий ад на полной скорости врывается в замок. Замок Зла, все его постройки и город вокруг охватывает очищающий огонь – таков пылающий финал одной из величайших драм на свете.

Кстати, этот финал мы еще встретим не раз. Благодаря «медленному свету», свойственному селену, эта живая яркая сцена просачивается за рамки себя самой и накладывается, иногда слабо, иногда сильно, на призрачные эпизоды всех двенадцати последующих драм.

2. «Жадные кинжалы, или тайна убийства»

Это вторая из телевизионных драм Аврелиана Бентли, снятая в 1873 году. Кларинда Каллиопа, одна из самых талантливых актрис своего времени, здесь исполняет роль Мод Тренчант, девушки-детектива. Лесли Уайтмэншн, Кирбак Фуайе, Х. Пол Маккоффин, Хаиме дель Дьябло, Торрес Мальгре, Инспиро Спектралски и Хуберт Сент-Николаас играют опасных героев и зловещих персонажей, хотя невозможно точно понять, кто они и какие цели преследуют. Так что вживаться в эту кровавую и захватывающую драму приходится, практически не зная деталей.

«Жадные кинжалы» еще в большей степени, чем «Злоключения Пейшнс», кажутся совершенно свободными от рамок времени и последовательности событий. Все это – одно разворачивающееся перед нами большое мгновение, полное растущей интриги и напряженности, но не подчи-

няющееся какому-либо порядку действий. Вкупе с отсутствием краткого содержания это часто приводит к непониманию происходящего.

Честно говоря, краткое содержание все же есть, но его невозможно прочитать – листок очень темный и весь испещрен пятнами. Химический анализ показал, что это – человеческая кровь. Мы предполагаем, что Бентли специально рассылал своим клиентам листки, запятнанные свежей кровью, чтобы, так сказать, настроить на нужный лад. Но с течением времени пятна расплылись, и содержание теперь не читаемо вообще. В любом случае, драма чрезвычайно интересна, и, кстати, это первая драма с убийством, поставленная на телевидении. Вряд ли нужно объяснять, что Мод Тренчант, девушка-детектив, побеждает всякое зло, встречающееся на пути, и раскрывает всевозможные преступления, но подробности ее приключений, увы, утрачены навсегда.

3. *«Большой велопробег»*

Третья драма Бентли демонстрирует нам разноплановую Кларинду Каллиопу в роли юной Джули Мидоублум. Фильм повествует о радостном и глубоко аллегоричном «путешествии в лето». Это первая из теледрам Бентли, где появляется звук. О да! Мы слышим звуки окружающего мира, вначале слабые, затем более отчетливые. Звуки природы, деревенской обыденной и праздничной жизни, сельской ярмарки. И хотя кажется, что звуки возникли случайно (еще один призрачный побочный эффект селеновой магии), они совершенно точно указывают, что оригинальное название драмы должно звучать так: «Большая велогонка. Пастораль». Судите сами: бляенье овец и коз, мычание коров,

ржанье лошадей, хрюканье свиней, гогот гусей, криканье уток и прочие милые сельские звуки: птицы, кузнечики, мельницы, фургоны, пение и восклицания людей, крики зазывал, бормотание игроков, визг и хохот молодежи...

Впрочем, мелькают там и другие звуки – голоса. Иногда молящие, иногда злые, иногда высокомерные или угрожающие. Остановимся на них. Это звуки совершенно иного рода, они вторгаются в общую канву так, будто были записаны отдельно и затем наложены. Голоса в основном звучат на улице, но иногда в помещении, – быстрые словесные перепалки, заглушаемые шумом толпы.

– Нет, нет и нет. Да за кого ты меня принимаешь?

– Клари, смотри, все это я отдам тебе. Никто не одарит тебя такими сокровищами. Никто не позаботится о тебе так, как я. Сейчас самое время. Это же наше цветущее лето. Мы вовсю косим траву!

– Давай сначала выясним, Аври, сколько стоит хороший амбар для этой травы. И документально все оформим. Я имею в виду прибыль этого лета, эту цифру, длинную-предлинную, как само лето. А еще я имею в виду акт распоряжения твоей собственностью, оформленный на мое имя, в котором будут обозначены все последующие сезоны.

– Ты что, не веришь мне, Клари?

– Конечно, верю, малыш Бенти. А еще я верю, что ты сегодня же оформишь документы. Я вообще очень доверчивая женщина. Я верю, что у нас будет капитал, который поможет выстоять в любой ситуации и при любых условиях.

Странный разговор, особенно в контексте остального звукового сопровождения «Большой велогонки».

Гонка охватывала три округа – Кэмден, Глочестер и Атлантик – и продолжалась пять дней. Велосипедисты преодолевали ежедневно по тридцать километров, и время от-

мечалось очень точно. Букмекеры принимали ставки на итог каждого дня, но чаще ставили на победителя в общем зачете, и кубышка росла с каждым днем. С большой ярмарочной трибуны можно было видеть почти всю трассу – следить за велосипедистами и поднимающимися клубами пыли. Трибуна была высокая, и с нее открывался вид на окрестности – поля, рощи, сады, деревенские домики. Перед трибуной до, во время и после гонки проводили мулов и крупный рогатый скот, судьи оценивали животных. Так что велогонка (которая занимала ежедневно около часа) была событием безусловно знаменательным. В пробеге участвовали семеро велосипедистов, и все они – мировые знаменитости.

Лесли Уайтмэншн шел на добротном «Специале» работы барона фон Зауэрброна. Эта машина, известная в народе как «вертушка», считалась надежной, как все немецкое, безопасной и на удивление быстрой.

Кирбак Фуайе выступал на чудесной машине «Мажись-ене» инженера Эрнста Мишо. У этого велосипеда был специальный разъем для крепления небольшого паруса, чтобы развивать большую скорость в ветреную погоду.

Пол Маккоффин восседал на Британском Королевском велосипеде. Сильно сказано, но у этой машины были две вещи, к которым вполне можно применить столь патетические эпитеты: колеса из монолитной резины (впервые в мире) и ощущение, что перед тобой нечто первоклассное. Аппарат отличался невероятным аскетизмом и прямизной линий, что, как известно, свойственно только лучшим британским творениям.

Хаиме дель Дьябло ехал на «Костотрясе» Пьера Лалмана. Деревянные колеса этой машины были с покрывками из стали, переднее колесо – гораздо больше заднего.

Торрес Малгре вступил в гонку на «американце», «Роуд-раннере» Ричарда Уоррена Сирса. Это первая машина, изготовленная только из металлических деталей. «Единственное деревянное – это головы наших критиков» – так звучала реклама «Роуд-раннера».

Инспиро Спектралски (Человек он? Или Пушечное Ядро?) рулил «Кометой» Маккрэкена. «Комета» уже успела выиграть несколько гонок на окружных ярмарках в Америке.

Машину Юбера Сен-Николя в Штатах прежде не выдвали. Это была французский бициклетт по прозвищу «Суприм». У бициклетта имелись педали, с помощью которых можно было крутить заднее колесо. Вращательный момент передавался посредством гениально сконструированной цепи. По сути, это был вообще не велосипед. У настоящих велосипедов, на которых ехали остальные, педали крепились непосредственно к оси переднего колеса. Среди делавших ставки нашлось немало тех, кто настаивал на преимуществе заднего привода перед передним и, как следствие, рассчитывал на победу Юбера. Другие отпускали шуточки: мол, у этого драндулета заднее колесо доедет до финиша раньше переднего, а сам гонщик не появится до следующего дня.

На этих великих гонщиков крутые игроки ставили облачные суммы. Именно ради них любители спорта приехали сюда из самого Нью-Йорка.

Кларинда Каллиопа блистала в образе Глории Голденфилд, королевы красоты ярмарки трех округов. И это была не единственная ее роль. Еще она играла таинственного сменщика водителя «семерки» в маске (у всех гонщиков на случай непредвиденных обстоятельств есть сменщик), а также Рейксли Ривертауна, знаменитого игрока. Кто бы мог подумать, что роль беспутного, развязного Рейксли испол-

няет женщина? По крайней мере, автор и режиссер «Большого велопробега» ничего об этом не знал.

Трибуна, эстрада, все радости и удовольствия традиционной летней ярмарки! А тут еще и появившиеся «медленные запахи» селеновой матрицы – они потихоньку созревают, навевая воспоминания. Аромат сладкого клевера, нагретого солнцем тимьяна и сена, запах разгоряченных конских тел, запах карамели, сосисок и картофельного пюре из палаток с едой, запах пыльных дорог и зеленых хрустящих купюр – игроки их подсчитывают, отрывают от сердца и делают ставки на столах букмекеров. Гонка близится к концу. И снова в летние звуки случайно вторгаются голоса – отголоски настоящей жизненной драмы.

– Клари, еще день-два – и ты в шоколаде. Я поставил целую кучу денег на исход гонки, и я точно выиграю. Против меня самый сумасшедший игрок в этой стране, Рейкли Ривертаун, и мы с тобой возьмем как минимум миллион. Он поставил на то, что номер семь не победит. А «семерка» выигрывает, будь уверена.

– Я слышала, Рейкли Ривертаун в этом деле профи, сильнее его никого нет. И у него красивая фигура. И выглядит он просто сногсшибательно.

– Красивая фигура?! Этот мошенник с виду точно баба! Да, игрок он крутой, но не сечет в механике. У семерки «Суприм» – задний привод со специальным коэффициентом передачи, а это супер-преимущество! Юбер Сен-Николя, гонщик «семерки», просто водит за нос остальных участников, чтобы ставки взлетели повыше, а так-то он способен обойти их в любой момент. Я возьму на этой гонке миллион, любовь моя. И отдам его тебе, если только ты будешь со мной чуть ласковей, как и положено любимой девушке. Верь мне, Клари.

– Я верю, Аври, что твоя любовь ко мне значит гораздо больше, чем результат какой-то там гонки. Если бы ты действительно любил меня и на самом деле собирался сделать мне такой подарок, то подарил бы его уже сегодня. И этим бы доказал, что твоя привязанность и преданность выше, чем госпожа удача. Раз уж ты не можешь проиграть, как ты уверяешь, то ты положишь в карман те же самые деньги уже через два дня, а меня сделаешь счастливее на два дня раньше... О, ты просто сокровище, Аври. Ты вдвойне сокровище. Даже не представляешь, насколько вдвойне!

Чудесная Ярмарка Трех Округов близилась к концу, а вместе с ней и Большой Велопробег. Наступил завершающий день гонки. Юбер Сен-Николя на «семерке», она же «Суприм» (французская модель с механическим преимуществом) в общем зачете вел с отрывом всего в минуту. И, конечно, многие говорили, что он в любой момент сможет увеличить отрыв, но просто ждет, чтобы ставки еще подросли.

А ставки росли. Загадочный игрок с красивой фигурой и сногшибательной внешностью, Рейкли Ривертаун, держался первоначального выбора: «семерка» не победит. Но был и другой игрок, страшно засекреченный, – он делал ставки только через своих агентов. Так вот, он поставил на «семерку», но не на победу, а на место, которое займет гонщик, – второе. Впрочем, эти последние ставки были быстро перекрыты. «Семерка» должна была победить, если только какое-то ужасное бедствие не настигнет машину и игрока. Но в случае такого бедствия семерка не финиширует второй; скорее всего, она вообще не придет к финишу.

Семеро бесстрашных гонщиков вышли на последний сумасшедший круг. Публика жадно следила за ними, особенно игроки на трибунах, приклеившиеся к своим бинок-

лям. Крутая петля начиналась почти со старта километрах в шести от трибун, и было всего три или четыре места, проходя которые, гонщики скрывались из общего обозрения. Одно из них – ручей Крохотное Яичко, протекающий по одноименной долине. Так вот, именно там и случилось нечто загадочное, чего не может прояснить ни краткое содержание драмы, ни сама драма.

«Семерка», то есть Юбер Сен-Николя на французском «Суприме» с задним приводом и явными преимуществами механики, был выбит из седла и остался лежать без сознания на земле. Позже администрация велопробега официально объявила, что «Потеряв бдительность, гонщик зацепился за ветку дерева и не удержал равновесие». Юбер же клялся, что никаких веток и деревьев в пределах ста метров там попросту не было.

– На меня напали, в лесу была засада, – объяснял Юбер. – Это злостное преступление, и я знаю, кто его совершил. – Потом он горестно вскричал: – О женщины, вам имя – вероломство!

Последнее прозвучало совсем бессвязно. Возможно, последствия сотрясения мозга?

К счастью (вот только для кого?) сменщик Юбера, таинственный (хотя и зарегистрированный по всем правилам) гонщик в маске оказался как раз поблизости, быстро оседлал «Суприм» и продолжил гонку. Но «семерка», несмотря на первоначальное преимущество в одну минуту, не победила. Она заняла второе место в общем зачете.

«Большой велопробег» – занятная драма, без затейливых поворотов сюжета, но милая, с уютной сельской атмосферой, причем с каждым просмотром приятные ощущения от нее только усиливаются. Да, это безусловно волшебное «Путешествие в лето».

Правда, в финале пасторальной драмы в течение нескольких секунд в общую звуковую канву вновь вторгаются «призрачные» голоса.

– Клари, я облажался! Я проиграл чертову кучу денег! Не понимаю, как это произошло? Здесь что-то не так. Этот таинственный сменщик в маске... забавно, но он мне кого-то сильно напоминает! Уверен, я его где-то встречал! И насчет крутого Рейкли Ривертауна... я уже давно понял, что он на кого-то страшно похож, причем еще сильнее, чем сменщик «семерки»! Разрази меня гром, я его знаю!

– Перестань так нервничать, Аври. Ты такой умный, что с легкостью снова заработаешь эти деньги, причем очень быстро.

– Да, ты права, заработаю. Но как я могу сочинить сценарий, собрать группу и снять фильм, не зная, что в нем произойдет?

– Не думай об этом, Аври.

Я лично глубоко сомневаюсь, что Аврелиан Бенгли знал про «медленные звуки», прорывающиеся непонятно откуда в его немые драмы. И уж тем более он не догадывался о «медленных запахах», которые с какого-то момента начали придавать его теледрамам особый характер и оригинальность.

4. «Странствия Капитана Кука»

«Странствия» стали четвертой драмой Бенгли, выпущенной в 1873 году. Кларинда Каллиоба исполняла роль королевы Полинезии Марии Мазины. И если «Большой велопробег» был путешествием в лето, то «Капитан Кук» – вояжем в пышный тропический рай.

Юбер Сен-Николя играл Кука. Инспиро Спектралски (Человек ли он? Или рыба?) – Бога Акул. Лесли Уайтмэншн выступил в роли Миссионера, а Х. Пол Маккоффин – в роли Бога Вулкана. Торрес Мальгре сыграл Бога ходячих мертвецов, а Хаиме дель Дьябло – загорелого сёрфера Кокомоко, героя-любownika с вечным алым цветком гибискуса в белоснежных зубах.

Островитяне южных морей в драме про капитана Кука постоянно ели рагу из опоссумов с бататом и жареных цыплят (явная натяжка), играли на мини-банджо (еще одна натяжка) и говорили на диалекте южноамериканских штатов (правда, в пору производства драмы не предполагалось, что зрители когда-либо смогут услышать «призрачные» голоса героев).

Краткое содержание «Странствий капитана Кука» полностью сохранилось, и сейчас мы с теплотой и благодарностью вспоминаем те драмы, чьи тексты не устояли перед временем. Фильм буквально нашпигован событиями. Лучше вообще не обращать внимания на сценарий с постоянными проклятиями, которые насылают на всех Бог Акул, Бог Вулкана и Бог ходячих мертвецов, и отдаться очарованию декораций – они поистине впечатляют, особенно если учесть, что сцены сняты и записаны на селеновую матрицу в соляных болотах Нью-Джерси.

Чужеродные голоса появляются и здесь, равно как и во всех последующих драмах:

– Пена южных морей, да, вот о чем я мечтаю, Аври, настоящая пена, не искусственная. Включи-ка воображение, тем более что тебе его не занимать, тряхни своим толстым-претолстым кошельком и придумай для меня что-нибудь восхитительное. Порадуй меня, Аври.

– Клянусь, Клари, как только мое финансовое положение поправится, я куплю тебе остров в Тихом океане – хоть остров, хоть целый архипелаг. Слышишь, Клари? Подарю тебе любой остров – Гавайи, Самоа, Фиджи! Только выбери – и он твой!

– Ты так много обещаешь! Но твои обещания – пустое сотрясение воздуха, а не документ. Не знаю, может, как-то заставить воздух сохранить их и потом скрепить печатью.

– Не бумага, Клари, и не воздух, а настоящая жизнь. Я сделаю тебя действующей королевой Полинезии – не в фильме, а наяву!

Атмосфера южных морей в драме передана с совершенным очарованием. Вполне возможно, что именно «Странствия капитана Кука» стали той благодатной почвой, на которой позже взошли и расцвели пышным цветом будущие знаменитые телеистории и всем известные герои. Понятно, что телевидение – дитя момента и никому не нужно, чтобы дальний потомок знал своего прародителя. И все же, без «Кука» разве могли бы появиться Сэди Томпсон¹ или Нелли Форбуш²? Или Нина, дочь Олмайера³? О нет, их не было бы, если б Кларинда Каллиопа не стала их предтечей. И разве были бы сняты «Белые тени южных морей»⁴, не будь «Странствий капитана Кука»? Конечно, нет. Все это было бы просто невозможно.

¹ Героиня известного американского мюзикла «Мисс Сэди Томпсон», рассказывающего о приключениях девушки с Гавайских островов.

² Героиня американского мюзикла «Саут Пасифик» (South Pacific).

³ Нина – героиня первого романа Джозефа Конрада «Безумие Олмайера», изданного в 1895 году.

⁴ Американский фильм 1928 года, действие которого происходит в Полинезии.

5. «Дни в Крыму»

Пятая теледрама Аврелиана Бентли. В этой постановке Кларинда Каллиопа, используя свой многогранный талант, исполняет сразу несколько ролей. Она играет, во-первых, Флоренс Найтингейл. Во-вторых, турчанку по имени Экмек Кайя, даму сомнительных добродетелей, четвертую и любимую жену турецкого адмирала. В-третьих, Кьяру Мальдонадо, юную маркитантку при армии герцогства Савойя. В-четвертых, Катю Петрову, русскую княжну и одновременно шпионку, работающую на три страны. И наконец, Клодетт Боден, французскую журналистку. Кроме того, иногда Кларинда переодевалась в мужскую одежду и изображала брата Клодетт, Клода, полковника французской армии. Именно она, кстати, в образе Клода привела французов к неожиданной победе над русскими в Евпатории. Настоящего же Клода играл Аполло Мон-де-Марсан, молодой актер, дебютировавший у Бентли.

Крымская война была последней из войн, во время которой полевые офицеры (британского играл Лесли Уайтмэншн, французского – Кирбак Фуайе, офицера армии герцогства Савойя – Хаиме дель Дьябло, турецкого – Торрес Малгре, русского генерала – Инспиро Спектралски, а специального наблюдателя Ватикана – Х.Пол Маккоффин) после тактических маневров, а иногда и после кровавых битв, могли позволить себе торжественные ужины в обществе друг друга. Естественно, на этих ужинах Кларинда Каллиопа блистала во всех своих ипостасях.

Эта драма – пример великолепной и многоплановой интриги, и я уверен, что с каждым просмотром зритель будет постигать все больше и больше ее уровней. Именно в этой драме впервые проявился еще один феномен «эффекта

Бентли». Есть несомненные свидетельства того, что мысли людей здесь обретают звучание. Мы слышим их, как «медленный звук» – воплощение «медленных мыслей», рожденных селеном. Иногда это, как ни странно, мысли героев. Например, Кларинда Каллиопа в жизни не умела ни думать, ни говорить ни на каких языках, кроме английского и диалекта верхненемецкого, распространенного в Пенсильвании. Играя же шпионку трех войск, она думала вслух на турецком, греческом и русском. Иногда это мысли самих актеров – в частности, шокирующе откровенные размышления Лесли Уайтмэншена и Аполло Мон-де-Марсана по поводу того, чем они займутся со своими дамами после того, как получат свои актерские два доллара за день.

Постановка чудесная, и описать ее сложно. Из всех тринадцати именно ее стоит посмотреть очень внимательно. Хотя и здесь в озвученные мысли актеров и героев вторгались чужеродные речи, не имеющие отношения к сюжету:

– Избавься от этого греческого альфонса, Клари. Я ему сказал, что он уволен, а он в ответ: я готов остаться и работать бесплатно. Говорит, ему хватит дополнительных бонусов. Что еще за бонусы? Я ему сказал, что прогоню его прочь, а он ответил, что Нью-Джерси – свободный штат, так что прогнать его никто не имеет права. Не желаю больше терпеть эту дрянь.

– Аври, нет никакого греческого альфонса. Эту роль тоже играю я. Я такая талантливая и многогранная! И ты у меня эту роль ни в жизнь не отберешь. Я ее буду играть и получать гонорар. Дело не в принципе, а в двух долларах.

– Ну, твои принципы мне хорошо известны. Да только как ты можешь играть роль этого умника Аполло-грека? А никак. Я видел вас обоих одновременно. Причем много раз. И вы лапали друг друга.

– Аври, это такая продвинутая техника, телеиллюзия, не говоря уже о двойной экспозиции. Другие актрисы тоже играют одновременно две роли – и никаких проблем!

– Твои техники и иллюзии становятся чересчур продвинутыми, Клари. И даже не надейся, что это сойдет тебе с рук.

В «Крымских днях» много исторических неточностей, сознательно внесенных ради драматического эффекта. Например, в результате своей знаменитой героической атаки британская Легкая бригада одерживает большую победу¹. А вот финал войны остается под сомнением: Аврелиан Бентли в какой-то момент стал ярим сторонником русских сил и не хотел показывать, что они потерпели поражение от союзников.

6. «Румяные ноги и пылающие волосы»

Шестая теледрама Бентли. Страстная Кларинда Каллиопа играет здесь Муофу, Деву Марса, чьи руки, ноги и пылающие волосы находятся непосредственно на планете. В драме имеются некоторые элементы фантастики, равно как удивительно точные научные подробности и технические тонкости. Аврелиан Бентли предвидел то, о чем не догадывалось в ту пору даже научное сообщество, и основывал свою работу на этих предвидениях.

Например, он предполагал, что атмосфера Марса состоит в основном из намагниченной, лишенной гамма-

¹На самом деле героическая Атака Легкой Бригады (The Charge of the Light Brigade) во время Балаклавского сражения 25 октября 1854 года в ходе Крымской войны привела к катастрофическим для англичан последствиям: за 20 минут боя из немногим более 600 кавалеристов погибло и попало в плен 365 человек. Британцы потеряли и почти 500 своих лошадей.

излучения и разреженной формы кислорода. Будучи намагниченной, она естественным образом прилипает к планете, даже несмотря на не слишком высокую гравитацию. Будучи лишенной гамма-излучения, она не создает линий в марсианском спектре, равно как и эффекта «короны», а значит, заметить ее с Земли не представляется возможным. Но человек Земли может там свободно дышать.

Это добрая утопическая драма с акцентом на полное удовлетворение и счастье. Румяные ноги и пылающие волосы аллегорически отсылают и к самой планете Марс и к невероятно страстной Кларинде в роли Муофу. Правда, Муофу показывает больше румяных ног, чем это принято на Земле, но в драме объясняется, что марсианские обычаи сильно отличаются от земных.

«Румяные ноги и пылающие волосы» – последняя драма, в которой измученный и пребывающий в депрессии Аврелиан Бентли сумел все же подтвердить свое непревзойденное мастерство сценариста, драматурга, директора и продюсера. После этого началась полоса так называемого «застоя» длиной в четыре драмы. А за ними последуют три удивительных и волнующих завершающих картины.

7. «Ограбление в поезде на Трентон»

Седьмая драма Бентли и первая из четырех «застойных», работая над которыми, Аврелиан как будто утратил главный импульс своего творчества. Его телепостановки потеряли яркость, живость, а главное – ощущение надежды, которое они давали. Мы не станем долго на них останавливаться.

В «Ограблении поезда» несравненная Кларинда Каллиопа играет Роксану Раундхаус, дочь погибшего инженера Тимоти «Локомотива» Раундхауса. Вооруженная винтовкой,

пистолетом, дробовиком и несколькими карманными бомбами, Роксана карабкается по крышам вагонов и сцепкам Трентонского экспресса с тем, чтобы поймать и уничтожить убийц своего отца, которые поклялись снова совершить налет на этот самый экспресс. Конечно, Роксана всех ловит и убивает. В драме есть несколько удачных пейзажей, но в целом это далеко не лучшая работа Аврелиана Бентли.

И снова голоса неизвестных людей вторгаются в ход сюжета:

– Ты меня совершенно разорила, Клари! Ободрала как липку, прибрала к рукам все что могла. Чего еще тебе нужно? Отправляйся куда-нибудь со своим любовником и оставь меня в покое. – И затем тот же человек приглушенно (наверное, это были озвученные мысли) произнес: – О, если бы она на самом деле оставила меня! Тогда бы у меня еще был шанс... А так я не избавлюсь от нее никогда».

– Давай наращивай еще коры на своей липке, Аври, – слышится другой голос. – Я еще долго не закончу тебя обдирать и прибирать все к рукам. Пожалуйста, не делай такое лицо, Аври. Ты же знаешь, я никогда никого не полюблю, кроме тебя. Но небольшие знаки любви время от времени мне необходимы, и особенно сегодня. Да, я знаю, сейчас ты запоешь старую песню: «я уже дал тебе миллион на прошлой неделе». Но, Аври, это было на прошлой неделе. Да, я знаю, у тебя такие расходы, что целому миру не снилось. Но и у меня так же. Поверь, Аври, я бы не просила у тебя знаков внимания, если бы не хотела их. – И затем приглушенный мысленный голос: – Никогда в жизни мне не поймать такой крупной рыбы, и я просто не могу его потерять. Но нельзя все время быть нежной и ласковой. Как только почувствуешь, что леска ослабла, надо сильнее ее натянуть, чтобы он снова вспомнил про крючок.

8. «Шестизарядник на границе»

Это телевизионная драма Бентли номер восемь. Кларинда Каллиопа (существует ли предел разносторонности ее таланта?) сыграла Кончиту Аллегре, наполовину индианку-апачи, наполовину мексиканку. Действие происходит на границе Аризоны во время Мексиканской войны. Кончита ненавидит американских солдат, которые вторгаются на территорию штата. Она заманивает их к себе обещаниями страстной любви, но обещания эти оказываются смертельной ловушкой. Многих она убивает сама из своего шестизарядника, а из их кожи делает салфеточки – накидки на спинки кресел. Мужчины, которые Кончите действительно нравятся, любят обильно смазать волосы маслом, так что ей нужно много таких салфеточек.

Однако есть несколько американских офицеров, настолько тупых, неуклюжих и бестолковых, что Кончита вообще не желает иметь с ними дел. Она бы не выдержала рядом с ними и минуты – не то что соблазнять, а потом убивать. Вот эти ужасные персонажи:¹

Капитан Джеймс Полк (Лесли Уайтмэншн)
Генерал Закари Тейлор (Кирбак Фойе)
Капитан Миллард Филлмор (Х. Пол Маккоффин)
Капитан Франклин Пирс (Хаиме дель Дьябло)
Капитан Джеймс Бьюкенен (Торрес Малгре)
Капитан Авраам Линкольн (Инспиро Спектральски)
Капитан Эндрю Джонсон (Аполло Mont-de-Marsan)
Капитан Сэм Грант (Юбер Сен-Николя).

Постановка полна исторической иронии, хоть и непонятно откуда взявшейся. Возможно, к самой драме она не

¹ Список экс-президентов США.

имеет отношения. Там присутствуют и черты «комедии нравов», правда, не слишком яркие: восемь тупоголовых офицеров, которых Кончита спасла от смерти, слишком безнравственны для комедии нравов.

В этой драме Аврелиан Бентли почти достиг дна своей стагнации, но положение спасла неиссякаемая энергия Кларинды Каллиопа (кроме Кончиты она сыграла тут еще пять ролей).

И как обычно, на заднем фоне мы слышим голоса из другого мира:

– Клари, поверь мне! Поверь мне! Поверь! Я все сделаю для тебя. Обещаю.

– Да, ты обещаешь это мне, дурочке, и стенам, у которых нет ушей. Пообещай лучше бумаге, ручке и чернилам.

– Сперва избавься от этого Аполло.

– Избавься от него сам. Вон сколько у тебя крутых парней.

9. «Кларенс Гринбэк, аферист»

Девятая по счету теледрама Аврелиана Бентли. Юбер Сен-Николя исполнил в ней Кларенса Гринбэка, хозяина казино. И впервые Кларинда Каллиопа играет здесь не главную роль. Неужели она решила стусеваться? Или же это был еще один печальный случай, когда левое полушарие Аврелиана утратило свой блеск, и режиссер промахнулся с кастингом? Одаренный телеиллюзионист явно начал утачивать свой неповторимый стиль режиссуры. Конечно, Кларинда выступает здесь и в других ролях, но ни одна из них не главная.

Она играет Гретхен, уборщицу. Она играет Марию, которая, сгибая спину, работает «ступенькой для всадников»

у входа в казино. Играет Элси, девушку-трубочистку. Играет Хенхен, полойку в третьей, самой отвратительной кухне казино. И, наконец, Жозефину, коммунальную работницу, которая подбирает покалеченные тела под Окном Самоубийц, отвозит их в поле Ист-Поттер и там закапывает.

Элси отлично справлялась со своей работой, учитывая, что в одном из дымоходов она обнаружила золотые зубы бывшего владельца казино. Но сценарист и продюсер ничего не знал о ее находке.

Каждую из ее героинь подстерегали опасности.

– Нет, конечно же, мы не можем погасить огонь специально, чтобы ты почистила дымоходы, – говорил Лесли Уайтмэншн, в чьем ведении находились каминные печи в казино. – Чисть горячие.

Работать было очень горячо, и Элси-трубочистка страдала.

Однажды подметая пол, Гретхен нашла медную монету и спрятала в карман. За это садист барон фон Штайхен (в исполнении Х. Пола Маккоффина) велел подвесить бедную девушку за большие пальцы и выпороть.

А что Мария, девушка-ступенька, которая должна была сгибаться всякий раз, как джентльмены спешивались или седлали коней? В дождливые дни ей приходилось особенно туго. Ох уж эти облепленные грязью сапоги всадников! «Может, они хотят что-то мне сказать, – говорила или думала (медленный звук или медленная мысль?) Кларинда Каллиопа. – А вообще, мне больше по душе худощавые господа». Однако хорошая актриса может сыграть любую роль, и Кларинда сегодня полностью отмщена. Мало кто вспомнит сюжет «Кларенса Гринбэка», но злключения симпатичных девушек-работниц всем запали в душу.

И в этой драме, как и в других, звучали призрачные го-

лоса. Они как будто попали сюда из другого фильма.

– Клари, пора это все прекращать. Не считая особых подарков, а они, согласишься, фантастичны, я даю тебе в десять раз больше, чем зарабатывает президент Соединенных Штатов.

– Я играю свои роли в десять раз лучше, чем он свои. И не будем забывать об особых подарочках для меня? Вот они действительно фантастичны! Ты не скажешь мне, почему последние пару дней тут везде крутятся частные детективы? Ты что, подрядил их шпионить за мной?

– Не за тобой. За всеми. Честно говоря, Клари, я побаиваюсь за свою жизнь. У меня предчувствие, что меня заколют ножом. Именно ножом.

– Как в «Жадных кинжалах»? Ну, там сцена убийства была так себе, толком не проработана, и я подозреваю, что тебя это раздражает. Подсознательно ты выискиваешь вариант лучше и красивее. Я имею в виду вариант убийства. Уверена, у тебя получится. Для себя самого ты обязательно придумаешь изящное, артистичное убийство. Видишь ли, убийства бывают хорошие и плохие...

– Клари, я не хочу, чтобы меня убивали, хоть артистично, хоть неартистично.

– Даже ради любви к искусству? А я думаю, идеальное убийство стоит свеч.

– Но только не в случае, когда я жертва.

И потом, через мгновение, женщина прошептала или подумала:

– Иногда человек сам не понимает, насколько сильно в нем стремление к совершенству. Высокохудожественное убийство Аври сыграло бы ему на руку. Оно послужило бы оправданием всему тому безумию, что в последнее время он творит.

10. «Вампиры Варумы»

Это десятая телепостановка Аврелиана Бентли. Четвертая и последняя драма застойного периода, демонстрирующая, что Бентли, как драматург и режиссер, находился в полном упадке и был совершенно дезориентирован. Тем не менее в этой драме начинают возрождаться его способности, правда, несколько в иной форме. Чувство конфликта и динамика сюжета еще не вернулись, но понимание ужаса как движущей силы достигло высочайшей степени.

Кларинда Каллиопа сыграла здесь три роли: крестьянку Магду, английскую гувернантку мисс Шерил Сомерсет и княжну Ирену Трансильванскую. Все трое ехали в замок Хубав по каким-то заурядным делам, каждая – во вполне обычном почтовом дилижансе. В какой-то момент они обнаружили, что другие пассажиры в спешке покидают их дилижанс, а тот несется куда-то, ведомый невидимым возникшим или вовсе без него. В итоге все три дамы прибыли – одна за другой – в карете без возникшего, но не в замок Хубав, а в жуткий замок Беден. В Бедене их поджидали семь («Не семь, а восемь!»), – помечено в кратком содержании другим почерком) сумасшедших графов – служителей зла. А именно:

Граф Владмел (Лесли Уайтменшн)

Граф Игорк (Кирбак Фуайе)

Граф Ласкар (Х. Пол Маккоффин)

Граф Черт (Хаиме дель Дьябло)

Граф Сангрессуга (Торрес Малгре)

Граф Летучий (Инспиро Спектралски – человек ли он?

Или летучая мышь?)

Граф Улв (Юбер Сен-Николя).

И был еще один, подписанный в кратком содержании совершенно другим почерком: Граф Привидение (Аполло Мон-де-Марсана).

Здесь видится несостыковка. Предполагалось, что от Аполло «избавятся», и в полицейском протоколе действительно значилось, что он скончался от несварения желудка. Но если от Аполло не «избавились», значит, деньги были заплачены зря.

Семь (или восемь) злобных графов иногда выглядели как обычные аристократы в моноклях и вечерних костюмах. А иногда становились огромными существами с крыльями, как у летучей мыши, и бесшумно порхали по коридорам замка Беден, освещаемые вспышками молний. Замок, по сути, – главный герой этой драмы. Его полы и стены постоянно воют, стонут и лязгают цепями. У злобных графов клыки, обычно длиной двенадцать сантиметров, вдруг вжик – и вырастают до смертоносных пятидесяти. И все время слышны завывания, стоны и крики, что, согласитесь, странно для немого кино.

Представьте себе такую сцену: летающий граф внезапно складывает крылья, приземляется на широкую грудь одной из трех героинь и впивается жуткими клыками ей в горло. Каждый раз, когда это происходит, поднимается жуткий визг и вой. При этом очень громко и отчетливо слышен голос Кларинды Каллиопы, полный замедленной селеновой ярости:

– Черт тебя дерь, Аврелиан, они же по-настоящему сосут из меня кровь!

Ей вкрадчиво отвечает маэстро Бентли (не догадываясь, что зрители когда-то это услышат):

– Совершенно верно, Клари. Это та самая правда жизни, благодаря которой я и заслужил репутацию большого мастера.

Кларинда, играя три роли, потеряла много крови и поэтому часто падала в обморок. Драма получилась захватывающей, страшной, будоражащей кровь – даже несмотря на то, что сюжетная линия распадалась на тысячи осколков и каждый из них был как кровавая змея, злорадно сжимающая кольца.

А когда фильм с последним всплеском крови окончился, зазвучали голоса из личной драмы:

– Аври, если ты считаешь, что тебя убьют, ты должен обеспечить мне нормальное существование. Позаботься об этом заранее.

– Я оставляю тебе половину моего королевства... э-э-э... моего имущества. Без промедления. Таково мое слово. И хватит уже падать.

– Это от слабости. У меня совсем нет сил. Да, твое слово – это отлично, Аври, но только если оно написано на бумаге и скреплено печатью. Давай позаботимся об этих мелочах прямо сейчас.

– Клари, моего слова вполне достаточно. Это все, что я могу тебе предложить. Настоящим заявляю, что половина моего имущества без промедления переходит в твою собственность. Пусть стены, у которых есть уши, будут свидетелями моих слов и подтвердят их в случае необходимости. А теперь отстань от меня хотя бы на несколько дней. Я буду занят. И перестань уже падать, это раздражает.

Затем сильно приглушенный женский голос (или это была мысль?):

– Да, я определенно смогу заставить стены свидетельствовать в мою пользу, когда пробьет час. – (Мне пришлось несколько раз прослушать этот кусок, чтобы понять смысл). – Ни малейших сомнений в том, что свидетельству стен поверят.

А потом слышались слова-мысли, произнесенные уже мужским голосом:

– Теперь у меня есть мисс Аделина Аддамс. Почему меня должна заботить эта клоунесса Каллиопа? Просто бесит, когда она бледнеет и падает в обморок. А эти ее жалкие спектакли из-за какого-то потерянного литра крови! Но теперь меня ждет новый путь – путь к рассвету и славе. Мда, просто удивительно, как быстро мужчина может влюбиться в одну женщину и совершенно разлюбить другую!

11. «Призрак Оперы»

Одиннадцатая теледрама Бентли вышла в том же 1873 году. Будучи основанной на «Трубадуре» Верди, она все же в большей мере является оригинальным произведением Бентли. Роль Леоноры исполняет мисс Аделина Аддамс. Одновременно эту же героиню играет Кларинда Каллиопа, назначившая себя на эту роль самостоятельно. Из-за того, что одну героиню играют две разные актрисы, создается ощущение двойственности, если не сказать двуличности.

«Призрак» – это и в самом деле двойственность. Неумелая и запинаящаяся Кларинда снова и снова пытается исполнить партию Леоноры, терпит полный провал, после чего ее с помощью багра стаскивает со сцены помощник режиссера. Место Кларинды занимает прекрасная, искрящаяся талантом Аделина Аддамс и божественно поет арию. Получается своего рода «жестокая комедия», чего явно не достаёт самой опере Верди – ведь всем известно, что успеха в оперном искусстве невозможно достичь без известной доли жестокости.

Кларинда несколько раз неудачно упала со сцены, сдернутая с нее багром, а ведь она была еще так слаба после

кровопотери, пережитой во время работы над «Вампирами Варума». Ей было плохо, больно, она страдала.

– Зачем ты так себя мучаешь, Кларинда? – спросил ее однажды Юбер Сен-Николя голосом не из драмы. – Почему позволяешь так издеваться над собой?

– Только ради денег. Ради наших актерских четырех долларов в день. Я совершенно разорена и все время хочу есть. Если я продержусь до конца оперы, заработаю свои четыре доллара.

– Четыре, Кларинда? Но мы все получаем по два. Ты что, играешь еще одну роль?

– Да, Вильгельмину, подметальщицу улиц.

– А я-то думал, старый тиран осыпал тебя миллионами.

– Ах, все это в прошлом. У меня такие страшные расходы, что целому миру не снилось. Я была влюблена в Аполло и отдала ему почти все деньги. А сегодня отдала все, что осталось – за особую услугу, которую он мне оказал.

– Ты отдала ему сегодня деньги? Но его же вчера похоронили.

– Когда мы становимся старше, время бежит быстрее, верно?

Тем временем на оперной сцене рождался новый Верди. Лесли Уайтмэншн играл Манрико, Х. Пол Маккоффин – Феррандо, Юбер Сен-Николя – графа ди Луну. А призраком был Аполло Мон-де-Марсан. Неужели в сценарии кроме двойного призрака (двух женщин, исполняющих одну роль) был еще какой-то? О да, был, и настоящий притом. Его имя подписано в программке другим, призрачным, почерком: «В роли Призрака – Аполло Мон-де-Марсан».

Вот так – весело и с музыкой – комическая опера шла к концу. И как раз когда Манрико везли на плаху, а злобный граф ди Луна готовился к триумфу, когда все, наконец, сло-

жилось в цельную картину к всеобщему удовольствию, нечто ужасное произошло в одной из лож.

А именно: в своей ложе был зарезан Аврелиан Бентли.

Да, вот это убийство! «Подсознательно ты ищешь вариант лучше и красивее – вариант убийства, я имею в виду» – то был голос совсем другого призрака из другой драмы. Но сейчас – быть зарезанным человеком, который уже день или два как мертв, да еще и в присутствии нескольких тысяч зрителей! (Конечно, не кто иной, как Аполло Мон-де-Марсан, от которого «избавились», теперь «избавился» от Аврелиана Бентли.) И снова: «Видишь ли, убийства бывают хорошие и плохие... идеальное убийство, убийство ради искусства, стоит свеч». Аврелиан Бентли принял смерть от ножа в опере, в своей ложе, и даже он сам с некоторой долей благодарности должен был признать, что выполнено все было артистично и с изяществом.

Как только последние аккорды оперы стихли, публика взорвалась криками: «Автора, автора, Бентли, Бентли!» И тогда умирающий, нет, почти мертвый человек поднялся в последний раз, сдержанно поклонился и выпал из своей ложи на сцену лицом вниз – совершенно мертвый, с жадным (но теперь уже напившимся) кинжалом, торчащим между лопаток.

Кто бы еще мог так театрально уйти с жизненной сцены? Да, это и есть настоящая драма!

12. «Вечер в Ньюпорте»

Предполагалось, что это будет двенадцатая теледрама Бентли, но она так и не была выпущена – очевидно, по причине гибели продюсера. Поэтому она существует в виде сценария. Это «драма нравов высшего общества», которое

мисс Аделина Аддамс прекрасно знала, а Аврелиан Бентли с его быстрым умом и способностью мимикрировать уже успел узнать. Но разве драма или комедия нравов не построена на шутках и афоризмах? Как же снять такой фильм в эпоху немного кино?

С помощью искусства, с помощью безупречного искусства беззвучной пантомимы, а уж здесь Бентли точно был мастер. Жесты, смена выражений лица, молчаливая, но точная игра – вот как это делается. Неужели на свете есть хоть одна сокрушающая эмоция, которую эта женщина не могла бы передать движениями своих аристократических ручек? Проверить, правда, так и не удалось, но Аврелиан был убежден, что Аделина чудо как хороша.

«Вечер в Ньюпорте» – драма двухуровневая. На нижнем уровне происходит односторонняя дуэль между госпожой Аделиной Аддамс из Ньюпорта, исполняющей роль госпожи Аделы Адамс из Ньюпорта, и Клариндой Каллиопой, исполняющей роль Розалин О’Кин, грязной, порочной, невежественной и недобросовестной пятой помощницы служанки, недавно прибывшей из Ирландии. Этот сложный набор эпитетов был придуман специально ради Аделины/Аделы.

На более высоком уровне драма повествовала о страстной всепоглощающей любви, вспыхнувшей между красивой, богатой, умной и очаровательной молодой аристократкой (Аделина-Адела) и гением, наделенным редкой харизмой, огромной душевной силой и героическим характером – такие мужчины появляются раз в столетие. Даже при одном только упоминании об этом человеке все благоговейно застывали (по крайней мере, так было написано в сценарии). Так как в содержании не было указано, кто же этот исключительный человек, то, по нашему мнению, это Авре-

лиан Бентли. Он, как автор сценария, подразумевал, что объект жаркой и самоотверженной любви мисс Аделины Аддамс – он сам.

Но, к сожалению, «Вечер в Ньюпорте», обещавший стать превосходной кульминацией этого первого и все еще непревзойденного телесериала, так и не был выпущен.

13. «Стряпчие из Филадельфии»

Перед нами неканонический апокрифический апокалипсис «Волшебного мира Аврелиана Бентли», этого первого в истории телесериала. Сценарий отсутствует. Никакого официального производства тринадцатой серии не было, и на ней нет логотипа Аврелиана Бентли. Но последняя драма сохранена в одном из старых телеприемников, а точнее, в собственном телеприемнике Бентли, том самом, который стоял в роскошной берлоге Аврелиана, в квартире, где он провел так много бурных часов с Клариндой Каллиопой, а позже – с Аделиной Аддамс. Драма осталась там, ее можно увидеть и услышать.

Когда сцены были подготовлены и, более того, показаны, Бетли был давно уже мертв, но в этих сценах он ходил и говорил. Услышать произнесенные громко и отчетливо мысли и слова мертвого человека и при этом еще увидеть его во плоти – большое потрясение. Но и большой драматический эффект.

Все действие «Стряпчих из Филадельфии» происходит все в той же роскошной берлоге Аврелиана Бентли, сперва опечатанной, а затем открытой специально для заседания, которое, как высказалась одна из сторон, «по закону должно проходить здесь и больше нигде». На заседании присутствовал судья по делам наследства, адвокаты разных сто-

рон, а также две основные стороны. Собственно, это было слушание о наследовании состояния Аврелиана Бентли, точнее, того, что после него осталось. Он умер, не успев составить завещания, но одна из сторон, Кларинда Каллиопа, настаивала, что завещание есть и находится в его комнате – только там и нигде больше; по сути, его комната и есть само завещание – ее стены, у которых есть уши, языки память и способность свидетельствовать.

Казалось, в комнате проходит несколько встреч одновременно, и одна накладывается на другую, но разделить их никак нельзя. Ведь иначе будет утрачен весь эффект, разрушится синтез и не состоится заседание, которого на самом деле никогда не было. Но оно все же выкристаллизовалось из множества других встреч и превратилось в одну театральную целостность.

Адвокат второго кузена, однажды уже выставленный из этого помещения, представлял интересы ближайшего родственника Аврелиана.

Адвокат Аделины Аддамс из Ньюпорта представлял интересы Аделины, основанные на неопровержимом обещании. Этим обещанием служило свидетельство о браке между Аврелианом Бентли и Аделиной Аддамс.

Свидетельство, конечно не было подписано или заверено. Бракосочетание, как объяснил адвокат, должно было состояться вечером после представления в опере, которое было включено в теледраму, а та, в свою очередь, должна была завершиться разгадкой и свадьбой. Но в тот вечер Аврелиан Бентли был убит, что лишило его возможности вступить в брак, однако не отменило данного им обещания.

В комнате находилось еще несколько адвокатов, которые представляли интересы разных кредиторов. И адвокаты, все как один, были из Филадельфии.

И еще там была Кларинда Каллиопа, представлявшая собственные интересы (не как адвокат, а как Порция¹, настаивала она). Она заявила, что ее доказательство слишком большое и слишком сложное для того, чтобы вот так вот взять и изложить на бумаге.

Ну и еще там был судья по делам завещаний, который шатался по квартире, побрасывая вверх серебряный доллар и насвистывая «Вальс-салун» Билли Макгинти².

– Перестаньте уже играть с этим глупым долларом и давайте перейдем к завещанию, – раздраженно заметила ему мисс Аделина Аддамс.

– Этот серебряный доллар и есть главный вопрос завещания, – ответил судья. – Он дух и буква всего, а потому чрезвычайно важен..

На столах начали громоздиться горы бумаг. Там были документы и свидетельства прямого наследника, бумаги Аделины Аддамс, векселя кредиторов. И ни одного клочка бумаги от Кларинды Каллиопы.

– Хватит, достаточно, – сказал судья, когда поток бумаг превратился в струйку. – Макулатуры уже с избытком. – Но при этом он не перестал подбрасывать серебряный доллар и насвистывать вальс Билли Макгинти. – Ну что ж, мисс Каллиопа, суд готов рассмотреть все свидетельства. Давайте ваше сюда на стол, если хотите принять участие в прениях.

– Мое свидетельство слишком большое и слишком живое, чтобы укладывать его на стол, – сказала Кларинда. – Но слушайте... и смотрите! Благодаря «медленной магии»

¹ Героиня пьесы Шекспира «Венецианский купец». Выступала в суде, переодевшись в законника.

² Лидер кантри-группы «The Oklahoma Cowboy Band».

селена, а также из-за того, что стены этой комнаты связаны проводами с телеприемником, мы с вами можем получить точную реконструкцию того, что здесь происходило. Мы услышим голос, слова и заявления. И мы кое-что увидим.

И действительно, очень скоро в комнате зазвучал голос человека – человека из тех, что рождаются раз в столетие. Сначала он был призрачный, но постепенно набирал силу.

– О, Аврелиан! – простонала Аделина Аддамс. – Где ты?

– Он прямо сейчас здесь, в этой комнате, где мы вместе провели столько волшебных часов, – сказала Кларинда. – Ну давай же, малыш Аври, начинай материализовываться. Тебя плохо видно.

– Все это я отдам тебе, Клари, – зазвучал голос Аврелиана, и вот уже сам Бентли возник тенью самого себя. – Никто в мире не даст тебе так много. Никто не будет так заботиться о тебе... поверь мне, Клари.

Аврелиан Бентли теперь стоял в комнате во весь рост, совсем как живой и настоящий – это была трехмерная проекция, возникшая из-за того, что стены, у которых есть глаза, уши и память, были связаны проводами с телеприемником. А посередине этого поля в собственной роскошной берлоге стоял Аврелиан Бентли.

– Клари, ты будешь в шоколаде... любовь моя, я отдам тебе миллион долларов. – Как убедительно и трогательно звучали слова живого призрака! – Клянусь тебе, Клари... Я куплю тебе остров или архипелаг в Тихом океане. Что хочешь – Гавайи, Самоа, Фиджи. Только назови.

Когда еще человек давал обещания так искренне и с такой нежностью?

– Не на бумаге, и не в воздухе, Клари, а в жизни, в настоящей жизни. Я сделаю тебя настоящей действующей королевой.

Если они не послушают восставшего из мертвых, то кого же тогда им вообще слушать?

– Клари, поверь мне, поверь мне, поверь! Я сделаю для тебя все, что смогу. Обещаю. – (Ну и чем Аделина побьет такую карту?) – Я оставляю тебе... мое королевство, то есть мое состояние, Клари. Моего слова достаточно.

Все провода были в сумочке, и они натягивались все сильнее.

– Настоящим заявляю, что мое состояние целиком и полностью принадлежит тебе. Пусть стены, у которых есть уши, будут свидетелями моих слов. И подтвердят их, если понадобится.

Аврелиан Бентли исчез, звук его голоса затих, и в тишине прозвучал другой. Это Аделина Аддамс бросила ножницы обратно в сумочку.

– А я-то все думала, что это за провод? – сказала она. – Значит, надо его просто обрезать, и все исчезнет?

– Эй, ты разрушила мое свидетельство! – завопила Кларинда Каллиопа. – Сядешь за это в тюрьму! Будешь гореть в аду!

Внезапно пылающий фургон, полный сена, с обезумевшей женщиной за рулем, въехал в комнату, едва не передавив присутствующих. Все кинулись врассыпную, кроме Кларинды и судьи. Горящий фургон наезжал на людей, но не причинял им вреда – ведь это была всего лишь сцена из ранней телепостановки. Вы же не думаете, что у Кларинды в запасе имелась только одна история? И все же некоторые перепугались до смерти.

– Отличное шоу, – восхитился судья. – Я считаю, вы это дело выиграли, наследство ваше, по крайней мере, то, что от него осталось.

– О нет! – вскричала Аделина. – Вы не можете отдать ей его собственность!

– Точнее то, что от нее осталось. Конечно, отдам, – сказал судья, поигрывая серебряным долларом.

– Дело не в принципе, – сказала Кларинда. – Это же все-таки доллар. – И она поймала серебряный доллар, который подбрасывал вверх судья. – Это все, что осталось от его имущества, да? – уточнила она, просто чтобы быть уверенной.

– Да, Каллиопа, – кивнул судья. – Все, что осталось. – И он продолжил подбрасывать вверх воображаемый доллар, насвистывая последние, самые грустные аккорды вальса Макгинти.

– Кто-нибудь знает, где может найти работу хорошая актриса? – спросила Кларинда. – Беру недорого, два доллара в день за роль. – И она вышла из комнаты, высоко подняв голову и в приподнятом настроении. Да, она была непревзойденная артистка.

Остальные растворились в нечетких звуках и неясных тенях телеприемника, работающего на керосине.

А теперь главное. Перспективы восстановления и возрождения первого и величайшего телесериала «Волшебный мир Аврелиана Бентли», снятого и выпущенного в 1873 году, находятся под угрозой! Единственная подлинная и полная версия хранится в одном-единственном телеприемнике – том самом, который стоит в роскошной берлоге, где Аврелиан Бентли провел столько чудесных часов со своими дамами. Оригинальные сценарии и краткое содержание драм лежат здесь же: по необъяснимым причинам их нельзя относить на большое расстояние от телеприемника.

Все «призрачные» разговоры, вклинивающиеся в драму, тоже находятся здесь, равно как и финальная серия «Стряпчих...» Целая золотая эра телевидения! Я купил старое керосиновое сокровище за восемнадцать долларов, сказав хозяину, что это жаровня для каштанов. И вот, по досадному совпадению, бывший хозяин телеприемника получил в наследство сорок гектаров земли с прекрасными плодоносящими каштанами! Теперь он хочет вернуть жаровню! И закон, кстати, на его стороне.

Конечно, я купил у него приемник, я заплатил. Но заплатил чеком, который ничем не подкреплён. В общем, необходимо срочно где-то найти восемнадцать долларов – или приемник вместе с хранящимся в нем сокровищем будет утрачен навсегда.

Я занял тринадцать долларов и пятьдесят центов у трех друзей и одного врага, так что осталось найти еще четыре с половиной. Нет, постойте, есть еще девяносто восемь центов по одной монетке – их собрало общество «Детей Сохранения Волшебного мира Аврелиана Бентли». Значит, мне нужно всего три доллара пятьдесят два цента. Если кто-то хочет пожертвовать эту сумму фонду, поспешите, не то золотая эра телевидения будет утеряна навсегда! Из-за дурости правительства взносы не облагаются налогами.

Поверьте, стоит сохранить наследие той эпохи, эпохи настоящих гигантов. И тогда кто-то, глядя в старый телеприемник, работающий на керосине, воскликнет словами Величайшего Барда:

«...что за великая раса поэтов звездную арку зажгла в небесах?...»¹

¹Пер. Дм. Раевского.

ШКОЛА НА КАМИРОИ

Р. А. Лафферти – типичный возмутитель спокойствия и нарушитель порядка.

Как ни странно, я никогда не относил его к любимым писателям и даже сегодня воспринимаю скорее как автора, о котором меня постоянно просят писать. И мне всегда это льстит, потому что Лафферти очень крутой. (Десятилетия назад Терри Карр попросил меня рассказать о романе «Властелин прошлого», и я тогда чувствовал то же самое). Проза Лафферти насквозь пронизана юмором, но обычно, похохотав, я осознаю, что смеялся сейчас над собой.

Мы никогда не встречались. Он жил в Оклахоме, в городе Талса, вместе со своей сестрой. А вот слухи о его непомерных возлияниях на литературных конвенциях постоянно циркулировали в мире писателей-фантастов.

«Школа на Камирои», помимо прочего – это еще и история о лингвистическом сдвиге, связанном с тем, что человеческие сообщества распространяются все шире и шире на самых разнообразных территориях. Один из «сюрпризов» рассказа – выдуманное откровение о том, что расцвет культуры Древней Греции произошел в результате колонизации Земли камироицами.

Детей на Камирои учат читать медленно, чем медленнее, тем лучше, а не наоборот. (Лафферти написал этот рассказ в пятидесятые, когда англоязычный мир охватила мода на курсы

скорочтения; одним из самых популярных считался курс Эвелин Буд. Я читал очень медленно и, наверное, до сих пор блуждал бы в потемках букв, если бы не прошел ее курс...) Время от времени в перевернутом мире Камирой всплывают близкие мне по духу идеи («Вы в состоянии вообразить себе человека настолько больного, чтобы у него возникло желание оставаться на высоком посту в течение долгого времени?») Одна из главных причин моего решения стать писателем – это то, что я смогу наблюдать за политической деятельностью и даже писать о ее последствиях, не неся за это никакой ответственности). Сразу после дискуссии на тему правительства следует глава о том, как дети-камиройцы сами проектируют и возводят собственные школы.

У Лафферти был вдохновляющий пример – индейцы чокто из его округа. Именно им он посвятил свой мифологический роман 1972 года «Окла Ханнали», опубликованный издательством Университета Оклахомы. К сожалению, сам я этой книги не читал, но многие писатели – в частности, Ди Браун – отзывались о нем превосходно.

Диоген Киник, он же Синопский, во времена Платона предположил, что дела в сфере образования пойдут на лад, если за неуспехи учеников физически наказывать учителей. Вполне в духе сказок Лафферти. Последние десять страниц «Школы на Камирой» – список предметов, которые преподаются в классах с первого по десятый. Далее идут комментарии на тему того, к чему могло бы привести внедрение инопланетной системы образования на Земле. В конце даны три рекомендации по осуществлению такой задачи. Поскольку они включают в себя похищение людей, акции по сожжению книг и убийства («выборочные повешения нерадивых учеников»), сказка представляется мне одновременно забавной и тревожащей, в лучших традициях «Скромного предложения» Свифта, книгу, которую

можно назвать еще одним источником сатирических мотивов в творчестве Лафферти.

Одну из моих любимых историй про Лафферти (если честно, я только что вычитал ее в «Википедии») рассказал Дэвид Лэнгфорд в выпуске 2002 года «Журнала SFХ»: «[Однажды] некий французский издатель, ужасно нервничая, спросил у Лафферти, не будет ли тот возражать, если его сравнят с Честертоном (писателем-католиком, которого, в свою очередь, за дистрибутивизм сравнивали с Марксом). Наступила жутковатая тишина. Неужели великий человек оскорбился? Наконец, очень медленно, Лафферти произнес: «Верным путем идешь, парнишка». И вышел из комнаты.

И даже несмотря на то, что я считаю его типичным нарушителем порядка, Лафферти, похоже, шел верным путем...

Сэмюэл Дилэни

Выдержки из объединенного доклада учительско-родительскому комитету (УРК) г. Дюбюка, посвященного анализу начального образования на планете Камирой и озглавленного «Критические заметки о «параллельной культуре» иного мира и оценки иной системы обучения»

Отрывок из дневника

– Где находится офис местного УРКа? – поинтересовались мы в бюро информации сразу же по прибытии в космопорт Камирой-Сити.

– Нигде, – приветливо ответил служащий бюро.

– Вы хотите сказать, что в Камирой-Сити, главном городе планеты, нет УРКа? – недоверчиво переспросил наш председатель Пол Пайпер.

– Я только хотел сказать, что нет офиса. Но, принимая во внимание, что вы – всего-навсего убогие чужестранцы, мне, разумеется, следовало дать вам исчерпывающий ответ вне зависимости от того, способны вы правильно сформулировать вопрос или нет. Видите того почтенного господина, загорающего на скамейке? Идите к нему и попросите устроить вам УРК. Он поможет.

– Может быть, эта аббревиатура имеет здесь иной смысл, – предположила мисс Манч, наш первый зампред. – Мы понимаем под УРКом...

– Учительско-родительский комитет, а что же еще? Должен довести до вашего сведения, что разговорный английский входит в число шести земных языков, знание которых обязательно для всякого жителя Камирой. Не волнуйтесь. Это очень милый господин, и он будет рад услужить приезжим. Он с удовольствием устроит вам УРК.

Мы были в полном замешательстве, однако не оставалось ничего другого, кроме как направиться к джентльмену, на которого указал сотрудник бюро.

– Мы ищем местный УРК, сэр, – обратилась к старику мисс Смайс, наш второй зампред. – Нам сказали, что вы сумеете помочь.

– О, разумеется, – ответил пожилой камироец. – Пусть для начала один из вас арестует любого прохожего.

– Что сделает? – переспросил наш мистер Пайпер.

– Арестует, арестует. Кажется, смысл ваших собственных слов доходит до вас с трудом – удивительно, как же вы вообще общаетесь друг с другом? Арестует, сцапает, заметет, приведет сюда силой, используя любые физические или моральные аргументы.

– Есть, сэр! – неожиданно взвизгнула мисс Хэнкс, наш третий зампред. Она обожает все такое, поэтому ей не

составило труда арестовать проходившего мимо камиройца и, используя частично физические, частично моральные аргументы, приволочь его сюда.

– Они всего лишь хотят создать УРК, Меандр, – обратился к арестанту пожилой камироец. – Захвати еще троих, и можно начинать. Советую воспользоваться помощью этой дамы – я смотрю, у нее здорово получается.

Итак, наша мисс Хэнкс и камироец по имени Меандр арестовали еще трех местных жителей и присоединили их к нашей группе.

– Пятеро, – подвел итог пожилой камироец. – Настоящим мы провозглашаем УРК созданным и готовым к действию. Итак, чем мы можем быть вам полезны, добрые земляне?

– Но легально ли все это? Я хочу сказать, обладают ли все пятеро достаточным уровнем компетентности, чтобы составить УРК? – усомнился наш мистер Пайпер.

– Любой гражданин Камирои компетентен абсолютно во всех видах деятельности, существующих на планете Камирои, – ответил один из пятерых арестованных (позже мы узнали, что его имя Таларий), – в противном случае не хотел бы я быть свидетелем того, что произойдет!

– Охотно вам верю, – с кислой миной произнесла наша мисс Смайс. – Тем не менее боюсь, что все это слишком уж неформально... Скажите, а что, если кто-то из вас захочет стать президентом планеты?

– Держу пари, что и одному из десяти не придет в голову подобная мысль, – ответил пожилой камироец (его звали Филоксен). – Я единственный из присутствующих, кому довелось один раз послужить президентом этой планеты, и, должен сказать, та неделя, что я провел в президентском кабинете, была восхитительной... Однако к делу. Итак, чем мы можем быть полезны?

– Мы хотели бы осмотреть одну из ваших школ, причем в самый разгар учебного процесса, – начал наш мистер Пайпер, – а также пообщаться с учениками и преподавателями. Дело в том, что цель нашего приезда сюда – сравнить две системы образования.

– Сравнить нечего, – ответил старый Филоксен. – Чтобы не обижать вас, скажу так: почти нечего! Здесь, на Камирой мы даем образование. На Земле же тратят время на игру, которой почему-то дано такое же название. Отсюда и недоразумения. Как бы то ни было, следуйте за мной – мы покажем вам нашу школу в разгар учебного процесса.

– Только, пожалуйста, самую обычную, бесплатную государственную школу, – с подозрением в голосе попросила мисс Смайс. – Не пытайтесь подсунуть нам вместо таковой какой-нибудь престижный частный пансион!

– Вы ставите меня в затруднительное положение, – сказал Филоксен. – В Камирой-Сити нет бесплатных государственных школ, а на всей планете их осталось только две. Таким образом, число учащихся в системе государственного обучения составляет незначительную часть процента. Мы полагаем, что учить детей в бесплатной государственной школе в той же мере разумно, как растить их в бесплатном государственном приюте. Конечно, мы в курсе, что у вас на Земле институт бесплатного образования превращен в своего рода священного буйвола.

– Священную корову, – поправил наш мистер Пайпер.

– Когда дети и земляне произносят слова без четкого понимания смысла, и тех, и других следует вовремя поправить, – заметил Филоксен. – Иначе как они узнают точный смысл слов? То животное, которое на вашем земном Востоке признано священным, принадлежит скорее к виду

bosbudalus, нежели к *bosbos*, иначе говоря, скорее буйвол, чем корова. Так мы идем в школу?

– Если вы не можете показать нам бесплатную государственную школу, – не унималась наша мисс Смайс, – пусть это будет хотя бы типичная школа.

– И это невозможно, – ответил Филоксен. – Каждая школа на Камирой в каком-то смысле нетипичная.

И мы отправились в нетипичную школу.

Инцидент

Так случилось, что наше первое знакомство с камиройскими школьниками оказалось сопряжено с насилием. Один из них, мальчик лет восьми, пронесшись рядом с мисс Манч, задел ее и разбил ей очки. Опомнившись, он произнес какую-то тарабарщину на незнакомом языке.

– Это камиройский? – заинтересовался мистер Пайпер. – Совсем не похоже на то, что я слышал до сих пор.

– Вы хотите сказать, что не узнали его? – не скрывая изумления, спросил Филоксен. – Не ожидал услышать это от работника системы образования... Мальчик еще юн и несмышлен. Видя, что вы с Земли, он заговорил с вами на хинди, потому что этим языком пользуется больше людей, нежели каким-то иным. Нет-нет, Ксипет, – обратился он к школьнику, – они принадлежат к меньшинству, говорящему на английском. Мог бы и сам догадаться по бесцветной коже и узкому строению черепа!

– Я всего лишь хотел сказать вам, леди, что у вас совершенно отсутствует реакция, – извинительным тоном произнес маленький Ксипет. – Даже у недочеловеков реакция должна быть получше. Вы же просто стояли, раскрыв рот, и наблюдали, как я несусь прямо на вас. Хотите, я выясню

причину вашей медлительности?

– О нет! Нет!

– Кажется, при падении вы серьезно не пострадали, – продолжал мальчуган, – но, если я сделал вам больно, позвольте мне исправить неловкость. От вас ничего не требуется, просто разденьтесь догола, и я быстро определю, все ли цело.

– Н-е-е-ет!!!

– Не волнуйтесь, – вмешался Филоксен. – Все камиройские дети изучают основы медицины в первом классе. Они умеют вправлять суставы, лечить контузии и все такое...

– Нет-нет, прошу вас, со мной все в порядке! Но он разбил мои очки.

– Пройдемте со мной, земная леди, и я сделаю для вас другие, – предложил мальчик. – С такой вялой реакцией, как у вас, просто непозволительно иметь еще и дефект зрения. Хотите, я поставлю вам контактные линзы?

– Нет. Я хочу очки в точности такие же, как носила до сих пор. Боже, что же мне теперь делать?

– Вам ничего не нужно делать, только пойти со мной, – продолжал уговаривать мальчик, и мисс Манч подчинилась. На всю нашу группу произвело большое впечатление то, как всего за три минуты маленький мальчик смог осмотреть глаза мисс Манч, отшлифовать линзы и изготовить оправу! – Я тут кое-что изменил по сравнению с теми очками, что вы носили, – сообщил он мисс Манч, – это скомпенсирует вашу плохую реакцию.

– Все ли камиройские школьники обладают такими же талантами? – поинтересовался мистер Пайпер. Видно было, что он также находится под впечатлением от увиденного.

– Нет, Ксипет исключение, – ответил Филоксен. – В возрасте до девяти лет большинство школьников вряд ли сможет

соорудить пару очков – по крайней мере, они не сделают это столь же быстро и умело.

Опросы школьников

– С какой скоростью ты читаешь? – спросила мисс Манч школьницу.

– Сто двадцать слов в минуту, – ответила та.

– На Земле некоторые девочки твоего возраста умеют читать со скоростью пятьсот слов в минуту, – с гордостью вставила мисс Хэнкс.

– Когда я только приступила к изучению дисциплинированного чтения, я читала со скоростью четыре тысячи слов в минуту, – объяснила девочка. – Им пришлось со мной здорово повозиться, устраняя этот дефект. Мне было предписано излечивающее чтение, и родителям было стыдно за меня. Но теперь я уже умею читать помедленнее.

– Ничего не поняла, – призналась мисс Хэнкс.

– Что ты знаешь о земных истории или географии? – спросила мисс Смайс паренька среднего роста.

– Знаете, леди, нам их преподавали достаточно поверхностно. Да там ведь и изучать-то особенно нечего, правда?

– Так что о Дюбюке ты не имеешь ни малейшего представления?

– Нет, почему же. В свое время меня очень заинтересовал граф Дюбюк, а вот о городе, названном в его честь, я, к сожалению, знаю мало. Граф, как мне представляется, отлично справился с этой тяжбой из-за отводов земельных участков, решив спор в пользу французов и испанцев и в то же время удовлетворив требования индейских племен соук и фокс... Что касается города, то припоминаю только, что

его название стало нарицательным и часто упоминается в юмористическом контексте как синоним «глуши» и «деревни». А выражение «учитель из Дюбюка» и вовсе вошло в фольклор¹...

– Благодарю, – перебила его мисс Смайс. – Хотя за что, собственно?..

– Чему вас учили по сравнительной антропологии? Вам рассказывали о сходстве и различиях между землянами и камиройцами, об их происхождении? – спросила мисс Манч местную школьницу.

– Четыре других обитаемых мира – Земля (Гея), Кентавр Микрон, Даная и Астроба – были заселены с Камирой. Так нас учили. Нам также шутливо предложили: если все это на самом деле было не так, мы все равно можем считать это правдой до тех пор, пока не найдем объяснение получше... С исторической точки зрения, это мы открыли все четыре планеты, а не они нас. Если мы и не осуществили первые высадки на указанные планеты, то во всяком случае первыми официально заявили о своем приоритете. И землю тоже первыми колонизировали мы – вы называете это событие вторжением дорических греков...

– Где их площадки для игр? – спросила мисс Хэнкс Талария.

– О, везде, весь мир отдан им в распоряжение. Ограничить их какими-то загородками было бы равносильно помещению домашнего аквариума на дно океана. Полная бессмыслица, согласитесь.

¹ Это действительно так. Ближайшими аналогами в русском языке могут послужить «Гьмутаракань», «пимы сибирские», «мы – пскопские» и т. п.

Конференция

В заключение визита состоялась дискуссия, участие в которой приняли четыре землянина (точнее, четыре жителя города Дюбюка, штат Айова) и пятеро членов камиройского УРКа.

– Как вы добиваетесь соблюдения дисциплины? – спросил мистер Пайпер.

– Индифферентно, – ответил Филоксен. – А-а-а, вас интересуют подробности? Знаете, разными методами: иногда предпочитаем закручивать гайки, иногда полностью отпускаем поводья. Как только дети выучат, что они должны повиноваться до определенного предела, с ними проблем не будет. Что касается малышей, то их часто помещают в яму, где держат без еды до тех пор, пока они не поймут свои обязанности.

– Но это бесчеловечно! – заявила мисс Хэнкс.

– Естественно. Однако маленькие дети и не являются в полной мере «человеками». Если ребенок не научится дисциплине к третьему или четвертому классу, то его повесят.

– Как, буквально? – изумилась мисс Манч.

– А как вы можете повесить ребенка фигурально? И какой воспитательный эффект это произведет на других детей?

– За шею? – все еще не могла поверить своим ушам мисс Манч.

– За шею, до тех пор, пока не умрет¹. Дети всегда воспринимают подобный наглядный урок близко к сердцу и в

¹Камироец обыгрывает формулу старинного английского судопроизводства.

дальнейшем стараются вести себя лучше. Впрочем, мы не часто прибегаем к таким методам – повешен бывает в среднем один ребенок из ста, и даже меньше того.

– А что это за история с медленным чтением? – перевела дискуссию на другой предмет мисс Хэнкс. – Я ничего не поняла.

– Как раз недавно мы разбирали дело одного третьеклассника, упорствовавшего в скорочтении, – рассказал Филоксен. – Ему также преподали наглядный урок. Он должен был прочитать книгу средней трудности – и прочитать быстро, а затем отложить ее в сторону и повторить прочитанное. Можете себе представить: на первых же тридцати страницах он пропустил четыре слова! К середине книги было уже целое утверждение, которое он понял абсолютно неверно, и еще сотни страниц, на которых он допустил незначительные грамматические ошибки. Если он так скверно усвоил только что прочитанный материал, вообразите, что сохранится в его памяти спустя сорок лет?

– Вы хотите сказать, что камиройских школьников учат запоминать все, что они читают?

– Все камиройские дети и взрослые на протяжении жизни помнят каждую деталь из прочитанного, увиденного или услышанного. Мы, камиройцы, лишь ненамного умнее вас, землян, и не можем себе позволить тратить время на забывание и вспоминание – все это блуждание в пустоте, обычно приводящее к необходимости заново перечитать, пересмотреть, переспросить...

– Скажите, вы бы могли назвать ваши школы либеральными? – спросил мистер Пайпер.

– Я бы мог. Вы – нет, – ответил Филоксен. – На Камирои мы не используем слова для обозначения их противоположностей, подобно вам, землянам. В нашей системе образо-

вания, как и вообще в нашем мире, нет ничего, что могло бы соответствовать той причудливой форме раболепства, которую вы на Земле называете либерализмом.

– Хорошо, тогда можете ли вы назвать вашу систему образования прогрессивной?

– Нет. На вашем арго «прогрессивный» – значит, «инфантильный».

– Какова система финансирования школ? – спросил мистер Папер.

– О, добровольная «десятина» на Камирой обеспечивает средствами решительно все – работу правительства, религию, образование, общественные работы. Разумеется, мы не верим в налоги и никогда не перерасходуем средства.

– А насколько добровольна эта система «десятин»? – поинтересовалась мисс Хэнкс. – Неподчиняющихся вы тоже время от времени вешаете?

– Не думаю, чтобы к подобным мерам воздействия прибегали слишком часто, – ответил Филоксен.

– А ваше правительство на самом деле организовано столь же небрежно и неформально, как и система образования? – продолжал вопросы мистер Пайпер. – Ваши высшие чиновники на самом деле выбираются массами и на короткие сроки?

– О да. Вы в состоянии вообразить себе человека настолько больного, чтобы у него возникло желание оставаться на высоком посту в течение долгого времени? Еще вопросы?

– У нас их сотни, – заявил мистер Пайпер. – Но нам трудно облечь их в нужные слова.

– Если вы не можете найти слов для формулировки вопросов, мы не сможем ответить на них. УРК распущен.

Заключение А

Камиройская система образования уступает нашей по ряду параметров, как то: организационная основа, состояние школьных помещений и площадок для игр, учительские конференции, финансирование, участие родителей в школьных делах, наблюдательные советы, сочетание классного и внеклассного обучения. (Так, ряд камиройских школьных зданий поразил нас откровенно гротескной архитектурой. По поводу одного из них, вызывающе безвкусного, мы задали соответствующий вопрос сопровождающим. «А что вы хотите от второклассника? – услышали мы в ответ. – Если не считать несколько кричащий экстерьер, здание построено надежно и по всем правилам. Что касается художественной стороны проекта, то во втором классе ребята еще не успевают овладеть всеми тонкостями». – «Вы хотите сказать, что дети сами спроектировали это здание?» – изумились мы. «Конечно, – отвечали нам. – Спроектировали и построили. Не так плохо для их возраста». На Земле ничего подобного не допускается).

Заключение Б

Каким-то образом камиройская система образования приводит к лучшим результатам, чем земная. Мы вынуждены были признать это под влиянием данных, которыми располагали.

Заключение В

Существует определенное и до сих пор не объясненное противоречие между пп. А и Б.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ОБЪЕДИНЕННОМУ ДОКЛАДУ

Ниже приводится список предметов, изучаемых в средних школах Камирой, как представляющий несомненный интерес.

1-й класс

Игра на одном духовом инструменте

Рисование (предметы и числа)

Пение (это важный момент: многие земляне поют, не имея к тому ни малейших способностей. На Камирой сделали выводы)

Простая арифметика (вручную и на машине)

Акробатика (элементарная)

Первые загадки и логика

Мнемоническая религия

Первые опыты в танцах

Ходьба по низконатянутой проволоке

Простейшие электрические цепи

Разведение муравьев (эомптов – не земных муравьев)

2-й класс

Игра на одном клавишном инструменте

Рисование (лица, буквы, движение)

Оперетта

Сложная арифметика (вручную и на машине)

Акробатика (сложная)

Первые шутки и логика

Квадратичная религия

Сложные танцы

Простая диффамация (яркие, пламенные атаки на характер и манеру поведения одноклассника с элементарной фальсификацией и приемами «убойной журналистики»)

Представление на проволоке, натянутой на средней высоте

Плетение электрических проводов

Разведение пчел (галелей – не земных пчел)

3-й класс

Игра на одном струнном инструменте

Чтение вслух (именно на этих уроках корректируют школьников, подверженных дурной привычке читать быстро)

Скульптура (мягкий камень)

Ситуационная комедия

Простая алгебра (вручную и на машине)

Гимнастика (элементарная)

Усложненные шутки и логика

Трансцендентная религия

Сложные акробатические танцы

Сложная диффамация

Представление на высоко подвешенной проволоке и под куполом цирка

Изготовление простых радиоприемников

Разведение, кормление и анатомирование лягушек (караколей – не земных лягушек)

4-й класс

История, камаройская и галактическая (изначальная и геологическая)

Декадентская комедия

Простая геометрия и тригонометрия (вручную и на машине)

Занятия на велотреке и на спортплощадке
«Бородатые» анекдоты и «кучерявая» логика

Простые непристойности

Простой мистицизм

Образцовые фальсификации

Работа на трапеции

Электроника средней сложности

Анатомирование человеческих тел

5-й класс

История, камиройская и галактическая (технологическая)

Интровертивная драма

Сложные геометрии и анализ (вручную и на машине)

Занятия на велотреке и на спортплощадке (установление рекордов для 5-го класса)

Простые мудрости и логика

Первая степень алкогольного опьянения

Сложный мистицизм

Установление интеллектуальных климатов, диффамация в трех измерениях

Простая оратория

Сложная работа на трапеции

Неорганическая химия

Развитая электроника

Сложное анатомирование человеческих тел

Курсовая работа

(После 5-го класса ребенок наполовину завершил школьное обучение. Он еще полуживотное, но уже научил-

ся учиться.)

6-й класс

Курс медленного чтения

Простая феноменальная память

История, камиройская и галактическая (экономическая)

Искусство верховой езды (на патрушках – не земных лошадах)

Сложное шитье, вручную и на машине (художественное и практичное)

Литература (пассивно)

Математический анализ, олимпиады (вручную и на машинах)

Сложная мудрость и логика

Вторая степень алкогольного опьянения

Дифференциальная религия

Первые опыты в бизнесе

Сложная оратория

Стенолазание

(Здания на Камирои выше, а сила притяжения больше, чем на Земле. Поэтому умение взбираться по стене здания на манер мухи – предмет гордости камиройских детей.)

Ядерная физика и посторганическая химия

Простая сборка псевдогуманоидов

7-й класс

История, камиройская и галактическая (культурная)

Сложная феноменальная память

Производство и управление простыми транспортными средствами

Литература (активно)

Астрогностика, предсказания и программирование
Сложные олимпиады
Сферическая логика (вручную и на машине)
Высшая степень алкогольного опьянения
Интегральная религия
Банкротство и восстановление финансового положения
в бизнесе
Искусство тратить деньги (конструирование тенден-
ций)
Пост-ядерная физика и универсалии
Попытки трансцендентной атлетики
Сложная роботехника и программирование

8-й класс

История, камиройская и галактическая (зачаточная)
Совершенная феноменальная память
Производство сложных транспортных средств (назем-
ных и водных)
Литература – сжато и окончательно
(Творческое сожжение книг как следствие камиройской
философии, гласящей, что все ординарное не достойно су-
ществования)
Космическая теория (окончательно)
Конструирование философии
Сложный гедонизм
Лазерная религия
Искусство легко тратить деньги (основы)
Достижение простейшего статуса гения
Пост-роботехническая интеграция

9-й класс

История, камиройская и галактическая (будущая и продолжающаяся)

Изобретение категорий

Производство сложных транспортных средств (способных достигать околосветовых скоростей)

Конструирование простых астероидов и планет

Матричная религия и логика

Простые подходы к человеческому бессмертию

Достижение сложного статуса гения

Первые опыты брака и размножения

10-й класс

Конструирование истории (активно)

Производство транспортных средств (способных достигать сверхсветовых скоростей)

Панфилософское просветление

Конструирование жизнеспособных планет

Достижение простого статуса святости

Харизматический юмор и пентакосмическая логика. Гипогироскопическая экономика

Пенентагlossия (совершенствование в пятидесяти языках, которые обязан знать каждый образованный камироец, включая шесть земных. Разумеется, в этом возрасте ребенок уже владеет каждым из них, но еще не в полной мере.)

Конструирование сложных общественных систем

Мировое правительство (курс под таким названием преподается и в ряде земных школ, однако ничего общего не имеет с камиройским. На Камиройи школьник должен управлять миром – правда, не самым сложным, – в течении трех-четырёх месяцев.)

Курсовая работа

Итак, камиройский ребенок полностью завершил программу обучения в средней школе. Ему исполнилось пятнадцать, и во многих отношениях он превосходит земного сверстника.

Во-первых, камиройский ребенок более развит физически: в состоянии голыми руками убить земного тигра или буйвола, в то время как его земной сверстник скорее всего откажется даже от мысли предпринять нечто подобное. Камиройский мальчик или девочка смогли бы составить конкуренцию любому земному атлету в любом виде спорта, а также побить все существующие на Земле рекорды. Правда, в данном случае все в конце концов упирается во внутреннюю уравновешенность, силу и скоростные качества, которые можно натренировать при правильной организации учебного процесса.

Что же касается сферы искусства (на преимуществе в которой иногда настаивают земляне), то камиройский ребенок способен с легкостью создавать неповторимые шедевры в любой области. Что более важно, он уже понимает относительную несерьезность такого времяпрепровождения.

В десятилетнем возрасте камиройский ребенок терпит фиаско в бизнесе – но один-единственный раз, научившись терпению и выработав способность объективно учиться на ошибках. Он овладел техникой фальсификации и искусством легко тратить деньги, поэтому его уже никто не проведет – ни в одном из известных миров. Камиройский ребенок достиг простых статусов гениальности и святости; последнее обстоятельство сводит уровень преступности на Камирой практически к нулю. Женитьба и обзаведение

семьей и домом приходится именно на этот наполненный беззаботной радостью период юности.

Камиройский ребенок способен построить сверхсветовое транспортное средство из подручных материалов, какие легко найти вокруг каждого дома на планете. Более того, он может управлять этим транспортным средством и самостоятельно наметить цель путешествия и проложить курс. Он способен с величайшей тщательностью собрать квази-гуманоидного робота; обладает совершенной памятью и способностью к разумным суждениям – и отныне неплохо подготовлен к восприятию конкретных новых знаний. Он освоил, как использовать свой ум в полную силу, до самых глубин подсознательного (подсознательного для нас – не для него).

Короче, все его существо отныне прекрасно организовано для выполнения любых социальных функций. И в том, как добиться столь впечатляющих результатов, большого секрета нет: все в жизни надо делать достаточно медленно – и в надлежащем порядке. Именно этим способом камиройцы избегают повторов и зубрежки – самого страшного зла, превращающего скоротечный и приятный процесс непосредственного восприятия новой информации в тоску смертную.

Список камиройских школьных предметов может показаться излишне переусложненным для детской психики, однако в нем нет ничего невозможного или отталкивающего. Все новое базируется на уже изученном. Например, пока ребенку не исполнится двенадцать, его не будут пичкать постыдной физикой и универсалиями, которые могут оказаться ему не по силам. До достижения им тринадцатилетнего возраста нечего и думать о преподавании ему такой дисциплины, как изобретение категорий (несмотря на простое название, многим этот курс дается с трудом). И только

в четырнадцать его ожидает панфилософское просветление – дисциплина, чреватая столькими опасностями для незрелого ума; после этого он еще на протяжении двух лет будет конструировать логически непротиворечивые философские системы, пока не овладеет достаточным базисом для окончательного просветления.

Как нам представляется, мы должны очень внимательно присмотреться к этой отличной от нашей системе обучения. В некоторых отношениях ее приходится признать более успешной, чем та, которая практикуется на Земле. Немногие наши школьники способны сконструировать органического разумного робота в течение пятнадцати минут после получения задания; большинство за это время не справится и с созданием обыкновенной живой дворянки. Ни один из пяти земных детей не сможет построить сверхсветовой аппарат и слетать на нем на другой конец галактики и обратно, причем обернуться до наступления темноты. Ни один из ста не способен создать планету и содержать ее в пристойном состоянии хотя бы неделю, ни один из тысячи – постичь пентакосмическую логику.

Рекомендации

1. Похитить пятерых среднестатистических камиройцев и образовать из них на Земле общепланетный УРК.
2. Произвести небольшую конструктивную акцию по сожжению книг, особенно тех, что относятся к педагогике.
3. Осуществить выборочное повешение отдельных нерадивых учеников.

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СЛЕДУЮЩЕМ КАМНЕ

Есть истории, которые невозможно забыть.

Впервые этот рассказ Лафферти я прочитала больше сорока лет назад, осенью 1975 года. Время я помню точно. Я училась в аспирантуре, готовилась получить степень магистра и записалась на курс по научной фантастике. Книга, которую нам рекомендовали, называлась «Размышления: введение в литературу стиля «фэнтези» и научную фантастику», составитель Томас Э. Сандерс¹. Сборник включал в себя стихотворения, три эссе и сорок один рассказ. Это я знаю точно, потому что книга до сих пор у меня. Авторы там представлены самые разные, начиная от предшественников жанра Натаниэля Готорна, Германа Мелвилла и Редьярда Киплинга. Потом шли писатели сороковых годов, такие, как Уолтер ван Тилберг Кларк, Мюррей Лейнстер и Джудит Меррил, и, наконец, множество знаменитостей того времени – в частности, Роберт Силверберг, Теодор Старджон и Роберт Шекли.

Я купила книгу и прочла ее от корки до корки в первые же выходные.

Среди рассказов мне попалось и «Продолжение на следующем камне». Я прочитала его и на некоторое время озадачилась. Потом прочитала еще раз и поняла: этот рассказ другой. Не такой, как все. Ясно, что он о любви, но не похож на то,

¹ «Speculations: An Introduction To Literature Through Fantasy and Science Fiction», edited by Thomas E. Sanders.

что я читала прежде. Герои – Магдалина и Антерос – кажутся странными, если не сказать безумными. По сути, они и есть безумцы. Одержимый любовью, он следует за ней сквозь время, оставляя любовные письма на камнях в культурных слоях. Она отвергает его, и каждый раз это ее отторжение – что-то вроде ритуала, часть любовной или смертельной игры.

Текст написан замечательно, изображение героев поражает, интонация идеально балансирует между иронией и страстью, той страстью, которая способна уничтожить. И мыслями я постоянно возвращалась к этому рассказу.

Много лет спустя один из бывших преподавателей, позже ставший моим другом, признался, что обожает прозу Лафферти, и подарил мне переплетенный, но не отредактированный экземпляр сборника «Железные слезы», выпущенного издательством «Эджвуд Пресс» в 1992 году (эта книга у меня тоже хранится до сих пор). Я поблагодарила его, но первой моей реакцией все же было возмущение – в сборнике не оказалось «Продолжения на следующем камне».

Мое восхищение рассказом, который я только что снова перечла, с годами лишь усилилось. Достаточно уже того, что любовная лирика Антероса, помимо всего прочего, уникальна: «Ты – приволье диких свиней в щавеле и великодушие барсука. Ты – переливы змеиной кожи и парящий полет грифов. Ты – страстность мескитовых кустов, зажженных ударом молнии. Ты – безмятежность жаб».

Именно так – уникальная любовная лирика. Почему, ну почему ни один мужчина в жизни не сказал мне, что я – великодушие барсука, не говоря уже о безмятежности жаб? Почему, спрашиваю я вас?

Может, если бы я была такой, как Магдалина...

Нэнси Кресс

В Большой Известняковой долине есть место, где стоит эоловый столб, издали немного похожий на дымоход. Накренившись набок, он привалился к расположенному рядом более молодому холму-кургану. Сложен столб из плотного сланца и так называемого песчаника Доусона, тесно переплетенных между собой. Он формировался, начиная с ледникового периода, в пойме рек Кроу-Крик и Грин Ривер, которые за это время не меньше пяти раз становились полноводными.

Этот «дымоход» лишь немногим старше человечества и не намного моложе травы. Он возник в результате выдавливания пород из земной коры и последующей работы ветра и его помощников: жары, мороза, капель дождя и струек воды. Вымывая и выдувая более мягкие породы, они создавали форму, отдаленно напоминающую творение рук человеческих.

Как раз туда, где эоловый столб привалился к холму, прибыла экспедиция из пяти ученых. Подземные залежи известняка их не интересовали: будучи не геологами, а археологами, они собирались изучать холм-курган искусственного происхождения, а заодно немного позаниматься эоловым столбом.

Слои времени располагались здесь не по порядку, а словно сгрудились в кучу, из которой выпирали жилы и нагромождения – штрихованные и полосчатые пласты, вознесшиеся на высоту, а затем искрошенные и источенные.

Ученые ехали по сухому руслу реки и до места добрались после полудня. Разгрузив прицепной трейлер, разбили лагерь. По большому счету, в нем не было необходимости: в трех километрах дальше возле шоссе стоял приличный мотель, и туда вела грунтовая дорога. Логичнее было бы ночевать в уютных номерах, а утром возвращаться на участок.

Но Терренс Бардок считал иначе: чтобы проникнуться духом раскопок, говорил он, нужно жить на природе возле них.

В группу ученых входили: Терренс Бардок, его жена Эфил, Роберт Дерби и Говард Штайнлезер – люди спокойные и уравновешенные – и Магдалина Мобли, которую ни спокойной, ни уравновешенной не назовешь. Она отличалась от остальных и была словно наэлектризованная.

Разбив лагерь, пятерка потратила остаток дня на осмотр формаций. Геологические пласты они видели не раз и примерно догадывались, что их ожидает.

– Характерное рифление на золотом столбе выглядит как колонка породы, – сказал Терренс. – Эта его часть не похожа на другие, словно вдоль столба прошла молния и специально для нас очистила полосу. Столб нужно будет вернуть в первоначальное положение. Он опирается на холм как раз там, где лучше всего пробивать разрез. Сам курган выглядит многообещающе. Но сначала изучим золотый столб, тем более что его внутренности как на ладони.

– Я могла бы рассказать о нем все, – раздраженно заметила Магдалина. – И о холме тоже.

– Интересно, для чего тогда делать раскопки, если ты и так все знаешь? – насмешливо спросила Эфил.

– Вот и мне интересно, – хмыкнула Магдалина. – Но нам нужны экспонаты. Без них не будет финансирования. Роберт, видишь тот кустарник в сорока метрах отсюда? Сходи туда и подстрели оленя. Раз мы собрались жить в первобытных условиях, почему не питаться олениной?

– Сейчас не охотничий сезон, – возразил Роберт. – И там нет оленя. А если бы и был, то наверняка прятался бы на дне лощины, и ты бы его не увидела. И даже если там кто-то и прячется, то не олень, скорее всего, а олениха.

– Нет, Роберт, это крупный двухгодовалый самец. Естественно, его не видно, он на дне лощины. До него метров сорок на северо-восток. Если бы я видела его глазами, то и вы все увидели бы. Роберт, ступай и убей его! Мужчина ты в конце концов или нет? Говард, наруби жердей и сооруди треногу, тушу нужно подвесить и разделить.

– Роберт, лучше иди, – взмолилась Эфил. – Иначе не будет нам покоя.

Роберт вооружился карабином и двинулся на северо-восток. Через сорок метров он исчез в лощине. Вскоре оттуда донесся сухой щелчок выстрела.

Возвратился он с непонятной улыбкой на лице.

– Молодец, не спугнул, – похвалила его Магдалина. – И выстрел удачный. Когда ты спустил курок, олень вскинул голову – они так всегда делают, – и пуля через шею прошла в мозг. Роберт, а тушу почему не принес? Иди и принеси!

– Принести? Да я не смог ее даже поднять! Терренс, Говард, поможете? Привяжем к жердине и...

– Роберт, дорогой, что за вздор ты несешь? – упрекнула его Магдалина. – В нем веса-то всего восемьдесят пять килограмм. Ладно, сама принесу.

И она принесла большого самца. Без лишних разговоров взвалила тушу на плечи и, оставляя без внимания сочащуюся кровь, зашагала в лагерь, останавливаясь, только чтобы отбросить носком ноги камень с дороги. С виду олень тянул не меньше чем на центнер, но раз Магдалина сказала восемьдесят пять килограммов – значит, восемьдесят пять.

Говард нарубил жердей и соорудил треногу, навыков для этого ему хватило. Мужчины подвесили тушу, освежевали и выпотрошили почти профессионально.

– Эфил, приготовь мясо, – распорядилась Магдалина.

Позже они сидели у костра, окруженные темнотой. Эфил подала Магдалине олени мозг, перемятые и слегка пригоревшие. Она опасалась, что Магдалина взбесится, но нет: та с жадностью все съела. Мозги достались ей по праву, ведь это она обнаружила оленя.

Вам интересно, как Магдалина узнала, где находится то, что нельзя видеть глазами? Что ж, вы не одиноки: участники экспедиции задавались тем же вопросом.

– Неужели я единственный, кто замечает сходство между исторической геологией и психоанализом? – заговорил Терренс. После плотного ужина на него, как и на всех, снизошло философское настроение. – Изостатический принцип применим к человеческому сознанию и подсознанию точно так же, как и к поверхности Земли и ее коре. В сознании идут те же процессы эрозии, отложения и накопления, происходят свои взбросы и сотрясения. Можно сказать, сознание плавает на своей магме. А в экстремальных ситуациях в нем случаются свои вулканические извержения и происходит горообразование.

– А у некоторых наступает свой ледниковый период, – добавила Эфил. Похоже, в этот момент в темноте она смотрела на мужа.

– В сознании есть свой твердый песчаник, превращающийся в кварц или просто в кремень из дрейфующего и всплывающего песка повседневных событий. Есть сланцевые породы, сформировавшиеся из старого шлама ежедневной глупости и косности. Есть известняковые отложения, образовавшиеся из важного жизненного опыта, потому что известь – осадок того, что когда-то было живым; и этот известняк может стать настоящим мрамором, если он – отложение сильных эмоций, и даже травертином, если он бар-

ботировал¹ достаточно долго в неистовых и экспрессивных реках подсознания. В сознании есть своя сера и свои драгоценные камни... – Терренс барботировал уже слишком долго, и Магдалина прервала его:

– Скажи просто – у нас в голове горы. Но они хаотично вырастают, исчезают и возвращаются. С нами ведь не так, как корой земли. В ней все время формируются новые горы и камни. А вот люди приходят не новые, а прежние, причем с тем же самым сознанием. Черт, только что нарисовался один такой! Он меня оставит в покое? Мой ответ, как и прежде, нет.

Магдалина часто несла бессмыслицу. Однако Эфил на всякий случай убедилась, что ни ее муж, ни Роберт, ни Говард не подсели в темноте к Магдалине. Эфил Бардок ревновала мужчин к суровой коренастой девушке.

– Хорошо бы этот холм оказался таким же щедрым, как курган Спино! – мечтательно произнес Говард. – А почему нет? Мне сказали, что трудно подыскать более сложный и трудоемкий объект, чем этот. Хорошо бы среди нас был человек, работавший на Спино.

– Ну да, он там копался, – презрительно буркнула Магдалина.

– Кто «он»? – удивился Терренс. – Никто из нас не работал на Спино. Магдалина, тебя еще не было на свете, когда вскрывали Спино. Что ты можешь о нем знать?

– Помню я его там, – проворчала Магдалина. – Вечно выкапывал свои шутики и совал всем под нос.

– Значит, ты был на Спино? – спросил Терренс, обращаясь куда-то в темноту.

¹ Барботаж (барботирование) – процесс пропускания газа или пара через слой жидкости. При барботировании происходят интенсивные массообменные процессы. Барботирование сопровождается бульканьем.

Не сразу все заметили, что вокруг костра сидит уже не пятеро, а шестеро.

– Да, был, – ответил незнакомец. – Я там копаю. Я много где копаю. Очень быстро копаю и всегда знаю, когда рядом что-то ценное. Дайте мне работу.

– Кто ты? – спросил Терренс у незнакомца. Теперь того было ясно видно. Казалось, пламя костра наклонилось в его сторону, как будто он управлял им.

– Просто богатый бедный старик, который идет следом, век за веком, надеясь и умоляя. Мне есть на что надеяться и кого умолять. А иногда я – кто-то другой. Часа два назад, к примеру, я был оленем в лощине. Как странно есть собственное мясо! – И человек вернулся к куску оленины, взятому без приглашения.

– О, опять эта дешевая лирика! – сердито воскликнула Магдалина.

– Как твое имя? – спросил Терренс у мужчины.

– Манипенни. Антерос Манипенни – мое имя на века.

– И кто ты?

– Простой индеец. Шауни, чак, кри, анадарко, кэддо¹ и пре-кэддо. Много кто.

– Разве можно быть пре-кэддо?

– Можно. Я же есть.

– Но имя Антерос – не крикское?

– Нет. Критское. Или греческое. Я вечный странник, мой друг. И отличный землекоп! Завтра я это докажу.

И он действительно был отличный землекоп. Назавтра он это доказал. Короткой киркой Антерос заложил разрез в нижней части кургана и начал работать невероятно быстро.

¹ Шауни, кри, анадарко – индейские племена. Чак – бог дождя и грома у майя. Кэддо – племя, объединявшее нескольких индейских племен.

– Да он же разобьет все, что попадется на пути! – возмутилась Эфил. – Он же не знает, что впереди!

– Женщина, ничего я не разобью, – ответил Антерос. – Можешь зарыть яйцо королька в кубометр песка. Я за минуту перекидаю песок и найду яйцо, где бы оно ни было. И оно останется целым. Сейчас я приближаюсь к маленькому горшку периода прото-плано¹. Конечно, он разбит, но не мною. Там шесть осколков, и они идеально подходят друг к другу. Предупреждаю заранее. Сейчас он покажется.

И Антерос откопал горшок. Все это казалось странным, и не только то, как он нашел горшок. Но в любом случае это была находка, и, возможно, она и впрямь относилась к периоду прото-плано.

Шесть осколков показались из земли. Их наскоро очистили и сложили вместе. Вне всяких сомнений, они идеально подходили друг к другу.

– Он совершенен! – воскликнула Эфил, глядя на горшок.

– Его совершенство неестественно, – возразил Говард. – Он изготовлен явно на гончарном круге. В Америке того периода гончарных кругов не было. Пусть даже знаки, выдвленные на горшке, действительно напоминают символы прото-плано, все это сомнительно, как рыба не первой свежести. – Штайнлезер был раздражен с самого утра.

– Все верно, вот эта волнистость и закорючка, – указал Антерос, – символ рыбы. Верхом на ней знак солнца. Всё вместе – бог-рыба.

– Иными словами, это дурно пахнет, – заключил Штайнлезер. – Такие значимые находки не приплывают в руки в

¹ Культура плано – условное название нескольких сообществ охотников и собирателей, которые обитали на Великих Равнинах Северной Америки в период от девяти до шести тысяч лет до н.э.

первую же минуту раскопок. Я ни за что не поверю, что этот горшок относится к прото-плано. Разве что рядом найдутся наконечники.

– Они здесь, – сообщил Антерос. – Можно даже учуять их форму. Два больших кремниевых наконечника и один маленький. Наверняка ты уловил их запах? Четыре удара киркой – и они предстанут нашим глазам.

Четыре удара киркой, и Антерос откопал три наконечника: два больших, для копья, и один маленький, для стрелы. Листовидные, шелушащиеся, они принадлежали к периоду либо позднего фолсома¹, либо прото-плано. В общем, как больше нравится.

– Не может быть, – охнул Штайнлезер. – Недостающие доказательства. Нет, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я в это не верю. Возможно, поверил бы, если бы рядом лежали кости мастодонта.

– Минуту, – сказал Антерос и заработал киркой. – Древние бестии так странно пахли! Слон, например, так не пахнет. Эти древние кости все еще источают запах. Это шестая грудная кость? Да, она. Не знаю, где остальной скелет. Возможно, кто-то грыз кость, лежа на этом месте. Девять ударов киркой, а потом осторожно...

Девять ударов киркой, а потом, осторожно орудуя мастерком, Антерос высвободил из земли древнюю кость со следами зубов.

– Все верно, – почти зло произнес Говард, – шестая грудная кость мастодонта.

Роберт подтвердил, что либо пятая, либо шестая. На первый взгляд трудно сказать точнее.

¹ Фолсом – палеоиндейская культура, которая процветала в западной части Северной Америки в конце плейстоцена.

– Антерос, хватит копать, – распорядился Штайнлезер. – Мне нужно описать находки, сделать фотографии и провести кое-какие замеры.

Терренс и Магдалина работали у основания элового столба, там, где начинались желобки, которые шли затем по всей его длине, похожие на колонку породы.

– А может, позовем Антероса и посмотрим, что он за минуту найдет, – предложил Терренс.

– Ах, этот! Да он просто выкопает что-нибудь свое.

– В смысле – что-нибудь свое? Никто не мог ничего положить внутрь этого песчаника. Он очень твердый.

– Вот этот кусок кремния еще тверже, – сказала Магдалина. – Кажется, он мне знаком. Хорошо бы отодвинуть этот столб. Я догадываюсь, что написано на камне.

– Написано? О чем ты? А хотя да... здесь какие-то знаки! Крупный грубо обработанный камень. Кто бы мог на нем что-то вырезать?

– Такой же твердолобый идиот, как этот кремний. Ладно, давай вытащим эту штуку. Антерос! Отодвинь столб. Но только не развали его, а то засыплешь нас обломками. Антерос сделает все как надо. Он это умеет.

– Откуда тебе это знать, Магдалина? Ведь ты не видела его до вчерашнего вечера и вряд ли что-то о нем слышала.

– И что с того? Просто я знаю, что будет дальше: опять то же самое.

Антерос сдвинул эловую колонну, не разрушив и не уронив ее. Проковыряв ломиком щель под ней, заложил три динамитные шашки и детонатор, потом коснулся проводами клемм аккумулятора. Прозвучал оглушительный взрыв. Казалось, рухнуло само небо, распавшись на большие глыбы. Когда-то древние удивлялись, почему с неба падают

камни только темного цвета, а не голубые или прозрачные. Ответ прост: это падают куски ночного неба, даже если приземляются они днем. Просто они летят к земле очень долго. Взрыв, устроенный Антеросом, раскрошил твердь ночного неба, несмотря на то, что стоял день. И камни, упавшие на землю, были темнее, чем породы в золотом столбе.

Но на самом деле не такой уж и сильный был взрыв. Столб неуверенно покачался из стороны в сторону и занял вертикальное положение. И блок кремния стал виден как на ладони.

– Из такого куска вышла бы тысяча наконечников, – восхищенно произнес Терренс. – Этот блок кремния – целое состояние для первобытного человека.

– У меня было несколько таких состояний, – отрешенно заметил Антерос. – Этот я приберег для особой цели.

Все собрались вокруг камня.

– Ничего себе! – ахнула Эфил, рассматривая находку.

– Так бы и дала ему пинка, – зло пробормотала Магдалина. – И неважно, что он богатый. В любом переулке легко подцепить кого-нибудь получше.

– О чем щебечут женщины? – поинтересовался Терренс. – Смотрите, символы на камне совсем как настоящие. Очень похожи на ацтекские. Штайнлезер, как думаешь?

– Скорее, на науатль-таноанские. Этот язык – двоюродный брат ацтекского. Или правильнее сказать «кузен»?

– Называй как хочешь, только прочитай, что здесь написано.

– Попытаюсь. Дайте мне пару часов, и я соображу, как истолковать большинство символов. Но не рассчитывайте на связный перевод. До сих пор переводы с науатль-таноанского больше походили на бред.

– Только учти, Терренс, – ехидно заметила Магдалина, – Штайнлезер медленно соображает. А кое-какие знаки не понимает вообще.

Штайнлезер угрюмо промолчал. Интересно, откуда эти темно-багровые царапины на его лице? Уж больно напоминают следы от ногтей!

За утро они перелопатили кучу камня и щебня, сделали множество снимков и составили пространные описания. Разделились на две группы: одна продолжала разрабатывать курган, другая исследовала канавку столба. По-настоящему удивительных открытий больше не было; никаких идеальной формы горшков эпохи прото-плано; да и откуда им взяться? Никаких предсказанных наконечников позднего фолсома, да еще в идеальном состоянии; только полованные и совершенно неожиданные предметы. Никаких костей мастодонта, зато попадались кости гигантского палеобизона, ужасного волка¹, койота и человека. Некоторые находки все же казались немного странными, но не такими сомнительными, как полный комплект черепков горшка, три наконечника и кость мастодонта, откопанные Антеросом ранним утром. Новые находки выглядели вполне обычно. Насколько это возможно, конечно. Вот только их было очень много, и это настораживало.

Антерос действительно показал себя превосходным землекопом. Он разгребал песок, выворачивал камни и ничего не упускал из виду. А в полдень исчез, и его не было битый час. Потом он выехал на новеньком блестящем универсале

¹ Ужасный волк – вид волка, жившего в эпоху позднего плейстоцена на территории Северной Америки. Особи этого вида были самыми крупными в семействе псовых, и за это вид прозвали «ужасным».

из зарослей оврага, где трудно было даже предположить наличие дороги. Оказывается, он ездил в город и привез разные мясные закуски, сыры, приправы, выпечку, пару упаковок холодного пива и бутылку старого виски.

– Я думал, ты бедняк, – с укором заметил Терренс.

– Я говорил, что я богатый бедный старик. У меня три с половиной тысячи гектаров лугов и пастбищ, три тысячи голов скота, значительные посевы люцерны, клевера, кукурузы...

– Да хватит уже! – не выдержала Магдалина.

– Ну, и много всякого другого, – угрюмо закрутился Антерос.

Они поели, отдохнули и вернулись к работе. Магдалина копала быстро, не отвлекаясь, – так же, как и Антерос. Молодая, крепкая, с легким загаром, не сказать что красивая (в отличие от Эфил), она могла заполучить любого мужчину в любое время (а вот Эфил не могла). Такая была Магдалина – грубоватая, часто небрежная, иногда серьезная. Заводная пружина экспедиции, натянутая тетива.

– Антерос! – крикнула она на закате солнца.

– Черепаха? – спросил он. – В реке под валуном, выступающим из воды там, где течение поворачивает вспять? Упитанная и довольная, никому не причиняет вреда, только ест и радуется жизни. Неужели ты хочешь, чтобы я поймал ее?

– Хочу! В ней добрых восемь килограммов веса, она недурно упитана. Как раз то что надо. В семидесяти метрах отсюда, там, где берег обрывается в Грин Ривер, под низким выступом сланца, похожего на шифер, на глубине чуть меньше метра...

– Я знаю. Поймаю ее для тебя. Я сам толстая черепаха. Я сам Грин Ривер. – И он ушел ловить черепаху.

– Опять его дурацкая лирика! – сплюнула Магдалина.

Антерос принес толстую черепаху. На глаз она тянула килограммов на десять; но раз Магдалина сказала восемь – значит восемь.

– Эфил, приступай к готовке, – велела Магдалина, простая, не слишком образованная девушка, попавшая на раскопки чисто случайно. С какой стати она командует дипломированными археологами? Ну, разве что по праву рождения.

– Никогда не готовила черепаху, – развела руками Эфил.

– Антерос поможет.

– Как я люблю вечерний запах свежих раскопок! – негромко проговорил Терренс. Они сидели вокруг костра с полными желудками черепашьего мяса, пива и виски и наслаждались собственной мудростью. – О возрасте пласта можно догадаться по одному только тембру его запаха, я считаю.

– Тембру запаха? Это чего же ты нанюхался? – фыркнула Магдалина.

Но в запахе раскопок и правда есть нечто такое, что навеивает мысли о далеком прошлом: что-то очень свежее и прохладное, но с легким оттенком плесени, мускусное, с духом старой стоялой воды и спрессованной смерти. Расслоившееся время.

– Если знаешь, какая эпоха вскрыта, тогда проще, – заметил Говард. – А здесь аномалия. Иногда начинаешь думать, что золотой столб моложе кургана. Но как столб может быть моложе, если в нем камень с надписями? Однако камень-то вот он!

– Вся археология состоит из аномалий, – заявил Терренс. – Просто они переупорядочены таким образом, чтобы

укладываться в какую-нибудь за уши притянутую схему. Иначе никакой системы и не было бы.

– Любая наука сложена из таких переупорядоченных аномалий, – добавил Роберт. – Говард, ты разгадал символы на камне?

– Да. И на удивление полно. Чарльз Огаст, конечно, перепроверит, когда вернемся в университет, и вынесет окончательный вердикт. Эта надпись – своего рода заявление, но не королевское, не племенное, не военное и не охотничье. И вообще, оно не подходит ни под какую категорию. Его можно классифицировать как не имеющее категории... или очень личное. Перевод, конечно, шероховат...

– Наподобие камня, – подсказала Магдалина.

– Пожалуйста, начинай, – взмолилась Эфил.

– Хорошо. «Ты – приволье диких свиней в щавеле и великодушие барсука. Ты – переливы змеиной кожи и парящий полет грифов. Ты – страстность мескитовых кустов, зажженных ударом молнии. Ты – безмятежность жаб».

– Надо признать, у автора есть стиль, – заметила Эфил. – Твои любовные письма, Терренс, явно проигрывали в остроумии.

– И все же, Штайнлезер, на что это похоже? – спросил Терренс. – Нужно попробовать отнести это к какой-то категории.

– Думаю, Эфил права. Это любовная лирика. Продолжаю... «Ты – вода в горных ручьях и таинственные пауки в этой воде. Ты – мертвый койот, лежащий наполовину в реке, и ты – старые пойманные в ловушку сны в его мозгу, сочащиеся жидкостью через разбитую глазницу. Ты – счастливые голодные мухи, облепившие эту глазницу»...

– Погоди-ка, Штайнлезер, – прервал его Роберт. – Хочешь сказать, все это скрыто в царапинах на камне? Напри-

мер, «пойманные в ловушку сны» – какой науатль-таноанский символ соответствует этому словосочетанию?

– Знак цельного человека рядом со знаком полого человека, и оба заключены в знак ночи – это всегда толковалось, как символ, означающий сон. А здесь символ сна заключен еще в символ ловушки. Да, я уверен, это означает «пойманные сны». Продолжаю... «Ты – червь в темной сердцевине кукурузы, ты – беззащитный птенец в гнезде. Ты – пустулы на теле больного кролика, пожирающие его жизнь и плоть, превращающие ее в сыворотку. Ты – звезды, спрессованные в древесный уголь. Но ты не даешь и не принимаешь. Ты снова будешь лежать, разбившись, у подножья скалы, и слово останется невысказанным на твоём лиловом раздутом языке».

– Любовная поэма? Странная какая-то любовь, – заметил Роберт Дерби.

– Трудно спастись от его вздора, хоть я и старалась, очень старалась, – вздохнула Магдалина.

– Далее идет смена лица, для чего применяется символ «скошенный глаз» в увязке с символом «сам», – продолжил Штайнлезер. – Теперь рассказ от первого лица. «Я владею десятью тысячами корзин кукурузного зерна. У меня есть золото, бобы и девять бизоньих рогов арбузных семян. Мою набедренную повязку носило солнце в своем четвертом путешествии по небу. Всего лишь три набедренные повязки старше и ценнее моей. Я взываю к тебе голосом громким, как молотоподобный стук цапель...» (здесь нужно пояснить, что отглагольная форма этого звука плохо переводится, и молот сейчас означает не современный ударный молоток, а каменотесный молоточек, изогнутый под углом) «... и отрыжка буйволов. Моя любовь жилиста, как сплетение змей, и неколебима, как ленивец. Она как оперенная

стрела, выпущенная в живот, – такова моя любовь. Почему она безответна?»

– Позволь уточнить один момент, Штайнлезер, – вмешался Терренс. – Какой символ ты перевел как «безответный»?

– Изображение протянутой руки с загнутыми назад пальцами. Далее... «Я взываю к тебе. Не бросайся вниз. Ты веришь, что стоишь на мосту, уходящем в небо, но ты на краю обрыва. Я падаю ниц перед тобой. Я всего лишь собачий помет...»

– Заметьте, это он сказал, не я, – выдала Магдалина, как обычно без какой-либо связи с происходящим.

– Э-э... продолжай, Штайнлезер, – попросил Терренс. – Девушка либо сошла с ума, либо грезит наяву.

– А это все. Конец надписи. Остался последний символ, который я не могу понять. Он занимает много места. Больше на камне ничего нет.

– Какой символ?

– Метатель копья, переплетенный с символом времени. Иногда это означает «бросить вперед или далеко». Но что это означает здесь?

– «Продолжение следует», олух, – бросила Магдалина. – Не переживай, будут еще камни.

– А по-моему, красиво, – сказала Эфил, – в некотором роде, конечно.

– Что ж тогда ты не оприходуешь его, Эфил? В некотором роде, конечно? – спросила Магдалина. – Лично меня не волнует, сколько у него кукурузы. Я это уже проходила.

– Оприходовать кого, дорогуша? – удивилась Эфил. – Говард умеет переводить надписи на камнях, но кто переведет нашу Магдалину?

– Я, – улыбнулся Терренс. – И не хуже, чем надписи на камнях.

Но он ошибся.

История их заинтриговала. Она была о них и как будто внутри них: блеск змеиной кожи и безмятежность жаб, таинственные пауки в воде, пойманные в ловушку сны, сочащиеся через разбитую глазницу, пустулы на больном кролике, отрывка буйволов и стрела, пущенная в живот. В воздухе разливался вечерний запах кремния, свежераскопанной земли, тихонько смеющихся ручьев, плесени – и еще особый аромат мускуса, который носит название «великодушие барсука».

Они поговорили об археологии и мифах. Потом пришла ночь, а за ней утро третьего дня.

Выборочные раскопки давали отличный результат. Курган оказался богаче Спиро, хотя разрез только начали разрабатывать. Близнец кургана, сломанный эоловый столб, многое подтверждал, но и во многом смущал и многому противоречил. Культурные слои в столбе или, как минимум, в его обнаженной сердцевине, шли вперемешку; все остальное выглядело обычно и малоинтересно.

Антерос работал со спокойной угрюмостью, Магдалина сидела наэлектризованная, будто внутри шаровой молнии.

– Стекланные бусы! – гневно воскликнул Терренс. – Ну всё, приехали! И кто здесь мистификатор? Я шуток не потерплю! – С утра он ходил раздраженный. Царапины на его лице были глубже, чем появившиеся накануне у Штайнлезера, и он злился на весь белый свет.

– Терренс, тайники с бусами находили и прежде, причем не единожды, – попытался успокоить его Роберт.

– Мистификаторов тоже предостаточно! – взорвался Терренс. – На этих бусах только что не отпечатано: «Сделано в Гонконге» – стеклянная дешевка, какие продают на вес! Какое они имеют отношение к восьмому веку? А ну-ка сознавайтесь: кто это сделал?!

– Вряд ли кто-то из нас, – тихо сказала Эфил. – Они лежали внутри кургана, на расстоянии ста метров от начала склона. Мы прорубились сквозь триста лет суглинка растительного происхождения, прежде чем наткнулись на них. Давайте попробуем оценить, насколько они неправдоподобны.

В полдень они пообедали, отдохнули и оценили неправдоподобность бус. Антерос принес большой кусок окорока. Они ели бутерброды и запивали пивом вприкуску с маринованными огурчиками.

– Да будет вам известно, – заговорил Роберт Дерби, – что за рамками невозможности стеклянных бус, найденных там, где их не должно быть, существует настоящая загадка, касающаяся всех древних индейских бус, будь то бусы из кости, камня или оленьего рога. Их много, миллионы крохотных бусинок с проколотыми отверстиями, более тонкими, чем любой найденный археологами прокалывающий инструмент. Сохранились свидетельства обо всех индейских ремеслах. Доподлинно известно, как совершенствовались их инструменты со временем. Тогда почему не найдено ни одного прокалывающего инструмента для бус? Потому что технологий, позволяющих делать такие крохотные отверстия, тогда попросту не существовало. Как же их делали?

– Бусопрокалыватель, – хмыкнула Магдалина.

– Бусопрокалыватель! Вздор! – взорвался Терренс. – Это самая глупая и примитивная из индейских легенд!

– Но она существует, – возразил Роберт, – причем более чем у тридцати племен. Как утверждали карибские индейцы с Кубы, бусы им подарил бусопрокалыватель. То же самое рассказывали Бальбоа индейцы Панамы. Индейцы пуэбло поведали Васкесу де Коронадо аналогичную историю. Бусопрокалыватель был в каждой индейской общине. Истории о бусопрокалывателях есть у племен кри, алабама и коасати – можете обратиться к работам Суонтона¹. Он записал истории со слов своих современников. Более того, когда первые европейские экспедиции предложили индейцам на обмен бисер, один из индейцев, взяв образцы, сказал (и тому есть свидетельство): «Я отнесу их бусопрокалывателю. Он посмотрит на них и сможет прокалывать так же». Этот бусопрокалыватель потом прокалывал бусы бушелями. Других индейских свидетельств о происхождении бус у нас нет. Все бусы проколол бусопрокалыватель.

– На самом деле не очень-то правдоподобно, – заметила Эфил.

Но это была правда.

– О, Господи! Как мог бусопрокалыватель, живший в восьмом веке нашей эры, прокалывать будущий бисер?! Как мог он прокалывать дешевые гонконгские стекляшки нашего времени?! – Терренс страшно разозлился.

– Простите, сэр, очень просто, – ответил Антерос. – Прокалывая будущий бисер, он поворачивался лицом на север. Это общеизвестный факт.

Терренс кипел от злости. Он отравил команде весь день, а царапины на его лице стали багрово-фиолетовыми. В ярости он сообщил, что темная каменная шапка на вершине

¹ Джон Суонтон (1873–1958) – американский антрополог, изучавший индейцев США, в частности индейские языки и культуры юго-востока и северо-запада США.

эолового столба представляет опасность, она может сорваться в любой момент и кого-нибудь придавить. Антерос возразил: на столбе нет никакой шапки, Терренса подводят глаза и ему лучше прилечь в теньке.

Терренс чуть не лопнул от злости, когда увидел, что Магдалина прячет крупный сланцевый камень, найденный в обнаженной сердцевине эолового столба. Камень был тяжел даже для Магдалины с ее загадочной силой. Она вытянула его из выемки, уронила к подножию столба и теперь пыталась спрятать за откосом и камнями.

– Роберт, отметь точку извлечения! – рявкнул Терренс. – Пока она очевидна. Магдалина, прекрати сейчас же! Что бы этот камень ни представлял собой, его надо изучить.

– Это все та же дурацкая галиматья! Как бы я хотела, чтобы он оставил меня в покое! У него много денег, с ним пошла бы любая. К тому же, Терренс, это личное. Вас это не касается.

– Магдалина, ты истеричка. Будет лучше, если ты покинешь раскопки.

– Хотела бы я уйти, но это невозможно. Хотела бы полюбить, да не могу. Разве этого мало, чтобы умереть?

– Говард, займись изучением камня, – распорядился Терренс. – На нем тоже есть надписи. Если это то, о чем я думаю, это меня пугает. Камень с надписями не может быть настолько древним, чтобы оказаться внутри эолового столба, в любой его части. А он найден ниже вершины. Постарайся разобраться, что на нем.

– Это займет несколько часов. Прежде я не встречал ничего похожего. А ты, Терренс, что ты о нем думаешь?

– А что, по-твоему, я могу думать? Камень, хоть и моложе найденного вчера, точно так же неправдоподобен! Первым признаваться в безумии я не собираюсь.

Говард взялся изучать камень с надписями. За два часа до заката ему принесли еще один – серый стеатитовый блок, найденный в более высоком слое. Знаки, покрывающие его, отличались от тех, что были на утреннем куске сланца.

В другом месте дела тоже спорились. Древний рыбный дух возник снова. Серии находок, невозможно идеальные, появлялись из земли чересчур упорядоченно.

– Роберт! – крикнула на закате Магдалина стоящему у подножия холма Роберту Дерби, – на высоком лугу у реки, в четырех сотнях метров вниз по течению, сразу за старым ограждением...

– ...есть барсучья нора. Ты добилась своего, Магдалина, я могу видеть то, чего нельзя видеть. Если я возьму ружье и прогуляюсь по берегу, барсук высунет голову как раз в тот момент, когда я буду у норы, а я подойду к ней с подветренной стороны. Пуля попадет ему прямо между глаз. Это большой барсук, килограммов на двадцать.

– Тринадцать, Роберт. Принеси его! Наконец-то ты начал понимать.

– Магдалина, барсучье мясо не очень вкусное. Его почти не едят.

– Имеет право обреченная на смерть девушка поесть в последний раз то, что пожелает? Ступай, Роберт.

И Роберт ушел. Звук выстрела на таком расстоянии был едва слышен. Вскоре Роберт принес мертвого барсука.

– Приготовь его, Эфил, – приказала Магдалина.

– Конечно. Правда, я не знаю, как его готовить, но Антерос поможет.

Антероса поблизости не оказалось. Роберт отыскивал его на холме: понуриив плечи, старик сидел в лучах заходящего солнца и беззвучно рыдал. Его лицо казалось высеченным

из матовой пемзы. Но он вернулся в лагерь и помог Эфил приготовить барсука.

– Если первый из найденных сегодня камней тебя напугал, Терренс, то от второго у тебя волосы встанут дыбом, – сообщил Говард Штайнлезер.

– Уже встали. Эти камни слишком молоды, чтобы быть частью столба. Они – надругательство над здравым смыслом! Последний камень лежал под тысячелетним слоем, хотя его возраст не больше двухсот лет. К какому историческому периоду прикажешь отнести тот культурный слой?

Они поели невкусное мясо барсука, запивая второсортным виски Антероса, который, впрочем, не подозревал о его второсортности. Muskusность теперь была не только вокруг, но и внутри них. Иногда костер зло плевался маленькими вспышками, и тогда свет разгонял темноту вверх. В свете одной из таких вспышек Терренс увидел, что темная каменная шляпа снова на вершине столба. Он видел ее сегодня днем. Но позже, когда отдыхал в тени, ее не было. Он даже забрался на столб, чтобы удостовериться: ее там точно не было.

– Говард, нужно начать со второй главы, потом перейти к третьей, – сказала Эфил. – Так будет логичнее.

– Хорошо. Первую главу, найденную в более низком слое и, очевидно, более раннюю, мы рассмотрели вчера. Вторая глава написана языком, который еще не был представлен в письменном виде. Однако читать его несложно. Даже Терренс смог догадаться, что это такое, и это его напугало. На камне высечен анадарко-кэддоанский язык для рук – язык жестов равнинных индейцев, и здесь он представлен в виде формализованных пиктограмм. Язык

сравнительно молодой, ему не больше трехсот лет. В первый приход испанцев он еще находился в зачаточном состоянии, но к первому приходу французов уже сформировался. Бурное развитие в течение одного века примечательно само по себе. Этот камень должен быть младше, чем место его залегания.

– Начинай читать, Говард, – попросил Роберт Дерби. В тот вечер он один чувствовал себя превосходно, все остальные сидели с мрачными лицами.

– «У меня триста лошадей. – Штайнлезер читал камень по памяти. – Мои земли раскинулись широко. Чтобы достичь их границ на севере, востоке и юге, нужно ехать верхом два дня; чтобы на западе – один день. Все это я дарю тебе. Мой голос взлетает, как огонь по высоким деревьям, как стремящиеся в небо желтые сосны. Мой крик – это вой сбивающихся в стаю волков, громогласный рык льва, предсмертный рев раненого теленка. Не убивай себя снова! Ты – утренняя росинка на ядовитом остролодочнике. Ты – быстрые крылья ночного ястреба. Ты – лакомая лапка скунса. Ты – сок сквашенной тыквы. Почему ты не можешь принимать? Почему ты не можешь давать? Я горбатый бык карабао с плоскогорья, я сама река и ее заводи, я – сырая земля и камни. Приходи ко мне, но без ярости, не убивай себя снова». Ну вот, это был первый текст – высеченный в камне анадарко-кэддоанский язык жестов. И опять в конце пиктограмма, которую я не понимаю: знак летящей стрелы и на некотором расстоянии валун.

– «Продолжение на следующем камне», естественно, – сказал Роберт. – Интересно, почему язык жестов никогда не записывали? Ведь знаки несложные и легко стилизуются. Они были понятны многим племенам. Такой способ письма напрашивался сам собой.

– Алфавитная письменность появилась в этом регионе раньше языка жестов, – объяснил Терренс. – Фактически, способ общения с помощью жестов начал развиваться после прихода испанцев. С его помощью стали объясняться с чужеземцами, а не с индейцами других племен. Но в одной части мира язык жестов получил письменное воплощение: так появились китайские иероглифы. Они возникли из потребности разных народностей общаться друг с другом. Поэтому вполне допускаю: если бы человечество изначально разговаривало на одном языке, никаких письменных языков не возникло бы. Письменность всегда начиналась как возведение моста над пропастью, так что наличие пропасти – необходимое условие.

– Пропасть как раз есть, – сказал Штайнлезер. – Этот столб – все равно что дымоход, полный смрадного дыма. Его верхняя часть не может быть старше нижнего слоя кургана, ведь курган рос в результате эрозии столба. Но, судя по некоторым признакам, они одного возраста. Мы все словно заколдованы: проработали здесь два с половиной дня, но так и не осознали, насколько невозможно происходящее здесь. Древние наутланские символы времени базируются на символе золотого столба. Настоящее – нижняя часть дымохода и горящий в основании огонь. Прошлое – черный дым из дымохода. Будущее – белый дым из него. На вчерашнем камне был символ-подпись, который я не понял и не понимаю до сих пор. Кажется, он указывает на что-то, падающее со столба, а не восходящее ввысь.

– Вообще-то столб не похож на дымоход, – заметила Магдалина.

– Девиз из любовного послания тоже не похожа на утреннюю росу на ядовитом остролодочнике, – отозвался Роберт, – но мы же принимаем сравнение.

Некоторое время они рассуждали о невозможности происхождения.

– У нас как будто шоры на глазах, – говорил Штайнлезер. – С сердцевиной столба явно что-то не так. И наверняка с остальной его частью тоже.

– Конечно, не так, – поддержал его Роберт. – Ведь большинство слоев столба можно соотнести с определенными периодами жизни реки. Я ходил сегодня вверх-вниз по течению. На песчанике одного из участков нет следов эрозии. Русло сдвинулось там на триста метров, и песчаник оказался под столетним слоем суглинка и дерна. На других участках камень срезан. Можно объяснить, в какие времена формировались отложения большей части столба, можно найти соответствия вплоть до нескольких веков в прошлое. Но когда появились верхние три метра? Для них нет соответствия. Таким образом, дорогие мои, века, к которым относится верхняя часть столба, попросту еще не наступили!

– А когда появилась темная шляпа на его вершине? – начал было Терренс, но запнулся. – Кажется, я схожу с ума. Там нет никакой шляпы. Я точно свихнулся.

– Не больше остальных, – заметил Штайнлезер. – Мне кажется, я ее сегодня тоже видел. А потом ее не стало.

– Эти письма на камне – как старый полузабытый роман, – тихо проговорила Эфил.

– Так и есть, – кивнула Магдалина.

– Не помню, что случилось с девушкой из того романа...

– Зато я помню, – сказала Магдалина.

– Читай третью главу, Говард, – попросила Эфил. – Я хочу знать, чем все закончилось.

– Сначала проведем профилактику простуды и выпьем виски, – скромно предложил Антерос.

– Так никто не жаловался на простуду, – удивилась Эфил.

– У тебя свой взгляд на медицину, Эфил, у меня свой, – сказал Терренс. – Так что я выпью. Хотя у меня не простуда, а скорее, озноб от страха.

Они выпили. Потом некоторое время беседовали, и кое-кто начал клевать носом.

– Уже поздно, Говард, – сказала Эфил. – Перейдем к следующей главе. Она последняя? А то пора спать. Завтра много работы.

– На третьем камне, втором из найденных сегодня, – более поздняя форма письменности. На камнях она прежде не встречалась. Это рисуночное письмо индейцев кайова. Они использовали шкуры бизонов, выделанные под пергамент, и наносили письма в форме разворачивающейся спирали. Усложненную форму – а здесь именно она – это рисуночное письмо обрело сравнительно недавно. Совершенства оно не достигло – возможно, из-за влияния белых художников.

– Насколько недавно, Штайнлезер? – спросил Роберт Дерби.

– Полтора века назад, не более. Но на камнях письма кайова прежде не встречались. Они просто не рассчитаны на то, чтобы их высекали в камне. Хотя здесь, в этом месте, столько чудес... Ладно, перехожу к тексту. Или точнее сказать – к пиктографии?.. «Тебя пугает мягкая земля, грубый грунт и камни, тебя пугает влажная почва и гниющая плоть. Ты совсем не любишь. Но ты веришь уходящему в небо мосту, опирающемуся на лианы, которые чем выше, тем тоньше, пока не становятся тоньше волоса. Это не мост в небо, и по нему ты не пройдешь в небеса. Веришь ли ты, что корни любви растут снизу вверх? Они идут из глубин земли, а

земля – это старая плоть, мозг, сердце и внутренности, это старые кишки бизонов и змеиные пенисы, это черная кровь, гниль и стенающая подпочва. Это – старое измученное Время, и корни любви растут из его запекшейся крови».

– У тебя получается поразительно подробный перевод простых спиральных рисунков, но я уже получаю удовольствие, – заметил Терренс.

– Возможно, я немного приукрасил, – признался Штайн-лезер.

– Нагородил кучу вранья, – заметила Магдалина.

– Не соглашусь. Каждая моя фраза обоснована. Но продолжу... «У меня – двадцать два охотничьих ружья. У меня – скаковые лошади. У меня – мексиканское серебро в осьмушках¹. Я богат. Я дарю тебе все это. Я кричу во все горло, как медведь, объевшийся остролодочника, как лягушка-бык в брачный период, как жеребец, обезумевший от вида пумы. Это земля взывает к тебе. Я – земля более пушистая, чем волки, и более грубая, чем камни. Я – трясина, которая засасывает тебя. Ты не можешь давать, ты не можешь принимать, ты не можешь любить, ты думаешь, что есть что-то еще, что есть небесный мост, по которому можно уйти, не обрушив его. Я – медведем вздыбившаяся земля, а другого ничего нет. Утром ты придешь на свидание. Ты придешь свободно и с благодарностью. Или ты придешь против воли и будешь раздроблена до последней косточки, до полного забвения. Во время встречи тебя настигнет молния, вырвавшаяся из-под земли. Я – красная телячья кожа, покрытая письменами. Я гниющая красная земля. Утром или живи, или умри, но помни, что любовь в смерти лучше, чем жизнь без любви».

¹Испанский доллар 1768 года. Монету разрезали на четыре или восемь частей.

– Ничего себе! – охнул Роберт Дерби. – И все это ты извлек из детских каракулей?

– В общем, это конец рисунка. Обычно спиральная пиктограмма кайова заканчивается направленной либо внутрь, либо наружу стреловидной чертой. Эта заканчивается стрелкой, направленной наружу, что означает...

– «Продолжение на следующем камне», вот что это означает! – рявкнул Терренс.

– Следующих камней вы не найдете, – сказала Магдалина. – Они еще скрыты, и в основном не здесь, но будут появляться снова и снова. Продолжение узнаете завтра утром. Я хочу с этим покончить. Хотя нет, я не знаю, чего я хочу!

– Зато я знаю, чего ты хочешь сегодня ночью, Магдалина, – улыбнулся Роберт.

Но он ошибся.

Разговор постепенно сошел на нет, костер погас, и все разбрелись по спальным мешкам.

Опустилась ночь, долгая и непроглядная, а потом пришло утро четвертого дня. Но постойте! На четвертое утро, по наутль-таноанской легенде, наступает конец света. Все жизни, которые мы проживаем, или думаем, что проживаем, – всего лишь сны третьей ночи. Набедренная повязка, которую солнце надело для путешествия в четвертый день, не такая ценная, как может показаться. Солнце носило ее всего час. Или того меньше.

И правда, четвертое утро напоминало Апокалипсис. Антерос исчез. Магдалина тоже. Столб сильно уменьшился в размерах, словно из него выпустили воздух; он съежился, и, казалось, шатался. Сквозь густой туман еле пробивалось серо-оранжевое солнце. В воздухе витал заключительный символ первого камня. Как будто что-то спускалось с золо-

вого столба – пугающий душный дым. Или то был смрадный туман?

Нет, не туман. Что-то еще падало со столба или со скрытых мглою небес: песок, камни, бесформенные зловонные капли – те части неба, которые никак не назовешь возвышенными; мелкий мутный дождик, похожий на ночной кошмар. Золотой столб крошился.

– Что за чертовщина, никогда такого не видел, – мрачно проворчал Роберт Дерби. – Думаете, Магдалина ушла с Антеросом? – На его унылом лице адели свежие царапины.

– Кто такая Магдалина? Кто такой Антерос? – удивилась Эфил.

Терренс Бардок размахивал руками, стоя на вершине кургана.

– Все сюда! – кричал он. – Мы нашли то, что оправдывает нашу экспедицию! Это нужно сфотографировать, зарисовать, измерить и засвидетельствовать! Голова из чистого базальта, в натуральную величину! Никогда не видел ничего подобного. Похоже, тут не только голова, но и все остальное. Это нужно откопать. Ох, ну и странный вид у этого парня!

Говард Штайнлезер не отозвался. Он сжимал в руках светлый предмет, от которого не мог оторвать взгляд.

– Что это у тебя, Говард? Что ты делаешь? – спросил Дерби.

– По-моему, это камень с продолжением. Надпись состоит из букв, но они деформированы – не хватает их части. Я уверен, это английский, и скоро разберусь с деформацией. Этот текст, кажется...

Со столба сыпались камни и щебень; сверху спускался туман, стирающий память, лишаящий рассудка.

– Штайнлезер, да что с тобой? – сочувственно спросил Роберт Дерби. – Ты держишь не камень.

– Не камень? А я думал, камень. Что же это?

– Несъедобный плод дерева маклюра. Это не камень, Говард.

В руках у Штайнлезера был упругий, деревянистый, морщинистый псевдо-апельсин размером с небольшую дыню.

– Роберт, посмотри, эти морщинки похожи на буквы.

– Похожи, но не очень. Ты перенапрягся, читая эти камни. Идем наверх, Терренс зовет. Да и опасно стоять здесь.

– Зачем наверх? Смотри, еще один камень...

Ключий кусок почвы с грохотом взметнулся вверх. Молния ударила из-под земли и настигла жертву. Прогрел взрыв. Темная каменная шляпа поползла с вершины столба, рухнула вниз, врезалась в землю и взорвалась осколками. Но разбилась не только она. Рухнул сам столб.

Свидание убило девушку. Тело было раздроблено до последней косточки, и даже памяти о ней не осталось. Она погибла.

– Кто... кто она? – запинаясь, спросил Штайнлезер.

– О боже! Магдалина, конечно! – крикнул Роберт Дерби.

– Немного ее помню. Я не понимал ее. Летел, как мотылек на свет, а зря. Во вторую ночь поцарапала мне лицо, потому что я неправильно ее понял. Она верила в небесный мост. Он встречается во многих мифах. Но таких мостов не бывает. Что тут поделаешь?

– Она мертва! Пропади все пропадом! Зачем ты копаешься в камнях?

– Возможно, на них она еще не мертва, Роберт. Если на камнях что-то написано, я хочу прочесть это прежде, чем с ними что-то произойдет. Каменная шляпа, которая упала и разбилась, – она не могла существовать. Этот слой еще не сформировался. Я всегда хотел заглянуть в будущее, и, возможно, другого шанса у меня не будет.

– Идиот! Девушка мертва! Неужели это никого не трогает? Терренс, хватит орать о своей находке. Спускайся! Девушка погибла!

– Роберт и Говард, поднимайтесь ко мне! – упорствовал Терренс. – Бросьте свои осколки, они ничего не стоят. Здесь у меня нечто невероятное! Такого определенно еще никто не видел.

– Поднимайтесь, парни! – прокричала Эфил. – Находка и правда уникальная!

– Эфил, да вы оба сошли с ума? – Дерби вскарабкался наверх. – Девушка погибла. Ты ее помнишь? Не помнишь Магдалину?

– Не уверена. Ты про ту, что внизу? Ах да, она крутилась здесь последние два дня. Не стоило ей забираться так высоко. Жаль ее, конечно. Но ты только глянь, что мы нашли!

– Терренс, а ты помнишь Магдалину?

– Девушку внизу? Немного похожа на ту, что позапозапрошлой ночью поцарапала мне лицо. Если кто-нибудь пойдет в город, сообщите шерифу, что у нас труп. Роберт, ты когда-нибудь видел такую голову?! Мы уже докопались до плеч. И в земле может скрываться целая фигура. Невроятная находка!

– Терренс, ты окончательно спятил. Но Антероса-то ты помнишь?

– Конечно. Близнец Эроса. Символ неразделенной любви. Черт! Это имя идеально подходит статуе. Назовем каменного человека Антерос.

То и был Антерос – в базальте, но как живой. Искаженное мукой лицо, поникшие от горя плечи. Казалось, он беззвучно рыдает. Работа резчика зачаровывала накалом страстей – камень отражал всю боль безответной любви. Возможно, позже, когда статую освободят из земли и очистят

от грязи, она уже не будет производить столь сильного впечатления. Но сейчас Антерос выросстал прямо из грунта, он был сама земля. К какому бы периоду ни относилась статуя, по силе воздействия ей не было равных.

– Терренс, я про живого Антероса. Помнишь нашего землекопа Антероса Манипенни?

– А да, помню. Сегодня он не явился на работу. Передайте ему, он уволен.

– Магдалина мертва! Она была одной из нас! Лучшей из нас! – кричал Роберт Дерби. Но Терренс и Эфил пропускали его крик мимо ушей – они увлеченно выкапывали статую.

А Говард Штайнлезер внизу лихорадочно перебирал темные осколки, словно боялся, что они исчезнут. Вглядываясь в слой, который еще не сформировался, он пытался прочесть будущее, скрытое туманом.

Послесловие Р. А. Лафферти

Тот, кто хочет узнать, откуда берется рассказ, мелодия или скульптура, обычно спрашивает: «Как вы это сделали?» и «Что для этого нужно?» Есть одна история про парня из Голландии, который учился на мясника, и однокашники в шутку старались всячески его запутать. Говорили ему, что сердце по-английски называется «печень», мочевой пузырь – «желудок», язык – «огузок», вырезка – это «шейка», грудинка – «лопатка», легкие – «голяшки», ну и так далее. Но голландский парень оказался сметливым, быстро их раскусил и выяснил правильные названия для всех частей туши. Почти для всех. Он блестяще сдал выпускной экзамен – и практическую часть, и теоретическую. «Как же тебе это удалось? – спросил преподава-

тель. – Ведь все было против тебя!» «Потому что у меня здесь кое-что есть, – ответил парень, постучав себя по лбу. – А именно – почки».

Суть не в том, что думать следует не мозгами, а почками, но этот анекдотический пример здесь на самом деле кстати. Ты не можешь быть уверен, что смотришь на вещи под правильным углом, пока не взглянешь на них со всех возможных углов зрения. Как я написал «Продолжение на следующем камне»? Да вот так: снизу-вверх и слева направо. Вначале была простая, но, как мне казалось, свежая идея о времени. Затем я вывернул ее наизнанку (перенес происходящее в современность или как минимум сделал повторяющимся), перевернул системы ценностей вверх ногами, стараясь придать отталкивающим вещам поэтический флер («великодушие барсуков, безмятежность жаб»), а потом попытался уравнивать нелюбовь с любовью (у самой плоской вещи на свете всегда две стороны, любовь же – многогранна). После этого я позволил персонажам действовать по-своему и выкинул из рассказа описание первоначально простую, но свежую идеи о времени. И на этом закончил. (Идея была своего рода катализатором; в принципе, ее можно было приписать в самом конце почти без изменений).

Делюсь идеей со всеми, кому интересно. Археологи ведут раскоп по направлению «вверх», исходя из неких туманных топографических причин, и докапываются до слоев относительно недавнего или совсем недавнего прошлого, где обнаруживают объекты из ближайшего будущего (например, номерной знак, который будет выброшен кем-то пятнадцать лет спустя) или более отдаленного будущего. И все для того, чтобы понять: над ними все еще остается как минимум сто тысяч лет наслоений чистого и незапятнанного будущего.

Вот, собственно, и все, что нужно для того, чтобы написать рассказ. Все мы разные, но каждый из нас – не вполне нормален,

и тому есть причина. Ни один рационально мыслящий, уравновешенный и живущий в гармонии с собой человек не захочет писать рассказ или поэму, сочинять мелодию или лепить скульптуру; нормальный человек не испытывает ни малейшей необходимости в таких сомнительных действиях. Тот, кто этим занимается, обязательно должен быть в чем-то неполноценен, иметь какие-то личностные проблемы. А чтобы добиться успеха в этих занятиях, надо иметь очень серьезные проблемы и быть совсем уж неполноценным. Каждое произведение искусства или псевдоискусства – своего рода костыль, который калека создает и дарит здоровому миру: нате, пользуйтесь. При этом здоровый мир даже не подозревает, что ему (миру) нужны какие-то там костыли.

Знаю, существует множество исключений из моего постулата о том, что заниматься творчеством способны лишь душевные калеки, люди неполноценные или с проблемами. Но, поверьте, эти исключения – чистой воды видимость. В каждом из якобы нормальных творческих людей есть какой-то перекос, есть что-то несбалансированное.

Пойдем немного дальше. Одна из легенд, которую пока не написали и, возможно, никогда не напишут – это Легенда о Поиске Совершенства. Но на самом деле речь идет о поиске Нормальности. Вы уверены, что где-то в мире, прошлом или настоящем, жил или живет хотя бы один действительно нормальный, здравомыслящий, уравновешенный человек? Вот он и есть совершенство. И если его (ее) когда-нибудь найдут, необходимость в любом виде искусства, плохого или хорошего, отпадет сама собой.

Ну все, хватит, конец статьи, если это вообще статья. И учтите: в каждом сказанном здесь слове я немного шучу, но вместе с тем и говорю абсолютную правду.

НЕБО

Истории Лафферти – всегда мысленное путешествие, фантастический трип по неизведанным закоулкам сознания, путь в пространстве, где перспектива искажена хитроумно изогнутыми линзами. Но «Небо» – это рассказ о самом настоящем путешествии (и не одном), полный вдохновенной психоделики и нереальной реальности – то есть всего того, что мы ждем от Лафферти и так любим. Небо из названия – это не то, что мы видим над собой. Это необычная субстанция, которую продает главной (якобы) героине по имени Велкин Алауда дилер с волосатыми ладонями, страдающий смертельной (якобы) непереносимостью солнечного света.

Рассказ «Небо», номинировавшийся на премию «Хьюго», – это пересечение абсурда и трансценденции. Вас невозмутимо предупреждают об опасностях, подстерегающих человека в ситуации, бесконечно далекой от реальности. «Смотри, сгодишь, – сказала ему Велкин. – Нигде так не сторают, как на облаке». Вы слышите рассуждения невидимого, но явно присутствующего здесь очень наблюдательного повествователя о героях и окружающем их мрачном мире; про Велкин нам говорят, что «у нее полые кости, заполненные гелием». Ее сотоварищи по скай-дайвингу обсуждают время, Вселенную и смысл существования на кристально-чистом и возвышенном языке законченных наркоманов. Перелистывая страницы, мы чувствуем приближение конца и знаем, что это будет крушение

и полный распад. И вот Велкин бродит по темным катакомбам, где растут всевозможные разновидности мухоморов, смертоносных и галлюциногенных, и собирает их не только продавец Неба, но и слепые кроты.

Финальный трип закончился, читатель кожей ощущает происходящее. Так что мой вам совет: наслаждайтесь блаженным трансом этой сказки, но не забывайте – Небо таит в себе опасности.

Гвенда Бонд

Небом торговал мистер Фуртиф. Лицо у него было, как у лисы, глаза, как у хорька, и передвигался он, скользя по-змеиному. Жил он под «Скалами», которые давно уже перестали быть символом процветания. Грандиозный комплекс построили на участке мертвой земли (с целью преобразить ее), но земля победила. Меблированные комнаты потеряли былой блеск – их поделили на убогие каморки. «Скалы» поизносились. Прежние пастельные тона сменились скучно-серыми и коричневыми.

Пять подземных уровней, в лучшие времена служившие парковкой для автомобилей, теперь превратились в перенаселенные лабиринты – скопище узких проходов и тесных клетушек. Продавец неба жил в самой нижней, самой маленькой и самой жалкой из них.

На открытый воздух он выходил исключительно по ночам. Дневной свет был для него смертелен, и мистер Фуртиф хорошо знал это. Он торговал Небом исключительно под покровом самых темных ночных теней. У него было несколько (причем довольно странных) клиентов, и никто не знал, кто его поставщик. Сам он клялся, что поставщика

у него нет – он, мол, лично собирает урожай и готовит продукт.

Велкин Алауда, пышная девушка с легкой походкой (говорят, у нее полые кости, заполненные гелием), появилась перед самым рассветом, когда продавец Неба уже нервничал, но еще не сбежал под землю.

– Мышка-трусика, давай Неба пакет, и спешу домой, скоро будет свет! – пропела Велкин. Она явно была на седьмом небе.

– Быстрее, быстрее! – поторопил продавец Неба, протягивая пакет. Его черные глаза дрожали и едва заметно поблескивали. Но если бы в них отразился настоящий утренний свет, мистер Фуртиф ослеп бы.

Подхватив пакет, Велкин сунула купюры в поросшие шерстью ладони продавца. (Неужели шерстью? Да, именно.)

– Мир, отдыхай. Воздух, нас обнимай. Небо, из-под земли расти-вырастай, – снова пропела Велкин, пряча пакет. И упорхнула – вприпрыжку (ведь она была легкая из-за полых костей). А продавец Неба нырнул головой вперед в черный провал шахты, вниз, на самое дно.

Утром на скай-дайвинг пришли четверо: сама Велкин, Карл Влигер, Икар Райли и Джозеф Олзарси. Еще был пилот, но не тот, о ком вы подумали. Тот пригрозил пойти в полицию, и они отказались иметь с ним дело. Нового пилота звали Рональд Колибри, и он летал на самолете для опыления посевов.

Но разве самолет-опылитель поднимется к тем морозным высотам, где они любили оттягиваться? Конечно, поднимется, – если все уже на Небе. Но он же не герметичен, и на борту нет запаса кислорода? Да какое это имеет значение, если все на Небе, включая самолет?

Велкин приняла Небо с газированным «Маунтин Висс». Карл сунул на губу, как нюхательный табак. Икар скатал самкрутку и засмолил. Джозеф смешал с алкогольным напитком и вколол в вену. Пилот Ронни слизывал и жевал, как сахарную пудру. Самолет по имени Сорокопут принял Небо в топливопровод.

Пятнадцать тысяч метров – кто бы еще смог так высоко подняться на кукурузнике! Тридцать градусов ниже нуля – и совсем не холодно! Воздух слишком разрежен, чтобы дышать? Если ты на Небе, подобная мелочь ничего не значит.

Велкин шагнула наружу – и полетела вверх, не вниз. Это был ее коронный трюк. Она весила мало и всегда забиралась выше остальных. Она все поднималась и поднималась, пока не растворилась в вышине. Потом спустилась обратно, но уже заключенная в сферу из ледяных кристаллов, внутри которой она переливалась и строила рожи.

Ветер пронзительно свистел, обжигая кожу, и дайверы покинули борт. Они пошли вниз, планируя, соскальзывая и кувыряясь, иногда неподвижно замирая в воздухе – по крайней мере, так казалось – или даже немного поднимаясь вверх. Спустившись ниже, они рассыпались по облакам – черно-белым облакам с солнцем внутри и розовым солнечным румянцем по краям. Они раскололи ледяную сферу Велкин, и девушка выбралась наружу. Потом они ели тонкие кусочки льда, очень холодные и хрустящие, с запахом озона. Олзарси стянул с себя футболку и загорал на облаке.

– Смотри, сгоришь! – крикнула ему Велкин. – Нигде так не сгорают, как на облаке.

Это точно!

Протаранив плотную белизну облаков, они спустились

в безграничный голубой простор. Облака теперь были сверху и снизу. Именно здесь Гипподамия¹ проводила забеги на колесницах – на земле для этого не хватало места. У горизонта нижние облака загибались вверх, а верхние – вниз, образуя замкнутое пространство.

– Это наше собственное пространство и наша собственная небесная сфера, – заявил Икар (он, как и остальные, использовал скай-дайверское имя, которое не совпадало с настоящим), – и они обособлены от всех людей и миров. Людей и миров нет, пока мы считаем, что их нет. Ось нашего пространства – его гармония. А значит, пока пространство в идеальной гармонии, время стоит на месте.

И правда, часы остановились.

– Там, внизу, мир, – сказал Карл. – Жалкий презренный мир. И он будет оставаться таким, сколько мы пожелаем. Конечно, он существует, хотя и призрачно. Конечно, мы сжалимся над ним и позволим стать реальным. Но это позже. А пока он плоский, и по нашей воле останется таким.

– О да, это очень важно, – произнес Джозеф многозначительно, как типичный человек на Небе. – Пока наше собственное пространство искривлено и замкнуто, мир должен оставаться плоским или вогнутым. Нельзя позволить ему выгнуть спину – это опасно. Пока он плоский и презренный, разбиться о него невозможно.

– Как быстро мы упадем, если позволим времени течь в его собственном ритме? Или в нашем? – спросила Велкин.

¹ Гипподамия – дочь Эномая, царя Пизы, который заставлял женихов дочери состязаться с ним в ристании на колесницах. Маршрут гонок пролегал от Олимпии до Коринфского перешейка. Проигравших царь убивал.

– Гефест однажды падал весь день, – сказал Икар. – А тогда дни были не чета нынешним...

Слегка окосевший Карл вынырнул из глубин внутренней сексуальной страсти, которую часто испытывал во время дайвинга.

Икар словно надышался веселящим газом – явный признак того, что Небо отпускает.

Джозеф ощутил холодный ветерок спиной и серию отрывистых коротких предчувствий.

– Мы не совершенны, – заявил Джозеф. – Но может, завтра или послезавтра станем такими. До цели рукой подать, и мы выигрываем раунд за раундом. Давайте отбросим легкомыслие, чтобы не упустить сегодняшнюю победу. Земля выгибает старую спину, так что приготовьтесь! Пора, парни!

Четверо (или, возможно, только трое) дернули за кольца. Парашюты вышелушились из рюкзаков, распустились и рванули стропы. Во время беседы скай-дайверы держались рядом, пучком. Но на подходе к земле их разбросало.

Приземлившись, они снова собрались вместе и сложили парашюты. Дайвинг закончился.

– Велкин, как ты сумела так быстро сложить парашют? – Икар смотрел с подозрением.

– Я не знаю.

– Ты же самая медлительная и неаккуратная из нас, и твой парашют каждый раз приходится переукладывать. К тому же ты приземлилась последней. Как ты умудрилась сложить парашют раньше всех? Да еще так безупречно! И выглядит, как моя укладка. Именно так я его тебе вчера и сложил.

– Икар, не знаю. Ой, кажется, я поднимусь еще раз, честное слово...

– Нет, Велкин, для одного утра достаточно. А ты точно раскрывала парашют?

– Я не знаю.

На следующее утро, приняв Неба по полной, они снова поднялись в небо. Маленький самолет по имени Сорокопут взлетел так, как ни один самолет до этого – вверх, сквозь грозу. Охваченная бурей Земля съежилась до размера капсулы.

– Сейчас мы сыграем с ней шутку, – объявила Велкин. – Когда ты на Небе, это можно сделать с чем угодно, и шутка будет явью. Я скажу, что капсула, которая была нашим миром, – ничто, пустяк. Смотрите, она исчезла! Потом я выберу другую капсулу, вон ту, например, и назову ее миром. И теперь именно в этот мир мы спустимся. Я поменяла один мир на другой, и он не знает, что с ним случилось.

– И все же он встревожен, – сказал Джозеф, раздувая ноздри. – Ты его взволновала. Неудивительно, что у него приступ неуверенности.

Они поднялись на триста тысяч метров над землей. Альтиметр не был рассчитан на такую высоту, но пилот Рональд Колибри приписал мелком по несколько нулей к цифрам на шкале, и теперь показания соответствовали действительности. Велкин вышла наружу. Карл, Икар и Джозеф последовали за ней. Пилот Рональд Колибри тоже вышел, но вспомнил о своих обязанностях и вернулся в самолет.

На огромной высоте нет голубизны, кругом все черное и звездное. Из-за низкой температуры пространство испещрено трещинами и провалами.

Они нырнули вниз, пролетели сто тысяч метров за долю секунды и затормозили, смеясь. Прыжок взбодрил, мир

заиграл новыми красками. Они топали по облакам, и те отзывались звоном, как мерзлый грунт. То была родина инея, снежинок и зеркального льда. Здесь обитали творец погоды и сын его – ветер.

Они вошли в пещеру изо льда, смешанного с мореной¹, и нашли там вырезанные из оленьего рога топорики, а также кости хемициона² и угли, еще тлеющие. Ветры носились стаями – охотились в глубоких ущельях меж холодных фортланских³ облаков, встречающихся только в самых верхних слоях атмосферы.

Они спустились ниже, где не было бури, и обнаружили там новое солнце и новый воздух. Их встретило бабье лето – глубокая осень Неба. Они нырнули еще ниже, минуя километры и тысячелетия. И попали в разгар небесного лета: воздух там был до того голубой, что подернулся фиолетовой патиной.

И снова вокруг них образовалось собственное пространство, и снова время остановилось. Время, но не движение! Движение продолжалось. Или вы не знаете, что даже ничто в пустоте может совершать движение? А уж тем более они, в центре собственной небесной сферы! Это был бешеный ритм; увлекающий вихрь; это была абсолютная безмятежность дикого движения.

Но разве движение – это не просто отношение пространства ко времени? Нет. Подобное представление очень популярно среди людей на земных шарах, и оно субъективно.

¹ Морены – обломки пород, перемещаемые ледником, а также отложенные им осадки.

² Хемицион – нечто среднее между собакой и медведем. Жил в эпоху миоцена.

³ Чарльз Форт – американский исследователь непознанного, составитель справочников по сенсациям, предтеча уфологического движения.

Здесь, за пределом влияния любых миров, движение безот-носительно.

– Велкин, ты сегодня выглядишь как-то по-другому, – удивился Джозеф. – В чем дело?

– Не знаю. Замечательно быть разной, и я замечательная!

– Как будто чего-то не хватает, – задумался Икар. – Как минимум, не хватает изъянов.

– Икар, у меня их нет.

Они находились внутри самого главного и неизменного момента, и он никак не кончался, не мог кончиться, он все длился и длился. Что бы теперь ни происходило, оно будет происходить за скобками этого момента.

– Давайте-ка обсудим еще раз, – предложил Икар спустя некоторое время. (Нет-нет, ни времени, ни тем более некоторого времени в этом моменте не было; ну, разве что за скобками). – Надеюсь, это последнее обсуждение. Сейчас мы внутри собственного пространства, вне времени и движения. Но Земля, чем бы она ни являлась, приближается к нам с большой скоростью и высокой степенью вероятности.

– Но для нас она ничто! – вдруг возмутился Карл в своей хтонической, первобытной страсти. – Мы разнесем ее вдребезги! Мы разобьем ее как тарелочку для стрельбы! Как смеет она мчаться на нас, словно взбесившаяся собака? Стоять, мир! К ноге, псина! К ноге, я сказал!

– Мы говорим одному миру «Взойди!», и он восходит. Другому командуем «Рядом!», и он подчиняется, – высказался Икар, купаясь в расслабленном ритме Неба.

– Пока еще не совсем, – возразил Джозеф. – Завтра мы будем готовы, но пока еще нет. Возможно, мы разбили бы мир как тарелочку для стрельбы, если б захотели, но тогда мы перестанем быть его хозяевами.

– Но мы всегда можем создать другой мир, – резонно заметила Велкин.

– Безусловно, но этот – наша проверка. Мы сойдем к нему, когда он сядет, как собака. Мы не позволим ему наброситься на нас. Сидеть! Место, я сказал!

И стремительно приближающийся мир испуганно замер.

– Спускаемся, – объявил Джозеф. – Мы позволим ему подняться, только когда окончательно его разрушим.

(«И наклонили они небеса и сошли».)

И снова трое дернули за кольца. Парашюты вышелушились из рюкзаков, распустились и рванули стропы. Четвероскай-дайверов держались вместе, пучком, в их главном, неизменном моменте; но на подходе к земле их разбросало.

– Велкин, у тебя сегодня вообще не было парашюта! – В глазах Икара сквозило изумление с примесью страха. – Так вот чем ты отличалась от нас.

– Да, кажется, не было. А зачем брать с собой ненужные вещи? Не понимаю, зачем я вообще таскала это старье.

– Выходит, сегодня мы были готовы, но не знали об этом, – решил заявить Джозеф. – Хорошо, в следующий раз парашюты не берем. Все оказалось проще, чем я думал.

Ночью Велкин навестила мистера Фуртифа. Не обнаружив продавца на месте, она отправилась на его поиски. Окутанная облаком фунгоидных ароматов, она спускалась все ниже и ниже в гулкое и сырое подземелье. Она проходила по коридорам рукотворного происхождения, естественного происхождения и неестественного происхождения – последние были когда-то построены людьми, но со временем обветшали и превратились в очень странные глубинные пещеры. Велкин спустилась в беспросветную тьму,

туда, где маленькие создания источают призрачный свет. Но свет этот был обманчив, как, впрочем, и сами создания: мертвенно-бледный разросшийся мицелий, карикатурные ложные шампиньоны, уродливые сморчки, гадкие бледные поганки. Подлепеловатыми фонариками светился в темноте молочно-серый млечник; голубовато-белым отсвечивала хитрая говорушка и желтоватым – белый мухомор. Нездоровый призрачно-белый свет исходил от самого опасного и необычного из всех – красного мухомора. Его-то и собирал крот.

– Крот, дай то, что лучше хлеба, для лихой бригады Неба, для русалки воздушных потоков, королевы полетов высоких! – Слова Велкин отозвались громом в стоячем воздухе подземелья.

Она все еще парила в Небе, но оно уже оставляло ее, и прикосновения унылой реальности становились все грубее.

– Неба? Для толпы пустозвонов и их богини, той, что с сердцем и с костями пустыми?

– Ага, и посвежее. О, я хочу свежего-пресвежего Неба! – воскликнула Велкин.

– Свежесть – не наша категория, – возразил продавец Неба. – На самом деле, ты хочешь несвежего неба. Да-да, очень несвежего! Хорошо выдержанного, пронизанного собственной плесенью.

– Который из них, а? – поинтересовалась Велкин. – Как называется тот, из которого ты делаешь Небо?

– Красный мухомор.

– Разве это не просто ядовитый гриб?

– Нет, это больше, чем гриб. Это нечто таинственное. При повторной ферментации его яд превращается в наркотическое вещество.

– Фу, как банально – наркотик!

– Но не просто наркотик. В нем есть что-то еще, особенное.

– Да нет же, вовсе не наркотик! – протестующе произнесла Велкин. – Это освобождение! Это сокрушение мира! Это абсолютная высота! Это полет и сама отрешенность! Это венец всего! Это высокое искусство.

– Хорошо, девушка, это искусство. Это самое высшее и самое низшее из всего созданного.

– Да нет же, – снова запротестовала Велкин, – не из созданного. Не из рожденного и не из сделанного. Не могу подобрать слово. Это наилучшее из несозданного.

– Вот, бери, – проворчал продавец неба, – и ступай с миром. Что-то живот у меня крутит...

– Иду! – воскликнула Велкин – Но обещаю вернуться много-много раз!

– Не вернешься. За небом не возвращаются много раз. Вот и ты больше не вернешься. Хотя нет, может, еще разок. Да, пожалуй, еще разок.

На следующее утро они снова поднялись в Небо. Их последнее утро. Ну зачем говорить, что это утро последнее? Потому что время для них исчезнет. Будет последний бесконечный день, который не прервет ничто.

Они поднялись на самолете Бессмертный Орел, некогда носившем имя Сорокопут. За ночь он перекрасился и написал на себе новое имя и символы, часть из которых сразу и не понять. Бессмертный Орел всосал небо через топливopровод, ухмыльнулся, взревел и пошел вверх.

О, Небесный Иерусалим! Как он пошел!

Все они, без сомнения, достигли совершенства, ибо Небо им больше не требовалось. Теперь они сами были Небо.

– Мир такой крошечный! – зазвенел голос Велкин. – Городки – как мушиные пятнышки, а мегаполисы – как мухи.

– Экая несправедливость! – возмутился Икар. – Муха – низшее существо, а такое возвышенное имя носит.

– Это я мигом исправлю, – пропела Велкин. – Повелеваю всем мухам: сдохните!

И все мухи сдохли.

– Вот уж не думал, что ты сумеешь, – удивился Джозеф. – Что ж, несправедливость устранена. Теперь благородное имя мух наше. Нет больше мух, кроме нас!

Все пятеро, включая пилота Рональда Колибри, покинули борт Бессмертного Орла, на этот раз без парашютов.

– Ты как, справишься один? – спросил Рональд у беззаботного самолета.

– А то! – ощерился кукурузник. – Тут вроде поблизости летает другой Бессмертный. Так что одиночество мне не грозит.

Было безоблачно, а может, они теперь видели сквозь облака. А может, из-за того, что земля превратилась в крошечную капсулу, облака вокруг нее стали несущественными. Чистый свет лился со всех сторон: солнце тоже стало несущественным и утратило свою главную функцию источника света. Осталось чистое стремительное движение, не привязанное к пространству. Двигаясь стремительно, они никуда не перемещались – они и так были везде, в сверхзаряженном центре всего.

Чистый обжигающий холод. Чистая безмятежность. Грязная гиперстрасть Карла, а затем их общая страсть: необузданное неистовство в чистом виде. И во всем – ошеломляющая красота, спаянная со вздыбленным, как скалы, уродством, рождающим чистый экстаз.

Велкин превратилась в мифическое существо с кувшинками в волосах. И вовсе не обязательно говорить, что было в волосах Джозефа. Миллион лет или миллиард – одно вечное длящееся мгновение!

Но никакого однообразия, нет! Спектакли! Живые картины! Декорации! Сцены из фильмов! Они возникали исключительно ради этого момента – но возникали навсегда. Целые миры, созревшие в беременной пустоте: не только сферические, но и додекасферические, и гораздо более сложной формы. Не какие-то там жалкие детские семь цветов, а семь и еще раз по семь – вот сколько!

Ясные звезды, такие живые в ярком свете. Вы, видевшие звезды лишь в темноте, лучше молчите – вы ничего не видели! Астероиды, которые можно поедать, как соленый арахис, теперь стали метафорическими гигантами. Галактики – стадами буйных слонов. Мосты протягивались сквозь пространство, такие длинные, что их концы исчезали за границей скорости света. Чистейшие водопады, как по валунам, сбегали по скоплениям галактик.

Неумело забавляясь с одним из таких потоков, Велкин случайно погасила Солнце.

– Да и фиг с ним! – успокоил ее Икар. – По земным меркам минуло то ли миллион, то ли миллиард лет, и Солнце все равно уже гасло. И ты всегда можешь сделать другое.

Карл Влигер метал грозвые молнии в миллионы парсеков длиной и пытался ими, как хлыстом, подцеплять скопления галактик.

– А вы уверены, что наше время не вышло? – спросила Велкин с некоторым опасением.

– Время вышло само для себя, но к нам это не имеет отношения, – объяснил Джозеф. – Время – всего лишь метод

подсчета чисел. Причем неэффективный, потому что числа, во-первых, ограничены, а во-вторых, счетовод неминуемо скончается, дойдя до конца серии. Один лишь этот аргумент доказывает бессмысленность подобной математической системы; она вообще недостойна рассмотрения.

– Значит, нам ничто не угрожает? – Велкин хотела определенности.

– Нет, разве что внутри времени, но мы-то вне его. Ничто не может воздействовать на нас, кроме как в пространстве, а мы – вне пространства. Прекрати, Карл! То, что ты делаешь, называется содомия...

– У меня в одном из внутренних пространств червь, и он меня беспокоит, – пожаловался пилот Колибри. – Он очень шустрый.

– Нет-нет, это невозможно. Ничто не может нам навредить, – уверенно повторил Джозеф.

– У меня тоже червь во внутреннем пространстве, только более глубоком, – сообщил Икар. – Это не в голове, не в сердце, не в кишечнике. Может, мое внутреннее пространство всегда было вне общего пространства? Мой червь не грызет меня, но он шевелится. Может, это просто усталость оттого, что я вне досягаемости чего бы то ни было?

– Откуда эти сомнения, друг мой? – проворчал Джозеф. – У тебя их не было мгновение назад, у тебя их не было десять миллионов лет назад. Так откуда они сейчас, когда нет никаких «сейчас»?

– Ну, что до этого... – протянул Икар (и миллион лет минул), – хотелось бы взглянуть на один объект из моего прошлого... (и минул еще один миллион лет)... он называется «мир».

– Ну так удовлетвори любопытство, – посоветовал Карл. – Или не знаешь, как сотворить мир?

– Знаю, но будет ли он тем же?

– Постарайшься – будет. Он будет таким, каким ты его сделаешь.

И Икар Райли сотворил мир. Но он не слишком старался, и мир получился не совсем таким, как раньше, хоть и похожим.

– Хочу посмотреть, есть ли в этом мире то, что мне нужно, – заявила Велкин. – Придвинь-ка его поближе.

– Вряд ли это там есть, – сказал Джозеф. – Вспомни, сколько миллионов лет прошло.

– Оно будет там, если я помещу его туда, – возразил Икар.

– К тому же ты не сможешь пододвинуть мир ближе. Расстояния теперь бесконечны, – добавил Карл.

– Зато могу подстроить фокусное расстояние, – опять возразил Икар и так и сделал. Мир неизмеримо приблизился.

– Мир помнит нас, как щенок – хозяина, – сказала Велкин. – Смотрите, он прыгает на нас.

– Скорее, как лев, который хочет добраться до охотника, забравшегося на дерево подальше от когтей, – проворчал Икар, предчувствуя недоброе. – Но мы-то не на дереве.

– До нас ему не дотянуться, как ни старайся, – Велкин вошла в пике. – Пора спускаться.

(«И наклонили они небеса и сошли».)

Очень странная вещь приключилась с Рональдом Колибри, когда он коснулся земли. Казалось, у него начался припадок. Его лицо обмякло, на нем отразились боль и ужас. На призывы он не отвечал.

– Рональд, что случилось? Не молчи! – отчаянно молила Велкин. – Ой, что это с ним? Кто-нибудь, помогите!

Тут с пилотом стало происходить совсем уж невероятное. Он начал складываться и разрушаться, снизу вверх. Кости медленно лопались и протыкали кожу изнутри, внутренности вылетали наружу. Рональд сплющивался. Дробился. Расплескивался. Разве возможно, чтобы человек расплескивался?

Затем приступ настиг Карла: та же вялость и ужас на лице, то же складывание и разрушение снизу вверх – такая же отвратительная последовательность.

Следующим в состоянии разрушения вошел ничего не понимающий Джозеф.

– Икар, что с ними происходит?! – кричала Велкин. – И что это за звук – долгий громкий «бу-у-ум»?

– Они мертвы. Как это возможно? – оторопело бормотал дрожащий Икар. – Ведь смерть – во времени, а мы вне его.

Но и он испытал на себе неумолимую поступь времени, когда соприкоснулся с землей, разрушаясь и растекаясь еще отвратительнее, чем остальные.

И Велкин тоже коснулась земли, врезалась в нее... и что потом?

Она услышала звук – долгий громкий «бу-у-ум».

(Прошло еще миллион лет, а может быть, несколько недель.)

Трясущаяся старуха на костылях ковыляла вниз по темным ходам в глубине «Скал». Слишком старая, чтобы быть Велкин Алауда, но не слишком старая для Велкин, прожившей миллионы лет вне времени.

Нет, она не погибла. Она же была легче остальных. К тому же, она дважды проделывала это и не получила ни единой царапины. Но это было еще до того, как она познала страх.

Естественно, ей сказали, что ходить она больше не сможет. И вот неестественно она ковыляет на костылях, сопровождаемая запахом плесени, эхом и сыростью, в абсолютной темноте, туда, где маленькие создания неправильной формы источают неверный свет. Она хочет лишь одного, без чего не может жить.

– Неба для старой разбитой карги! Неба пакетик, спаси, помоги! – проскрипела Велкин старушечьим голосом. Но ответом было лишь эхо.

Разве должен продавец Неба жить вечно?

СМЕЮЩИЕСЯ УТЕСЫ

Этот рассказ вышел в марте 1969 года в «Журнале Ужасов», безусловно, мало подходящем для публикации произведений Р. А. Лафферти (журнал издавал Роберт А. В. Лоундес, который напечатал когда-то несколько ранних рассказов Лафферти и безусловно знал о нем предостаточно). Второй рассказ вышел в 1972 году в сборнике «Странные дела» и с тех пор почти не переиздавался. Но его точно не отнесешь к жанру хоррора, хотя, возможно, здесь сыграл роль эпизод из той области, которую Фрейд называл «ужасом инцеста».

Так что же это, собственно, за рассказ?

История, рассказанная в баре – по крайней мере, отчасти. В нее вплетается другая история, поведенная десятилетиями раньше тому же человеку, но другим рассказчиком, парнем из Малайзии по имени Галли, с которым повествователь (автор) познакомился в Индонезии. И вот теперь на малайского гостя снизошло вдохновение: Галли получил доступ к американским комиксам. Его история, которая начинается с «восходящих звуков флейты» и заканчивается «угасающими звуками флейты», создает гармоничное ощущение целостности, в то время как другая история (о трех солдатах, пропавших на индонезийском острове в 1945 году) постоянно «вклинивается и перебивает», мешая рассказчику. В конце концов, тем не менее, обе истории сливаются в единую сагу, которую повествователь (несмотря на его собственные протесты)

превращает в третью историю, ту, которую мы, собственно, и читаем.

Атрибуты истории хорошо знакомы поклонникам Лафферти: кровожадный, но колоритный пират; упрямая молодая женщина, не желающая вступать в сексуальные отношения; бесхитростный простой сюжет, который становится сложным благодаря очень хитрым приемам. Постоянного читателя Лафферти не удивляют ни идеализированные изображения пиратов, ни то, что Эндрю Фергюсон назвал «расчлененкой и жуткими описаниями смертей». Что поражает, так это внезапное появление табуированной темы инцеста, о чем Лафферти никогда не писал. Брутальный, но романтичный Вилли Джонс в конце концов покоряет Маргарет, дочь человека, которого убил, и вкушает сладость ее любви. Но он не соглашается с ее требованием оставить пиратские игры, и она придумывает изощренную месть – навсегда лишает его возможности спать с ней, ведь в этом случае он рискует совершить инцест. Поскольку и сама Маргарет, и ее взрослая дочь (точная копия матери) одновременно и живы, и мертвы, гротескная семейная мелодрама приобретает совсем уж фрейдовский характер и приводит к тому, что отец, мать и дочь, объединившись во зле, начинают заманивать на остров мужчин и убивать их, привлеченных красотой одинаковых прелестниц.

Этот клубок ярости и неутоленной похоти, тайного желания инцеста и жажды убийства неожиданно разматывается в еще одной истории из бара, которую рассказывает американский солдат – единственный уцелевший на острове Вилли Джонса и сбежавший оттуда в 1945 году. Теперь, спустя двадцать лет, на пути к дому он мечтает лишь об одном: вернуться обратно. Малайская народная сказка, модернизированная комиксом о Чудо-Женщине, в сочетании с многочисленными элементами мифов об инцесте – такими, например, как нераз-

личимые мать и дочь, или загадочные существа, мертвые, но все еще живые, – воскрешает в памяти собирательный образ *Belle Dame Sans Merci*, безжалостной красавицы, которая опустошает души мужчин холодностью и вечными отказами. Довольно необычный рассказ, даже для Лафферти. Даже не упоминая его големов (которые на самом деле не големы, а нечто другое) или странных пограничных явлений вроде «срединного состояния» между жизнью и смертью (в нем пребывают мать и дочь) и «подспудного срединного мира», в котором солдат готов заблудиться навсегда.

И причем здесь тогда название? В рассказе же нет никаких утесов. Солдат, возвращающийся туда, где его ждет смерть, вспоминает двух женщин – «они как вулканы», и заявляет, что он и его товарищи «взбирались на них, как на гору». Господи, взбирались! И плечи-утесы смеялись, покачиваясь...

Этот странный образ (совсем не похожий на плечи, которые принято воспевать) вызывает ассоциации с рассказом Лафферти «Покорители скалы», опубликованным годом позже. Утес, который, как автор объясняет сразу, больше похож на шпиль, как и фраза «взбираться на них» или эоловый столб в «Продолжении на следующем камне» – без сомнения, стилистический прием настолько яркий, что остаться незамеченным просто не может. Это символ векового мужского влечения, губительного, как и в «Продолжении на следующем камне», – и для мужчины, одержимого страстью, и для объекта его желания.

Но так или иначе, использование автором образа утеса, как символа подавленной сексуальности, остается под вопросом, равно как и причины, по которым он предложил измененную версию исчезновения солдат в романе 1971 года «Дьявол мертв». «Во всем мире есть одна-единственная история», – напоминает Галли-рассказчик, и версия, изложенная в «Смею-

щихся утесах», дарит нам ощущение легенды, тонкого юмора, виртуозности письма. А если кому-то нужна абсолютная ясность, так пусть обратится к другим авторам.

Грегори Фили

– Между десятью и половиной одиннадцатого утра первого октября 1945 года на острове, именуемом Пулау-Петьер, а иногда – Вилли Джонс (оба варианта не имеют ничего общего с картографическим названием), бесследно исчезли трое солдат американской армии... Я вернусь туда, непременно вернусь! Оно того стоит. Смеющиеся порождения! Пусть убивают меня! Я вернусь! Спокойно, я должен взять себя в руки... Те трое были: сержант Чарльз Санти из Оринджа, штат Техас, капрал Роберт Каспер из Гоби, штат Теннесси, и рядовой первого класса Тимоти Лорриган из Бостона. Я – один из этой троицы... Вернусь, даже если придется отдать еще двадцать лет жизни!

Нет, нет! Это не та история. В ней тоже все случилось на острове Вилли Джонса, но совсем по-другому. Ее однажды вечером спустя годы поведал мне один забулдыга в баре – после привычного: «А мы случайно не встречались на Островах?»

– Так часто делают, начиная не с того, – объяснил мне Галли. – Такой завлекающий трюк. Сбиваешь человека с толку, потом как бы смущаешься – и он у тебя на крючке.

Сам Галли родом из Ост-Индии. Искусство рассказчика у него в крови.

– Во всем мире есть одна-единственная история, – продолжал он, – и работает она в две стороны. Одна часть разума кричит: «Черт! Так не бывает», а другая половина, что верит в чудеса, нашептывает: «Чем черт не шутит. Может, и правда».

Галли хорошо знал свое дело и предложил обучить меня. Потому что сам попался на крючок. Благо, было чем зацепить.

– Тысячу лет мы рассказывали об одном и том же, но потом нашли свежий источник – американские комиксы. Их освоил еще мой дед, далеко отсюда и в другие времена, а я пошел по его стопам. Краду журналы из ваших палаток, уже набралась целая коробка. У меня есть «Космические комиксы», «Капитан Полночь», «Галактический бродяга», «Могучий мышонок», «Зеленый шершень», «Рыцарь в маске». У деда тоже были эти серии, но только старые выпуски. Вот только «Чудо-Женщины» у меня нет, ни одного номера. Отдал бы за нее три любые другие, еще и с приплатой. С ней можно связать легенду про острова, и начать целый новый цикл рассказов. У тебя, случаем, нет «Чудо-Женщины»?

Вот так Галли и попался мне на крючок. Правда, «Чудо-Женщины» у меня не было, но я знал, где стянуть экземплярчик. Если не ошибаюсь, назывался он «Чудо-Женщина против космических колдунов».

Журнал я благополучно стащил, и в благодарность Галли не только обучил меня мастерству рассказчика, но и поведал эту историю.

– Представь звуки флейты, восходящую гамму. Эх, флейту с собой не прихватил, но история должна начинаться именно с нее, чтобы создать должное настроение. Представь корабли, плывущие из Аравийского моря к острову

Джилоло, а оттуда – на остров, где сейчас находимся мы с тобой. Представь волны и деревья – далеких прародителей нынешних волн и деревьев.

Случилось это в году тысяча шестьсот двадцатом, в самый разгар пиратства. Молуккские острова уже три века славились пряностями, оправдывая свое второе название «Острова пряностей». Вдобавок, через них проходил путь манильских галеонов, возвращающихся из Мексики и Залива. Пираты из Аравии, Индии и Китая позорно сдавали позиции англичанам, славящимся суровым нравом. Торговлю на островах захватили голландцы, вытеснив португальских конкурентов. Ост-Индия обещала безграничные возможности для смелых и отчаянных.

И они не заставили себя ждать. Особенно выделялся один, по имени Вилли Джонс.

Говорили, он валлиец. Верить или нет – решай сам. Так же говорили и про дьявола. К двадцати пяти годам Вилли обзавелся собственным кораблем и набрал разношерстную команду. Формой судно походило на горбатую птицу, с латинским парусом и стремительным, словно взмах крыла, движением весел. Нос украшал пикирующий ястреб, вырезанный из мускатного дерева. Звался корабль «Летающая гадюка» или «Пернатый змей» – сколько языков, столько названий.

– Выдержи паузу, – поучал Галли. – Создай настроение. Теперь представь горы трупов – и мы сразу переходим к кровавым сценам.

Однажды ранним утром «Пернатый змей» взял на бордаж голландский парусник. Два судна сошлись в неравной схватке, и вскоре команда «Змея» перекочевала на чужой

борт. Голландцы были вооружены, но их темнокожие противники действовали стремительно и беспощадно. Палуба стала скользкой от крови, отовсюду неслись стоны умирающих.

– Забыл сказать, что случилось это в проливе между Молуккским морем и Бандой, – спохватился Галли.

Трофеями стал богатый груз специй, несколько крепких малазийских матросов, золото, судовой журнал и темноволосая голландка по имени Маргарет. Девушку и журнал Вилли Джонс приберег для себя. Потом «Змея» сожрал «голландца», оставив его кости дымиться на глади океана.

– Забыл сказать, тот парусник назывался «Люхткастел», или «Воздушный замок», – вновь спохватился Галли.

Посмотрев, как скрывается под водой «Воздушный замок», Вилли Джонс взглянул на журнал и темноволосую Маргарет и внезапно принял решение: обратить добычу в золото и осесть на годик в тихой гавани.

Из журнала он узнал про богатый остров, принадлежавший богатейшему поставщику специй – голландцу, который ушел ко дну вместе со своим кораблем. Бравая команда поможет Вилли Джонсу захватить остров, а взамен он отдаст им «Змея» и все проторенные пиратские маршруты.

Вилли Джонс захватил остров и стал им править. С корабля он забрал лишь золото, темноволосую Маргарет и трех големов, которых когда-то получил в качестве выкупа от одного еврея из Омана.

– Забыл сказать, что Маргарет – дочь голландского поставщика специй. Того самого владельца парусника и острова, которого убил Вилли, – спохватился Галли. – По сути, остров принадлежал ей как наследнице отца.

Целый год Вилли Джонс правил маленьким поселением, руководил големами и местными жителями, заставлял их

собирать и закладывать на хранение специи, которые были на вес золота, и даже построил Большой дом. Целый год Вилли добивался от Маргарет взаимности, не решаясь взять ее силой, как других девушек. Она не уступала, памятуя, кто убил ее отца, потопил «Воздушный замок», воплощавший для нее семью и родину, и наконец, отнял принадлежащий ей по праву остров.

Маргарет была красива и свежа, как майская роза, но в схватке между «Пернатым змеем» и «Воздушным замком» она одной левой уложила трех матросов, по очереди раскрутила их над головой, словно вертушку, и швырнула за борт. Глаза у нее сверкали как у самки богомола, парные глаза – в них одновременно горели ярость и смех.

– Эти девушки как вулканы! – сказал человек. – Эдакие высокие, неприступные горы, но мы их покоряли. Вперед, на вершину! Их плечи – смеющиеся утесы. Колышущиеся...

Нет, нет! Отставить последний абзац! Это снова вклинился проклятый забулдыга. Вечно он перебивает.

– Забыл сказать, Маргарет напоминает мне чудо-женщину из комикса, – в очередной раз спохватился Галли.

Итак, Вилли Джонс решил добиться честной победы над Маргарет, потому что не знал, сможет ли ее сломить. Ухаживал за ней как умел, не жалея денег, выреченных за золотисто-зеленые пряности.

– Представь райскую птицу, что вьет гнездо на луне, – внушал Галли. – Чья песнь полна страсти и благородства. Представь звуки флейты, рвущиеся ввысь.

Вилли Джонс сочинил для Маргарет песню.

Мускатная луна – третья в году.
Прибой складками шелка на берегу.
Земля оживает под босыми ногами Маргарет,
Что прекрасна, как лепесток гибискуса.

Вилли сочинил эту песню на малайском, и все слова в ней заканчивались на «анг».

– Представь, как высокие волны обрушиваются на скалы, – продолжал Галли. – Представь райских птиц, порхающих в зеленых зарослях.

Вилли Джонс сочинил для Маргарет новую песню.

Женщина, чьи плечи выдержат на себе мужчину,
В душе маленькая девочка, что ждет заветный корабль,
И принца – ровесника неба,
Но не подозревает, что я уже здесь.

Песня была на голландском, и все слова в ней заканчивались на «лийк».

– Представь, что к мелодии первой флейты примешивается вторая, и они парят, словно птицы в вышине.

Последняя песня Вилли Джонса звучала так:

Проклять! Довольно лунного света и пустых обещаний!
Пора плести циновки и шить приданое.
Даже маленький краб строит себе дом в песке.
Маргарет пора стоять у плиты и печь лепешки,
И как она не поймет очевидного!

Песня была на валлийском, и все слова в ней заканчивались на «гmx».

Спустя год они поженились, хотя Маргарет по-прежнему держалась холодно – наверное, так и не смогла простить своему избраннику смерти отца и отнятого острова, но в целом она с мужем ладила.

– Помолчи минут пять, чтобы подчеркнуть лирическую паузу, – поучал Галли. – Теперь поем «Настало время встречи», если знаешь мотив. И наигрываем на флейте, если есть флейта.

Лирическая пауза окончена.

Но вот в гавань острова причалил «Пернатый змей». До чего же жалкое зрелище это было! Корабль насквозь пропах старой и свежей кровью. Из команды выжило лишь девятеро, да и те едва держались на ногах. Уцелевшая горстка матросов умоляла Вилли Джонса снова стать капитаном и поправить пошатнувшиеся дела.

Вилли отмыл этих ходячих скелетов и три дня кормил на убой, пока на костях неросло мясо, а мышцы не налились силой. Тем временем три голема починили корабль.

– «Гадюке» нужна твердая рука, – заявил Вилли Джонс. – Неделью и еще день я буду капитаном, наберу новую команду и верну былую славу грозы Молуккских островов. А после, когда «Змей» снова встанет на стезю разбоя, для которой и был рожден, вернусь сюда с чистой совестью.

– Если уедешь, Вилли Джонс, то возвратишься только через двадцать лет, – предупредила черноволосая Маргарет.

– Самое большее через год, – возразил Вилли.

– К тому времени лежать мне в могиле.

– Ни одна могила не удержит тебя, Маргарет.

– Ты прав, не удержит. Обещаю, когда вернешься, я восстану из небытия и встречу тебя лицом к лицу. Но учти, пребывание в могиле даром не проходит. Когда вернешься, я не признаю тебя мужем, а ты не узнаешь, осталась ли я прежней. По натуре я вулкан, но усмирила свою ненависть ради тебя. Если покинешь меня сейчас, взорвусь и обрушу на тебя лавину ярости.

Вилли Джонс не внял ее словам и отправился в плава-

ние, взяв с собой двух големов, а одного оставил служить Маргарет.

Год летел за годом, и так незаметно минуло двадцать лет.

– В то утро мы двинулись в путь, чтобы, наконец, своими глазами взглянуть на Большой дом, – вещал забулдыга. – Скоро нам предстояло покинуть те края навсегда, а посмотреть так хотелось. Вы наверняка слышали про Большой дом, особенно если бывали на острове Вилли Джонса. Джилоло окрестили его «Домом черепов», а малайцы и индонезийцы вообще боятся называть вслух.

Большой дом стоял в миле от нашего лагеря. Большое полуразрушенное здание, но оно почему-то казалось обитаемым, хоть это и противоречило логике. А потом появились они – мать и дочь. Мы словно с цепи сорвались и бросились к ним со всех ног.

Они были похожи как две капли воды. Не отличишь, кто есть кто. Их глаза сияли – парные глаза, как у самки насекомого, что поедает своих самцов. Этот полуденный свет проникал насквозь. Могучие руки сбивали с ног и заключали в объятия, от которых трещали кости. Нутром мы понимали – это не близняшки, не сестры. Нет, именно мать и дочь.

В жизни не видел ничего подобного! Плевать, что случилось с двумя моими товарищами. Уверен, они не пожалели. Пусть меня самого убьют, плевать! Те две женщины были само совершенство, хотя нам не довелось провести с ними и пяти минут.

А потом началась охота.

Нет, нет! Снова не та история! Галли рассказывал совсем другое, а эта – от забулдыги из бара. Постоянно вклинивается его бред, может потому, что я немного знал

бедолагу, мы вместе служили на острове Вилли Джонса. Правда, потом он рехнулся.

– Мир окружает сейсмический пояс, он же пояс легенд, а ниже – Срединный мир. Уж я там набродился!

Да, явное помешательство. Не иначе, как бывшего солдата протащили по всем морям и океанам под килем. Не знаю, кем именно он был из той троицы. По слухам, они все погибли.

– Вообрази атмосферу тайны, – внушал Галли. – Представь шепот в пальмовой роще в предрассветных сумерках.

– Чем мне испугать этого мужчину? – спросила Маргарет у голема, едва Вилли Джонс отчалил на своем корабле. – Хотя откуда знать об этом механическому существу...

– Открою тебе секрет, – произнес голем. – Мы не механические существа. Искусные колдуны, владеющие тайным знанием, свято верят, будто создали нас, но это не так. Они лишь создали нам пристанище, не более. Нас, неприкаянных душ, на свете легион, и мы селимся, где придется. А потому мне многое известно о бесприютных духах, что живут в глубине каждого человека. Выберем один дух и напугаем Вилли Джонса. По рождению он валлиец, по призванию – голландец, малаец и джилоло. Их роднит древний призрак; настанет час, и я призову его на помощь.

– Забыл сказать, что голема Маргарет звали Мешурат, – спохватился Галли.

После двадцати лет отчаянного пиратства Вилли Джонс возвратился на остров. Его встречала черноволосая Маргарет – такая же молодая и прекрасная, как в тот день, когда он покинул ее. Вилли Джонс бросился к возлюбленной, и рухнул, опрокинутый мощным ударом.

Он не удивился и даже не лишился головы, хотя на миг заподозрил это. И почти не разозлился – в любви Маргарет не знала пощады.

– Все равно будешь моей! – пригрозил Вилли, с удовольствием ощущая на языке вкус крови и приподнимаясь. – Мне уже приходилось укрощать тигрицу-Маргарет.

– Тебе не оседлать мои чресла, старый похотливый козел, – звонко расхохоталась красавица. – Я не твоя жена, а дочь, которую ты зачал в утробе. Мать лежит в могиле на вершине холма.

Скорбя, Вилли Джонс направился к могиле.

Но тут за его спиной возникла Маргарет, и ее слова обрушились на Вилли словно разящее копьё.

– Я предупреждала, что вернувшись, ты не узнаешь, та ли женщина перед тобой, – провозгласила она. – И впредь тебе не дано этого узнать.

– Маргарет, ты моя жена! – возразил Вилли Джонс.

– Разве по возрасту я гожусь тебе в жены? – усмехнулась она. – Взгляни на меня! Сколько, по-твоему, мне лет?

– Столько же, сколько было, когда я покинул тебя. Может, ты съела орех грядущего, и поэтому не изменилась.

– Забыл рассказать про орех грядущего, – спохватился Галли. – Растет на дереве завтрашнего дня. Если вкусить его плоды, никогда не состаришься. Но вечная молодость даруется вместе с безысходной тоской.

– Может, и съела, – прошипела Маргарет. – Но вот там моя могила, в которой я пролежала много лет, как и наша дочь. Ты не вправе прикоснуться ни к одной из нас.

– Так кто ты, ведьма? Мать или дочь?

– Тебе этого никогда не узнать. Мы меняемся местами, и ты нас не различишь. Смотри, могила раскопана, путь на поверхность открыт.

– Тогда я узнаю правду от голема, что прислуживал тебе в мое отсутствие, – пообещал Вилли Джонс.

– Големами называли искусственных людей, которых когда-то создали евреи и арабы, – пояснил Галли. – А потом якобы разучились. В толк не возьму, почему вы сами не возьметесь их делать, при нынешней-то технике. Столько говорите о них, рисуете в книжках. – Он похлопал по стопке комиксов у себя под мышкой. – А создавать не создасте.

И голем поведал Вилли Джонсу такую историю.

Маргарет действительно родила дочь, а после убила дитя, ввергнув ту в срединное состояние. Часть времени девочка проводила в могиле, а иногда поднималась на поверхность и бродила по острову. В целом же она росла обычным ребенком. Потом Маргарет съела орех грядущего, чтобы никогда не стареть.

Когда мать и дочь сравнялись в обличье – а случилось это за день до возвращения Вилли Джонса, – дочь тоже съела орех. Теперь они с матерью навсегда останутся на одно лицо, и даже голем не сможет их различить.

В ярости Вилли Джонс снова отправился к женщине.

– Я с самого начал знал, а теперь окончательно уверился, что ты и есть Маргарет. И сейчас я овладею тобой силой!

– Мы обе Маргарет, – возразила та. – Но я не та, что встретила тебя чуть раньше. Мы поменялись местами, пока ты разговаривал с големом. Мы обе в срединном состоянии, обе лежали в могиле, и ты не вправе прикоснуться ни к одной из нас, валлиец, ставший голландцем, потом малайцем и джилоло. Ты четырежды проклят древним духом. Сам

дьявол не покусится на родных дочерей.

Последнее было ложью, но Вилли Джонс этого не знал.

– Тогда между нами будет вечная война! – объявил он. – Большой дом я превращу в дом ненависти и черепов. Отныне вам не сбежать отсюда, и та же участь ждет любого путника. Я буду убивать каждого, а из их черепов воздвигну памятник в вашу честь.

И Вилли Джонс съел кусок горькой коры с дерева казуарина.

– Забыл сказать, – спохватился Галли, – если человек съест кору этого дерева в гневе, то гнев никогда его не покинет.

– Если хочешь убивать путников, мы с моей матерью-дочерью приведем их в избытке. Мужчины будут стремиться сюда, невзирая на опасность. Я съем особое черепашьё яйцо, и мужчины потекут к нам рекой, даже смерть их не остановит.

– Забыл сказать, – спохватился Галли, – что если женщина съест особое черепашьё яйцо, то ни один мужчина не устоит перед ее чарами. Вижу, ты улыбаешься. Не веришь, что орех грядущего, кора казуарина и черепашьё яйцо могут обладать такими свойствами? Сам ведь подростком пробовал наркотики. У нас на островах навалом этого добра, просто люди слепы, чтобы заметить. Я человек образованный, зря говорить не стану. Начитался брошюрок в ваших палатках. Всяких там «Физика без математики», «Космология без хаоса», «Психология без мозгов». Поверь магистру всех наук и предметов: снадобья и впрямь обладают магической силой. Помимо естественных наук есть науки

сверхъестественные, повествующие о непознанных областях и легендах, и отрицать их нельзя.

– Думаю, ты и сам прекрасно видел, во что вылилась война между двумя Маргарет и Вилли Джонсом, – продолжал Галли. – Столетиями толпы мужчин прибывали на остров, не в силах противиться чарам двух красавиц. Вилли Джонс убивал каждого, а черепа складывал в кучу. Охота на приманку, да.

(Галли был добродушный туземец, хоть и обделен красотой. Работал на военной базе переводчиком. Помимо родного джилоло знал малайский, голландский, японский, английский и, как положено всякому рассказчику, арабский. Английский адаптировал по ситуации, мог повеселить австралийцев пародией на американцев, и наоборот).

– Да, да. Самая настоящая охота! Нас, как зверей, травили эти существа – шкура серая, глаза злющие, башка плоская, лапы как у грифона, вместо ногтей – когти, зубы могут шею перекусить. Они набросились на нас. Но плевать, все равно я туда вернусь. Мы и пяти минут не порезвились с красотками, как нагрянули эти твари. Говорю твари, потому что они мало похожи на людей. А если эта троица и была людьми, то свет не видел таких извергов. Но натравил на нас их человек из плоти и крови. От него так и веяло злобой. Твари бросились на нас и стали убивать...

Нет, нет! Снова не то! Опять не к месту вклинилось бормотание забулдыги из бара.

Минуло триста лет, но противостояние продолжалось. На острове выросла гора из черепов малайцев, джилоло, голландцев, англичан, португальцев, китайцев, филиппин-

цев, жителей Гоа, японцев, американцев и австралийцев.

– Только сегодня утром добавилось два новых черепа американцев, хотя должно было добавиться три. Явились эти трое, как и другие, из-за двух Маргарет, съевших особое черепашее яйцо. На самом деле любая женская особь – будь то насекомое, млекопитающее или прочее, – ради которой самец гибнет после спаривания, успела в свое время съесть черепашее яйцо. Одними разговорами такого результата не добьешься.

– А почему добавилось только два черепа, а не три? – спросил я.

– Один американец сбежал, – пояснил Галли. – Удивительное дело! Взял и провалился в Срединный мир. Но путь оттуда до родного края долог и далек, а пройти его нужно пешком. Неважно, где твоя родина, брести тебе двадцать лет. Самое смешное – человека неизменно тянет назад... Вот и конец истории, но не будем обрывать ее так резко, – предупредил он. – Спой «Ищите истину», если помнишь мотив. Представь затихающие звуки флейты.

– Я скитался двадцать лет, точно говорю. – Забулдыга вцепился в барную стойку жуткими артритными пальцами и засмеялся таким радостным смехом, словно вместе с ним хохотала каждая косточка. – А ты в курсе, что под нашим миром есть другой мир, и до него буквально рукой подать? Я бродил там сутки напролет, изо дня в день, без отдыха. Это была настоящая пытка. Казалось, будто иду не туда, но другой-то дороги нет. Временами чудилось, что весь этот мир у меня в голове, просто разум помутился от чудовищного удара одной из тех тварей. Но многое указывало на то, что все происходит вправду. Мне не хотелось домой. Я пытался вернуться обратно, к тем красавицам, даже если

меня ждет там смерть. В том, другом мире почти нет красок, сплошная серость, но в целом место похоже на наш мир. Есть и бары наподобие «Красного петуха».

Забыл упомянуть, что эту историю про остров мне солдат поведал в баре «Красный петух».

– Мне нужно вернуться туда, и, похоже, я знаю, какой дорогой идти. Мне надо снова попасть в Срединный мир! Конечно, они меня прикончат раньше, чем я успею порезвиться с красавицами хотя бы пять минут. Да наплевать! Пусть это займет еще двадцать лет. Тяжкий предстоит поход.

Я едва знал его и не скажу, кем именно из той троицы он был. Так или иначе, этот парень из Оринджа, штат Техас, или из Гоби, штат Теннесси, или Бостона, что на востоке, сейчас отправился в двадцатилетний поход, чтобы найти темноволосях Маргарет и вернуть смерть.

Вчера мне попало кое-что интересное. Во-первых, свежая статья Ревеля о моллукских наркотиках. Якобы орех грядущего и впрямь замедляет старение, но вызывает психическое возбуждение и гиперсексуальность. Горькая кора казуарина превращает самого добросердечного человека в злобную фурию. И есть особые черепашьи яйца, создающие вокруг самки непреодолимую для самцов ауру. По словам Ревеля, эти наркотики почти не изучены.

Во-вторых, я прочелopus Мандраго «Сеймика, легенды и Срединный мир». Автор утверждает, будто сейсмический пояс является на самом деле поясом легенд, а подспудные легенды принадлежат подспудному или Срединному миру, где можно заблудиться навеки.

Вечером я в последний раз отправился в «Красный петух», чтобы порасспросить о забулдыге, а заодно получить

от него связный рассказ. Уж больно похоже на историю Галли.

– Нет, он уехал из города, – покачал головой бармен. – Собрался куда-то очень далеко. По мне, так парень немного чокнутый. Впрочем, мне случалось такое говорить и о тебе.

На этом заканчивается другая история, но не будем обрывать ее так резко. Сделайте паузу, чтобы посмаковать концовку. Спойте песню «Давным-давно», если помните мотив.

Представьте угасающие звуки флейты. У меня нет флейты, но история заканчивается именно так.

СЕМЬ ДНЕЙ УЖАСА

«Семь дней ужаса» – не первый прочитанный мною рассказ Р. А. Лафферти (первым был «Долгая ночь со вторника на среду»), но сразу ставший любимым. И таковым остается до сих пор, хотя с ним и соперничают «Дыра в углу», уже упомянутая «Долгая ночь...» и «Как мы сорвали планы Карла Великого».

«Семь дней ужаса» в научно-фантастической прозе продолжает гордую традицию таких произведений, как «Все те нали бороговы» Кэтрин Мур и Генри Каттнера и «Урочный час» Рэя Бредберри. Все они о детях, о том, как сильно их мир отличается от мира взрослых, об их особом видении, которое наделяет и непостижимыми, а иногда и опасными способностями. Но дети из историй Лафферти все-таки стоят особняком: их отличает невероятная смелость, зрелость ума и безжалостный здравый смысл.

Да, и еще мудрость: Кларисса абсолютно права, когда заявляет, что такое серьезное научное изобретение, как Исчезатель, не должно попасть в безответственные руки, то есть в руки взрослых. Ведь это просто опасно.

Хотя эта история кажется легкой и беззаботной – Лафферти это умеет – все же в ней присутствует его специфическое представление о мироустройстве. Например, «у полицейского Комстока был несомненный талант находить правильные пути решения запутанных проблем. Именно поэтому он был ря-

довым полицейским и патрулировал улицы вместо того, чтобы сидеть в кресле в полицейском участке».

Но по большей части в этом рассказе Лафферти забавляется – как и мы, читатели. Дети семейства Уиллоугби, от старшего Кларенса до трехлетнего Сирила, обворожительно неисправимы, диалоги блистательны, и нам даже выпадает честь встретиться с «видным ученым» Вилли Макджилли со товарищи (они всплывают во многих рассказах Лафферти). Прибавьте сюда коробки с овсяными хлопьями, золотые часы, наводнения, пожарные гидранты, кошек, местных чиновников, банки пива... и финал, который вы предполагали увидеть, но не увидели. В общем, Лафферти в своих лучших проявлениях. Сядьте, расслабьтесь и приготовьтесь отлично провести время.

Конни Уиллис

– Скажи, мама, ты хочешь, чтобы что-нибудь исчезло? – спросил Кларенс Уиллоугби.

– Пожалуй, неплохо, если бы исчезла эта груда грязных тарелок. А почему ты спрашиваешь?

– Я только что построил Исчезатель, мама. Это очень просто: берешь жестяную консервную банку и вырезаешь дно. Затем вставляешь в нее два круглых куска красного картона с отверстиями в середине, – и Исчезатель готов. Для того, чтобы исчезло что-нибудь, нужно просто посмотреть на этот предмет через отверстия и мигнуть.

– О-о!

– Вот только я не знаю, сумею ли вернуть исчезнувшие тарелки обратно. Давай попробуем сначала что-нибудь другое – ведь тарелки стоят денег.

Как всегда, Мира Уиллоугби была восхищена умом своего девятилетнего сына. Сама она никогда бы не додумалась до этого, а вот он додумался.

– Попробуй-ка Исчезатель на кошке вон там, под дверью Бланш Мэннерс. Если она исчезнет, никто, кроме самой Бланш Мэннерс, не заметит этого.

– Хорошо, мама.

Мальчик приложил Исчезатель к глазу и мигнул. Кошка мгновенно исчезла с тротуара.

Мать с интересом посмотрела на сына.

– Интересно, а как работает Исчезатель? Ты знаешь, как он работает, Кларенс?

– Конечно, мама. Берешь консервную банку с вырезанными донышками, вставляешь вместо них два кружка из картона и мигаешь. Вот и все.

– Ну ладно, иди поиграй на улице. И не вздумай без моего разрешения играть с Исчезателем в доме. Если мне понадобится, чтобы что-нибудь исчезло, я сама скажу тебе об этом.

После ухода сына мать почувствовала какое-то смутное беспокойство. «Может быть, мой Кларенс – гениальный ребенок? Не всякий взрослый сумеет построить Исчезатель, а тем более действующий. Интересно, хватилась ли Бланш Мэннерс своей кошки?»

Кларенс вышел из дому и направился к таверне «Гнутый пятак» на углу.

– Хочешь, чтобы у тебя что-нибудь исчезло, Нокомис?

– Да вот я не прочь расстаться со своим брюхом.

– Если я сделаю так, что оно у тебя исчезнет, вместо живота у тебя будет дыра, и ты умрешь от потери крови.

– Пожалуй, ты прав, парень. А почему бы тебе не попробовать Исчезатель на пожарном гидранте во-оо-он там, у ворот?

Это был, несомненно, самый счастливый день для ребятшек всей округи. Они сбегались отовсюду поиграть на затопленных улицах и переулках, и если кто-нибудь из них утонул во время этого наводнения (мы совсем не утверждаем, что кто-то утонул, хотя это и был настоящий потоп), ну что ж, этого следовало ожидать. Пожарные машины (слыханное ли дело, пожарные машины были вызваны для борьбы с наводнением) стояли по крышу в воде. Полицейские и санитары бродили по затопленным улицам, мокрые и озадаченные.

– Возвращатель, Возвращатель, кому нужен Возвращатель? – тонким голосом кричала Кларисса Уиллоугби.

– Да замолчишь ты наконец? – сердито прикрикнул на девочку один из санитаров. – И без тебя полно хлопот!

Нокомис, буфетчик из таверны «Гнутый пятак», отозвал Кларенса в сторону.

– Пожалуй, я пока никому не скажу о том, что случилось с пожарным гидрантом, – сказал он.

– Если ты не скажешь, я тоже никому не скажу, – пообещал Кларенс.

Полицейский Комсток заподозрил неладное.

– Существует только семь возможных объяснений этого загадочного случая, – сказал он. – Несомненно, один из семи сорванцов Уиллоугби сделал это. Вот только я не знаю, как это ему удалось. Для такой работы понадобится бульдозер, и все-таки что-то от пожарного гидранта останется. Как бы то ни было, один из них сделал это.

У полицейского Комстока был несомненный талант находить правильные пути решения запутанных проблем. Именно поэтому он был рядовым полицейским и патрулировал улицы, вместо того чтобы сидеть в кресле в полицейском участке.

– Кларисса! – сказал он голосом, подобным раскату грома.

– Возвращатель, Возвращатель, кому нужен Возвращатель? – продолжала она выкрикивать тонким голосом.

– Подойди сюда, Кларисса. Как ты думаешь, что случилось с этим пожарным гидрантом? – спросил полицейский Комсток.

– У меня есть невероятное подозрение, только и всего. Ничего определенного. Как только будет известно что-нибудь определенное, я вам сообщу.

Клариссе было восемь лет, и она очень любила невероятные подозрения.

– Клементина, Гарольд, Коринна, Джимми, Сирил, – обратился полицейский Комсток к пяти младшим отпрыскам семьи Уиллоуби. – Что, по-вашему, случилось с пожарным гидрантом?

– Вчера около него бродил какой-то человек. Наверно, он взял гидрант, – сказала Клементина.

– Да не было здесь никакого гидранта. По-моему, вы поднимаете шум из-за пустяков, – заметил Гарольд.

– Городской муниципалитет еще услышит об этом, – сказала Коринна.

– Уж я-то знаю, – сказал Джимми, – да не скажу.

– Сирил! – закричал полицейский Комсток ужасным голосом. Не громовым голосом, нет, а ужасным. Он ужасно себя чувствовал.

– Тысяча чертей! – воскликнул Сирил. – Да ведь мне всего три года. Кроме того, я не понимаю, почему я должен отвечать за какой-то гидрант, хотя бы и пожарный.

– Кларенс! – сказал полицейский Комсток. Кларенс судорожно проглотил слюну. – Ты не знаешь, куда делся пожарный гидрант?

Кларенс просиял.

– Нет, сэр. Я не знаю, куда он делся.

На место стихийного бедствия явилось несколько самоуверенных парней из отдела водоснабжения, которые перекрыли воду на несколько кварталов в округе и поставили на то место, где раньше был пожарный гидрант, заглушку.

– Нам придется представить шефу самый невероятный отчет за всю мою жизнь, – сказал один из них.

Расстроенный полицейский Комсток зашагал прочь.

– Отстаньте от меня со своим котом, мисс Мэннерс, – сказал он. – Представления не имею, где его искать. Я даже пожарный гидрант не могу найти, а вы пристаёте ко мне со своим котом.

– У меня идея, – сказала Кларисса. – Мне почему-то кажется, что и кот, и пожарный гидрант находятся в одном месте. Пока я не могу ничем это доказать.

Оззи Морфи носил на голове маленькую черную шапочку, закрывающую лысину. Кларенс направил на шапочку свое оружие и мигнул. Шапочка исчезла, а из крошечной царапины на макушке начала медленно сочиться кровь.

– Я бы не стал больше играть с этой штукой, – сказал Нокомис.

– А кто играет? – спросил Кларенс. – Это взаправду.

Так начались семь дней ужаса в этой тихой, до сих пор ничем не выделявшейся округе. Из парков исчезали деревья; фонарных столбов как не бывало; Уолли Уолдорф приехал с работы, вышел из машины, хлопнул дверцей – и машина исчезла. Когда Джордж Малендорф направился по мощеной дорожке к своему дому, почуявшая хозяина собачонка Пит с радостным визгом бросилась ему навстречу. В двух метрах от него она подпрыгнула ему в руки – и словно

растаяла. Только лай слышался еще несколько мгновений в озадаченном воздухе.

Но хуже всего пришлось пожарным гидрантам. Второй гидрант был установлен на следующее утро после исчезновения первого. Он простоял только восемь минут, и наводнение началось сначала. Следующий пожарный гидрант был установлен к полудню и исчез через три минуты. На следующее утро был установлен четвертый.

При операции присутствовали: начальник отдела водоснабжения, главный инженер муниципалитета, шеф полиции со штурмовым отрядом, президент «Ассоциации Родителей и Учителей», ректор университета, мэр города, три джентльмена из ФБР, кинооператор, ряд видных ученых и толпа честных граждан.

– Посмотрим, как он теперь исчезнет, – сказал городской инженер.

– Посмотрим, как он теперь исчезнет, – сказал шеф полиции.

– Посмотрим, как он те... Слушайте, а где гидрант? – сказал один из видных ученых.

Гидрант исчез, и все основательно промокли.

– По крайней мере, теперь у меня в руках самые сенсационные кадры этого года, – сказал кинооператор. В этот момент киноаппарат со всеми принадлежностями исчез прямо у него из рук.

– Перекройте воду и поставьте заглушку, – распорядился заведомом водоснабжения. – И пока не ставьте нового гидранта. Тем более что это был последний.

– Это уж слишком, – вздохнул мэр. – Хорошо, хоть ТАСС об этом не знает.

– ТАСС об этом знает, – сказал маленький кругленький человечек, поспешно выбираясь из толпы. – Я из ТАСС.

– Если все вы, господа, пройдете в «Гнутый пятак», – провозгласил Нокомис, – и попробуете наш новый коктейль «Пожарный гидрант», вы почувствуете себя гораздо лучше. Этот превосходный коктейль состоит из отличного пшеничного виски, кленового сахара и воды из этого самого гидранта. Вам принадлежит честь первыми отведать его.

В этот день дела в «Гнутом пятаке» шли как никогда хорошо. Да это и понятно, ведь именно у его дверей исчезали пожарные гидранты в сопровождении гейзеров бурлящей воды.

– Я знаю, как мы легко можем разбогатеть, папа, – сказала несколько дней спустя своему отцу Кларисса. – Соседи говорят, что лучше уж продать свои дома за бесценок и убраться отсюда как можно скорей. Давай достанем много денег и купим у них дома. А потом можно будет снова их продать и разбогатеть.

– Я их даже по доллару за штуку не куплю, – сказал папа, Том Уиллоуби. – Три дома уже исчезли, а семьи, живущие в оставшихся, вынесли всю мебель во двор. Только мы одни ничего не вынесли из дома. Может быть, к утру на месте не останется ни одного дома, только пустые участки.

– Отлично, тогда давай купим пустые участки. К тому времени как дома начнут возвращаться назад, мы будем готовы.

– Возвращаться назад? Так дома вернутся назад? Ты действительно что-то знаешь?

– Не более чем подозрение, граничащее с уверенностью. Пока ничего более определенного мне не известно.

Трое видных ученых собрались в гостиничном номере, который по царящему в нем беспорядку напоминал опочивальню пьяного султана.

– Это превосходит все метафизическое. Это граничит... с квантом континиум. Некоторым образом даже опровергает Бoffa, – сказал д-р Великоф Вонк.

– Самый таинственный аспект – это контингенция ин-трансингенции, – загадочно выразился Арпад Аркабаранян.

– Да, – вздохнул Вилли Макджилли. – Кто бы мог подумать, что этого удалось добиться с помощью консервной банки и двух кусков картона? Когда я был мальчишкой, мы пользовались коробкой из-под толокна и цветным мелом.

– Я не совсем вас понимаю, – сказал д-р Вонк. – Вы не могли бы выражаться яснее?

Пока никто не исчез и даже не был ранен, если не считать капельки крови на лысине Оззи Морфи, нескольких капель на мочках ушей Кончиты, с которых исчезли ее любимые причудливые серьги, поврежденный палец, владелец которого схватился за ручку входной двери своего дома в момент его исчезновения, вывихнутый большой палец на правой ноге у соседского мальчишки, собиравшегося пнуть консервную банку, исчезавшую в этот самый критический момент, что вызвало соприкосновение большого пальца с поверхностью тротуара. Только и всего, не более пинты крови и три-четыре унции пострадавшей плоти.

Теперь, однако, положение изменилось. Исчез м-р Бакл, хозяин бакалейной лавки. Это было уже серьезно.

В доме Уиллоуби появились подозрительные личности из полицейского участка в центре города. Однако самым подозрительным и надоедливым оказался мэр города. Обычно он не был таким плохим, но ужас в городе царил уже семь дней.

– В городе ходят ужасные слухи, – сказал один из подозрительно выглядящих типов, – которые связывают определенные события с вашим домом. Что вам об этом известно?

– Я распустила большинство этих слухов, – сказала Кларисса, – но я не считаю их ужасными. Скорее таинственными. Но если вы хотите докопаться до самого дна, задавайте мне вопросы.

– Это ты вызвала исчезновение всех этих предметов? – спросил сыщик.

– Это не тот вопрос, – сказала Кларисса.

– Знаешь ли ты, куда они исчезли? – спросил сыщик.

– И это не тот вопрос, – ответила Кларисса.

– Можешь ли ты вернуть их обратно?

– Конечно, могу. Это любой может. А вы разве не можете?

– Не могу. Если ты можешь, пожалуйста, верни их – поскорее.

– Мне нужно кое-что для этого. Во-первых, золотые часы и молоток. Затем отправляйтесь в магазин и купите мне разные химикалии по этому списку. Кроме того, ярд черного бархата и фунт леденцов.

– Ну, что ты на это скажешь? – спросил один из полицейских.

– Действуйте, ребята, – сказал мэр, – это наша единственная надежда. Достаньте все, что она попросила.

И все было доставлено.

– Почему это все только с ней и разговаривают? – спросил Кларенс. – В конце концов я заставил все это исчезнуть. Откуда она знает, как вернуть их обратно?

– Я так и знала! – закричала Кларисса, глядя с ненавистью на мальчишку. – Я знала, что он во всем виноват. Он прочитал в моем дневнике, как делается Исчезатель. Если бы я была его мамой, я бы выпорола его, чтобы он больше не читал дневник своей сестрички. Вот что происходит,

когда что-нибудь серьезное попадает в безответственные руки.

Она положила золотые часы мэра на пол и замерла с поднятым молотком.

– Я должна подождать несколько секунд. В таком деле нельзя спешить. Всего несколько секунд.

Секундная стрелка описала круг и достигла деления, предназначенного для этого момента еще до сотворения мира. Молоток в руке девочки внезапно с силой опустился на великолепные золотые часы.

– Вот и все, – сказала она. – Все ваши тревоги кончились. Смотрите, вон там, на тротуаре, появился кот Бланш Мэннерс – там, откуда он исчез семь дней тому назад.

И кот появился на тротуаре.

– А теперь давайте отправимся к «Гнутому пятаку» и посмотрим, как возвратится первый пожарный гидрант.

Им пришлось ждать всего несколько минут. Гидрант появился из ниоткуда и с грохотом покатился по мостовой.

– Теперь я предсказываю, – сказала Кларисса, – что все исчезнувшие предметы возвратятся точно через семь дней после их исчезновения.

Семь дней ужаса окончились. Исчезнувшие предметы начали возвращаться.

– Как, – спросил мэр девочку, – ты узнала, что они вернутся через семь дней?

– Потому что Кларенс построил семидневный Исчезатель. Я могу построить девятидневный, тринадцатидневный, двадцатисемидневный и семилетний Исчезатель. Я сама собиралась построить тринадцатидневный Исчезатель, но для этого нужно покрасить картонные кружки кровью из сердца маленького мальчика, а Сирил плакал всякий раз, когда я пыталась сделать глубокий разрез.

– Ты действительно знаешь, как построить все эти штуки?

– Конечно. Только я содрогаюсь при мысли, что будет, если этот секрет попадет в руки безответственных людей.

– Я тоже содрогаюсь, Кларисса. А зачем тебе понадобилась химикалии?

– Для моих химических опытов.

– А черный бархат?

– На платья моим куклам.

– А фунт леденцов?

– Как вы сумели стать мэром города, если не понимаете таких простых вещей? Как вы думаете, для чего существуют леденцы?

– Последний вопрос, – сказал мэр. – Зачем тебе понадобилось разбивать молотком мои золотые часы?

– О-о, – ответила Кларисса, – для драматического эффекта.

БУМЕРОВЫ ОТМЕЛИ

В «Бумеровых отмелях», рассказе, впервые напечатанном в журнале «If» в 1971 году, Лафферти расширяет внутреннюю мифологию своей прозы и вместе с тем возвращается к знакомым темам. Эволюция и то, как люди приспосабливаются к спонтанным эволюционным скачкам, – эти вопросы поднимаются и в других его рассказах, таких, как «Джинни, окутанная солнцем» или «Во глубине стекла». Лафферти утверждал, что рассказывание историй – прерогатива предков, и эти рассказы принадлежат к «народу с красными костями». Путешествие к Бумеровым Отмелям приводит читателя в странный городок, где красно-костные люди свободно расхаживают по улицам при свете дня.

Тот, кому известно имя Иван Сандерсон, идея ясна с первой же строчки: видные ученые Арпад Аркабараян, Вилли Макджилли и д-р Великоф Вонк, считающие Сандерсона своим «духовным отцом», заняты поисками паранормальных феноменов, в частности, ДИСЧа (Доисторического Снежного Человека). Или, как замечает Вилли Макджилли, журавля в небе, тогда как кругом одни синицы в руке.

Лингвистические игры такого рода, метафоры, изображаемые буквально, проходят красной нитью через весь рассказ, иногда даже приобретая свойства поэзии. Например, повторяющиеся слова Лангустии Сом о напитках, заказанных видными учеными: «Сейчас приготовят, и я принесу».

Бумеровы Отмели – теневой городок, эхо города Бумера. «Что-то немного странное и доисторическое чувствовалось в этих собаках, как и во всем остальном», – предупреждает Лафферти читателя, который, впрочем, уже знает, что вступил на сомнительную территорию.

Три видных ученых тоже знают об этом. Д-р Великоф Вонк «даже ослабился от прилива глубинной народной памяти», когда начал пить то, что принесла ему Лангустия: напиток, от которого «ощутимо несло рекой, возможно, даже межледниковой». Напиток «Шноркель зеленой змеи» переносит ученую троицу в странный мифологически-поэтический мир, шаг за шагом приоткрывая его сущность – так в телешоу пропуски и вставки постепенно открывают и добавляют все более удивительные детали истории. И текст тоже становится все более странным, будто погружается в глубокие воды игры слов. Вон тот оборванец-доминошник на самом деле оказывается медведем. А из человека по имени Комета сыпется всякая мелочь. А потом в зал заходят гиганты и становятся по углам, мрачные, в черных шляпах. В этом городе оживают легенды, как будто Бумеровы Отмели – самое сердце вселенной Лафферти.

Три видных ученых – словно три волхва. Но они не находят ответа в образе новорожденного Младенца Иисуса. Наоборот, из окружает все больше вопросов о мире и его устройстве. Финал возвращает читателя к сердцевине истории, затягивает вглубь, но и продвигает вдаль. Это кульминация Лафферти люминофорного, плывущего в тангенциальном потоке, пусть даже в то время этих терминов еще не существовало.

Кэт Рэмбо

– По следам нашего духовного отца Ивана Сандерсона мы сегодня можем выйти на целый выводок ДИСЧей прямо в их лежбищах, – вещал громовым голосом знаменитый ученый Арпад Аркабараян. – И лежбища могут оказаться не в горных кряжах, ни в экваториальных лесах, ни в гиблых болотах, а на банальных красноглиняных отмелях. Я, конечно, жизнь готов отдать за успех нашей экспедиции, но мне все же кажется, что они могли выбрать место обитания и подостойнее.

– Журавль в небе, – сказал знаменитый ученый Вилли Макджилли.

Нет-нет, Вилли не хотел ставить под сомнение успех экспедиции. Он имел в виду журавлей, которые, курлыча и хлопая крыльями, с шумом взмывали с края отмели. Чтобы не остаться с одной только синицей в руках, надо уметь летать. На самом деле журавлей было много – сотни – и на фоне отмели их мог разглядеть всякий, у кого острый глаз.

– Илистые журавли, – продолжал Вилли. – Сейчас их уже не так много, как в пору моего детства.

– А я не верю и, боюсь, не хочу верить в ДИСЧей, – проговорил знаменитый ученый доктор Великоф Вонк, задумчиво почесывая свой почти не существующий подбородок. – И все же было бы неплохо, чтобы, наконец, нашлось это недостающее звено, и все те, кто думал иначе, были бы посрамлены.

– За звеньями мы не видим самой цепи, – сказал Вилли Макджилли. – Я вообще не считаю, что какое-то звено пропущено. Звеньев и так много для такой короткой цепи. В том-то и проблема.

– Чтобы найти его, я проделал путь в миллион километров, – вздохнул Арпад. – Я исследовал все бранные останки мира. Меня неотвязно преследует страх, что я пропустил

или – по немислимому стечению обстоятельств – не узнал или не узнаю, когда найду его. Но это же просто насмешка, если мы найдем его в уголке вроде этого – не диком и недоступном, а просто заброшенном и забытом!

– А у меня другая фобия, – признался Великоф. – Я боюсь, что когда мы найдем то, что ищем, я с содроганьем проснусь и обнаружу, что смотрю в зеркало. Должно быть, это символ, вот только чего символ? А ты как их представляешь, Вилли?

– Да как обычных людей. Таких раньше было много на окраине моего родного города, – ответил Вилли Макджилли. – Если подумать, раньше их было много на окраине любого города. А теперь их встретишь скорее в центре. Это простой люд, основа породы.

– О чем ты, Вилли? – резко спросил Арпад.

Все они говорили об одном – о ДИСЧах.

У каждого городка на юге той страны был свой двойник, своя тень. У Мигана – Миганова Слободка, у Перкинса – Перкинсова Слобода, у Бумера – Бумеровы Отмели. Трем знаменитым ученым осталось проехать всего пять километров – от Бумера до Бумеровых Отмелей. И там они надеялись найти ископаемые останки легенды, а если повезет, то и встретить ее во плоти. Недостающее звено эволюции – Доисторический Снежный Человек – ДИСЧ. Страна та была совсем не снежная, но и сообщения о так называемом Снежном Человеке приходили из самых разных климатических зон со всех уголков земли.

В одной местной легенде, недавно обнаруженной Арпадом, говорилось, что некие «цветные», не индейского и не американского происхождения, проживают в окрестностях Бумеровых Отмелей, «между зарослями песчаного ку-

старника и рекой». Говорилось, что они живут на красноглиняных берегах, а отчасти и в самой реке.

Доктор Великоф Вонк, в свою очередь, обнаружил в вохрох этнографических магнитофонных записей одну пленку, которая содержала следующее:

– А что они делают, когда разливается река?

– Замазывают носы, рты и уши илом, ложатся на землю, кладут себе на грудь огромный камень и ждут, пока половодье закончится.

– Они поддаются обучению?

– Некоторые их дети ходят в школу. Но, когда вырастают, остаются дома и все забывают.

– На каком языке они говорят?

– Они вообще мало говорят. Они довольно замкнутые. А если говорят, то на обычном симаронском диалекте английского.

– Чем они питаются?

– Кипятят в горшках из ила и глины речную воду. Добавляют лук и кое-какую зелень. Варят из веток похлебку. В ней – куски то ли мяса, то ли глины, которую они тоже едят. Еще едят лягушек, рыбу, сов и ветки кустарника. Но вообще они едят редко.

– Говорят, они способны менять внешность. Говорят даже, что они рождаются бесформенными. Об этом можешь что-нибудь рассказать?

– Могу. Они и вправду рождаются не очень оформленными. Большинство из них так бесформенными всю жизнь и проживают. А если у кого-то есть форма, значит, это мать вылизала ему внешность в младенчестве.

– В одной из народных сказок так делают медведи.

– Может, дружище, они и научились этому у медведей. У них есть примесь медвежьей крови, но сами медведи на тех отмелях давно не водятся. Так что, скорее, это медведи

научились у них. Иногда матери в шутку вылизывают младенцев, придавая форму обычных людей.

– Это что – легенда такая?

– Что ты заладил – легенда, легенда? Не знаю я никаких легенд. Ты спрашиваешь – я отвечаю. Хочешь, расскажу смешную историю? Одной беременной перед самыми родами попался на глаза журнал про кино, который рыбаки из Бумера бросили на берегу реки. В нем была фотография самой красивой девушки на свете. Она на этой фотографии была в полный рост в чем мать родила. Беременной картинка очень понравилась. Когда она родила дочь, то вылизала ее по образу и подобию девушки из журнала про кино. Не думаю, что дочь оценила шутку матери. Но как бы там ни было, теперь она самая красивая среди людей. Зовут ее Лангустия Сом.

– А ты не шутишь, папаша? Кстати, у этих созданий имеется чувство юмора?

– Некоторые рассказывают старые анекдоты. Джон Солт рассказывает старые анекдоты. Лакрица рассказывает очень старые анекдоты. И, не поверишь, даже Комета – и тот рассказывает старые анекдоты.

– А сколько они живут, эти существа?

– Сколько хотим, столько и живем. У нас же на отмелях есть эликсир. Некоторые употребляют его, некоторые – нет.

– Ты тоже из этих существ?

– Конечно. Но мне нравится иногда выбывать из них. Я такой, сезонный.

Запись на пленку сделал один студент-антрополог, который вскоре после этого порвал с антропологией и теперь изучает ресторанно-гостиничный менеджмент. Эта запись сильно взволновала доктора Великофа Вонка, когда он наткнулся на нее, разбирая несколько сотен новых записей, появившихся за неделю в антропологических кругах. Он

задумчиво поскреб отсутствующий подбородок и позвонил знаменитым ученым Арпаду Аркабараняну и Вилли Макджилли.

– Поеду, конечно, поеду! – закричал в трубку Арпад. – В своих поисках я преодолел миллион километров, неужели меня остановят еще сто? Конечно, все это невероятно, невозможно, этого быть не может, но в любом случае я еду. Обязательно. До завтра.

– Безусловно, еду, – с ходу принял решение Вилли Макджилли. – Я уже там бывал, и эти ребята с Отмелей мне понравились. Не знаю, как на счет самого большого сома в мире, но самое большое количество историй про самого большого сома в мире рассказывают именно на берегах Симарона в районе Бумеровых Отмелей. Обязательно едем завтра.

– Вполне может быть, это то, что мы ищем, – рассудил Великоф. – Но как можно было просмотреть это место? Оно же у нас под носом!

– Именно поэтому ты и не заметил, что не можешь заглянуть себе под нос. А оно там.

– Думаю, Вилли, тут какой-то провал в памяти, из-за которого мы забыли об этом месте, просмотрели или...

– Нет, Великоф, думаю, здесь что-то другое. Оно слишком близко – вот мы и не разглядели.

На следующий день трое знаменитых ученых выехали из Ти-тауна в сторону Бумеровых Отмелей. Вилли Макджилли, кажется, знал, где это, хотя путь, который он указывал, вызывал сомнения, поэтому Великоф решил, что лучше расспросить местных жителей в Бумере. Но и здесь возникли трудности. Все твердили одно и то же: «Да, это Бумер. Но мы не знаем никаких Бумеровых Отмелей».

Они не значились ни на одной карте. Видимо, этот населенный пункт был настолько незначительный, что там даже почтового отделения не было. Жители Бумера объясняли до изнеможения, что знать не знают никаких Отмелей и, соответственно, не представляют, как туда проехать.

– Оно в пяти километрах отсюда, и вы не знаете, где это? – сердито отчитывал Великоф одного из местных.

– Я даже не знаю, что это, – сердито отвечал бумерец. – И вообще сомневаюсь, что такое место есть.

Наконец, стали попадаться люди, которые вроде бы что-то слышали. И вроде бы даже туда ведет что-то вроде дороги. И они указали знаменитым ученым тот самый невероятный путь, который изначально и предлагал Вилли Макджилли.

Трое знаменитых ученых свернули на указанную дорогу. Отмели только недавно открылись после половодья. Дорога была песчаной. Если вообще была. Наконец они приехали в городок или что-то вроде городка – в нечто, разбросанное по лоскутным речным отмелям. Таким оказалось это место. Они вошли в отель «Симарон», который выглядел как самый обычный отель, только сильно обшарпанный. И сразу свернули в ресторан, поскольку подошло время обеда.

Там стояли столики, но это был не просто ресторан. Скорее, комната отдыха. С некоторым налетом старомодной элегантности на голубоватых зеркалах в простенках. Там была огромная барная стойка и стол для пула, за которым играли в ротацию волосатый мужчина и Комета. Комета был высокий, седобородый (собственно, комета и есть звезда с бородой), и из него постоянно сыпались мелкие предметы. За столиками сидели глинянолицые люди в шляпах и играли в домино. В помещении находилось с полдюжины

собак. Что-то немного странное и доисторическое чувствовалось в этих собаках. Как и во всем остальном.

И, словно для отвлечения внимания или для контраста, там была девушка неземной красоты – судя по всему, официантка. Она, похоже, чего-то ждала – не то равнодушно, не то с затаенной надеждой.

Доктор Великоф Вонк поморгал глубокими, глубоко посаженными глазами и привел в действие свой массивный мозг, скрытый за массивными же надбровными дугами. Результатом этого сложного мыслительного процесса было следующее. Он спросил:

– Девушка, у вас есть меню?

– Нет, – просто ответила она. Но на самом деле все было не так просто. Ее голос не соответствовал ее красоте. Даже на протяжении одного слога он казался более интригующим, чем ее внешность. Мощный, но не грубый, глубокий, гулкий, как пещера, протяжный, вечный. У девушки при всей ее привлекательности были пегие волосы, широкая кость и глаза разного цвета.

– Мы хотели бы пообедать, – сказал Арпад Аркабаранян. – Что у вас есть?

– Сейчас приготовят, – ответила девушка, – и я принесу.

В помещении было сумрачно и стоял густой речной запах.

– Странный у нее голос, – с восхищением и удивлением прошептал Арпад. – Как будто камни под водой перекатываются. И в то же время чувствуется что-то весеннее – правда, специфически-весеннее.

– Не весеннее, а межледниковое, – уточнил Вилли Макджилли. – Я уже замечал это у подобных людей в других местах. В их голосах звучит древняя эра цветения природы – цветения между двумя оледенениями.

Помещение освещалось висячими лампами, которые отбрасывали колышущиеся тени. Они явно были не электрические.

– Здесь атмосфера эпохи газовых светильников, – высказал мнение Арпад. – Но только в светильниках – не газ.

– Нет, это масляные лампы, – сказал Великоф. – Странно, но мне только что пришло в голову, что это, возможно, старый добрый китовый жир.

– Девушка, а чем вы заправляете лампы? – поинтересовался Вилли Макджилли.

– Сомовым жиром, – ответила девушка, и в ее гулком голосе снова прозвучал межледниковый период. Сомовье масло горело пламенем цвета глины.

– Может, пока мы ждем еды, принесете что-нибудь выпить? – спросил большеголовый Великоф.

– Сейчас приготовят, – ответила девушка, – и я принесу.

Тем временем Комета обыгрывал в ротацию волосатого партнера. По части ротации Комета не имел себе равных.

– Мы прибыли сюда в поисках странных существ, – обратился Арпад к девушке. – Вам что-нибудь известно о странных существах или странных людях и местах их обитания?

– В последнее время вы единственные странные люди в наших краях, – ответила девушка.

Вскоре она принесла напитки: три огромные пенящиеся глиняные кружки, по форме похожие на гигантские луковичи. От них ощутимо несло рекой, возможно, даже межледниковой рекой. Она поставила их перед знаменитостями. В ее глазах при этом как будто вспыхивали искорки. Но так только казалось, потому что на самом деле это были не искорки. Молнии, настоящие молнии сверкали меж ресниц этого очаровательного существа. Она ждала реакции на напиток.

Великоф вперил в кружку свой глубокий взор, что само по себе уже было подвигом. Остальные не имели таких глубоких глаз и таких надбровных дуг, как у Великофа. Они только покосились, но и это далось им нелегко. А Великоф, когда начал пить, даже ослабился от прилива глубинной народной памяти. В этой области он был очень силен.

Арпад Аркабаранян завизжал, вскочил, уронил стул и замер в ужасе, указывая дрожащим пальцем на пенящуюся глиняную кружку. Он страшно разволновался.

Вилли Макджилли отхлебнул большой глоток из своего кипящего сосуда.

– Это же «Шноркель зеленой змеи»! – восхищенно воскликнул он. – О напиток напитков, ты – само наслаждение! Его подают у нас тем, кто возвращается на родину, но я никак не ожидал встретить его здесь. За что нам такая честь?!

И он продолжил пить чудесную пенную жидкость, от которой во все стороны летели брызги. Великоф тоже пил, шумно выражая удовольствие. Девушка подняла стул Арпада, сильными руками усадила знаменитого ученого и наклонила над бурлящим сосудом. Но Арпад отворачивался от живительного напитка и только бормотал: «Она живая, живая».

Арпад Аркабаранян посвятил свою жизнь изучению всего примитивного. А примитивное (от латинского *prima*) значит «первичное». Но сейчас, в минуту слабости, Арпаду не хватало первичности для того, чтобы достойно встретить примитивный и такой приятный напиток. Жидкость, умеренно алкогольная, искрилась и пенилась, как шоколадное пиво, и в каждой кружке извивалась зеленая змейка.

(Великоф в записной книжке пометил: «зеленые черви подвида *vermis ebrius viridis*», но то была чистая схоластика. Это – змееподобные черви, и размером они с маленькую

змею, так что будем называть их змейками.)

– Давай, Арпад! – воскликнул Вилли Макджилли. – Тут вся соль в том, чтобы успеть выпить напиток, пока его не выпила змейка. Имей в виду, змея может обидеться, если почувствует, что ты ее боишься. И тогда она вопьется тебе в лицо.

– Но я совсем не хочу пить, – произнес Арпад, изображая великосветскую пресыщенность. – Я вообще малопьющий.

Так что зеленая змейка Арпада шумно допила «Шноркель зеленой змеи» и исчезла – испустила дух, испарилась.

– Куда она делась? – нервно спросил Арпад. Он по-прежнему был немного не в себе.

– Вернулась в сома, – ответила девушка. – Змейки – духи сома и покидают его ненадолго.

– Как интересно, – заметил Великоф и пометил в своей записной книжке, что *vermis ebrius viridis* – не подвид червей или змей, а вовсе даже сомовий дух. Именно из таких скрупулезных замечаний и складывается научное знание.

– Есть ли что-нибудь примечательное в Бумеровых Отмелях? – спросил Великоф у девушки. – Что-нибудь уникальное? Из ряда вон выходящее?

– Есть, – ответила девушка. – У нас останавливаются кометы.

– Но моль побилла те кометы, – процитировал древний эпос Вилли Макджилли.

Девушка принесла три большие глиняные миски с икрой и три глиняные ложки. Вилли Макджилли и доктор Великоф Вонк с удовольствием принялись за еду, а Арпад Аркабаранян сморщился.

– Все это смешано с илом, песком и каким-то мусором, – произнес он с возмущением.

– Именно, именно, и это прекрасно, прекрасно, – приговаривал счастливый Вилли Макджилли с набитым аппетитной бурдой ртом. – Всегда полагал, что мир многое потерял, когда стали промывать старое доброе блюдо трущоб – рыбью икру. Теперь ее промывают во многих местах, но, как видно, не везде. А по мне, так в настоящей икре всегда должен быть легкий привкус речных нечистот.

Арпад с отвращением бросил глиняную ложку на стол. Он проделал миллион километров в поисках необычного, а встретив его, не узнал – потому что в нем самом этого не было.

Один из доминошников за соседним столом (все три знаменитости почти сразу отметили это, правда, не сразу осознали) оказался медведем. Медведь был одет как оборванец, а на голове – большая черная шляпа. В домино играл уверенно и почти все время выигрывал.

– Как может медведь играть так хорошо? – удивился Великоф.

– Не так уж и хорошо, – возразил Вилли Макджилли. – Я играю лучше. Лучше их всех.

– И он не медведь, – добавила девушка. – Это мой двоюродный брат. Наши матери-сестры были чудачки. Его мать для смеха вылизала своего сына в форме медведя. Но это ничто по сравнению с тем, что проделала моя мать. Она вылизала мне красивое лицо и стройную фигуру – тоже для смеха. Мне это совсем не нравится, но я отношусь к этому с юмором, как и все вокруг.

– Как ваше имя? – равнодушно спросил Арпад.

– Лангустия Сом.

Но Арпад Аркабараян имя не расслышал или не узнал его, хотя именно оно прозвучало на пленке, которую им прокрутил доктор Великоф Вонк, – на той самой пленке,

что привела их сюда, в Бумеровы Отмели. Арпад затворил от мира и глаза, и уши, и сердце.

Волосатый человек и Комета все еще гоняли шары, и всякая мелочь по-прежнему сыпалась из Кометы.

– Он уменьшается, он разрушается, – заметил Великоф. – Боюсь, с такими темпами его не хватит еще на один век.

Засим знаменитости откланялись, покинули комнату отдыха и отель «Симарон» и отправились на поиски ДИСЧей, которые, по слухам, водились в этих местах.

ДИСЧ, как вы уже знаете, это сокращение от Доисторический Снежный Человек. Еще его называют Волосатый Лесной Человек, Дикий Человек с острова Борнео, Йети, Злой Дух, Человек-обезьяна, Человек-медведь, недостающее звено эволюции, Трехметровый Гигант, реликтовый неандерталец. Некоторые полагают, что все это – одно и то же существо. Однако большинство уверено, что такого существа не существует вообще – ни в одной из вышеперечисленных форм.

И большинство, похоже, как всегда, было право, ибо тройке знаменитостей не удалось обнаружить ни шкур, ни шерсти (а грубая шкура с густой шерстью считается отличительной особенностью ДИСЧей) на всем протяжении красного берега реки Симарон. Создания, встречавшиеся по пути, сильно напоминали неразговорчивых оборванцев, которых ученые уже видели в Бумеровых Отмелях. Они не были уродливые, скорее, трогательно-илистые. По-своему воспитанные, по большей части молчаливые. Одетые, как одевались люди семьдесят пять лет назад, точнее, как бедный рабочий люд семьдесят пять лет назад. Но были ли они бедными? Может, да, а может, нет. И не похоже, чтобы они много работали. Правда, время от времени мужчины и женщины как бы невзначай, походя делали кое-какие дела.

По всей видимости, в илистой красной реке водилось много рыбы. По крайней мере, там постоянно что-то плескалось и играло. На берег выползали огромные черепахи с густым слоем ила на головах и вокруг глаз. Берега и отмели были зыбкие, и знаменитости то и дело проваливались в илистый песок – по колено, а то и выше. А вот широкостный местный народец ходил без всяких затруднений.

По берегам росло много зелени, правда, зеленью ее особо не назовешь: она скорее бурая – возможно, из-за того, что последние недели выдалась пыльными. Здесь жили ондатры и даже бобры, скунсы, опоссумы, барсуки. Тут и там виднелись волчьи норы и норы койотов со своим особенным запахом. Были и собачьи норы. Встречались хатки енотов. Даже медвежьи берлоги, напоминающие пещеры. Но пахло из них не медведями. А чем же?

– Кто живет в этих пещерах? – спросил Великоф у женщины, которая ковырялась в речной глине поблизости.

– Гиганты, – ответила женщина. Пещеры вполне подходили для гигантов. Трехметровое существо могло зайти в такие, не нагибаясь.

– Все не то, – сказал Арпад. – Нечего тут делать. Продолжу свои экспедиции в других местах, и, возможно, что-то найду.

– А мне кажется, мы именно там, где надо, – возразил Великоф.

– Оно вокруг нас, Арпад, то, что ты искал, – подтвердил Вилли Макджилли.

Но Арпад Аркабараян остался равнодушен к обитателям илистых вод, красных песков и пещер в красных песках, словом – ко всему. Он совершенно утратил интерес к окружающему. Троица вернулась в отель «Симарон», так и не найдя никаких примитивных созданий, никаких недо-

стающих звеньев.

Они снова зашли в комнату отдыха. Доминошники сидели на своих местах и апатично забивали козла.

– Вы точно уверены, что в ваших местах нет странных существ? – спросил Арпад Лангустию Сом.

– Джон Солт – странное существо, а он родом из этих мест, – подсказала Ракеда. – Лакрица, по-моему, тоже странный. Да и Оранг Лесовик – слишком уж увлечен футболом. У всех троих – примесь крови обычных людей. Они такие же странные, как и вы трое. И Комета, тот, что играет в пул, тоже какой-то странный. Но я не знаю, примесь какой крови стала причиной его странности.

– Он давно здесь? – спросил Великоф.

– Он возвращается каждые восемьдесят семь лет. И остается примерно на три года. В этот раз он здесь уже больше двух лет. Потом отправляется на очередной круг. Ездит в пространстве среди планет и звезд.

– Вот как? И на чем ездит? – спросил Великоф, высунув язык и скосив глаз.

– На конной упряжке, на чем же еще?

– Эй, Комета! – крикнул Вилли Макджилли. – Ты и вправду едешь среди планет и звезд на конной упряжке?

– Все верно, – ответил высокий седобородый мужчина по имени Комета. – Коня зовут Пипи-газ, а повозку я называю Харма. Конь – кляча, повозка – раздолбана, но удобно ездим.

– Троньте глину для молний, – приказала Лангустия Сом.

Все дотронулись до глины. (Впрочем, здесь все было из обожженной глины, даже домино.) И вспыхнули молнии – фантастические молнии. Засверкали из каждой щели и трещины ветхого отеля. И это сияние было ярче, чем все лампы

мира на сомовьем жире. И не прекращалось. Прокатились раскаты грома, и послышался дальний рев за несколько километров западнее от бури.

Явились гиганты и встали по углам комнаты. Все они были похожи друг на друга, словно братья. Высокие, мрачные, заросшие бородами по самые глаза, в черных широкополых шляпах. И все под три метра ростом.

– Боюсь показаться наивным, но это и есть гиганты? – спросил Великоф.

– Верь глазам своим, да, гиганты, – ответила Лангустия. – Их в здешних краях больше, чем нас самих. Иногда обычные люди видят их, но не понимают, что они тоже обычные люди. Из-за этого и весь сыр-бор. Думаю, именно этот сыр-бор и привел вас сюда. Но они не обезьяны, не медведи, не монстры. Они тоже люди.

– И вы одной с ними породы? – спросил Великоф.

– Это мои дядюшки, старые холостяки. Вот почему они такие высокие и молчаливые. Вот почему стоят по углам комнаты. И вот почему роют себе пещеры по берегам и обрывам, а не живут в хижинах. Крыши хижин для них слишком низкие.

– Почему бы не построить высокие хижины? – удивился Вилли Макджилли.

– Вам это можно, – ответила Радела, – а им – нет. У них свой путь. Они сутулятся и ходят на полусогнутых, потому что чувствуют себя слишком высокими. Не бреются, не стригут волосы и зарастают по самые глаза, и все тело у них покрыто волосами. Они кастраты от природы. Ни детей, ни домашнего очага – поневоле станешь долговязым и неуклюжим. То же бывает с кастрированными быками, медведями и обезьянами – они также вырастают большими и нескладными. Видите, они очень застенчивы, а многие

ошибочно принимают их застенчивость за свирепость.

Глухой рев к западу от бури становился все громче. Река вдруг угрожающе ожила. Все в помещении осознали, что снаружи потемнело, хотя до ночи было еще далеко.

Комета отдал свой кий одному из гигантов и подсел к знаменитостям.

– Вы волхвы? – спросил он.

– Да, я волхв, – сказал Вилли Макджилли. – В современном мире нас называют знаменитыми учеными. Великоф тоже волхв, а вот Арпад сегодня перестал им быть.

– Поначалу я вас не за тех принял, – сказал старик Комета. – Тех троих я встретил несколько циклов назад. У них было слово Завета, и по зову этого слова они шли из далеких мест. На дорогу они отвели две тысячи лет и боялись, что еще до окончания пути мифотворцы объявят, что они, мол, уже дошли. Еще боялись, что их опередят фальшивые волхвы и создадут превентивный миф. Сдается мне, так и случилось.

– А мифы о тебе, старина, тоже бегут впереди тебя или все в них правда? – спросил Вилли Макджилли. – Я смотрю, язык у тебя хорошо подвешен – в самый раз, чтобы пустить по миру не один миф.

– Спасибо, именно этим я и занимаюсь. Мифы не могли рождаться только в далеком прошлом, мифы – это часть настоящего, которым поддерживается настоящее. А я очень хочу поддержать настоящее, ибо часто живу в нем.

– Расскажи нам, старина, почему именно Бумеровы Отмели стали тем местом, куда возвращаются кометы, – попросил Вилли.

– Здесь – одна из почтовых станций, где мы меняем коней в наших странствиях по орбитам. В Отмелях останавливаются многие кометы: Бугера, Донати, Энке, 1914 года, Галлея.

– Но почему именно в Бумеровых Отмелях? На этой маленькой речушке?

– Часто вещи бывают больше, чем кажутся. Симарон на самом деле не такая уж и речушка. Настоящее имя этой реки – Океан, Который Объемлет Все Миры.

– Комета... старик, из которого все время что-то сыпется, – начал свой вопрос Великоф, склонив огромную голову набок, – скажи нам, кто они – эти прото-люди, которых мы ищем по всему свету и, возможно, нашли здесь, в сотне километров от нашего прославленного Ти-тауна?

– И ты спрашиваешь? Да посмотри на свою физиономию! – Старик Комета смотрел на Великофа и мерцал. Человек, который мерцает, определенно бывал среди звезд; они явно оставили на нем свою пыль. – Если хочешь знать, ты сам один из них.

– Давно подозревал об этом, – пробормотал Великоф. – Но кто же они? Кто я?

– Как верно вчера подметил мудрый Вилли, они – простой люд, основа породы. Нельзя недооценивать простой люд. Они почва. Раса, которая лежит в основе нескольких человеческих рас. Когда плоть и кровь выдающихся рас истощается, они поддерживают вас, подмешивая своей царственной силы. И это происходит постоянно, но в некоторые эпохи особенно заметно. Они – звено, которое никогда не терялось. Связующее звено между прахом и кровью.

– Но почему они – да и я, не будь я таким опрятным и знаменитым, – оказываются иногда животными? – спросил Великоф. – Почему всегда живут на окраинах и задворках?

– Не всегда. Иногда в центре. Это даже мудрый Вилли понимает. Но таково их предназначение – стоять в стороне и копить силы. Взгляните на мощный костяк этой девушки! Ее предназначение – передать всем облик, который для нее

выдумала мать. Они очень глубоко мыслят, именно здесь, в этих пустынных местах, где другим расам так не хватает глубины мыслительной деятельности. Своими силами и мыслями они делятся с остальными, когда вдруг наступает блистательная эпоха великих свершений и великой энергии. Вспомните великие эпохи: Афины, Флоренция, Лос-Анджелес. А после эти люди снова отходят в сторону – набраться сил и подготовить почву.

– Но что они делают в этом тесном обветшалом отеле, который похож на выцветший дагерротип? – спросил Вилли. – Или что-то космическое заключено в нем и в этой речушке?

– Конечно, Вилли. Отель называется Ксенодохий, или Странноприимный дом. Дом, где собираются странники. И те, что сейчас здесь, и те, что бродят по свету. И он не мал, просто в каждое мгновение ты можешь видеть только ту его часть, которая доступна твоему зрению. Потом странники пойдут дальше своей дорогой. Иногда они живут в местах обычных людей, на окраинах или в центре. Иногда – в местах и эпохах, заброшенных человечеством. Заброшенные они предпочитают чаще и ко времени относятся по-рыцарски. А что в этом плохого? Если обычные люди завершают эпоху и оставляют ее, почему ею не воспользоваться?

Ревущий гул стал совсем близким, и снаружи начался страшный ливень.

– Пора, – воскликнула своим странным голосом Лангустия Сом. – Поток пришел, и он снесет все на своем пути. Пора ложиться в реку.

Все поспешили за ней – и обитатели Бумеровых отмелей (в том числе гиганты), и знаменитости.

– Комета, ты что, тоже ляжешь в реку? – удивился Вилли Макджилли. – Не ожидал от тебя такого.

– Нет, не лягу. У меня другой путь. Возьму свою лошадку с повозкой и вознесусь над потоком.

– И что, они действительно выглядят как конь и повозка?

– Нет, они выглядели бы иначе, если бы ты мог их видеть.

– Комета, кто ты на самом деле? – спросил Великоф, когда они уходили от старика. – К какому роду принадлежишь?

– К человеческому, конечно. К особой расе рода человеческого, которая иногда возникает из смешения, а потом опять уходит, чтобы набраться силы и глубины. Некоторые из нас уходят на очень долгие времена. Нас мало. Мы все в дальнем родстве, но на какое-то время становимся друг другу чужими, потому что так надо.

– Ты инопланетянин с летающей тарелки?

– С какой еще тарелки? Харма – значит колесница, иначе – повозка, а никакая не тарелка. Мы – кометы. И наше смешение с обычными людьми происходит, как правило, во внезапные, блистательные эпохи. Словом, с удовольствием поболтаю с вами, ребята, в другой раз. Если встретимся лет через восемьдесят семь.

– Может, и встретимся, – сказал доктор Великоф Вонк.

– Может, и встретимся, – вторил ему Вилли Макджилли.

Знаменитости поспешили за обитателями Бумеровых Отмелей на реку. А Комета, скорее всего, сел в свою конную повозку и вознесся. Станный он, этот старик, слишком уж много из него сыпется всего. Вряд ли он протянет еще век.

Река, пульсируя, прибывала, красно-черная, покрытая кровавыми пенными барашками. А отмели были слишком ровные. Волна потока шириной в полтора километра на-

хлынет через минуту, а вокруг все слишком плоско и слишком зыбко, чтобы человек мог спастись. Уже почти стемнело, и гулкий рев достиг небывалой силы. На стремительно заливаемом мелководье было очень много больших камней, по крайней мере, по одному на каждого.

Жители Бумеровых Отмелей, включая гигантов, знали, зачем эти камни. Знали это и двое из знаменитостей. Только Арпад, судя по всему, не понимал. Его охватил невыносимый страх – он боялся утонуть.

Скорее замазать илом глаза, рты, носы и уши! Ила много, и он отличного качества! Духи Сома, спасите нас и сохраните! Это лишь на несколько часов, максимум – на два-три дня.

И только Арпад поддался панике. Лангустия Сом попыталась замазать ему рот и нос илом, чтобы спасти его, но он вырвался и побежал. Барахтаясь в прибывающей воде, он бежал навстречу смерти.

Все остальные все понимали. Они легли в ревущую реку, и один из гигантов положил каждому на грудь тяжелый камень, чтобы не унесло. А потом опустил и себе на грудь самый крупный.

На дне ревущего потока все были в безопасности, надежно укрытые в древней колыбели из ила и глины. Никто не в силах устоять против такого стремительного потока: единственный выход – залечь на дно и переждать. Какой освежающий, углубляющий и обновляющий опыт! Есть люди – и внутри, и вне системы – которые для такого обновления каждый год на три дня уединяются для молитвы. Вот и сейчас это было своего рода молитвенное уединение.

Когда через три дня поток схлынул, все они восстали: сбросили с себя камни, прочистили глаза, рты и уши от спасительного ила и снова отправились каждый своей дорогой.

Для Великофа Вонка и Вилли Макджилли это был бесценный опыт. Они нашли недостающее звено, – которое, впрочем, и не терялось, – и прожили еще по девяносто девять лет. Их родство крепло, мудрость росла. Говорят, каждый год они бывают на Отмелях в сезон илистых уток и сезон черепаших яиц. И в Ти-таун возвращаются окрепшими и довольными.

Однако из-за глупой смерти Арпада Аркабаряна в триоце волхвов образовалась брешь. Но ведь это никакая не догма, что волхвов обязательно должно быть три! Их может быть и семь, и девять, и даже двенадцать. А вот то, что их должно быть не меньше трех – почти догма. В Апокалипсисе Масула вроде бы написано, что в группу волхвов должны входить как минимум Комета, обычный человек и сом. Текст этот, правда, довольно мутный. Возможно, впрочем, из-за плохого перевода.

Итак, есть доктор Великоф Вонк, с огромной головой, тяжелыми надбровными дугами, сильно вытянутым вперед почти рылом и практически без подбородка, зато с гигантским задним умом и старым добрым чувством юмора. Он, как вы догадались, и есть тот самый ДИСЧ, нео-неандерталец, отсутствующее звено, одно из ответвлений рода человеческого, живущего поближе к илу и сомам.

И есть Вилли Макджилли, который принадлежит (он сам только недавно это понял) к той части рода человеческого, который называют кометами. Он яркий, и у него – свои периоды. Он – комета с малой орбитой, но, как бы там ни было, он среди звезд. И из него постоянно что-то сыпется, оставляя следы. Но какое-то время еще он протянет.

И нужен кто-то еще, чтобы восполнить триоцу волхвов. Две расы в ней уже представлены, так что третьим может стать обычный человек. Но он обязательно должен быть

признанный талант. Или молодое дарование, пусть пока и неизвестное.

Этим человеком можете стать вы. Давайте рискните, если уверены в своих силах. Не бойтесь зеленой змеи в кружке (испугаешься – и она вопьется тебе в лицо), глинистого ила, звездной пыли и безумного мира между ними.

СТАРАЯ ЗАБЫТАЯ НОЖКА

Буду краток, но по делу, то есть в тему этого рассказа.

Мне было двадцать девять лет. Моя жена забеременела. Когда она сообщила мне радостную новость, я:

а) пришел в экстаз;

б) вдруг начал просыпаться в три часа ночи и думать: «Чувак, ты умрешь. Наступит день, когда ты помрешь раз и навсегда». Эта мысль прочно засела в моей голове.

Не нужно быть гением психологии, чтобы понимать, откуда берутся такие мысли. С появлением нашего ребенка я становлюсь уже не самым последним звеном семейной цепи; возникнет новое звено, а я сам неизбежно упаду в разинутую пасть вечности. Нет, я буду жить в виде генов в моем ребенке, но не вечной жизнью в собственном теле. По всей видимости, до двадцати девяти лет о такой перспективе я не задумывался.

Нет, я справился. У меня замечательная дочь, и я не против того, чтобы сойти с дистанции, потому что, во-первых, участвовал в появлении дочери на свет, а во-вторых, написал несколько книг, которые, возможно, люди будут читать и после моей смерти. Так что у меня все в порядке.

Но этот всплеск осознания собственной бренности, случившийся со мной в двадцать девять лет, повторяется снова и снова, правда, чуть-чуть иначе. Я не боюсь умереть. Мне только жаль, что существовать я больше не буду. Мне нравится

жить. Жизнь – милейшая штука. Я уверен, что после смерти этот вопрос перестанет меня тревожить (ведь не тревожился же я, что не существую, до своего рождения?), но сейчас я как-то к этому не готов. Просто я так много сделал для того, чтобы обрести ощущение себя, окружающего мира, людей. Я же не смогу забрать все это с собой, верно? Вот в чем беда, скажу я вам.

Наверное, с моей стороны это эгоизм, но я не стану себя в нем винить. Возможно, перед самым концом он мне не поможет, но пока я жив, пусть будет так.

Как я уже говорил, эта моя короткая история – в тему рассказа «Старая забытая ножка». Рассказ, который и радует меня, и печалит. Радует потому, что Лафферти явно меня понимает. Печалит потому, что... ну да. Забвение ждет, верно?

Ладно. Пусть дождется (рано или поздно). Но до тех пор – я здесь, чуваки. И мне это нравится.

Джон Скальци

– Дох-доктор, к вам сфайрикос! – радостно воскликнула послушница Мойра П. Т. де С. – Настоящий сферический инопланетянин! Таких пациентов у вас еще не было, если, конечно, он не обманщик. Уверена, он отвлечет вас от мыслей... э-э-э... о грядущем великом событии. Каждому дох-доктору полезно иногда принять необычного пациента.

– Спасибо, послушница. Пригласите его, ее, четверного, пятерного или кто он там на самом деле. Вы правы, у меня пока еще не было настоящего пациента-сфайрикоса, да к тому же не обманщика. Сомневаюсь, что этот не обманщик, но в любом случае встреча с ним доставит мне удовольствие.

Сфайрикос вкатился – или втолкал себя – в клинику. Крупный экземпляр: либо взрослая особь, либо упитанный ребенок. Он перекатывал себя, выпуская и втягивая ложноножки. И еще он широко улыбался, этот большой эластичный полупрозрачный шар с быстро меняющейся окраской.

– Привет, дох-доктор, – бодро сказал он. – Во-первых, хочу поздравить вас с грядущим великим событием от себя лично и от лица моих друзей. Знайте, мы всегда рады вас поддержать. И во-вторых, у меня болезнь, которую вы, возможно, умеете лечить.

– Но сфайрикои не болеют, – заметил дох-доктор Драги, следуя врачебному долгу.

Как доктор понял, что круглое существо широко улыбается? Из-за быстро меняющихся оттенков на поверхности шара: это были цвета улыбки.

– У меня болезнь головы, а не тела, – сообщил сфайрикос.

– У сфайрикои нет голов, друг мой.

– Тогда это болезнь другого места, которое называется как-то иначе, дох-доктор. Но что-то во мне страдает. Потому я и пришел к вам, к дох-доктору. У меня болезнь в моем дохе.

– А вот это вряд ли. Сфайрикои идеально сбалансированы, у каждого внутри упорядоченная система, ваш организм сам себя регулирует, потому что наделен жизненно важной способностью решать любые проблемы и лечить любые недуги. Как ваше имя?

– Краг-шестнадцать. Это означает, что я шестнадцатый сын Крага. Шестнадцатый пятерной, конечно. Дох-доктор, у меня боль не во всем теле, а только в одной давно позабытой части.

– Но у сфайрикои нет частей тела. Вы цельные и неделимые. Вот скажите: какие у вас лично могут быть части тела?

– Я про ложноножку. Очень давно, еще в детстве, я выпустил ее и, как обычно, сразу втянул назад. Теперь она плачет, потому что хочет обрести прежнюю форму. Она всегда меня беспокоила, но в последнее время ведет себя невыносимо. Все время стонет, кричит...

– Разве не те же самые ножки используются повторно?

– Нет, не те же. Разве та же самая вода бежит в ручье мимо одного и того же дерева? Нет. Мы выпускаем ножки и втягиваем их обратно. Потом выпускаем снова, и так миллионы раз. И они никогда не те же самые. Они вообще лишены индивидуальности. Но эта кричит, чтобы ей вернули прежнюю форму, и она такая назойливая! Дох-доктор, как такое возможно? В ней нет ни одной молекулы из тех, что были в моем детстве, ничего от той ложноножки, которая давным-давно втянулась, ее частицы вошли в состав других ложноножек. А может, и частиц-то тех уже не существует! Эта ножка абсорбирована миллионы раз. Но она кричит! И не дает мне покоя!

– Возможно, ваша проблема носит физический или механический характер. Например, ложноножка втянулась не до конца. Или возникло что-то вроде грыжи, а вы неправильно интерпретируете симптомы. В таком случае вам лучше обратиться к вашему врачу. Насколько я знаю, у сфайрикои такой есть.

– Дох-док, этот древний чудака вряд ли поможет. Наши ложноножки всегда отлично втягиваются. Нас покрывает мерцающая смазка. Она составляет до трети нашей массы. Когда нужно больше, мы вырабатываем дополнительное количество или выпрашиваем у четверных – они делают ее

изумительно. Как вы и сказали, наш организм наделен способностью решать свои проблемы, и все благодаря этой смазке. Она действует, как универсальный бальзам, снимает боль от любых ран. Именно из-за нее мы круглые, как шары. Вы тоже должны ее испробовать, дох-док. Но одна маленькая нога во мне, которая давным-давно растворилась, все протестует и протестует. О, этот ее визг! И эти ужасные сны!

– Но сфайрикои не спят и не видят снов.

– Вы правы, дох-док. Но моя старая забытая нога определенно их видит – шумные и путанные.

Теперь сфайрикос не улыбался, а встревоженно перекачивался по кабинету. Как дох-доктор узнал, что сфайрикос встревожен? По игре оттенков на его поверхности: это были цвета тревоги.

– Краг-шестнадцать, я должен изучить ваш случай, – сказал дох-доктор. – Посмотрю, нет ли на него ссылок в справочниках, хотя почти уверен, что нет. Поищу похожие истории болезней. В общем, сделаю что в моих силах. Можете прийти завтра в это же время?

– Я приду, дох-док. – Краг-шестнадцать вздохнул. – Сил моих больше нет терпеть. Исчезнувшая малютка так плачет, так дрожит...

Существо выкатилось, или вытолкнуло себя из клиники, выпуская и втягивая ложноножки. Маленькие толкатели выросли из тягучей поверхности, потом втягивались и полностью в ней растворялись. Упавшая в пруд капля дождя оставляет след более заметный, чем исчезнувшая ложноножка сфайрикоса.

И все же давным-давно, когда Краг-шестнадцать еще был ребенком, одна из его ложноножек исчезла не полностью.

—

– В очереди несколько шутников, – доложила минуту спустя послушница Мойра П. Т. де С. – Среди них предположительно два-три настоящих пациента. Точнее не скажу.

– Еще один сфайрикос? – Дох-доктор внезапно ощутил беспокойство.

– Конечно, нет. Сегодняшний сфайрикос – первый и последний на моей памяти. Интересно, какие у него могут быть болезни, ведь они же не болеют. Нет, остальные в очереди – другие виды. Привычный утренний набор.

Что ж, не считая визита сфайрикоса, в клинике было обычное утро. В очереди чуть больше десятка посетителей, и минимум половина их них – шутники. Как и всегда.

Вошла поджарая шатающаяся сабула неопределенного пола и возраста. По клинике разнеслось... пожалуй, хихиканье? Да, из всех человеческих и нечеловеческих способов изъяснения, будь то посредством звука, цвета, радиолуча или осмерхетора, на ум приходит именно оно. Хихиканье звучало совсем близко, на расстоянии вытянутой руки, хоть и лежало за порогом осознанного восприятия.

– Дело не столько в том, что у меня ужасно болят зубы, – сабула визжала в таком высоком регистре, что дох-доктору пришлось включить специальный прибор, чтобы услышать ее речь, – сколько в том, что боль дергающая. Одно мучение! Хочется отрезать себе голову. Дох-доктор, у вас есть отрезатель голов?

– Позвольте взглянуть на ваши зубы, – дох-доктор едва сдерживал раздражение.

– Один зуб прыгает вверх-вниз на колючей подошве, – визжала сабула. – Второй кромсает десны, как заржавленная игла. Третий рвет, как тупая пила. Еще один обжигает, словно жаркое пламя!

– Позвольте взглянуть на ваши зубы! – сурово повторил дох-доктор.

– А другой сверлит дырки и закладывает в них маленькие тротилловые шашки. – Голос сабулы поднялся на тон выше. – Потом подрывает, и... О-о-ох! Вот опять!

– Позвольте взглянуть на ваши зубы!!!

– Смотри-и-и! – взвизгнула сабула. Зубы посыпались на пол – десять килограммов зубов, десять тысяч зубов – и разлетелись в разные стороны.

– Смотри-и-и! – еще раз взвизгнула сабула и выбежала из клиники.

Хихиканье? (Он прекрасно помнил, что у сабулы нет зубов.) Хихиканье? Скорее уж ржание обезумевших лошадей. Треск отбойного молотка – рев дольки. Истерический смех офиты. (На самом деле разлетелось десять кило мелких зловонных моллюсков, уже полуразложившихся). Надрывный гогот арктоса. (Теперь клиника пришла в негодность. Но это неважно. Ночью он сожжет ее и завтра построит новую).

Шутники, насмешники, они разыгрывали его. Это их развлекало.

– У меня беда, – начал юный долькус, – но я не могу о ней рассказать, потому что нервничаю! Мысль о том, что я должен о ней рассказать, сводит меня с ума!

– Не волнуйтесь, – мягко произнес дох-доктор, мысленно готовясь к худшему. – Расскажите о своей беде так, как считаете нужным. Мое призвание – помогать тем, у кого проблемы со здоровьем, какими бы они ни были. Рассказывайте.

– Да, но это заставляет меня очень-очень нервничать. Я не в себе, ежусь и корчусь. Я разнервничался. Того и гляди, конфуз выйдет.

– Расскажите о своей беде, друг мой. Я здесь для того, чтобы помогать всем, кому требуется помощь.

– Ой! Ай! Конфуз все-таки вышел! Говорю же, я страшно разнервничался!

Долькус обильно помочился на пол и, смеясь, выбежал из клиники.

Смех, визг, пронзительный хохот – казалось, они вытягивают душу. (Но доктор помнил, что долькисы не мочатся, у них только твердые выделения.) Хохот, улюлюканье! Долькус вылил на пол пакет зеленой воды из болота кольмулы. Даже инопланетяне шутили над дох-доктором, и смех у них был язвительно-зеленый. Но тут ничего не поделаешь – на пару пациентов с настоящими, пусть и незначительными, проблемами, всегда находилась масса шутников.

В клинику вошел арктос... (Стоп! Нельзя рассказывать людям о специфических шутках этого создания. Даже сабула и офита залились краской смущения. Лишь сами арктосы способны воспринимать свои шутки. После него был еще один долькус...

Шутники, насмешники. Обычное утро в клинике.

Человек делает все возможное ради общности, которая гораздо выше его собственного «я». В случае дох-доктора Драги это означало пожертвовать очень и очень многим. Но тот, кто работает со странными созданиями, не вправе ожидать адекватного материального вознаграждения или комфортной обстановки. А дох-доктор был искренне предан своему делу.

Он жил без тревог, в простоте и гармонии; активно участвовал в общественных мероприятиях, даже малозначительных, всегда был полон энтузиазма и преданности

коллективному существованию. Он обитал в домиках, сплетенных из гиолач-травы аккуратным двойным спуском. В каждом домике доктор проводил не больше недели, после чего сжигал его, а пепел развеивал. Один горький шарик из пепла он клал на язык как символ мимолетности преходящего и радости обновления. Жизнь в домике становилась скучной рутинной уже через неделю. А гиолач-трава, сплетенная в косички, должна простоять семь дней, чтобы хорошо гореть. Таким образом домики сами устанавливали ритм жизни. Полдня на постройку, семь дней на проживание, полдня на ритуал сожжения и рассеивания пепла и наконец ночь обновления под спейр-небом.

Питался доктор плодами райби, иньюена, юлла и пиоры, когда для них был сезон. А девять дней межсезонья не ел ничего. Одежду он шил из растения колг, бумагой ему служили листья пейлми, печатное устройство заправлял соком растения бьюеф, а для резки бумаги приспособил камень слинн. Все, что ему требовалось, он брал у природы. Никогда не использовал выращенное на обработанной земле и ничего не просил у чужеземцев – бедный миссионер, преданный своему делу.

Сейчас он вытаскивал из клиники свои вещи и складывал в кучу, а послушница Мойра П. Т. де С. уносила часть из них в свой гиолач-домик, где они будут храниться до завтрашнего утра. Потомдох-доктор традиционно предал огню клинику, а через несколько минут и свой домик. Все это было символом большого ностоса – обновления. Дох-доктор нараспев прочел великие рапсодии. К нему подходили другие люди и декламировали вместе с ним.

– Это не смерть волокон гиолач-травы, – речитативом произносил он, – это прямая дорога в восхитительную безграничную жизнь. Эти пеплы – входная дверь, и каждый из

этих пеплов свят. Все становится частью единства, которое выше собственного «я». Это не смерть обломка половицы из гивиса, не смерть комка растрескавшейся глины, не смерть клеща или вши в складке кожи. Все они стали частью великой общности.

Он сжег, развеял, продекламировал и положил на язык шарик горького пепла. И отчасти испытал чувство великого единения. Он съел святой иньюен и святой юлл. А когда с домом и клиникой было покончено, наступила обновляющая ночь. Бездомный человек лег на траву и под спейр-небом уснул безмятежным сном.

Наутро доктор приступил к сооружению новой клиники и дома.

– Это последние здания в моей жизни, – сказал он себе.

Великое событие, к которому он шел – смерть. Ему досрочно открыли путь к великой общности. Поэтому он строил очень аккуратно, соблюдая ритуал последней постройки. И заделывал щели в обоих домах особой глиной, которая придает пеплу особую горечь.

Краг-шестнадцать прикатился, когда дох-доктор достраивал клинику. Сфайрикос помогал ему строить и заодно получал консультацию по своей болезни. Орудую ложноножками, Краг-шестнадцать необычайно быстро плел косички из травы – десять или даже сто одновременно, толстых, тонких, какие требовались, и все с завидной скоростью. В плетении косичек ему не было равных.

– Забытая ножка все еще страдает? – спросил дох-доктор.

– Еще как! У нее истерика, она охвачена ужасом. А я даже не знаю, где она. И она тоже не знает. По-моему, это тайна за семью печатями. А вы уже придумали, как нам помочь? Мне и ей?

- Нет, к сожалению.
- В справочниках ничего нет?
- Ничего, что можно идентифицировать как ваш случай.
- Какие-нибудь похожие истории?
- Знаете, Краг-шестнадцать... пожалуй, все-таки есть сходный случай. Правда, вам это не поможет. И мне тоже.
- Это очень плохо, дох-доктор. Что ж, буду с этим жить. А маленькая ножка в итоге с этим умрет. Прав ли я, предполагая, что ваш случай чем-то похож на мой?
- Нет. Мой больше похож на случай вашей потерявшейся ножки.
- Что ж, буду делать, что могу, для себя и для нее. Вернусь к старому средству, нашему волшебному бальзаму. Хотя мерцающей смазки на мне и так уже чересчур много...
- Как и на мне, Краг-шестнадцать, в некотором смысле.
- Раньше я стыдился своей болезни, скрывал ее. Но после встречи с вами решил поговорить с друзьями. И у меня появилась надежда. Но прежде я должен опорожнить свой большой базу.
- У сфайрикой нет базу.
- Это бородастая шутка, дох-док. Вот что я решил. Поскольку моя собственная смазка работает неудовлетворительно, я хочу попробовать специальный вид бальзама.
- Специальный вид? Очень интересно, Краг-шестнадцать. Знаете, мой собственный бальзам, кажется, совсем потерял эффективность.
- У меня есть подруга, дох-док. Или друг. Как правильно назвать? Она четверного типа относительно моего пятерного. Эта особа, хоть и неразборчива в связях, – мастер своего дела, специальный бальзам выделяет в избытке.
- Боюсь, мне он не подойдет, Краг-шестнадцать. Но, возможно, для вас это решение. Ведь бальзам специальный?

Он растворяет все проблемы? Включая даже те, что не принято считать проблемами?

– Это самый особенный из всех бальзамов, дох-док. Он растворяет абсолютно все. Надеюсь, он проникнет к моей забытой ножке, где бы та ни скрывалась, и погрузит ее в добрый вечный сон. Ножка будет знать, что она – сон, и перестанет меня мучить.

– Если б я не прекращал практику, Краг-шестнадцать, я бы раздобыл немного такого бальзама и поэкспериментировал. Как зовут ту четверную особу?

– Торчи-двенадцать.

– Да, я слышал о ней.

Все знали, что идет последняя неделя жизни дох-доктора, и каждый стремился сделать так, чтобы его счастье стало еще полнее. Утренние шутники превзошли самих себя, особенно арктосы. В конце концов, доктор умирал от их болезни, которая для самих арктосов не смертельна. Шутники весело проводили время возле клиники, и у дох-доктора зародилось малодушное ощущение, что жизнь все-таки предпочтительнее смерти.

Он так и не достиг правильного душевного настроения, это было заметно с первого взгляда. Мирской священник Мигма П. Т. де С. пришел наставить его на путь истинный.

– Великая общность, куда вы держите путь, дох-доктор, – вещал священник, – это счастливое единство, и оно выше любого собственного «я».

– Да, знаю, но вы втираете очки не очень умело. Меня учили этому с раннего детства. И я смирился.

– Смирились? Но вы должны быть в восторге! Собственное «я» безусловно погибнет, но оно продолжит существовать как составная частичка эволюционирующего

единства, точно так же, как дождевая капля живет в океане.

– Верно, Мигма. Но разве капля не может сохранять память о том времени, когда она была облаком, или о том, как падала дождем, струилась ручьем? Разве капля не может сказать: «В этом океане чертовски много соли! Я в нем потерялась».

– Нет, не может. Капля жаждет потеряться. Единственная цель существования – закончить существовать. В эволюционирующем единстве не может быть слишком много соли. Ничего не может быть слишком много. Все сливается в гармонии единства. Соль и сера становятся единым неразличающимся. Потроха и дух сплавляются воедино. Благословенно забвение в общности, которая обрушивается сама на себя.

– Мне все это до одного места, мирской священник. Я устал.

– До одного места? Не вполне понял вашу фразу, дох-доктор, но уверен, она здесь кстати. Вы правы, дох-доктор, все в одном месте: животные, люди, скалы, трава, миры, осы. Все стирается с лица земли и попадает в огромное – могу я добавить этот эпитет? – огромное одно место!

– Боюсь, ваш эпитет здесь очень кстати.

– Это великая общность, счастливая кончина индивидуальности и памяти, это единение живых и мертвых в великом аморфизме. Это...

– Это древний бальзам на душевные раны, который давно утратил мерцание истины, – печально закончил дох-доктор. – Как там говорится в старой поговорке? «Если смазка стала липкой, вперед не двинешься – обязательно приклеишься».

Нет, не было у дох-доктора правильного настроения, ему требовалась поддержка окружающих. А время его заканчи-

валось, час смерти уже назначен. Существовали опасения, что дох-доктор исчезнет не должным образом. К великому событию он подходил явно не в том настроении.

Прошла неделя, наступил последний вечер. Дох-доктор по традиции поджег клинику и несколько минут спустя – свой дом.

Он сжег постройки, развеял пепел, продекламировал соответствующую моменту рапсодию. Съел святой плод иньюен и святой плод юлла. Потом положил на язык шарик самого горького пепла и лег, чтобы провести последнюю ночь под спейр-небом.

Он не боялся умереть.

«Я с радостью перейду мост, – думал он, – но я хочу, чтобы он вел на другую сторону. А если другого берега нет, то я хочу знать об этом. Сказано: «Молись, чтобы счастливо исчезнуть на века. Молись ради благословенного забвения». Но я не хочу счастливого исчезновения на века. Уж лучше геенна огненная, чем благословенное забвение! Я лучше буду гореть в аду, если буду знать, что в огне я. Я должен остаться собой. Не хочу отказываться от себя».

В ту ночь он не сомкнул глаз. Может, оно и к лучшему – умирать проще, если ты устал и не выспался.

«Другие не забивают голову такими мыслями, – сказал доктор себе, тому человеку, которого не хотел терять. – Другие способны быть счастливы в забвении. Почему я не такой, как все? Другие мечтают исчезнуть, пропасть, потеряться. А я утратил веру, в которой меня взрастили, хотя исповедовал ее долгие годы. Что же во мне такого особенного?»

Ответа на этот вопрос не было.

«Но если во мне есть нечто особенное, я не хочу его потерять. Я буду выть и стонать миллиарды веков, лишь бы

не исчезнуть. Постараюсь схитрить. Придумаю какой-нибудь знак, чтобы узнать себя, если встречу снова».

За час до рассвета пришел мирской священник Мигма П. Т. де С. – арктос и долькус сообщили ему, что человек плохо спал и его настроение не соответствует величию момента.

– Я приведу вам аналогию, дох-доктор, которая, возможно, облегчит вашу душу, поможет обрести великое спокойствие и покроет великим слоем смазки-бальзама, – тихо зашептал мирской священник.

– Ступай своей дорогой, приятель, твой бальзам протух.

– Просто примите как данность, что в действительности мы никогда не жили, нам это только казалось. Поймите, мы не умираем, а лишь впитываемся в великое обезличенное «я». Взгляните на странных сфайрикой этого мира...

– А что с ними? Я часто о них думаю.

– Мне кажется, они посланы, чтобы указывать нам путь истинный. Ведь сфайрико́с – идеальный шар, прообраз великого единства. Иногда по его поверхности пробегает рябь, и вытягивается маленькая ложноножка. А теперь представьте, что ложноножка вообразит себя личностью на время своего существования. Разве не смешно?

– Не смешно. – Дох-доктор поднялся с травы.

– Через мгновение ложноножка втягивается обратно в сферу. То же самое происходит и с нами. Никто не умирает. Мы лишь рябь на поверхности великого единства. Разве не смешна мысль о том, что ложноножка хочет о чем-то поминуть?

– Нет. Я буду помнить все. Буду помнить миллионы лет не только за себя, но и за миллионы тех, кто все забудет.

Дох-доктор бежал вверх по склону. В темноте он натыкался на деревья и спотыкался о пни, но это даже радовало его – он словно стремился навсегда запечатлеть в памяти боль от ударов и падений.

«Пусть я сгорю дотла, но я должен точно знать, что горю именно я!»

Вверх, вверх, к сферическим домикам сфайрикои, спотыкаясь и крича в темноте. Вверх к хижине, о которой ходили особые слухи, к хижине с искрящейся аурой, уникальной, единственной в своем роде.

– Откройте! Помогите! – крикнул дох-доктор у последней хижины на холме.

– Человек, иди прочь! – отозвался голос. – Все клиенты ушли, моя ночь на исходе. И что вообще нам делать с человеческим существом?

Округлый мерцающий голос исходил из настороженной темноты. В ней скрывалось бессмертие. Его трепещущие цвета, просачиваясь сквозь щели хижины, становились зримыми и яркими. Там было даже мерцание оттенка, который говорил: «Я смогу узнать себя, если когда-нибудь снова встречу».

– Торчи-двенадцать, мне нужна помощь! Говорят, у вас есть специальный бальзам, который растворяет абсолютно все, но память о том, кто ты есть, остается неприкосновенной.

– О, да это же дох-доктор! Зачем пожаловали к Торчи?

– Мне нужно то, что погрузит меня в приятную и бесконечную дрему, – взмолился он. – Но в этой дреме я хочу оставаться собой. Вы мне поможете?

– Торчи-двенадцать, хоть и неразборчива в связях, мастер своего дела. Конечно, мы вам поможем. Заходите в дом...

МИР КАК ВОЛЯ И ОБОИ

Как и «Школа на Камирои», этот рассказ – один из первых, прочитанных мною у Рафаэля Алоизиуса Лафферти (1914–2002).

Где он был впервые напечатан – понятия не имею. Сегодня об интеллектуальном контексте творчества мне известно гораздо больше, чем тогда, в начале; и, на мой взгляд, контекст куда менее важен, чем само творчество. Некоторые, правда, считают, что контекст – это часть проекта под названием «рассказ». Так в какой же антологии он вышел – в сборнике Джудит Меррил? Или, может, Терри Карра? Честно, я просто прочел этот рассказ, и не помню, где он был напечатан.

Как-то я вел писательский семинар «Кларион» в Тулейнском Университете (среди участников, кстати, был и Джордж Р. Р. Мартин). Я все время думал: а прибудет ли сюда Лафферти собственной персоной? Но он не приехал. Надо сказать, участники семинара были в некотором смятении, потому что молодой человек, который все это организовал, в последний момент тоже куда-то исчез. Интересно, что даже в то время всем было очевидно, что Лафферти – легенда.

Но что сказать о рассказе?

Уильям Моррис (1834-1898) был очень умный, богатый и одаренный разнообразными талантами человек. Убежденный социалист, автор нескольких книг в стиле фэнтези, включая «Новости ниоткуда» и «Лес за гранью мира». Он поддерживал

многих художников, например, Эдварда Берн-Джонса, и создавал знаменитые обои с растительным орнаментом, которые пользуются популярностью и по сей день. К тому же он в собственной книгопечатне «Келмскотт» выпускал великолепно иллюстрированные издания. Например, «Собрание сочинений Джеффри Чосера». Он один из самых известных людей своего времени и незримый герой футуристической сказки Лафферти, рассказывающей о путешествии по так называемому Всемироному городу.

Как и в случае со многими другими влиятельными фигурами викторианской эпохи, всем понятно, что слава Морриса – это целиком и полностью результат его социального положения.

Название рассказа Лафферти перекликается с названием двухтомного труда немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788-1860) «Мир как воля и представление». Шопенгауэр известен исключительным пессимизмом своей философской доктрины и великолепным стилем письма.

Подобно пьесе Уоллеса Шона, действие сказки Лафферти происходит в печальном будущем и постепенно движется к печальному концу. История начинается вроде бы с обычного классического описания города, прямо как у Джейн Джекобс («Место концентрации людей, не являющихся самодостаточными»), а затем идет поправка на развитие города: «Всемирный город экономически самодостаточен».

К концу рассказа пессимизм Лафферти идет рука об руку с Шопенгауэровским. Поклонники и критики часто подчеркивают религиозность Лафферти, его преданность католицизму: еще один писатель-католик (давно почивший) – Томас Диш. И мне интересно, в какой степени этот рассказ может быть прочитан как часть культурного контекста, питающего обоих писателей.

Рассказ Лафферти – это история о фальшивках, подделках, суррогатах; а Всемирный Город – милейшее местечко, пронизанное течением и по нему же дрейфующее в никуда. Имя главного героя – отсылка к Уильяму Моррису, и эта игра с именами потом продолжается с Кэнди Кэлош и Блонди Фаркуар; Всемирный город, конечно, слишком велик для того, чтобы они увидели его целиком. Им видны лишь части, то, что открыто для зрения, и эта картина по мере разворачивания истории удручает все больше и больше.

В целом, рассказ говорит о том, что мир, приближаясь к своему концу, требует самодостаточности и самообеспечения.

Сэмюэл Дилэни

1

План, шаблон, и трафарет –
Здесь другого просто нет.
Глупый мальчик, ты куда?
Ждет в конце пути беда.
Обернется пустотой
Весь Всемирный Город твой.

Баллада Тринадцатой улицы

В одной старой энциклопедии слово «Город» объясняется как «место концентрации людей, не являющихся самодостаточными». Энциклопедия была старая-престарая (других попросту не водилось), и она ошибалась. Всемирный Город был экономически самодостаточен.

Определение города в старой энциклопедии прочитал молодой человек по имени Уильям Моррис. Уильям был чи-

татель, он даже помнил отрывки из нескольких книг. И у него возникла идея. Если все книги старые, решил он, возможно, в Мире уже все по-другому. Не так, как в книжках. Пойду-ка я, подумал он, и посмотрю, что происходит в Городе. Буду идти долго-долго, пока хватит жизни. Возможно, даже выйду за пределы Мира и увижу Лес, который описывал мой древний тезка, чье имя я получил во время игры в распределение имен¹.

И Уильям направился в Городскую контору по выдаче всевозможных разрешений. Поскольку в Мире существовал только один Город, то и контора была всего одна, причем небольшая.

– Мне нужно разрешение на путешествие по Городу длиной в мою жизнь, – сказал он клерку. – И еще разрешение на посещение Леса за пределами Мира. Это возможно?

Клерк прошелся вокруг Уильяма танцем, «как петух вокруг курочки». Это старое крылатое выражение знали все, его учили в школе наряду с пятьюдесятью пятью другими крылатыми выражениями. И Уильям, и клерк понимали, что именно так (метафорически) называется странный танец, и произносить древнее выражение вслух не требовалось.

Уильям был первым посетителем конторы за долгие-долгие дни, и этот неожиданный визит застал клерка врасплох.

– Поскольку сейчас ничего не запрещено, никакое разрешение вам не требуется, – сообщил клерк. – Ступайте куда хотите, дружище.

¹ Имеется в виду Уильям Моррис (1834–1896) – английский поэт, прозаик, художник, издатель, социалист. Сегодня он известен прежде всего уникальными узнаваемыми эскизами обоев, до сих пор пользующимися популярностью как в Великобритании, так и во всем мире. Одно из произведений Морриса – роман-фэнтези «Лес за пределами мира».

– Зачем же тогда вы сидите здесь? – удивился Уильям. – Если не надо выдавать разрешения, зачем нужна контора по их выдаче?

– Здесь тихий уголок, мое гнездышко, – сказал клерк. – Катись-ка ты скорей отсюда, дружок, и дальше по Городу. Учти только, что в такое путешествие обычно берут с собой спутника или спутницу.

Уильям вышел из конторы и быстро нашел себе спутницу. Ее звали Кэнди Кэлош. Вместе они отправились покорять Всемирный Город. Они начали свое путешествие (чисто по совпадению) от камня, на котором было выбито: «Шаблон 35 352». Город вздрогнул, чуть-чуть качнулся, и они тронулись в путь.

А теперь немного о Городе:

Его называли «Город Всемирной Воли», потому что его строили на волне глобального взлета небывалой воли к творчеству. Позже, правда, с этой волной что-то случилось, но это неважно, ведь город к тому времени был уже построен.

Город был разномастный, веселый, свободный и занимал собой весь Мир. Горы и холмы сравнивали с землей, и Город представлял собой разновеликие полоски суши вперемежку с каналами пресной и соленой воды. И все это вместе дрейфовало в древнем океане на специальных поплавах. Все в городе было абсолютно бесплатно. Всем гарантировалась свобода выбора и передвижения. Никто нигде не толпился, кроме тех мест, где народ сам хотел собираться большими компаниями, гонимый древним инстинктом сбиваться в стаи. Всего было вдосталь: еды, развлечений, жилья. На самом деле все это и раньше не имело никакой цены, ведь стоимость товаров складывается в основном из упаковки и транспортировки. А во Всемирном Городе их

полностью упразднили. «Работа – это удовольствие», – общало каждому жителю Города подсознание. Так оно и было. Разве не удовольствие – заглянуть куда-нибудь и поработать часок? Или даже полтора? Заняться чем-то совершенно новым для себя?

Уильям и Кэнди зашли в мастерскую, где изготавливали ткани из морских раковин. Сперва раковины размягчали, потом из полученной субстанции пряли на прядильной машине нити, потом на другой машине из нитей не ткали, а формировали ткань. Нельзя сказать, что ткань эта была необходима для пошива штор или, скажем, одежды; но кое на что она все же годилась – а именно, на декорации. Температура воздуха в Городе была такая, что нужда в одежде совершенно отсутствовала; а про стыдливость местные жители забыли уже давным-давно. Но иногда немного ткани им все-таки требовалось – для декора.

Уильям и Кэнди поработали примерно час в компании других счастливых людей. Правда, когда они закончили, на их ткани поставили штамп «отбраковано». Но это не значило, что ткань вернется обратно на стадию раковины – только на стадию нитей.

– Честный труд никогда не пропадает даром, – продекламировал Уильям торжественно, как однорогая сова с хохолком.

– Я знала, что ты читатель, но не догадывалась, что ты еще и оратор, – удивленно заметила Кэнди.

Люди во Всемиром Городе почти не разговаривали друг с другом. Зачем разговоры, когда ты постоянно счастлив? И да, честный труд на самом деле никогда не пропадает даром, особенно если работаешь понемножку и в свое удовольствие.

Часть Города, в которой они сейчас находились (как, наверное, и все остальные части), дрейфовала в древнем океане. Поэтому тут все время ощущалось небольшое покачивание. «Город всегда в движении», так звучала еще одна старая крылатая фраза. «Ну а как? – говорили местные жители, – ведь он движется во время приливов и отливов». Это была своего рода шутка.

Молодые люди прошли десять кварталов, потом двенадцать. Окружающая местность была знакома Уильяму, а вот Кэнди здесь раньше не бывала. Они шли на запад – Уильяма всегда тянуло в ту сторону. Кэнди же наоборот, выходя из дома, шла только на восток. До встречи с Уильямом она даже не смотрела в западном направлении, а уж так далеко на запад точно не забредала.

Они вышли на Четырнадцатую улицу к «Водному Балету» и остановились посмотреть на пловцов. Те плавали просто замечательно, и множество затейливого вида рыбок резвились вместе с ними в зеленой соленой воде. Все, кто хотел поплавать, могли присоединиться к Балету, но все-таки большинство пловцов были хорошо обученные профессионалы и составляли часть водного ландшафта.

На Пятнадцатой улице Уильям и Кэнди зашли в кафе быстрого питания пообедать водорослями и планктоном. Кэнди еще и поработала полчаса: прессовала планктон и сбрызгивала специальным белковым соусом. Она не первый раз трудилась на ниве фастфуда.

После обеда они прошлись до Шестнадцатой улицы и заглянули в Выставочный Зал Всемирной Воли. У входа написали свои имена специальным восковым карандашом. Точнее, Уильям написал, Кэнди-то писать не умела. А поскольку он носил волшебное имя Уильям, из прорези авто-

мата специально для него выскочила карточка со стихами, посвященными Всемирной Воле:

Построен был Всемирный Город
По воле сильных, по воле гордых.
Свернули горы и скрыли море,
Чтоб жил Уилли не зная горя.

Неужели и правда для строительства Города понадобилось столько воли, столько страсти? Да, скорее всего. Ведь иначе незачем было бы возводить этот Выставочный Зал. Хотя некоторые утверждали, что Город стал таким просто в ответ на происходящее в мире.

Поскольку Кэнди не умела читать и писать (автомат каким-то образом прознал об этом), она получила в подарок фотокарточку.

На Семнадцатой улице они задержались возле комплекса «Скальный город». Этот район был незнаком и Кэнди, и Уильяму. Утесы и пещеры здесь все были искусственные, и жилища в них тоже, но комплекс выглядел совсем как настоящий город в горах. С одного уровня на другой вели небольшие лестницы. На маленьких балконах сидели люди, за ними виднелись крошечные окна квартирок. Поскольку скальный город имел круговую структуру, многие его жители постоянно видели друг друга. Центральный внутренний двор походил на амфитеатр. Здесь молодежь играла в стикбол и индейскую лапту, била в бубны и наигрывала на флейтах. Кругом свивались в кольца искусственные змеи, бродили искусственные койоты и искусственные тощие собаки с выпирающими ребрами; искусственные женщины мололи кукурузные зерна ручными мельницами. А в маленьких лавочках и павильонах живые люди, гости комплекса, мололи искусственные кукурузные зерна в аппаратах.

Кэнди Кэлош зашла в один из павильонов и минут пятнадцать молола искусственную кукурузу. Эту девушку отличала здоровая тяга к труду. Уильям Моррис тоже поработал: сделал несколько корн-догов из искусственной кукурузы и водорослей.

Здесь, в скальном городе, было приятно. Иногда кто-то запевал псевдо-индейскую песню. Повсюду лежали яркие лоскутные одеяла и циновки, сплетенные из стеблей вьюнка. Люди в масках и шутовских костюмах показывали разные сценки и рассказывали что-то смешное. И, хотя их шутки понимали только обитатели скального города, гостям тоже было весело и интересно.

– Все везде другое, все совсем другое, с каждым кварталом все меняется, – бормотал Уильям в упоении.

Наверное, уже начался вечер, хотя вечер во Всемирном Городе – вещь относительная. Днем никогда не бывало совсем светло, а ночью – совсем темно. Ясного неба никто не видел, зато приглушенный рассеянный свет присутствовал всегда.

Уильям и Кэнди двинулись дальше на запад.

– Как же это чудесно – путешествовать по Миру! – восхищался Уильям. – Город такой огромный, и, наверное, всей жизни не хватит, чтобы обойти его весь! И везде все такое разное.

– Да ты оратор, – сказала Кэнди. – Как бы и мне стать оратором? Тогда бы и я могла говорить о том, что «везде-все-такое-разное».

– Это и есть величайшее чудо Города, – продолжал разглагольствовать Уильям. – Можно путешествовать по нему всю жизнь. А кульминация путешествия – Лес за пределами Мира. Но что дальше, Кэнди? Город нескончаем, он покрывает все. Что дальше Леса за пределами Мира?

– Будь я оратором, я бы тебе ответила, – сказала Кэнди.

Но Уильяму Моррису не терпелось поговорить. Он увидел немолодого человека с гордой прямой осанкой и нарукавной повязкой «Смотритель». Конечно, только читатель вроде Уильяма мог понять, что там написано.

– Мой тезка, чье имя я получил во время игры в распределение имен, придумал Лес за пределами Мира – и название, и внешний вид, – сказал Уильям пожилому смотрителю, который слушал его с улыбкой. – Меня, как и его, зовут Уильям Моррис, и я мечтаю увидеть этот запредельный Лес. Я, возможно, живу ради этого.

– Что ж, Уилли, если твое желание увидеть Лес настолько велико, значит, ты обязательно его увидишь, – сказал человек.

– Но меня беспокоит один момент, – встревоженно произнес Уильям, морща лоб. – Что находится за Лесом, который за пределами Мира?

– Ну, это совсем несложная загадка, – человек опять улыбнулся. – Как же так? Ты читатель, а не знаешь таких простых вещей?

– Вы не могли бы дать мне ключ к этой несложной загадке? – попросил Уильям.

– Могу, – кивнул человек. – Вот тебе ключ: запомни, твой тезка создал не только Лес за пределами Мира, но и кое-что еще.

– Пойдем уже дальше, читатель, – позвала Кэнди.

Они пошли по Восемнадцатой улице к шоу-площади Вестсайдская история. Ни Уильям, ни Кэнди раньше здесь не бывали, но слышали, что эта площадь совершенно невероятная.

Так и оказалось. Всюду стояли огромные усилительные колонки, подключенные к электросети. Причем подключены

были не только они, но и участники шоу. Декорации выглядели просто шикарно – грубые, обшарпанные задние дворы старых многоквартирных домов. Кое-где даже виднелись пожарные лестницы, не отличимые от настоящих: казалось, по ним даже можно бегать вверх-вниз. Когда-то в прошлом электрики так и делали, но потом им это запретили, потому что некоторые покалечились, а кто-то даже погиб. Но атмосфера на площади была абсолютно достоверной.

Виданое ли дело, там даже белье сушилось на веревках! И оно колыхалось! Маленькая ветродуйная машина создавала впечатление настоящего ветра! Неудивительно, что это место называли «шоу-площадь»: живописные трущобы, гламурное гетто – прошлое как оно есть.

Актеры (а в этой части Восемнадцатой улицы казалось, что все вокруг актеры) были одеты в обтягивающие джинсы, рваные рубашки и прохудившиеся туфли. Наверное, в одежде и обуви им было жарко, но искусство требует жертв. Существуют такие моменты, когда погода одинакова не для всех.

Актеры играли драму, показывали комические и бытовые сцены. Драматизм заключался в обоюдной ненависти классов, которые, впрочем, не были четко определены. В те старые времена в Городе существовало много враждующих групп, особенно в таких живописных районах.

Огни не складывались в узоры, но сияли очень ярко. В музыке не угадывалось ни мелодии, ни аккордов, но она звучала громко и с ошеломляющей страстью. Актеры не пели, а кричали – истошно и яростно. Некоторые, корчась, падали на землю и замирали с пеной у рта.

Да, этакое надо видеть и слышать – по крайней мере, хоть раз в жизни. Уильям и Кэнди покинули площадь с ощущением, что уши у них кровоточат, а глаза покрылись

ржавчиной. Они отправились на Девятнадцатую улицу, где шел фестиваль «Всякая всячина».

Уже стемнело, насколько это возможно в Городе, но фестивальная площадка была хорошо освещена. Какие-то люди окружили Уильяма и Кэнди и устроили им «свадьбу», водрузив на головы венцы из бумаги.

Потом их ждал «романтический ужин с вином» (еще одно древнее крылатое выражение). На самом деле, им налили недурной коньяк из рыбной сыворотки, и подали мясо из водорослей, смешанное с мелко порубленной плотью из измельчительного комбината.

Рядом с фестивальной площадкой находился «Подушечный Дворец» и молодые люди вошли туда, мягко ступая по подушкам. Каждый вечер в этой части Девятнадцатой улицы толпился народ, кочуя между Дворцом и фестивалем. Большинство посетителей вели себя дружелюбно, несмотря на остекленевшие глаза и широкие влажные улыбки.

2

Это просто, хоть и грубо: хорошо быть членом клуба!
Остальным – чего попроще: здесь планктону каждый рад.
Дай им хлеба, дай им зрелищ, дай гиганта-лесоруба,
Пусть простейшие резвятся – а потом на комбинат.

Баллада Двадцатой улицы

Интеллектуально развитый индивидуум потребляет мировые ресурсы нерационально, поэтому нам предстоит радикально уменьшить количество таких, как мы. Умственно неразвитые особи лишены жадности размножения и потребления, если они обитают в относительном комфорте и получают достаточное питание. Они счастливы,

их развлекают, а когда их убеждают в том, что они уже все испытали и посмотрели, они превращаются в стариков и охотно отправляются на измельчительный комбинат. Два или около того процента населения составляем мы, высшие создания, и именно мы управляем Миром.

Зачем же тогда нам вообще нужны все остальные – миллиарды недоразвитых особей? Мы позволяем им существовать, мы относимся к ним, как наши предки относились к цветущим растениям, к плодородным землям, к животным, к красивым домам, деревьям или артефактам. Мы хотим, чтобы они существовали. Кроме того, для этого не требуется никаких усилий с нашей стороны.

Когда-то в прошлом были приложены титанические усилия – на великой волне Всемирной Воли. Пришлось опустить небо, сдвинуть горы и сравнять их с землей. Так проявила себя Воля Мира. И это был новый акт творения. Но каким должен стать следующий шаг, когда оказывается, что жители построенного Города его недостойны, когда оказывается, что они – крупный рогатый скот, перед которым не стоит метать бисер? Следующий шаг – иерархия. Иерархия есть даже у ангелов, а мы чем хуже? Тот, кто не лишен разума, но недостаточно развит для того, чтобы стать членом нашего Клуба, подлежит разрушению и уничтожению – это необходимо для нормального функционирования Города. У Элиты всегда есть Клуб. Наш Клуб – это организация. И вместе с тем – орудие наказания.

Летопись Всемирной Воли. Доска объявлений

Утром Кэнди решила вернуться домой, даже несмотря на то, что ей предстояло пройти двадцать кварталов. Уильям опечаленно смотрел ей вслед. Придется найти спутницу, устремленную на запад и готовую разделить с ним путеше-

ствии длиною в жизнь по бесконечному и разнообразному Городу. И эта спутница должна быть оратором или хотя бы читательницей.

И он нашел такую. Ее звали Блонди Фаркуар, хотя она была очень смуглая и черноволосая. Они отправились в путь рано утром, чтобы сегодня или спустя целую жизнь добраться до Леса за Пределами Мира.

– Но это же совсем недалеко, – говорила Блонди (она была оратор). – Мы уже вечером будем там. Заснем прямо в Лесу, в сени знаменитых Разбойников. Ах, утро, смотри, какое оно чудесное! Только на прошлой неделе наверху было видно голубое пятно, прямо как дырка в небе. Может, и мы ее увидим.

Но они ее не увидели. Голубые (или даже усыпанные звездами) дыры очень редко появлялись в мутно-сером оранжерейном небе Города. Всемирная Воля обеспечивала все пропитание, но воздух был мутный и липкий. От полюса до полюса одинаково тепло, одинаково плодородны полоски суши и воды, и от всего этого слегка подташнивает.

– Беги, Уильям, беги навстречу утру! – крикнула Блонди и побежала, а Уильям поплелся за ней. Блонди не страдала утренней тошнотой, как большинство жителей мира – расовые различия еще не до конца стерлись. Но Мир находился в движении. Где-то внизу установили гигантскую мембрану и заточили древний океан между ней и огромной твердью Геены-земли. Но монстр-океан бился, рвался на свободу и все никак не мог утихомириться: он оставался прежним старым Левиафаном.

Вдоль всех улиц Всемирного Города тянулись узкие полоски пухлой невероятно плодородной земли и такие же узкие каналы с водой. В соленой воде бултыхались рыбы и угри, кишели черепахи с черными панцирями и клубился

сине-зеленый планктон, такой плотный, что по нему можно было ходить. В пресной воде плавали пресноводные рыбы, черепахи и змеи, а порой эта вода казалась почти твердой из-за обилия водорослей. В смешанной воде теснились упитанные креветки и обитатели бывших рек. После воды опять шла полоса земли, за ней – канава с химической жидкостью, где люди растворяли время от времени себя и всякий ненужный хлам, и откуда потом можно было экстрактировать множество полезных веществ. Дальше – опять полосы земли, а за ними – здания очередного квартала, не слишком большого, как и везде в Городе. Лодки плыли по странным каналам-эстакадам, над ними вздымались бесконечные мосты, и все это – среди калейдоскопа волнующихся вод и возбужденной земли. Все привычное, но такое разное.

– Двух вещей похожих не найдешь! – радовался Уильям, его утренняя дурнота прошла. – Все разные и всё разное в этом мире, который невозможно обойти за целую жизнь. Чудеса здесь никогда не кончаются!

– Уильям, послушай, мне надо тебе кое-что сказать, – перебила его Блонди.

– Скажи мне, Блонди, что находится за Лесом за пределами Мира, ведь Мир нескончаем?

– Мир за пределами Леса – вот что находится за Лесом за пределами Мира, – объяснила ему Блонди. – Если ты хочешь попасть в Лес, тогда пошли. Но, пожалуйста, не расстраивайся, если он покажется тебе не таким уж величественным.

– Как это не таким? Я – Уильям Моррис. Мой тетка придумал название этого Леса и его внешний вид тоже.

– Твой тетка придумал... э-э-э... дизайн не только леса, но и кое-чего еще, – сказала Блонди.

Почти то же самое говорил Уильяму вчера смотритель! Что бы это значило?

Они подошли к большому измельчительному комбинату на Двдцатой улице и остались там на час поработать.

– Ты не понял меня, да, малыш Уильям? – спросила Блонди.

– Почему же, я понял. Я понимаю, что все везде разное. И мне этого достаточно.

– Да, наверное, тебе этого достаточно. – И Блонди грустно вздохнула (на измельчительном комбинате измельчали тех горожан, кто уже состарился).

Они зашагали дальше по улицам и переулкам бесконечного Города. Прошли Двдцать Первую улицу, Двдцать Вторую и Двдцать третью. Даже писатель не смог бы описать все те чудеса, что встретились им на пути. Ведь кругосветное путешествие – самое настоящее волшебство.

На Двдцать третьей улице шумел карнавал. Пляски, сказки, краски, маски, распахнутые глазки. Гости карнавала как раз относились к последней категории, что, впрочем, было совсем неплохо. Музыка играла очень громко, даже когда предполагалось исполнять менуэт или еще что-то допотопное. Там был даже рожковый музыкальный инструмент, который издавал звуки с помощью самого настоящего пара. Были лотки, где продавали гамбургеры – над ними витал чудесный аромат чеснока, и неважно, что гамбургеры делались из сырья с измельчительного комбината, смешанного с фаршем из водяных лилий. Здесь играли в азартные игры, здесь были кабинки для поцелуев и комнаты для объятий, аттракционы и колеса удачи, алкогольные и сероводородные бары, мини-бордели и стенды, в которых под тентами из ракушечной ткани красовались уроды и падшие женщины.

Неужели кто-то может чувствовать себя слишком старым для карнавала? Тогда пусть объявляет себя стариком и отправляется на измельчительный комбинат.

Но вперед! Если хочешь обойти Всемирный Город за одну жизнь, не стоит задерживаться на одном месте. На Двадцать Четвертой (или то была Двадцать Пятая?) теснились увеселительные заведения, чуть дальше громоздился «Приют Кошечек». Вволю наевшись и нагулявшись по салунам и борделям, плутая меж завлекательных витрин с выставленными там девушками, можно было пойти и сладостно помякутать вместе с кошечками в Приюте, построенном в форме пчелиных сот. Блонди отправилась туда часок поработать: ее там отлично знали, и она пользовалась большой популярностью.

Но снова вперед! Во Всемирном Городе все такое разное, и чем дальше – тем интереснее.

Район Двадцать Седьмой и Двадцать Восьмой улиц – средоточие ночной жизни Города, именно здесь находятся все знаменитые кабаре. Голову кружит запах джина, прошлое и настоящее сплетаются вместе, даря невнятные ожидания и всепоглощающую ностальгию. Здесь так же шумно, как на площади «Вестсайдской Истории», и так же просто, как во «Всеякой всячине» и «Подушечном Дворце», по-плотски жарко, как в борделях, но более мило, чем в «Приюте Кошечек». Да, пожалуй, это было самое волнующее место из всех, что Уильям повидал во Всемирном Городе.

Но почему-то его охватило странное чувство пустоты и разочарования. Эта кульминация была вовсе не той кульминацией, которую он ожидал. Получается, средоточие ночной жизни – и есть самое важное в Городе? А как же тогда Лес за пределами Мира?

Возможно, Уильям немного вздремнул, утомленный радостями плоти и непонятной грустью. Можно было бы еще много говорить о том, что он чувствовал и что делал, но будем кратки: глаза его закрылись, и голова склонилась.

Но Блонди растормошила его и потянула в лес – ведь ночь еще даже толком не наступила.

– Всего лишь квартал, один лишь квартал, – напевала она, – и ты будешь там, где мечтал оказаться!

Лес начинался за Двадцать Девятой улицей и, по слухам, занимал пространство целых двух кварталов. Беда в том, что Уильям не мог бежать и даже шел с трудом. Он был смущен и растерян, не счастлив, но и не печален. Его переполняла бурная жизнь Всемирного Города. И вряд ли бы он добрался до своей цели без помощи Блонди. Сильными руками девушка подняла его и взгромодила на свою темную спину. Иногда он падал вниз и ударялся макушкой, но ни разу серьезно не пострадал.

Некоторые вступают в Лес в странном полусне, комично подрагивая в такт шагам своего более сильного спутника, покачиваясь на волнах Мира, который «всегда в движении». Вот и Уильям вплыл в свою мечту, обхватив руками шею и плечи девушки по имени Блонди, зарыв лицо в ее черные волосы и не касаясь ногами земли.

Но, оказавшись в Лесу, он сразу почувствовал: вот оно! В этом легендарном месте он снова обрел силу и твердо встал на ноги. Был ли он трезв? О нет. В Лесу нет места трезвости. Лес окутывает каждого особым пьянящим дурманом.

Здесь росли настоящие растения и травы, настоящие деревья (пусть и похожие больше на кусты), бегали настоящие звери (хотя искусственные тоже были), настоящие конусы елок поднимались из черного торфа, и настоящие птицы

(неважно, что это были громко каркающие вороны) усаживались на насесты, готовясь ко сну.

А еще в Лесу были вырезанный из дуба Робин Гуд и гигантская деревянная статуя дровосека Пола Баньяна¹. И краснокожий индеец по имени Белый Олень, вытесанный из кедрового дерева. Кленовый сироп капал прямо из деревьев (ах, вот, оказывается, откуда его берут?), и в воздухе разливался аромат листьев вяза и ночной влаги.

И, конечно, там были знаменитые Бандиты из так называемого «лихого десятилетия». Сделанные из папье-маше они все равно выглядели жутко. В Лесу водились и другие чудища, но не такие страшные на вид. Уильям и Блонди легли на землю в черной тени самого опасного Бандита, купаясь в росе и слезах. Так прошел остаток зачарованной ночи.

3

- Птичка, о птичка, летаешь ты где?
- В небе над Городом, значит – везде.
Столько на улицах разных чудес,
Горьких и сладких под сводом небес!
- Птичка, о птичка, скажу я в ответ:
Город – болото, и неба здесь нет.

Баллада Первой улицы

– Беги, Уильям, беги! Встречай утро! – кричала Блонди. Она бежала. Уильям, еще немного не в себе после прошедшей ночи, едва поспевал за ней.

– Мы что, должны выйти из Леса? – спросил он.

¹ Пол Баньян – вымышленный гигантский дровосек, персонаж американского фольклора.

– Конечно, ты должен выйти из Леса. Ты же хочешь увидеть целый Мир, так что нельзя сидеть на месте. Ты иди дальше, а я пойду обратно. Нет-нет, не оборачивайся, не то превратишься в соляной столб.

– Останься со мной, Блонди.

– Нет, тебе нужно разнообразие. Я и так провела с тобой слишком много времени. Была тебе проводником, спутницей, помощницей. Но теперь нам пора расстаться.

И Блонди ушла. Уильям боялся посмотреть ей вслед. Он находился в Мире, который простирался дальше Леса за пределами Мира. Но он заметил, что стоит на Первой улице, а не на Тридцать первой, как предполагал раньше.

Путешествовать по миру все еще было чудесно, хотя уже не так, как раньше. Номер улицы ему ничего не говорил. Он никогда прежде не забредал на Первую улицу. Как, впрочем, и на Вторую. А вот на Третьей улице он бывал – во время своего самого долгого путешествия на восток.

Неужели он снова подходит к той же самой улице, не смотря на то, что забрался так далеко на запад? Мир, как он знал (прочитав отрывки из нескольких книг), должен быть гораздо больше. Нельзя обойти его целиком, пройдя всего тридцать кварталов.

И все же на Третью улицу он вышел с некоторым трепетом.

Конечно, это была не та улица, что он видел прежде. Похожая, но не такая же. Слабый проблеск надежды пробился сквозь сумрак тревоги, заполонивший его разум. Но главное, он жив, он в порядке и все еще путешествует по безграничному, постоянно меняющемуся Городу.

– Этот Город разномастный, веселый и свободный, – храбро заявил Уильям Моррис. – И он всегда другой.

Тут он увидел Кэнди Кэлош и буквально остолбенел. Правда, она была не совсем такая, как недавно.

– Тебя зовут Кэнди Кэлош? – спросил он, дрожа, как ополоумевший одноногий кенгуру.

– Вот только ораторов здесь мне не хватало, – сказала девушка. – Конечно, нет. Мое имя Кэнди Калабаш¹, я получила его во время игры в распределение имен. Это совершенно другое имя.

Конечно, совершенно другое имя. Но почему тогда он так встревожен и разочарован?

– Кэнди, ты пойдешь со мной на запад? – спросил Уильям.

– Пожалуй, да. Немного прогуляюсь, но если только не надо будет говорить.

И Уильям Моррис с Кэнди Калабаш отправились в путешествие по Городу, который был миром. Чисто по совпадению, они стартовали от камня, на котором было выбито «Шаблон 35 353», и Уильям слегка запаниковал. Но потом подумал: с чего бы? Номер же другой, не тот, что был в начале. Всемирный Город всегда разнообразен.

Но почему-то он пустился бежать. Кэнди не отставала. Не читательница, не оратор, зато верная спутница. Молодые люди пробежали десять кварталов, потом двенадцать.

На Четырнадцатой улице они остановились посмотреть на «Водный Балет». Он был почти такой же, как на другой Четырнадцатой улице, но все же не совсем. Потом зашли пообедать водорослями и планктоном в заведение быстрого питания на Пятнадцатой улице, а после еды отправились на

¹ Candy Calabash – конфеты ручной работы на основе карамели с добавлением орехов. Производились компанией «Кэнди Калабаш» (Даллас, штат Техас).

Шестнадцатую улицу, к Выставочному Залу Всемирной Воли. Глаза, полные надежды, смогли увидеть маленькие отличия при общем совершенном сходстве. Но Всемирный Город всегда разнообразен.

Они подошли к комплексу «Скальный город» на Семнадцатой улице. Рядом прогуливалась искусственная антилопа. В прошлый раз ее здесь не было, сказал себе Уильям. А значит, есть надежда.

Вскоре Уильям заметил высокого немолодого человека с прямой осанкой и повязкой «Смотритель» на руке. Это был другой человек, хотя, возможно, родной брат или даже близнец того, с кем Уильям разговаривал два дня назад.

– Неужели все повторяется? – в глубокой тоске спросил Уильям этого человека. – Неужели все эти здания и камни совершенно одинаковые?

– Не совсем, – ответил человек. – Пятна грязи на них иногда бывают разной формы.

– Меня зовут Уильям Моррис. – Уильям храбро решил все начать заново.

– Ясно дело. «Уильям Моррис» – самый узнаваемый тип людей.

– Вы сказали... Нет, другой, похожий на вас человек сказал, что мой тезка, чье имя я получил во время распределения, создал не только Лес за пределами Мира, но и кое-что еще, – запинаясь, проговорил Уильям. – Что еще он создал?

– Обои, – ответил человек.

И Уильям упал в обморок.

Нет, Кэнди не покинула его. Она же была верный друг. Она подняла его на закорки и понесла. Мимо Восемнадцатой улицы и площади «Вестсайдской истории», мимо «Всякой всячины» и «Подушечного дворца», где она (нет, другая девушка, похожая на нее) в прошлый раз повернула обратно.

– Все одно и то же, опять одно и то же, – стонал Уильям у нее на спине.

– Тихо ты, оратор, – говорила она ему почему-то с жалостью.

Впереди замаячила Двадцатая улица, и на ней – комбинат измельчения. Кэнди втощила Уильяма внутрь и бросила на бетонный блок.

– Он состарился, – объяснила Кэнди работнику комбината. – Ну надо же, какой стал старый и дряхлый!

Так много слов за раз она еще не произносила.

Кэнди была девушка без предрассудков и вдобавок сегодня еще не занималась никаким трудом. Поэтому она решила часок поработать на измельчительном комбинате (измельчали здесь, как известно, стариков).

И вот на конвейерной ленте показалась голова Уильяма! Кэнди улыбнулась и измельчила его бережно, с несвойственной ей нежностью. Она бы обязательно сказала какие-нибудь добрые прощальные слова, если бы была оратором.

ХИТРОПАЛЫЕ

Спросите поклонников Лафферти, за что они его любят, и получите множество похожих один на другой ответов. Он заставляет смеяться – нет, громко хохотать. Он демонстрирует удивительные возможности языков – не только английского. Он покажет вам мир (не только этот, но и другие) под таким углом, что все перевернется с ног на голову, в том числе и то, что вы знали о фантастике.

Но есть нечто, о чем читатели говорят нечасто. Отчасти потому, что Лафферти редко прибегает к такому приему, отчасти – потому что это очень и очень больно: он умеет разбивать сердце на части.

«Хитропалые», по сути, рассказ об обреченной любви. Я не открываю никакой тайны: как часто бывает у Лафферти, он в самом начале дает понять, что ждет читателя. В данном случае мы видим эпиграмму об Орфее – понятно, что автор вряд ли начал бы с нее, если бы Орфей не потерял Эвридику. Затем очень сдержанно, без лишних слов, главная героиня задает вопрос, который позже и приведет ее в любовную ловушку: «Кто я? Что я?» – и читатель получает несколько правдивых ответов. Она – маленькая девочка, очень любопытная и развитая не по годам, а еще она юная представительница дактилов, мифологических существ, тех, кто научил людей работе с железом, арифметике, алфавиту и кто отвечает за буквы, цифры и все детали во всем мире.

С этого момента начинается разворачиваться сюжет, хотя ритм повествования и четкость изложения нельзя назвать классическими. В любом случае Лафферти меньше интересуют отношения главных героев, несчастных влюбленных; он исследует отношения всего человечества со своей историей и мифологией, и в особенности – свое предназначение, как хранителя и передатчика мифов. Хотя в некоторой области опыт Лафферти ограничивался тем, что он мог узнать от других, он безусловно понимал, что в любимом человеке мы любим прежде всего истории, его окружающие, выстроенные вокруг него глубоко личные мифы, даже несмотря на то, что они – часть вселенной. Но если тот, кого ты любишь – миф, и ты сам – миф, тогда с самого начала все против вас.

Юные влюбленные из рассказа «Хитропалые» с болью понимают, что наши мифы переживают нас, а самое главное – они переживают своих рассказчиков. Результат – курьезная (и типичная для Лафферти) инверсия легенды об Орфее: не наши истории и мифы остаются позади во тьме, а мы сами. Ореада Хитропалаая бежит по анфиладе темных комнат внутри горы, собирая из деталей железных псов, железных парней, железную философию. Но на самом деле это нас с вами она собирает. А когда ее игра заканчивается, она разбирает их (нас) и бросает обратно в горшки с деталями. В самом конце мы распадаемся на части, наш век короток, и наше сердце разбито. Но именно Ореада и ее Плутон, воплощенные мифы, будут горько плакать железными слезами.

Эндрю Фергюсон

Орфей сыграл прекрасную мелодию Глюка – и грозный Плутон, царь Аида, залился слезами. Но то были железные слезы.

Хилэр Беллок «Слезы Великих»

– Кто я? – спросила однажды Ореада¹ Хитропалая свою маму. – Или, если уж на то пошло, что я?

– Ты наша дочка, – ответила Фрэнсис Хитропалая. – А почему ты спрашиваешь? Ты с кем-то разговаривала?

– Только сама с собой и еще с дядюшками в горе.

– Тогда ясно. Во-первых, милая, я хочу, чтобы ты знала: мы тебя очень, очень любим. В этом нет ничего необычного. Мы тебя выбрали, и ты для нас...

– Не волнуйся, мамочка. Я знаю, что я приемная. И уверена, что вы оба меня любите, вы мне все уши об этом прожужжали. Но кто я на самом деле?

– Ты – маленькая девочка Ореада, очень любопытная и развитая не по годам.

– Но я не чувствую себя развитой. Я чувствую себя глупой. Как мне стать хотя б немного похожей на папу. На него и больше ни на кого? Какая вообще взаимосвязь между папой и мной?

– Вначале никакой взаимосвязи не было. Когда мы с папой поняли, что у нас не будет своих детей, мы начали подыскивать ребеночка. В тебя я влюбилась с первого взгляда, потому что ты похожа на Генри. И Генри влюбился в тебя с первого взгляда, потому что ты похожа на него. Генри всегда был нашим самым любимым человеком – моим и его.

¹ Ореады, или Орестиады (др.-греч.) – горные нимфы.

Шучу, милая. Хотя нет, не совсем: мой муж так очаровательно ребячлив и эгоцентричен! А теперь беги поиграй на улице.

– Нет, я лучше побегу внутрь горы и поиграю там.

– Но, милая, там так темно, грязно и дымно!

– А на улице, мама, слишком светло и ясно. – И Ореада побежала играть внутрь горы.

Дом Генри Хитропалого с пристроенной мастерской примыкал к горе, которая располагалась к северу от города и по сравнению с другими горами округа Осейдж была не такая высокая, зато крутая. Генри, отец Ореады, держал мастерскую пишущих машинок. На вывеске, правда, про пишущие машинки ничего не было. Она гласила: «Ремонт дактилографов. Генри Хитропалый».

Та часть дома, которую занимала мастерская, наполовину уходила вглубь горы. Дальше, уже внутри горы, был полутемный склад, а за ним – целая анфилада комнат, где хранились запчасти и всякая всякота. Помещения были совсем темные, с каменными стенами, и чем дальше, тем темнее в них становилось и тем больше они походили на каменные пещеры. Они тянулись одна за другой, и цепочке этой, казалось, нет конца.

В этих черных-черных темных комнатах стояли кипящие горшки и котлы, и в них можно было найти детали и запчасти к любой машине в мире. Главное – знать, в какой горшок сунуть руку. Так говорил Генри Хитропалый.

Ореада бежала вперед в абсолютной черноте – комната за комнатой, коридор за коридором. По пути она выхватывала из горшков и котлов разные детали и что-то лепила из них на ходу. Когда она закончила, это что-то вопросительно твякнуло.

– Что же я забыла? – задумалась Ореада. – Ах да, Расти, у тебя же только одно ухо. Прости, пожалуйста.

Она вытащила еще одно ухо из горшка с ушами и побежала дальше, прикручивая ухо на бегу. Наконец железная собака была готова. Теперь она могла лаять и бежать рядом с Ореадой по тоннелям внутри горы.

О Келмис, о Экмон, о Дамне, все трое!
Идите сюда, поиграйте со мною!

Такую песенку пела Ореада. Иногда горные дядюшки были заняты – они делали цифры, буквы и другие полезные вещи для всего мира. Тогда они не могли играть. Но кто-то один всегда приходил, и сегодня это был Келмис. Он сильнее других пропах дымом, но Ореаду это совершенно не раздражало. Тем более что он знал столько историй и был такой веселый, и в нем пылал огонь, разгоняющий тьму, – тот самый, из которого можно было слепить все что угодно. Они веселились и играли весь день до вечера (как бы сказали те, кто живет на свету). Но потом Келмис ушел работать.

А Ореада вместе со стальным псом Расти поспешила анфиладой темных комнат обратно в дом. По пути она разбирала пса и возвращала детали на свое место, каждую в свой горшок. В последнюю очередь она бросила собачий лай в горшок для лая, потом пробежала через мастерскую и поспела домой точно к ужину.

– Ох, Ореада, от тебя пахнет дымом и бог знает чем, – вздохнула Фрэнсис Хитропалая. – Почему ты не играешь на солнышке, как другие девочки? Почему не бегаешь по улице с ребятами?

– Я уже делала железного мальчишку, чтобы играть с ним, – ответила Ореада. – Ты не представляешь, какой он

забавный, сколько у него всяких задумок! Но потом я его сто лет разбирала обратно на запчасти. Честное слово, мама, больше никаких железных мальчишек. Они такие хитрюги!

– Да, помню, Ореада, они особенные ребята, – согласилась Фрэнсис. – И откуда ты только берешь эти свои истории?

– Делаю из железа, мама, – совершенно серьезно ответила девочка. – Железо – первооснова всего. Нужные части лежат в горшках в темных комнатах. Остается только соединить их.

– Части твоих историй?

– Ну да.

– Железных историй?

– Вот именно.

– Какая же ты у меня хитроумная, Ореада! Какая у тебя хитрая мордашка и ловкие пальчики! – улыбнулась мама. – А давай-ка я приготовлю тебе ужин из железа. Правда, для этого нужен специальный железный нож и специальная железная вилка.

– Правда? Побегу сделаю их! – обрадовалась Ореада.

– Тогда заодно сделай и мне такие же, – попросил Генри Хитропальей.

– Нет, Ореада, не надо никуда бежать. Садитесь оба за стол и ешьте нормальный ужин. – Фрэнсис очень любила мужа и дочку, но иногда совершенно их не понимала.

Нельзя сказать, что Ореада росла или выросла. В школу она пошла в девять лет, но выглядела тогда на четыре или пять. Хотя школа была только для видимости – Ореада и без нее давно все знала.

Училась она хорошо. Она была особенная девочка, хотя сама того не сознавала. Иногда на уроках она отвечала так,

что все столбенели, но никто не назвал бы ее ответы неверными. Какая разница, с какого конца ты начинаешь отвечать? В общем, Ореада была необычная маленькая девочка с хитрой улыбочивой мордашкой, и большинство одноклассников ее любило. А те, кто не любили, боялись. Но разве можно бояться такую хрупкую маленькую девочку, как Ореада Хитропалая? Еще как можно! Потому что она всегда говорила: «Веди себя хорошо со мной, не то сделаю железного волка и натравлю на тебя». И ведь сделала бы! Все это прекрасно понимали.

Домашнюю работу Ореада всегда выполняла на «отлично». Правда, не совсем по-школьному, как считала мама. Ореада брала учебники и шла в мастерскую отца, потом на склад, а оттуда вглубь горы в черные комнаты с горшками и деталями.

О Келмис, о Акмон, о Дамнэ, придите,
Горшки и котлы для ответов найдите.

Так пела Ореада.

И потом просто брала железные ответы из особых горшков, раскладывала их по порядку и делала оттиски в тетрадях. Все задания оказывались выполненными правильно и к тому же выглядели так, будто она написала их своей рукой. Так она готовила домашние задания – отвечала на вопросы по чтению и литературе, решала задачки по арифметике. И всегда без единой ошибки. Потом она бросала железные ответы каждый в свой горшок, и они снова превращались в горячую лаву.

– А ты не думаешь, что это обман? – спрашивала ее мама. – Что если все остальные дети начнут делать задания так же, как и ты?

– А вот и нет. Они не смогут, потому что у них нет хит-

рых пальчиков и горячее железо сожжет им руки. Нет, мама, это не обман. Это просто хорошее знание предметов.

– Тогда ладно, – соглашалась Фрэнсис.

На самом деле она очень многого не понимала в своем муже Генри («Он такой мальчишка, совсем мальчик, железный мальчик») и дочери («Она как сова, маленькая сова, маленькая железная сова»). Генри и Ореада не любили дневной свет, но всегда встречали его храбро и стойко, как только могли.

Однажды Ореада застала маму всю в слезах, но в этих слезах была и соль счастья.

– Посмотри. – И Фрэнсис показала дочери валентинку, железную валентинку, которую подарил ей Генри. Там было железное сердце и стихи из железа:

Когда пройдет пять сотен лет,
Я вспомню, что тебя уж нет,
Слезами горькими зальюсь
И лишь тогда опять женюсь.

– Ой, как мило, мама! – восхитилась Ореада.

– Но она же из железа!

– Ага. Знаешь, самые первые в мире стихи тоже были из железа.

– А пятьсот лет? Что это значит?

– По-моему, вполне достойно – после смерти жены выждать пятьсот лет и только потом снова жениться.

– Наверное, ты права, Ореада, – вздохнула Фрэнсис.

Иногда ей приходилось нелегко со своей семьей.

Мастерская приносила Генри приличный доход. Вернее, приличный доход приносила продажа разных деталей из темных комнат, расположенных за мастерской. Продавцы запчастей и другие специалисты по ремонту, причем не

только пишущих машинок, приезжали к нему за деталями. Цены он не заламывал, а найти в его закромах можно было все без исключения. Например, приходит какой-нибудь торговец запчастями, смотрит в каталог и называет номер детали трактора, сенокосилки или, допустим, посудомоечной машины. «Минутку», – говорит Генри и отправляется в свои таинственные темные комнаты. Идет и напевает смешную песенку:

О Келмис, о Акмон, о Дамнэ, спешите,
Вот номер, скорее деталь сотворите!

И уже через пару секунд, не успеет стихнуть последнее слово песенки, Генри возвращается с нужной деталью, еще горячей, в руках. И он ни разу не ошибся. Будь то комбайны, электродвигатели, «форды», он немедленно приносил именно ту деталь, которая требовалась – по номеру из каталога, или взглянув на испорченную деталь, или даже просто по описанию. А уж пишущие машинки он чинил лучше и быстрее всех в городе. Генри не стремился разбогатеть, более того, богатство его пугало. Но дела шли на зависть многим, и никто из семейства Хитропалых ни в чем не нуждался.

В шестом классе у Ореады появился парень, сириец по имени Селим Элайя, смуглый и красивый. Ей даже казалось, что он, возможно, немного сделан из железа, именно поэтому он ей и понравился. И еще он много знал про хитрые пальцы. Так что, решила она, с ним лучше дружить.

– Когда ты вырастешь – ах, Ореада, ты вообще когда-нибудь вырастешь? – я на тебе обязательно женюсь, – прямо и честно заявил Селим.

– Конечно, я вырасту. Все когда-нибудь вырастают. Вот только ты не женишься на мне.

– Почему же, маленькая моя сова с рожками?

– Не знаю. Просто я чувствую, что мы повзрослеем в разное время.

– Тогда расти скорее, малышка с глазами стального ва-силиска, – сказал Селим. – Я обязательно должен на тебе жениться.

Они прекрасно ладили. Селим всячески оберегал и защищал Ореаду. Они на самом деле нравились друг другу. А что дурного в том, что двое нравятся друг другу?

В восьмом классе Ореада сделала открытие. Оно касалось сестры Мэри Дактил, которая вела уроки рисования. Дело в том, что сестра Мэри Д. выглядела слишком юной.

– Она не может быть такой юной, – поделилась Ореада с Селимом. – Некоторые мифологические животные, которых она рисует, жили очень давно, в глубокой древности. Она, должно быть, очень старая, иначе бы она их не застала.

– Ореада, брось. Она рисует то, о чем читала в книгах или видела на иллюстрациях, – возразил ей Селим. – Или вообще берет из головы.

– Нет, там кое-что совсем не из головы, – возразила Ореада. – Она это не придумала, а видела собственными глазами.

И так оно и было.

Однажды сестра Мэри Д. рисовала очень быстро и увлеклась – не подумала, что кто-то не менее быстроглазый может следить за ее руками. Но Ореал следила, и после занятий осталась поговорить с сестрой Мэри.

– Вы хитропалая, – сказала она сестре Мэри. – Смотрите, у каждого из ваших пальцев по три сустава, как у меня. И двигаются они со скоростью взгляда, как и мои. Наверняка вы можете доставать железные детали из горячих котлов и не обжигаться.

– Конечно, могу, – подтвердила сестра Мэри Д.

– А вы уверены, что все ваши пальцы такие? – спросила Ореал. – Папа говорит, что на старинном языке наша фамилия обозначает пальцы не только на руках, но и на ногах.

– И у меня так же, – сказала очень юная сестра Мэри Дактил и стала снимать туфли и чулки. В те времена сестры редко стягивали чулки в классных комнатах. Сейчас, конечно, они могут разгуливать повсюду совершенно босые, а порой и полуголые, но когда Ореада училась в восьмом классе, такое еще не было принято.

Да, пальцы на ногах у сестры Мэри тоже оказались хитроумные. С тремя суставами и быстрые, как взгляд. Этими пальцами она могла делать куда больше, чем обычные люди своими пальцами на руках.

– Скажите, когда вы были молодой... то есть, когда вы были девочкой, у вас рядом с домом была небольшая гора или холм? – спросила Ореада.

– Да, и сейчас есть. Внутри этой горы ведет ход.

– Сколько вам лет, сестра? На вид вы совсем юная и милая.

– Мне очень, очень, очень много лет, Ореада.

– Но все-таки?

– Задай мне этот вопрос через восемь лет, Ореада, если, конечно, захочешь.

– Через восемь? Ладно, договорились.

Четыре года старшей школы пролетели, как один день. Селим выковал большую железную чеканку с красивыми завитушками, на которой выбил: «Селим любит Ореаду». Он явно что-то знал по поводу Ореады и железа. Но только пальцы у него были обычные, поэтому чеканку он делал не три секунды, а целых три недели. В общем, много всего

произошло за эти четыре года, в основном радостного и приятного, так что об этом рассказывать нет смысла.

Оне учились в университете и уже почти закончили его. Ореада по-прежнему выглядела, как девяти- или десятилетняя девочка, и это сводило с ума. Они ходили на страшно мудреные курсы. Салим был настоящий гений, а Ореада всегда знала, в каком горшке или котле найти любой ответ, поэтому обоим сулили карьеру исследователей в очень важных областях. Хорошо, когда ты можешь взять в руки глубокое чистое знание в самый момент его рождения; когда можешь видеть будущее, рождающееся в котлах.

– Мы с вами подошли к той точке, когда необходимо создать совершенно новую систему идей и символов, – сказал однажды профессор одного весьма заумного курса. Потом он посмотрел на Ореаду. – Малышка, а ты что тут делаешь? Это колледж, здесь занимаются серьезными делами.

– Знаю. Битый год я это слышу каждый день.

– Мы с вами стоим на распутье, как стояло человечество в те времена, когда только появилось понятие «распутье», – продолжил преподаватель. – Если эта новая концепция (я сейчас не беру во внимание то, что изображено на графике с простыми расходящимися линиями) не будет изобретена, человечество так и останется там, где оно застряло: без всякого выбора, вынужденное принимать действительность такой, какая она есть. Десятки раз в течение тысячелетий мы уже оказывались в такой ситуации именно потому, что человечеству раз за разом не удавалось сгенерировать новую концепцию. Я подозреваю, что мы топчемся на месте, потому что в определенной области не можем никуда продвинуться. Мы даже не в состоянии хоть как-то развить возможность такого продвижения. Необходима совершенно новая концепция, но я даже не представляю, какая.

– Сегодня вечером я ее вам придумаю, – пообещала Ореада.

– Что, опять в аудиторию забрела малышка? – раздраженно произнес профессор. – Ах да, припоминаю. Она постоянно показывает бумагу с подтверждением, что ей якобы двадцать один год. Но эта бумага – чепуха. Ты просто маленькая девочка с детскими мозгами.

– Знаю, – печально кивнула Ореада. – И все же вечером я вам смастерю эту штуку.

– Какую штуку, деточка?

– Новую концепцию. Со всеми символами, которые к ней прилагаются.

– Интересно, из чего же ты ее смастеришь? – в голосе несчастного профессора прозвучало отчаяние.

– Думаю, в основном из железа. То есть, я буду брать все, что есть в кипящих котлах, но предполагаю, что по большей части концепция получится из железа.

– О, Боже мой! – воскликнул преподаватель.

– Какое милое выражение, – заметила Ореада. – А ведь кто-то говорил, что вы неверующий.

– В общем, да, – кашлянул преподаватель, заставив себя обращаться не к Ореаде, а к остальным студентам. – Если взглянуть назад с высоты нашего времени, кажется, что все предельно просто. И это естественно. Вот, например, алфавит. Вроде совсем не сложно, так? Да, мистер Левкович, мне хорошо известно, что существуют шипящие согласные. Немного юмора не повредит. Но алфавит был очень тяжел для человека в те времена, когда мы еще стояли у подножия...

– *En daktulos*, то есть у пальцев ног, так это звучало изначально, – встряла Ореада.

– Успокойся, малышка, – мрачно бросил преподаватель

и продолжил: – ...когда человечество еще только стояло у подножия горы и опасно смотрело вверх. Вот тогда было тяжело.

– Да, потому что первые алфавиты ковали из железа, – объяснила Ореада, – и они были и правда тяжелые.

– То же самое и с арифметикой, – отмахнувшись от Ореады, преподаватель глубоко вздохнул. – Сейчас, оглядываясь назад, мы видим арифметику упорядоченной и ясной. Но когда ее не было, а все в ней страшно нуждались, вот тогда было очень тяжело.

– Конечно, ведь первые цифры тоже делали из железа, – прошептала Ореада Селиму. – Не понимаю, почему он так злится, когда я говорю ему про сделанное из железа.

– Характер у него такой, – прошептал Селим в ответ. – Не обращай внимания.

– А теперь давайте подведем итог, – сказал преподаватель. – Если нам не удастся с помощью совершенно новой концепции (даже не представляю, что это может быть) открыть новое измерение и новую символику, то нам, пожалуй, придется прикрыть этот мудреный курс. И точно так же будет покончено с миром. На этой скорбной ноте прощаюсь с вами до завтра.

– Да не волнуйтесь вы так, мистер Железович, – сказала Ореада. – Сегодня вечером все будет сделано.

2

Своим названием *Daktuloi* пальцы обязаны тому, что числом их было пять или десять. Или, возможно тому, что обитали они у подножия (*en daktulois*) горы Ида. Изначально их было трое, а именно: Келмис – плавильня, Дамнаменей – молот, и Акмон – наковальня. Впоследствии их

количество увеличилось до пяти, затем десяти... и наконец до сотни.

Словарь Классических Древностей Харпера

В лесах Фригийской Иды жили могущественные волшебники, называемые дактилами. Первоначально их было трое. Келмис, Дамнаменей и силач Акмон первыми начали практиковать в горных пещерах искусство Гефеста. Именно они первыми освоили методы плавления железа в огненных котлах. Позднее дактилей стало больше, из Фригии они переселились на Крит, где обучали местных жителей работе с железом и другими металлами. Им также приписывают изобретение арифметики и букв алфавита.

Мифологическая Энциклопедия Ларусса

Кроме того, считается, что дактилы (волшебники с магическими пальцами, обитающие внутри гор) живут очень долго и остаются юными многие годы.

Меар-Даоин¹ «Грофф Крокер»

Ореада отправилась в Городской Музей сразу после его закрытия, чтобы повидать Селима. Селим Элайя работал там ночным сторожем, чтобы оплачивать учебу в университете. Работа была, что называется, не бей лежачего. Селим сидел за стойкой администратора и ночи напролет читал учебники и конспекты. Именно благодаря этой ночной учебе он и прослыл гением. Ореада принесла ему сэндвичи.

– С арахисовым маслом и джемом, и все – из железа, – пошутил Селим.

¹Меар (ирл.) – палец. Даоин (ирл.) – добрый человек. Имена вымышленные.

– Увы, не из железа, – печально проговорила Ореада. – Чтобы съест железный сэндвич, нужны железные зубы.

– Но есть такие пальчики, которые запросто сделают себе железные зубы.

– На самом деле, зубы у нас сами меняются на железные. Но мне до этого еще расти и расти.

– Ореада, я хочу на тебе жениться.

– Все называют тебя похитителем младенцев.

– Знаю. Но мы же с тобой почти ровесники.

– Как много здесь разных людей, – сказала Ореада. – Терракотовые люди, мраморные люди, базальтовые. Люди из песчаника, из дерева, из рафии. Восковые люди. Надо бы спросить у дядюшек, какие из них настоящие. Некоторые здешние люди-экспонаты вообще не существовали в действительности.

– Кстати, один из твоих друзей или дядюшек сейчас здесь. Слепленный из воска. Вон там, смотри.

– Я знаю. На самом деле здесь все трое. Просто имена на табличках могут быть написаны не так, как ты ожидал.

О Келмис, о Акмон, о Дамнэ, все трое
Из витрин вылезайте, поиграйте со мною.

Нет, Селим, вряд ли они выйдут, ведь они здесь, у вас, сделаны из воска, а не из железа. А статуи надо делать только из железа.

– Что значат их имена, Ореада?

– О Плавильня, Наквальня, Молоток, вылезайте, поиграем здесь чуток. Нет, они не выйдут. Только человек с куриными мозгами поверит, что можно пробудить восковую фигуру.

– Ореада, я так тебя люблю.

– Нет, они точно не выйдут. Надо попросить их прийти

сюда и сделать собственные железные статуи. А эти глупые восковые фигуры лучше выбросить.

– Маленькое железное ушко, я сказал, что люблю тебя.

– Я тебя слышала. Ты не испугаешься, если они придут однажды ночью, чтобы сделать свои статуи? Мои дядюшки выглядят довольно странно.

– Ты и сама странная, Ореада. Нет, я не испугаюсь. Как может истинный сириец испугаться вида замечательных людей? Мы с тобой тоже замечательные. Если они и правда твои дядюшки, они точно не могут быть опасными.

– Конечно, могут. И я могу. Ты ведь сам говорил, что я напустила на тебя пылающих уток. Я пошла домой, Селим. Еще домашнее задание надо сделать и эту систему концепций и символов для профессора Железовича. Это ведь важно, да?

– Я пойду с тобой, Ореада. Да, это важно для Железки, для всей группы и для всего курса. Он на самом деле может навсегда прикрыть свои занятия, если не найдет решения. Но насчет мира он хватил. Мир спокойно проживет без новой концепции. Так что в мировом масштабе это не так уж и важно.

– А кто будет сторожить музей, если ты уйдешь? Я очень хочу выполнить эту работу так, чтобы мистер Железович все понял. Я хитропалая. Создавать то, что нужно людям, – главная задача всех хитропалых.

– А ты попроси Келмиса, чтобы он присмотрел за этим историческим местечком, пока меня нет. А как долго твои дядюшки будут делать эту концепцию?

– О Келмис, помоги Селиму в эту ночь,
Воров, мышей и крыс гони скорее прочь!

Конечно, он тебе поможет. Даже восковому Келмису можно доверять. И дядюшки все сделают очень быстро, как всегда.

Прошло время, совсем немного времени – у Селима был спортивный кар, который так и рвался вперед, словно плавающая ракета. Они быстро добрались до северо-западной части города и вмиг оказались в доме Хитропалых, точнее – в темных комнатах, уходящих вглубь горы.

– С некоторых пор дядюшки все делают очень быстро, – продолжала Ореада. – А именно с тех самых пор, как Бог послал им испытание на горе Синай после того, как они кое-что напутали. Сделали скрижали целиком из железа, а надо было по-другому. Надо было сделать скрижали из сланца с буквами из железа, даже не из железа, а из особого сплава, который называют «заветный сплав»¹. Вот с тех пор они стали очень понятливые и все инструкции выполняют совершенно точно. Никогда ведь не знаешь, кто может быть заказчиком. У Келмиса, кстати, остался тот первоначальный вариант скрижалей целиком из железа. Я попрошу, чтобы он как-нибудь показал тебе.

– Откуда ты берешь эти свои истории, Ореада?

– Маме сказала, что делаю их из железа.

– А на откуда самом деле?

– Из железа.

Селим совершенно свободно общался с дядюшками, пока они выплавляли и выковывали те части, из которых Ореада составляла символическую концепцию.

– Как вам здесь работается, в этом невысоком холме в Оклахоме? – спрашивал он. – Разве не должны вы обитать в лесах Фригийской Иды? Как так вышло, что вы оставили Родину?

¹Имеются в виду скрижали с заветами Моисея.

– Это и есть наша Родина, мы не оставляли ее, – ответил могучий Акмон. – Все, что под землей, – наша Родина. Все холмы и горы Земли связаны корнями, сплетены пальцами своих ног, и все это одна страна. Мы на горе Ида, мы на Крите, мы в Оклахоме. И это все – одно.

Наконец они закончили. Ореада брала готовые части из раскаленного расплавленного железа так, будто опускала пальцы в воду, а потом складывала их вместе. Получилась новая система концепций и символов, и похоже именно такая, какая требовалась. Трудно было сомневаться, что она сработает.

На следующий день это стало окончательно ясно. Профессор Железович едва с ума не сошел. Выпускники университета и просто студенты – это ведь был продвинутый смешанный курс – в безумном упоении толпились в аудитории. Еще много недель в их умах новая система будет расти и раскрываться, как цветок; курс Железовича станет настоящим собранием марафонцев разума и науки, совершающих по пути все новые и новые замечательные открытия.

Ореада и Селим вышли из аудитории, когда в небе уже сияли звезды, все остальные остались там на ночь. Но у этих двоих был свой собственный нерешенный вопрос, и для ответа на него тоже требовались новые идеи.

– Ореада, я жду твоего решения, – повторил Селим. – Я хочу жениться на тебе.

– Тогда посмотри на звезду и загадай желание. Вон на ту звезду.

– Как можно угадать, куда ты показываешь своим хитрым трехсуставным пальчиком?

– На мужскую звезду, которая затерялась меж звезд-евнухов.

– Да, я вижу ее, Ореада. Хорошо, я загадаю желание. Ну что, теперь ты ответишь мне?

– Через полчаса. Я должна спросить двух людей.

И Ореада убежала. Сперва она пришла домой поговорить с матерью.

– Мама, почему наш отец такой ребячливый? Может, он просто до сих пор еще мальчик?

– Да, Ореада. Он маленький мальчик.

– Но через несколько лет он станет, наконец, мужчиной, а не милым мальчишкой?

– Надеюсь, Ореада.

– Значит, через несколько лет вы сможете завести собственных детей? То, что он из хитропалых, больше не будет мешать?

– Не знаю, Ореада. И вряд ли узнаю. Когда он повзрослеет, я буду давно мертва.

Ореада выбежала из дома. Она направилась в монастырь, который находился за ее старой школой. Вошла, поднялась по лестнице, прошла по коридору. Она точно знала, куда идет – хитропалые легко находят друг друга. К тому же как раз минуло восемь лет. Ореада открыла дверь. Сестра Мэри Дактил раскладывала пасьянс железными картами.

– Сколько вам лет? – спросила Ореада.

– Триста восемьдесят пять, – ответила сестра Мэри Д., не поднимая головы. – Если б я не дала обет, то сейчас бы уже могла завести семью.

Ореада снова побежала. Она бежала к Селиму, который ждал ее на улице под звездами. Она плакала. Нет, она рыдала.

– Мой ответ «нет», – проговорила она сквозь слезы.

В свете звезд смуглое лицо Селима стало совсем бледным. Но сдаваться он не хотел.

– Ореада, ты даже не представляешь, как я тебя люблю, – сказал он. – Может, мы попробуем выковать другой ответ из железа? – произнес он с отчаянием.

– Это железно, – прорыдала она. – Мой ответ «нет».

И убежала так быстро, что ее никто не догнал бы.

Ореада плакала в глубине своей горы. Захлебывалась горячими, жгучими слезами. И эти слезы были вовсе не из железа. Нет, не из него.

Из ее глаз лился поток, в котором ароматическая соль смешивалась с канифолью. Ведь именно с этими веществами работают кузнецы.

ПЛАНЕТА МЕДВЕДЕЙ-ВОРИШЕК

«Аномалии – это непорядок»: так пишет Р. А. Лафферти в самом начале рассказа «Планета медведей-воришек». Простим читателя, если он вдруг подумал, что автор говорит о собственной карьере и работе. На самом деле он имеет в виду вороватых медведей с другой планеты, живущих согласно своим законам. Когда речь заходит об инопланетянах, писатели-фантасты часто демонстрируют нам людей, наряженных, так сказать, в неземные медвежьи костюмы. Но Лафферти, здесь и в других рассказах, удается создать абсолютно достоверные и оригинальные образы инопланетян, которые, с одной стороны, будоражат читателя, а с другой – затмевают традиционный подход к изображению инопланетных рас в научной фантастике.

Как всегда, текст Лафферти очень емок, в нем много как бы случайных, но очень значимых ответвлений – мало кто из писателей на такое способен. Возьмем, например, небрежную отсылку к «Указателю планет и их расположения». Этот каталог упоминается в самом начале рассказа, что говорит о твердом намерении человека втиснуть неизведанное в клетку логики, применить привычные методы и схемы, описанные в каталоге, включая абсолютно иррациональные заявления предыдущих исследователей планеты. Или возьмем роскошное описание праздничного обеда, ставшего для медведей-воришек грандиозным искушением: они выкрали еду прямо из желудков

исследователей. И не только свинину и бобы, но и много чего другого... В общем, читатель имеет шанс ощутить это нутром. Такие «шаги в сторону» от основного сюжета – как маленькие водовороты, насыщающие повествование энергией.

«Чувствовать нутром», «странно, но чудесно» – такие слова приходят на ум, когда размышляешь о прозе Лафферти. В сжатую форму сказки-небылицы автор вкладывает невообразимо много. Некоторые космические саги не втиснули бы столько событий даже в трилогию! Космическая сага, в лучшем своем проявлении, всего лишь подражание: это лишь коммерческая система доставки читателям самых необычных ситуаций, описанных в произведениях научной фантастики. (Как у раннего Аластера Рейнольдса, например). У Лафферти же традиционные темы фантастов – контакты с инопланетянами, вторжение пришельцев, исследование космоса – как драгоценности, спрятанные под перевернутыми выщербленные чашками: пусть читатель гадает, где скрыто истинное сокровище. Но будьте осторожны – если вдруг догадаетесь, где оно, и поднимете чашку, сокровище, скорее всего, изменит форму, у него вырастут ноги, оно прыгнет со стола и поскачет прочь.

Это, кстати, относится и к пресловутым медведям-воришкам. Их изначальная форма очень мила. Они способны летать, и не столько потому, что кости у них легкие – по своей структуре они напоминают развевающийся локон. Поначалу они кажутся симпатичными, но затем становятся очень и очень жестокими, и исследователи попадают в ловушку событий, которые не могут контролировать. Но Лафферти на этом не успокаивается. Было бы просто сейчас взять и довести повествование до вполне удовлетворительного конца, но он грубо ломает свою же собственную историю, и начинается второе действие, которое заставляет читателя подвергнуть сомнению... абсолютно все. Наверное, это просто шутки медведей?

Неужели нет никакого оживляющего прибора? И наконец: почему же вся эта структура, выстроенная автором, не падает и не разбивается вдребезги?

Помимо множества глубоких идей и невероятных поворотов событий, рассказ о медведях-воришках несет в себе очень важный посыл. В нем подчеркивается неспособность постичь представителя чужой расы, говорится о выплескивающемся в космос противостоянии между логичным и алогичным в нас самих – и это притом, что человек интуитивно понимает: он никогда не сможет узнать все о своем собственном мире, не говоря уже о других мирах или Вселенной, где мы обитаем. Но невозможность узнать это все – на самом деле прекрасна.

Немногие писатели решились бы размышлять на такие темы и придумать историю одновременно жуткую и смешную, да к тому же очень своевременную. Лафферти, как и во всех его лучших работах, удается передать читателю динамику повествования и даже своего рода радость, проступающую на каждой странице странного будоражащего произведения, которое ведет к единству, заставляет смотреть в глубину и завершается в итоге красивым финалом.

Джефф Вандермеер

1

Минуй меня судьба лихая
И вороватых мишек стая.

Джон Чансел

То, что происходит на планете медведей-воришек, явно нуждается в объяснении. Потому что, как однажды сфор-

мулировал великий Реджиналд Хот: «Аномалии – это не порядок».

Примерно раз в десять лет кто-то, одержимый страстью к систематизации, затевал масштабную работу с целью составления каталога «Указатель планет и их расположения» и предпринимал новое исследование аномалий. Это исследование никоим образом не могло миновать планету медведей-воришек.

«Планета не представляет опасности ни для человеческой жизни или деятельности, ни для его телесного здоровья, и лишь некоторую – для его душевного равновесия, – так написал великий Джон Чансел около века тому назад. – Здесь почти повсеместно идеальный климат, но это не то место, где легко разбогатеть. Окружающая среда спокойна и экологически сбалансирована, а красоты природы просто зачаровывают. Планета оказывает странное воздействие на прибывших, в результате чего они вынуждены писать строки, не являющиеся истиной, что и происходит со мной в данный момент». Для судебного журнала запись довольно необычная.

И еще одна старинная запись, другим почерком: *«Здесь нечего покорять. Это довольно бедная и непредсказуемая планета. Все на ней происходит не так. Я бы сказал: все происходит восхитительно не так. Но тем не менее – не так».*

И вот еще одна экспедиция из шести исследователей: Джордж Махун (видом он напоминал борца, и ум у него был борцовский – ищущий, цепкий, просчитывающий самые выгодные ходы); Элтон Фэд (с глубокими знаниями, но не блестящий ученый); Бенедикт Крикс-Краннон (смуглый красавец, мастер на все руки); Льюк Фронза (он считался в отделе «многообещающим», но что-то слишком

долго задержался на этой стадии); Селма Ласт-Роуз (она была совершенством, можно ли что к этому добавить?); Глэдис Макклейр (милая, одаренная, но не гений, а исследователь обязан быть гением) и Дикси Лейт-Ларк (воплощение духовности!) – все они высадились на планете медведей-воришек. Они не были учеными с большим опытом, это было новое поколение. Тем не менее члены команды уже успели проявить себя специалистами по исследованию аномалий.

– Неплохое местечко, хотя мало на что пригодно, – заявил Джордж Махун, не пробыв на планете и десяти минут. – Почему же никто из прежних исследователей не сказал просто, что планета «пригодна лишь для маргинального и субмаргинального использования; при предварительных исследованиях оценивается как бедная основными, радиоактивными и редкоземельными металлами; ее запасы топлива невелики, планета не рекомендуется к освоению в этом столетии, поскольку существуют места гораздо более перспективные». Почему в отчетах столько непонятной белиберды? Хотя мне тут нравится. Приятное местечко для краткого отдыха.

– Да, и мне тут тоже начинает нравиться, – произнесла Селма Ласт-Роуз своим характерным «барабанным» голосом, – здесь кроется загадка, а я люблю разгадывать загадки. Есть какая-то тайна в этой Долине старых космолетов. Я не прочь заняться ею.

Они сели на равнине в Долине старых космолетов. Здесь были удивительные изображения древних космических кораблей в натуральную величину. Двенадцать изображений – от самого первого до самого последнего – занимали две трети круга, образуя подобие циферблата. Каким способом эти схемы были сделаны, оставалось загадкой, но прочер-

ченые линии не зарастали густой травой, зеленый ковер лишь подчеркивал их. Можно было легко проследить округлые очертания космических кораблей, их носовые и кормовые обтекатели. Внутренние переборки также тщательно обозначались. Настоящий музей кораблей, которым не хватало лишь объема.

– Мне вспомнились два фрагмента из судового журнала «Чародея» относительно этой долины, – сказал Элтон Фэд. – В первом утверждается: «Некоторые члены нашей экспедиции верят, что Долина старых космолетов была сооружена медведями-воришками в качестве некоей исторической вехи, но сам я не верю, что эти мелкие существа настолько разумны». А другой, написанный иным почерком, звучит так: «Медведи-воришки действительно соорудили эти схематические памятники на траве всем прилетавшим сюда кораблям, но они выполнили это таким способом, который мы не можем даже представить». Последняя запись, как и последующие, сделана не чернилами, а чем-то другим.

– Прекрасно, я могу предположить несколько способов, которыми маленькие негодяи сделали это, и как-нибудь сумею проверить свою гипотезу. Спрошу их, как они соорудили подобный бред. И если эти нахалы обладают хоть каплей разума, я найду возможность потолковать с ними.

Медведи-воришки по виду не сильно напоминали медведей. Они больше смахивали на белок-летяг: скользили по воздуху – по всей видимости, для забавы. Создания напоминали земных *Neotoma cinerea*, серых неотом с пушистыми хвостами, как по виду, так и воровскими замашками, но были крупнее их. Имя *Ursus furticus* (медведи-воришки) дал им сам старик Джон Чансел.

Да, в первые же пять минут после высадки исследователи убедились в том, насколько vorоваты медведи. Эти существа залезли в корабль и проникли в такие места, которые, казалось бы, для них были недоступны. Они утащили конфеты Селмы и нюхательный табак Дикси. Они украли (выпив на месте) тринадцать флаконов лосьона «Настоящий мужчина» с ароматом корицы, принадлежавших Джорджу Махуну, но не тронули ни одного флакона с иным запахом. От горчицы они пришли в восторг и мгновенно уничтожили все запасы, постанывая от удовольствия. Элтон Фэд попробовал прогнать их тяжелыми металлическими прутьями. Медведи-воришки спланировали прямо на палки, которыми он размахивал, и тут же сгрызли их до самых его рук. Они стащили шесть французских триллеров у Дикси Лейт-Ларк. Это не слишком огорчило Дикси – триллеров у нее в запасе было предостаточно.

– Медведи-воришки хотят познакомиться с нами поближе, – сказала Дикси (она сама чем-то напоминала обитателей этой планеты). – Читайте это своеобразным тестом. Если они прочитают и поймут эти книжки, – значит, перед нами разумные существа, чей литературный вкус лучше, чем у моих товарищей по экспедиции. Это и станет отправной точкой их изучения, и нам будет что занести в наши портативные компьютеры.

Умеют ли медведи-воришки разговаривать? На этот вопрос невозможно было ответить так сразу.

– Скажи «доброе утро», пушистая мордашка, – обратилась Селма к одному из этих созданий.

– Скажи «доброе утро», пушистая мордашка, – проворчало в ответ существо. Все слова были произнесены правильно, в нужном ритме и с нужными ударениями. И ворчание напоминало монотонный голос Селмы. Кто бы ни об-

ращался к медведям, они, отвечая, воспроизводили его собственную манеру говорить. Медведи мгновенно принялись подражать людям.

К тому же они еще и хихикали! Да, довольно скоро их хихиканье стало надоедать. Хихикающие бесстыдники, иначе и не скажешь.

Могут ли медведи-воришки читать? Возможно, это скоро станет понятно. Медведи залезли в запертые шкафы, где хранились комиксы, и утащили целую охапку. Эти комиксы с торговых планет предназначались для коллекционеров на Старой Земле, торговля ими давала неплохую прибыль. Удивительные вещи всегда пользуются спросом.

Взрослые медведи-воришки «читали» комиксы медвежатам-воришкам, ворча на свой лад, а медвежата время от времени ворчали восхищенно или недоверчиво и лезли разглядывать картинки и слова, вылетающие изо рта персонажей. И все это сопровождалось хихиканьем!

Несомненно, взрослые медведи полагали, что читают, а медвежата – что понимают. Но надписи в комиксах были на но-пиджин наречии торговых планет, а оттуда ни разу никто не прилетал на планету медведей-воришек. Впору было считать, что «синдром интуитивного перевода Сэнгстера» обнаружен у животных, стоящих ниже уровня концептуального мышления. Затем медвежата принялись инсценировать отдельные эпизоды комиксов (весьма сложные, по словам Бенни Крикс-Краннона, знавшего все комиксы, хранившиеся в корабельных шкафах). Да, объяснить все это было непросто.

Спустя час после прибытия на планету, убедившись, что все идет как следует, участники экспедиции приступили к праздничному обеду. Это была традиционная земная пирушка, хотя яства доставались из пакетиков – специальных

упаковок для торжественной трапезы, производившихся на торговой планете № 4. На столе появились десятисантиметровой толщины бифштексы, на которые пошла говядина, привезенная с Кейпа, горы мидландских грибов, изюм, яблоки с Астробы, нежные угри, ржаной хлеб, козье молоко «Галакси», кофе с Дождливых Гор, рамбоутские крепкие напитки и несравненные ганимедские сигары (о них принято говорить: «Подобный аромат переживет Вечные холмы»).

– Судя по записям прежних исследователей, на планете медведей-воришек нельзя получить истинного удовольствия от еды из-за этих самых медведей, – с некоторым злорадством произнес Бенни Крике-Краннон. – А я вот получил удовольствие от нашего обеда – пожалуйста, Льюк, еще стаканчик крепкого рамбоутского – и охотно поглядел бы на того, кто лишит меня этого удовольствия.

И все же удовольствие да и самый вкус праздничного обеда начали исчезать почти в тот же самый момент. Каким образом? Да просто все, что доставляло им удовольствие, было таинственным образом похищено.

– А теперь медведи украли остаток нюхательного табака Дикси, – сообщила Глэдис. – Ужасно. Ей так нравилось нюхать табак. Если все причуды Дикси исчезнут, нам будет казаться, что исчезла она сама.

– Медвежата стащили еще тридцать французских триллеров Дикси, – проворчал Элтон Фэд. – Дикси страшно расстроилась. Надо заставить медведей вести честную игру.

– Ее золотые табакерки тоже пропали, – с сожалением заметила Селма Ласт-Роуз. – Медведи просто подлецы. Табакерки – это ценность, хотя бы потому, что сделаны из золота.

– И ее трубка-наргиле тоже, – посетовал Льюк Фронза. – Что на очереди?

– Этого я не знаю, – промолвил в изумлении Джордж Махун, – но, кажется, украли и саму Дикси Лейт-Ларк. Во всяком случае, она куда-то делась. Она не могла уйти незамеченной, поскольку включены все системы безопасности. И в то же время корабельный монитор показывает, что на борту ее нет. Она ведь сидела между Селмой и Глэдис, правильно?

– Да, минуту назад она сидела на стуле между нами. А сейчас и стула никакого нет... Наверное, она находилась где-нибудь еще. Ох, эти хихикающие мерзавцы! Интересно, как они ее украли и что с ней сделали.

– Поразились, Глэдис, – возразил Льюк. – Ведь у маленьких медведей не было никакой возможности похитить Дикси Лейт-Ларк.

– Куда же она делась? И каким образом?

– Я этого не знаю, – признался Махун, – и не думаю, что кто-либо из нас знает. В конце концов, это не так уж важно. Что-то я скверно себя чувствую. И к тому же голоден. После замечательного праздничного обеда этого не может быть. По счастью, я ввел свои данные в корабельный компьютер, ведь в отчетах наших предшественников об аномалиях на планете медведей-воришек говорилось об исчезновении хорошего самочувствия и интеллекта исследователей. Ну, компьютер, что со мной неладно?

И корабельный компьютер начал выдавать информацию. Она была закодирована, но, как однажды заметила Дикси, «все мы впитали этот код с материнским молоком». Члены команды внимательно слушали, и каждый автоматически переводил кодированную информацию в слова.

– Основные пищевые ценности внезапно были похищены из потребленных продуктов, – докладывал компьютер. – Из желудка пропал пепсин, из таламуса исчез таламатит, из

щитовидной железы похищен тироксин, экстракт кейпских бифштексов улетучился из пищевода и желудка, грибы и изюм украдены из нижней части желудка и тонкого кишечника, алкоголь похищен из желудка, подвздошной кишки и кровеносной системы, украдены также содержащийся в крови сахар и алкоголь. Жидкая смесь ржаного хлеба, масла и кофе извлечена из полости желудка. Оттуда же изъят экстракт угрей. Одновременно из поджелудочной железы улетучились инсулин и глюкоген, из желчных протоков и двенадцатиперстной кишки исчезла желчь; а из различных областей мозга были извлечены слова, мысли и элементарные понятия.

– Спасибо, корабельный компьютер, – сказал Джордж Махун. – Что ж, кажется, меня поразила какой-то микроб, или бактерия, или вирус. Надо принять таблетки, чтобы подавить инфекцию.

– Какие таблетки, Джордж! – в сердцах воскликнул Элтон Фэд. – Нам нужно взять прутья и поучить как следует этих негодяев. Меня тоже атаковали микробы, бактерии и вирусы, только они ростом мне до пояса и зовутся медведями-воришками. Пропади они пропадом, эти хихикающие мерзавцы! Они стали слишком бесцеремонны и посягают на самое сокровенное. Это наглость: забраться так глубоко и столько всего съесть. Иногда я думаю, что лучше бы мне не становиться исследователем, а продолжать семейный бизнес. (Семейство Элтона процветало, занимаясь разведением угрей).

Неожиданно на стол, за которым члены экспедиции только что закончили праздничный обед, уже утративший всякий смысл, приплыла по воздуху и опустилась тряпичная кукла с восковой головкой. Ее тело пронзали иглы и шипы, а горло перерезала рана. У изуродованной куклы было лицо Дикси Лейт-Ларк. Ее широко открытый рот застыл в без-

звучном вопле.

– Во всяком случае, теперь мы знаем, что медведи читают на земном французском и понимают его, – рассмеялась Глэдис Макклейр, а за ней и все остальные. – Им откуда было узнать, кроме как из французских триллеров Дикси, о куклах-фетишах. Ведь это же вопящая Мими. Хотелось бы мне, чтобы Дикси была здесь и взглянула на свое забавное изображение! Закрой-ка рот, куколка-Дикси!

И Глэдис поднесла указательный палец ко рту куклы-фетиша, чтобы закрыть его, но кукла вдруг сильно и злобно куснула палец, так что брызнула кровь. Когда Глэдис удалось освободить палец, кукла вновь раскрыла окровавленный рот в беззвучном вопле. Уже давно было замечено, что куклы-фетиши живут своей собственной жизнью.

Это маленькое забавное приключение немножко развешило членов экспедиции, и они встали из-за стола, приободрившись. А затем решили выйти из корабля.

Да, медведи-воришки любили пошалить, ничего не скажешь! Конечно, исследователи могли бы обставить их, проникнув в их тайны. Но приходилось признать, что эти создания не так просты и что они гораздо ближе к разумным существам, чем считалось до сих пор.

По размерам медведи-воришки представляли собой нечто среднее между полицейской собакой и датским догом. У них не было ни когтей, ни зубов, и на вид они казались совершенно безвредными. Стоило ли всерьез принимать во внимание этих хихикающих существ?

– Скорее! Скорее сюда! – в голосе Селмы Ласт-Роуз слышалась паника. – Идите скорее! Я нашла Дикси.

Хотя медведи-воришки были довольно крупными, на самом деле они почти не имели веса. Иначе они не смогли бы

так легко планировать по воздуху. Похоже, что они почти целиком состояли из мягкого пуха, под которым скрывалось небольшое тельце.

– Идите сюда хоть кто-нибудь, идите сюда! – продолжала взывать Селма монотонным «барабанным» голосом. – Дикси погибла.

Мертвая Дикси Лейт-Ларк была точной копией куклы-фетиша, только в натуральную величину. На ее шее зияла такая же ужасная рана. Те же самые шипы и иглы пронзали ее, но теперь шипы были метровой длины, а иглы достигали двух метров. Рот ее, как и у куклы, был широко открыт; и так же, как кукла, Дикси замерла в беззвучном ужасном вопле.

А изо рта и из жуткой раны на горле неслись звуки, напоминающие хихиканье медведей-воришек. Просто кошмар!

Ужас перешел в оторопь, когда все услышали низкий рокочущий голос Бенни Крикс-Краннона:

– Вот еще одна. О, да эта даже лучше. Просто красавица!

Да, это была еще одна погибшая ужасной смертью Дикси Лейт-Ларк с горлом, которое пересекал еще более страшный разрез, с телом, утыканным еще более длинными шипами и иглами, с еще более мерзким хихиканьем, несущимся из широко открытого рта.

Всего они обнаружили семь Дикси Лейт-Ларк в натуральную величину, умерщвленных самым ужасным ритуальным образом. И вдруг все семь вскочили, превратившись в довольно юных медведей-воришек, и, хихикая, убежали. Казалось, камни планеты хихикали вместе с ними.

Но где же сама Дикси Лейт-Ларк? Этот вопрос даже не так уместен, как другой: почему члены экспедиции пере-

стали интересоваться тем, что же все-таки случилось с их коллегой? Почему они почувствовали, что ее исчезновение не имеет значения?

– Я потерял способность рассуждать, – пожаловался Джордж Махун. – Я еще владею кое-какими понятиями, но сопоставить их никак не могу. Руководство экспедицией должен взять на себя кто-то другой.

– Какое там руководство экспедицией! – отмахнулась Глэдис Макклеер. – Экспедиция ничуть не станет хуже без руководства. Да и ты вряд ли мог потерять то, чего никогда не имел, Джордж. Давайте попробуем разобраться в ситуации и подумаем, почему никто до нас этого не сделал. Эта планета размером с Землю, но удивительно однообразная. На ее одинаковых континентах раскинулись десятки и сотни небольших низменностей и равнин, схожих с Долиной старых космолетов. Почему же тогда абсолютно все экспедиции высаживались именно в этом радиусе, на расстоянии километра одна от другой? Правило определения места посадки исследовательской экспедиции звучит так: случайный выбор, контролируемый разумом. А другое правило гласит: изучай новую планету всесторонне. Почему же все экспедиции садились в одном и том же месте? Ах да, Джордж, ты же стал хуже соображать и не так красноречив, как прежде! Что если не все территории этой планеты проверены?

– Мы произвели шестнадцать оборотов, сканируя поверхность планеты медведей-воришек, перед тем как произвести посадку, – ответил Джордж Махун. – И получили прекрасные снимки. К тому же прежние экспедиции проделывали полные шестьдесят четыре оборота, а тщательное сканирование не должно было упустить ничего существенного.

– Как вы думаете, Джордж, эти медведи обитают на всей территории планеты?

– Не знаю. Каково ваше мнение, Бенни?

– Полагаю, медведи-воришки представляют собой малораспространенный вид с определенным ареалом обитания. Их странности, их нестандартное поведение свидетельствует, что они слишком специфичны, чтобы иметь большую численность. Они должны обитать в близком соседстве друг с другом, чтобы выжить.

– Что касается меня, я потерял больше, чем способность рассуждать, – печально сообщил Льюк Фронза. – Я растерял все мысли. Кто-то вытянул их прямо из моей головы, осталась одна шелуха.

Отличительным свойством медведей была игривость. Иногда они прилетали по воздуху и, если свет на них не падал, оставались совершенно невидимыми. Передвигались легко, и такими же легкими были их прикосновения. Однако касания их всегда оставляли следы – красноту, как от ожога крапивой. Кто-то из членов экспедиции сказал, что медведи-воришки – это вид гигантских насекомых со странными склонностями и вечно голодных.

Семь дней и ночей пронеслись быстро. Это в некотором смысле это была головокружительная планета, она вращалась с большой скоростью: семь дней и ночей на планете медведей-воришек составляли всего лишь восемнадцать часов на Старой Земле или шестнадцать на Астробе. Быстрое вращение планеты определило своеобразие ее условий; здесь не было ни растений, напоминавших деревья, ни разросшихся кустов. Здесь были лишь небольшие кустики и голая земля.

Люди без сопровождения призраков – это ущербные люди. Они вынуждены погружаться в глубины «восточных» философий, следовать либо модным суевериям, либо выводам порочной астрологии, лишь бы скрыть факт, что они утерjali свои призраки.

Призраки без сопровождения либо без «соседства» людей в той же степени неполноценны и вынуждены играть самые странные роли или же принимать самые причудливые формы в попытках найти себе компанию.

Обе ситуации пагубны.

Терренс Тейбси. Введение к «Историям с призраками» сектора 24.

Бурные атмосферные явления на планете медведей-воришек не позволили растениям подняться высоко – поэтому кусты остались низкими. А быстрое вращение планеты обусловило некую особенность ее рельефа. На большинстве планет холмы «растут». На планете медведей-воришек они становятся ниже.

Вершины континентов планеты плоские и покрыты буйной растительностью, по временам там дуют ураганные ветры. У подножия простираются пастбищные равнины, или луга, или округлые долины (наподобие Долины старых космолетов), и там, внизу, ветер не так силен.

Последние из двух коротких ночей на планете были грозовыми, а в такие ночи любят являться призраки. Небо ярко освещалось плазменными вспышками и зигзагами молний. Молнии скапливались на вершинах с громом, подобным львиному рыку, а затем, как водопады, низвергались на равнины и луга, образуя то там, то здесь горячие разливающиеся лужи.

Призраки обитали здесь всегда, но часть их выглядела обычно, как пустая оболочка воздушного шарика. В грозовые ночи они наполнялись молниями и становились видимыми. Другие призраки были почти незаметны и коротали бесконечную череду ночей и дней до того дня, пока в конце концов не поблекнут окончательно.

Возле корабля появился призрак Джона Чансела, одного из исследователей планеты медведей-воришек, которого обычно считали ее первооткрывателем. Правда, сейчас он опроверг это мнение. Вторую грозовую ночь призрак Чансела просидел в кокпите космолета вместе с членами экспедиции, любовно поглаживая множество ручек, колесиков, рычагов, кнопок и клавишей, необходимых для управления кораблем. В его дни летательные устройства не были столь сложными.

– Я разобрался во всех этих новых замечательных рычагах гораздо скорее, чем смог бы он, – мягко сказал призрак Чансела. – Разумеется, мозг был при нем, я же обладал интуицией. А это главное, доложу я вам.

– А как можно стать призраком? – поинтересовалась Глэдис Макклейр. – Я имею в виду, если не после смерти. Существует ли какой-нибудь иной способ?

– Довольно часто это случается задолго до смерти. Я был призраком Чансела в течение двадцати лет до того, как он где-то умер. Он оставил здесь свой (мой) призрак во время второго посещения планеты. После этого он прилетал сюда за мной несколько раз, но я отказался следовать за ним. У него к тому времени появились свои причуды, у меня – свои. Если бы мы оказались вместе, то беспрестанно конфликтовали бы. Но для нас обоих (для него сильнее, чем для меня) разлука была мучительной.

Не редкость, когда живой человек и его призрак суще-

ствуют порознь. Я вижу, что двое из вас шестерых обладают призраками, которые находятся не с вами вместе, и вам никогда не догадаться, о ком идет речь. Очевидно, на планете медведей-воришек условия благоприятствуют подобному расколу. У покинутых призраков развивается страшный голод (да, да, физический голод). Но у каждой планеты собственная призрачность, отличающаяся от призрачности других мест. Даже на Старой Земле существуют остатки и клочки призрачности, хотя это вовсе не голодная планета. Как сказал пророк: «Блажен мир, где есть железные луга и богатые экстракты, которыми духи могут насытиться и уснуть». Но здесь мы, духи, по большей части проводим время без сна.

– А что произошло с Дикси Лейт-Ларк? – спросила Глэдис Макклейр у словоохотливого призрака.

– Она была призраком другого вида. Дело в том, что никакой Дикси Лейт-Ларк как человека никогда не существовало. Вы прибыли сюда вшестером. Дикси была вашим *esprit de group*, вашим групповым портретом и к тому же проявлением вашего недотепства. Мы впервые сделали ее видимой для вас. А вы узнали и приняли ее, как обычно, не раздумывая. Это «нераздумывание» составляет часть окружающей среды планеты медведей-воришек. Она была весьма приятным образным экстрактом всех вас, воплощением вашей причудливости и детскости, что сделало ее очень аппетитной. Мы любим экстракты. Они весьма питательны.

– Зачем же вы сделали ее видимой? – задала вопрос Селма.

– Затем, что мы любим видеть то, что едим.

– Что представляют собой медведи-воришки? – спросил Льюк Фронза у призрака Чансела.

– О, это особый вид перекасти-поля, вид крапивы. Призраки иногда используют их, чтобы побродить вокруг. Я и сам часто бываю медведем-воришкой. Только в грозовые ночи мы можем, наполнившись плазмой, обрести собственный облик. Мы много бродим здесь, потому что нас вечно мучает голод и бессонница. В местах, более богатых органикой, металлами и минералами, процесс питания призраков сродни познанию, и они гораздо меньше двигаются и бродят. Они спят целыми столетиями. Активность призраков отмечается только в бедных пищевой областях. Один из моих двойников подаст признаки жизни, быть может, раз в столетие. Я ощущаю своих двойников, но чувствовать там почти нечего.

– Откуда появились медвежата-воришки?

– Это случилось в одно из первых посещений планеты, возможно, в самое первое, потому что, когда я появился здесь, они уже были. Экспедицию, состоявшую из мужчин, женщин и детей, плохо снарядили. Все они умерли от голода, потому что не знали, как использовать местную буйную растительность в качестве пищи. Они оказались первыми голодными призраками. Это их голодный крик подманивал корабли садиться в одном и том же месте. «Идите сюда, чтобы мы могли вас съесть», – зывали они, и этот мощный клич действует до сих пор.

– Вы только что сказали о своих двойниках, – произнес Джордж Махун. – Выходит, у Джона Чансела был не один призрак? А что сам он тоже страдает от голода и бессонницы?

– Ну, я (основной Джон Чансел) достиг вершин славы. Но каждый из нас, великих, имеет множество призраков. Он, то есть я, оставил, кроме меня, два других призрака. Но мы слабо ощущаем друг друга. Он обладал истинным ве-

лично, а я нет. И все же вот парадокс: он наблюдал себя, в целом, снаружи, и оставался доволен увиденным, я же видел нас изнутри, и на меня это не производило впечатления. И мы не были первооткрывателями стольких планет, как это принято считать. Здесь мы тоже не были первыми. Когда мы высадились на планете, на ней уже существовали медведи-воришки, призраки наших предшественников. Но Джон Чансел был великим человеком, а его предшественники – нет. Поэтому и считается, что Чансел был первооткрывателем многих планет. Что ж, леди и джентльмены, пусть вам сопутствует удача, когда вы поднимете в воздух вашу капсулу завтрашним грозовым утром. Вам следует сделать несколько записей в корабельном журнале сразу же после взлета, а то позже вы забудете о своем намерении. Для этого вам придется воспользоваться не чернилами, а чем-то иным.

– Почему мы должны подняться в воздух на капсуле? – спросил Элтон Фэд. – Мы используем капсулу лишь в том случае, когда корабль неисправен.

– Он уже никогда не будет исправен, – ответил призрак Джона Чансела. – Да, это хороший корабль, он утолит голод многих из нас. Вам лучше поднять в воздух капсулу, и как можно скорее. Мы пытаемся играть честно, но вскоре съедим и ее, если она останется здесь.

Хороший парень – этот Джон Чансел, пусть и в слабом, призрачном виде.

Гораздо более мощным призраком (он появился грозовым утром после второй грозовой ночи) оказался Головорез Крэг. К концу второй ночи Головорез из чистого упрямства решил остаться видимым. Все члены экспедиции одновременно ощутили его мощное присутствие.

– Я пришел сюда один, – голос призрака-Головореза раскатывался львиным рыком. – Я не из тех, кто превращается в какую-нибудь крапиву или перекасти-поле. Я не из тех, кто становится маленьким хихикающим медвежонком или другой игрушкой. Я не призрак и не персонаж истории с привидениями. Я просто мертвец, голодный и бессонный, на этой планете, бедной минералами. В грозовые ночи я разыскиваю свою собственную шкуру там, где ее оставил, влезая в нее и заполняя ее гремящими молниями и статическим электричеством. Я голодный мертвец, и у меня крутой нрав. Не связывайтесь со мной!

– Это ты, парень, не связывайся с нами, – довольно резко ответил Джордж Махун. – Наш корабль оказался в весьма плохом состоянии, и нам нужно быстро улетать. Отойди с дороги, замогильное чучело, и не мешай. Элтон, заостри-ка вот эту штуку и принеси мне, да прихвати молоток потяжелее. Кажется, я знаю, как обращаться с голодными мертвецами.

И Джордж Махун протянул Элтону Фэду толстый и тяжелый нагель из твердого дерева. По длине и весу он был примерно с бейсбольную битку.

– Другие, настоящие призраки, для собственной безопасности рассказывают всякие байки, пока кормятся людьми и их пожитками, – продолжал старый голодный мертвец Головорез Крэг. Голос его рокотал. – Они говорят: «Мы не утащим у вас из разума ничего важного. Только всякую ерунду. Таким серьезным людям, как вы, это только на пользу. Так будет лучше и нам, и вам». Но это вранье. Мы выедаем из ваших мозгов все самое ценное и серьезное. И из ваших тел мы утаскиваем и съедаем самое вкусное. Мы приходим пировать вами. Из ваших кораблей и ваших складов мы извлекаем самое питательное, самое сложное: ме-

таллы, микросхемы, базы данных, кодированную память и компьютерные программы. Мы съедаем все, потому что голодны. А я еще ненасытнее, чем все остальные. Я поглощаю самую суть разума, оставляя лишь невнятицу и идиотизм. Я съедаю людей в один присест.

– Перенесено ли все необходимое с корабля в капсулу? – спросил широкоплечий, мощный Джордж Махун.

– Да, – ответило несколько голосов.

– Я съем внутренности вашей капсулы точно так же, как мы съели внутренность вашего корабля, – взревел мертвый Головорез Крэг.

– Заострил? – спросил Махун, принимая толстый нагель из рук возвратившегося Элтона Фэда.

– Конечно, – ответил Элтон, – только что-то с этой штукой не так. Она стала легче, пока я нес ее. Наверное, они могут есть на расстоянии.

– Ну, ты, костлявый капитан, мне думается, я проглочу тебя на месте, – прорычал мертвец Головорез капитану Махуну. – Ты, конечно, большой кусок, но я не подавлюсь.

Огромный Джордж Махун одним мощным ударом сбил с ног огромного (больше себя ростом) мертвеца Головореза Крэга. Затем он приставил острие нагеля (Конечно, Элтон, они выгрызли всю сердцевину этой штуковины, но что тут поделаешь?) к сердцу Головореза и крепко ударил по нему тяжелым молотом. Но деревянный нагель разлетелся на щепки и куски источенного червями (или призраками) дерева.

– Ладно, оставим его так, – сказал Махун, – я не знаю другого способа убивать мертвецов.

Шесть членов экспедиции погрузились в капсулу и взлетели. Внизу они увидели свой оставленный корабль, который на глазах рассыпался в прах, оставшись существовать

лишь в виде силуэта корпуса и общей схемы. Он стал еще одним знаком-космолетом на напоминающей циферблат равнине, носившей название Долина старых космолетов. Эти очертания старых космических кораблей оказались самими старыми космическими кораблями. Должно быть, они послужили призракам отличной пищей.

– Берите судовой журнал! – жалобно воскликнул Джордж Махун. – Я просто чувствую, как быстро все это ускользает из моей памяти! Пусть каждый вырвет из журнала страницу и пишет как можно скорее. Давайте же, пока с нами не произошло то же, что и с нашими предшественниками.

– Нет смысла горевать, что ни в одной ручке не оказалось ни чернил, ни пасты, – «барабанным» голосом произнесла Селма. – Не стоит сокрушаться по поводу того, что электронная запись тоже невозможна. Вкусы медведей-воришек необъяснимы. В старых судовых журналах, помнится, было несколько строк, написанных не чернилами. Если мы все примемся быстро писать, у нас может получиться больше, чем несколько строк. Мы сумеем даже дать объяснение случившемуся, пока вся эта история еще не совсем испарилась из нашей памяти.

И все члены экспедиции вскрыли себе вены и принялись исписывать длинные страницы судового журнала собственной кровью. Кровь еле текла – из нее было изъято столько свободно циркулирующих веществ, что она стала вязкой и клейкой. Но они не сдавались. Они записали объяснение происходящему на планете, хотя потом, когда им показывали их записи, едва могли вспомнить, как это сделали.

Объяснение тому, что происходит на планете медведей-воришек, было необходимо. Поскольку, как однажды сформулировал великий Реджиналд Хот: «Аномалии – это не порядок».

Вот это объяснение и приведено здесь примерно в том виде, в каком оно было записано в судовом журнале липкой и тягучей кровью.

ДНИ ТРАВЫ, ДНИ СОЛОМЫ

Рассказ «Дни травы, дни соломы» впервые вышел в «Новом измерении-3», третьем выпуске антологии, которую в семидесятые годы составлял и издавал Роберт Сильверберг. Все ближе подступала не совсем понятная Новая волна фантастов, и Сильверберг ставил перед собой задачу расслышать в общем шуме новые голоса, увидеть новые свежие подходы к созданию научной фантастики и фэнтези. Проза Лафферти была представлена во всех четырех первых выпусках антологии.

В ту книгу, где был опубликован рассказ «Дни травы, дни соломы», вошли еще два рассказа, позже ставшие знаменитыми: награжденная премией «Хьюго» классическая притча «Уходящие из Орнеласа» Усулы Ле Гуин и «Девушка, которую подключили» Джеймса Типтри младшего (конечно, очень быстро открылось, что Типтри – псевдоним писательницы Элис Шелдон). Оба рассказа в следующие десятилетия печатались еще много раз, а рассказ Лафферти – несмотря на то, что сегодня поклонники писателя считают его одним из лучших и поразительно провидческим – был напечатан только однажды в сборнике его собственных произведений. Тем не менее, рассказ перевели на нидерландский язык, и он даже вдохновил певца Спинвиса (настоящее имя Эрик де Йонг) написать в 2004 песню «Dagen van gras, dagen van stro» (это буквальный перевод названия рассказа). Текст песни очень отдаленно свя-

зан с рассказом Лафферти, но смысл в том, что лучшие его истории, пусть и не известные массовому читателю, находят неординарные пути в искусстве и культуре и оставляют за собой след.

Сам рассказ некоторые из читателей считают довольно сложным для восприятия. В первых же предложениях улица города превращается в грунтовую дорогу, затем в пешеходный путь, затем в тропинку. Главный герой Кристофер оказывается посреди доурбанистического и доиндустриального ландшафта, напоминающего пейзажи из легенд коренных американцев или народных сказок Оклахомы. Даже его собственное имя звучит непривычно, вокруг полужнакомые люди и непонятная местность – все сильно напоминает традиционный воображаемый пейзаж из прошлого. Тем не менее Кристофер чувствует себя обновленным и свежим, как будто «мир наполнился новыми жизненными соками». «Все как-то странно, – замечает он. (И эти слова, скорее всего, произносят про себя все, кто читает Лафферти впервые). – Все как-то не так».

Наконец мы узнаем, что Кристофер попал не в воображаемый мир, а в другое время – в «день травы», один из «особенных дней, не похожих на обычные». Обычные дни называются «дни соломы». Особенности дни не значатся в календарях и вообще не существуют в истории, но они достаются дорогой ценой пророкам и молящимся – те вступают в борьбу с Богом, чтобы заслужить такой день. В разных странах эти «пышные дни, полные радости и смерти, бурлящие восторгом и кипящие кровью» называются по-разному; они могут длиться целый сезон. «Никто точно не помнит, что происходило в это время», но времени этому даются имена тускловатые, вроде «бабьего лета». Лафферти обладал удивительной способностью видеть более живой и, возможно, более опасный мир,

находящийся за рамками нашего мира, но каким-то образом спрятанный в нем. Эта тема часто повторяется в его прозе.

Гэри К. Вулф

1

Туман в углах, туман в голове:
День серый разбит, кровь течет по траве.

Генри Барабан «Баллады»

Кристофер Фокс шел по улице города. Хотя нет, это была городская дорога. Даже городская тропинка. Он шел в тумане, но туман был не снаружи, а у него в голове. Все как-то странно. Все как-то не так.

Взять, например, океаны травы. Разве возможно, чтобы посреди большого, шумного (а именно такой он и был) города, прямо на главной улице колыхалась высокая трава? Что это: отголоски эха и тени или все-таки реальные звуки и предметы? Кристофер чувствовал, что ему как будто протерли глазные яблоки каким-то волшебным очищающим составом. Как будто ему была дарована свыше новая способность слышать звуки и различать запахи. Как будто обновилось все его тело, и он дышит совсем другим воздухом. Что же произошло? Почему мир вдруг наполнился новыми жизненными соками?

Кристофер не мог вспомнить, какое сегодня число, не мог понять, который час. День серый, но не унылый, а переливающийся и жемчужный – воздух и вода источают сияние. Жемчужно-серый день с яркой алой подсветкой. Как белка, которую подстрелили, и вот теперь внутри и вокруг

нее, умирающей, мерцает алая кровь. Да, во всем чувствовалось легкое, приятное прикосновение смерти, кровавой смерти. И еще полнокровной жизни.

Даже собственное имя звучало для Кристофера по-другому. Он не знал, что это за город. Никогда он не видел города, в котором витрины магазинов трепещут на ветру. Вот они взлетают, развеваются, как ткань. Сворачиваются и разворачиваются, но не разбиваются. Город, как будто нарисованный на нежной замше, но куда более реальный, чем города, сделанные из цемента и камня.

Он видел людей, которых вроде бы знал. Начинать говорить, но получался какой-то лепет. Решил купить газету – ведь газеты должны сообщать информацию. Полез в карман за монетой, но обнаружил, что карманов в привычном понимании у него нет. Он нашел только маленький кожаный мешок, прикрепленный к поясу. А это что? Что еще на поясе? Закрепленная сверху и по бокам набедренная повязка. Вместо обычных брюк на Кристофере были обтягивающие лосины и набедренная повязка.

Так, а это что еще?

Рубаха на нем была из тонкой кожи. На ногах – мягкие туфли, мягче, чем домашние тапочки. Голова непокрыта, волосы сплетены в две длинные косы и лежат на плечах. Он и раньше любил одеваться в свободном стиле, но, конечно же, не так. А как одеты остальные люди? Двух похожих одеяний не найдешь, сколько не ищи.

Он все-таки извлек монету из мешочка на поясе. Странная монета. Не металлическая, высечена из камня, причем грубо. На одной стороне – изображение головы и передней части бизона. На другой – бизоний зад. На одной стороне написано: «Один бизон», на другой – «Возможно, немного меньше».

– И что мне делать с такой монетой? – сердито и громко спросил Кристофер. К нему тут же протянулась рука, и он вложил в эту руку монету. Рука принадлежала старику со сморщенной коричневой кожей. Старик в черной кожаной хламиде сидел прямо на земле в пыли.

Старик дал Кристоферу газету. Точнее, дал нечто, сделанное из кожи, но твердое, почти как доска. Там были картинки, буквы или знаки разного размера. Кроме того, тут и там торчали маленькие пучки шерсти, как будто кожу выделали недостаточно хорошо.

– Возьми сдачу, – сказал старик и протянул Кристоферу семь небольших монет. Они были не металлические, но уже не из камня, а из глины, обожженной солнцем. На лицевой стороне – голова ошестинившегося барсука с оскаленной пастью, на оборотной – тот же барсук в полной боевой готовности, но вид сзади.

– Немного подешевела газета, но не на целого барсука, – сказал старик. – Затянись-ка три раза. Будет почти точно на сдачу.

Дивясь самому себе, Кристофер взял трубку у старика и сделал три глубоких затяжки. Табак был крепкий, дым густой и ароматный. Кристофер почувствовал, что полностью удовлетворен. Хотя что плохого в том, чтобы быть не полностью удовлетворенным? И что это вообще значит?

Он сел на тюк тряпок возле лавочки с вывеской «Собаки с вертела на продажу или даром». Тряпки, на которых он сидел, почему-то казались живыми. Вообще в этот день как будто исчезли различия между живым и неживым. Он пытался разобраться со странной газетой, со странным днем и со странным человеком, которым был, по-видимому, он сам.

Газета оказалась очень интересной. Читать ее можно было разными способами. Там были картинки, стилизованные

пиктограммы, рукописные тексты и напечатанные тексты. Много анекдотов – ужасно смешных, порой грубых и недвусмысленных, с остро-солеными шутками. Анекдоты были о людях, которых Кристофер знал, или почти знал. И мимо тоже проходили люди, которых он почти знал. Но почему тогда они так не похожи на себя? Выглядят, как знакомые, пахнут, как знакомые, и у них знакомые имена, которые так и вертятся на языке...

– Что это за город? Какой сейчас день? Что происходит? – выкрикнул Кристофер. – Почему все такое странное?

– Это ты мне, Кит Фокс? – пробасил Чудак Буйвол. Чудак, большой и буйный тип, всегда был Кристоферу хорошим другом. Был? Но почему он так изменился? Как его настоящее имя, или другое имя, или то имя, которое невозможно вспомнить?

– Как думаешь, Кит Фокс, начнется бизонья война? – спросил Чудак. – Пойдут два больших стада друг на друга? Каждое клянется, что не отступит.

– Нет, это всего лишь возня, для настоящей войны у них кишка тонка, – сказал Кристофер, удивляясь собственной осведомленности.

– Но у них сейчас в советниках люди, – сказал Чудак Буйвол. – Конечно, все началось с обычного глупого спора, но теперь ясно, что у обеих сторон есть реальные причины, чтобы начать конфликт. Я долго обо всем этом размышлял, и у меня есть несколько хороших идей. Мы привязываем к рогам самых крупных бизонов копыта и учим животных ими пользоваться. И еще мы учим их сгибать огромные луки, но они совершенно не способны стрелять точно в цель.

– И все же не думаю, что они собираются затеять настоящую войну. Хотя пыль они поднимают до небес, и это даже

бодрит. Отличная забава! Слышишь топот миллиона копыт? Или это просто гром наверху горы? – спросил Кит Фокс, то есть, Кристофер.

– Да, гора утром действительно погромыживает, – с восхищением произнес Чудак Буйвол. – Дни другого рода, дни травы, такие, как сегодня, просто так не приходят. Удивительно, что горы не разваливаются на куски, когда пророки молятся так громко и борцы сражаются так яростно. Но, как говорит старая добрая кожаная газета, «мы должны собраться и найти решение посреди ярости и грохота».

– А не посреди «ужаса и трепета»? – спросил Кристофер, устраиваясь поудобнее на ворохе живых тряпок.

– Нет, Кит Фокс, нет! – воскликнул Чудак Буйвол. – Такие слова говорят в дни соломы, а не здесь, не сейчас. В тевных писаниях Каушей говорится «посреди ужаса и гогота», но на каушанском языке «гогот» и «грохот» – почти одно и то же. А в письменах кайова, сделанных на антилопных кожах, это звучит как «посреди дрожи от страха и смеха». Мне все это по душе. Если б я только мог молиться и бороться так же бешено и яростно, как Великие! Тогда бы я тоже был горным пророком и позаботился бы о том, чтобы дней травы было больше. И дней москита тоже.

– Смотри, Чудак, какая забавная сегодня гора. Она поднялась вверх, – сказал Кристофер. – Между ней и землей огромный просвет, и там парят орлы.

– Да, но она спустится вниз, когда они выиграют или проиграют битву. Когда выжмут или не выжмут достаточно сока. Хотя я уже сейчас вижу, что битва выиграна, и у нас настоящий день травы. Пойдем, полакомимся собакой и пропустим по тыкке шоко-пива, – предложил Чудак Буйвол.

– Погоди, Чудак. Я тут пытаюсь разгадать загадку, а в голове сплошной туман. Что сегодня за день?

– Один из дней травы, Кит Фокс. Я же только что сказал.
– Но какой именно, Чудак? И вообще, что это за дни травы?

– Думаю, сегодня первый понедельник бабьего лета, – поразмыслив, ответил Чудак Буйвол. – Или первый понедельник гусиной осени. Хотя разве можно быть уверенным, что это именно понедельник? На вкус и цвет это, скорее, четверг или даже тыква.

– Точно, – согласился Кристофер, то есть Кит Фокс.

Трое крепких парней несли мимо умирающего. Счастливчик заливался смехом. Его, очевидно, задрал медведь или затоптала лошадь. А может, бизон поднял на рога. И вот теперь он истекал яркой алой кровью.

– Сработало! – радостно выкрикивал умирающий. – Сработало! Я подошел слишком близко, и он порвал меня на куски, но все получилось! Мы почти научили быков драться привязанными к рогам копытами. Дело продолжают другие, и позабавятся они на славу. Я свое уже получил!

– Друг, благослови меня кровью! – попросил Чудак Буйвол, и умирающий плеснул в него горячую, бурлящую кровь.

– И меня, и меня! – взмолился Кит Фокс. И получил свою порцию благословения – счастливчик щедро окатил кровью его лоб, плечи, грудь и бедра.

Еще двое приятелей, Силач Остролист и Гроза Горы, подошли за благословением. После чего окровавленный начал умирать и вскоре умер.

– Свежая, горячая кровь – и день травы гимном начинает звучать у тебя в голове. С этим ничто не сравнится, – с упоением произнес Чудак Буйвол. – А вот в дни соломы кровь стараются не показывать и умирают, прячась по темным углам.

(Дни травы, дни соломы – что это значит? Грязные, унылые, похожие на скучный сон – таковы дни соломы, и они стремятся преобладать. «Ну хотя бы на время, – молят они, – просто чтобы восстановить порядок вещей, и только». Но приходит день травы и говорит: «Прочь! Битва выиграна, и нынешний день – особый, не такой, как все».)

Кит Фокс и Чудак Буйвол отправились прогуляться. Они шли мимо лотков и палаток, монетных дворов, мастерских, где делают свистульки из костей и перьев орла. В лавке, где жарят собак, остановились перекусить. Чудак выбрал плечо, а Кит Фокс – ребра. Там же давали горячий хлеб, мамалыгу и печеную тыкву. Шоко-пиво лилось рекой из глиняного горшка в тыквенные чаши. Тысячи людей ели и пили – внушительная толпа. Но так и должно быть в такой день. Гроза Горы светился и мерцал в воздухе. Просто удивительно, почему они раньше этого не замечали!

Мужчины скатали полотнища стен и подвязали их, как циновки. Теперь дым и ароматы еды проникали повсюду, и все могли видеть всех. Утро уже наступило, становилось жарко.

– И все же я хочу знать дату, – настаивал Кит Фокс, не успевший окончательно настроиться на день травы: в его голове все еще витал туман, которым обычно сопровождается унылое тление дней соломы. – Что это за газета, если в ней нет даты? Хочу знать день!

– Посмотри, здесь все написано. – Чудак Буйвол показал на газету.

– Хочешь День, мой сладкий? – Внезапно на коже газеты вспыхнула огненная надпись «Позвони 582-8316!» и исчезла.

– Надеюсь, я правильно запомнил номер, – почесал под-

бородок Кит Фокс. – Чудак, где тут можно позвонить? Где переговорный пункт?

– Там же, где и всегда, он здесь единственный, прямо за всеми лавками, – ответил Чудак Буйвол. – Ты сидел как раз на нем, когда мы встретились утром. А ты, соломенная твоя голова, думал, что это мешок с тряпками.

Кит Фокс прошел мимо дворов, где делали из камня монеты с бизонами и лепили из глины монеты с барсуками; мимо палаток, где дилеры торговали иглами дикобраза, и наконец оказался возле того, что раньше принял за тюк тряпья. Очень живой тюк тряпья. На самом деле это была леда, облаченная в живописную рванину. Она и работала переговорным пунктом.

– Мне нужно срочно позвонить по телефону 582-8316, – с тревогой произнес Кит Фокс.

– Возьмите игральные кости, – сказала живописная леда. – Разложите там, на короткой траве, в том порядке, какой вам нужен.

– Но на игральном костях обычно числа только до шести, – возразил Кит Фокс. – А мне понадобится восьмерка.

– Это необычные кости, они кривые, – объяснила леда. – На них есть числа и больше шести, и меньше одного. Составьте свой номер вот здесь, на короткой траве.

– Вы уверены, что так можно дозвониться?

– Конечно, не уверена, – ответила леда. – Но если ты, дружок, знаешь способ получше, делай по-своему.

Кит Фокс выложил игральными костями на траве нужный номер.

– Что теперь? – спросил он.

– Теперь разговаривай.

– Вот этот мешок из оленьей кожи – телефон?

– Давай, попробуй. Бросай монету с барсуком.

Кит Фокс бросил в мешок монету с барсуком.

– Алло-алло, – сказал он.

– Да, алло, – ответила леди. – Ты позвонил мне. Ты хотел День – я День, я тебя ждала. Поверь, я нетерпелива и очень быстро устаю ждать.

– Не думаю, что это переговорный пункт, – хмыкнул Кит Фокс.

– А как еще я заставила бы парней бросать монеты в мой кожаный мешок? – спросила леди. – Ну, давай, любовничек, иди сюда, мы весело проведем время.

Леди была фигуристая и в целом очень милая. Кит Фокс откуда-то ее знал.

– Кто ты? – спросил он.

– В дни соломы я твоя жена, – ответила она. – Но сегодня день травы. Они случаются редко, но сколько же в них веселья!

– Дни травы, дни соломы, – сказал Кит Фокс и заключил даму в объятия. – А как насчет дней меда?

– Медовые дни? Они особенные. Мы верим, что они будут приходить чаще, если сражаться лучше. В них еще больше сока, чем в днях травы. Сейчас мы устроим себе такой день.

Они устроили себе медовый день (как, впрочем, и вся нация), который длился и длился. День-Огонь (именно так звали даму в живописных лохмотьях, жену Кита Фокса в дни соломы) купила костяную свистульку с перьями орла и насвистывала веселые мелодии. В сопровождении шумящей толпы Кит Фокс и День-Огонь покинули город и вступили в волны зеленой буйволиной и голубой жераровой травы. Поджигали все сухое на своем пути, и за ними стелился черно-синий дым. Но земля у них под ногами не горела: для этого она была слишком зеленая.

Мужчины оседлали коней, вооружились копьями и отправились биться с бизонами, поскольку кто-то принес известие, что животные, освоив новое для себя оружие, готовятся к нападению. Битва была жаркой, кровь хлестала из зияющих ран ручьями. Много бойцов погибло с той и с другой стороны.

Чудак Буйвол пал в том бою. Этот огромный человек умер с воплем восторга и счастья.

– Да уж, Чудак ты Буйвол, – вздохнул один из бизонов. – Настоящий был человек.

Когда земля стала слишком влажной от крови, битву завершили, чтобы продолжить в следующий день травы. Или один из следующих. Безусловно, кровавое сражение – отличное занятие, но кто захочет тратить на него целый день? Есть и другие развлечения.

Кит Фокс, День-Огонь и некоторые другие поднялись повыше на холмы. Там текла река, самая быстрая и самая шумная река в мире.

– Эй, потише, – сказала ей День-Огонь. – Ты поешь не ту мелодию.

И великая река затихла. День-Огонь просвистела мелодию. И река снова зашумела, точно повторяя мотив. Эту великую реку называли Тополиный Поток.

Генри Барабан сопровождал мелодию своим ритмом. Потом хлынул дождь. Все танцевали танец дождя и насквозь промокли. Потом вышло солнце, и все танцевали танец солнца, пока оно не высушило их одежду и не опалило кожу. Тогда они начали танцевать танец облаков. Пришла антилопа, принесла себя в жертву и подарила им пир. Они сплясали танец антилопы. Станцевали танец ямы, танец огня, танец змеи и танец пепла – пепел орешника по вкусу сочетается с жареной антилопой гораздо лучше, чем простая

соль. Отплясали танец еды. Потом (спустя некоторое время) танец землетрясения. Потом танец грома и танец горы.

Довольно жутко, подойдя к подножию горы, увидеть огромный просвет между нею и землей! Камни и осколки скал, летящие вниз, поубивали кучу народа. А с вершины рухнуло переломанное, окровавленное и обезглавленное тело.

Хелен Хайтауэр – то есть, конечно же, живописная День-Огонь – завопила:

– Голова! Голова! Голову забыли!

Послышалось грозное грохотание, гора раздраженно содрогнулась, и через секунду вниз упала окровавленная голова. Она разбилась о землю, как тыква.

– Так часто бывает, – сказала День-Огонь. – Забывают сбросить голову, так что приходится напоминать.

Падение обезглавленного тела и головы говорило о том, что на горе стало на одного пророка или одного воина меньше. А значит, у кого-то из людей появилась возможность занять его место и обрести славную смерть.

Несколько мужчин попытались подняться наверх разными способами. Сооружали башни из камней, чтобы забраться по ним, подпрыгивали высоко в воздух, стараясь ухватиться за свисающие с подножия горы корни, бросали копьа с привязанными к ним лианами, в надежде, что они закрепятся в основании горы. Все это они проделывали в солнечный день, и все краски вокруг были такие яркие, что больно смотреть. Многие мужчины попадали вниз, не достигнув цели, но одному все-таки удалось взобраться наверх. Всегда найдется тот, кто способен подняться, чтобы бороться, если для него есть местечко.

И тот, кто поднялся, был... нет, нет, еще рано произносить его имя!

Странная все-таки эта история. Все идет не так, как должно быть.

Что, чертежник, чертишь снова?
Дни собаки, дни соломы.

Генри Барабан «Баллады»

Indian summer (индейское лето, бабье лето). Период теплой и мягкой погоды поздней осенью или ранней весной.

Словарь Webster's Collegiate

Таково определение, которое дает Webster's Collegiate. Впрочем, в «Вебстере» вряд ли способны признать, что не знают значения того или иного слова или фразы. А это как раз такой случай.

Есть периоды, дни, часы, минуты, о которых не могут помнить все. Они попросту не учитываются в совокупности проходящего времени. Лишь с помощью самых изощренных методов можно обнаружить эти временные интервалы.

Кроме четырех всем известных в году есть дополнительные сезоны. Никто не знает, куда их вписать, для них попросту нет места; и никто не помнит осознанно, что проживал этот сезон, что был в нем. Тем не менее, у таких сезонов есть имена, избежавшие забвения. Имя одного из них – бабье лето. Или индейское лето.

(«Почему у индейцев не может быть своего собственного лета в летний сезон, как у всех нас?») – вопрошает высокий голос, в котором звучат нотки раздражения. Никаких повышенных тонов – это просто высокий голос.)

Впрочем, отставим лирическое отступление. Вернемся к этой теме позже.

Кристофер Фокс шел по улице города. Вокруг – тишь да гладь. Впрочем, было что-то неправильное в этом общем благолепии.

Мир, очищенный, отмытый и натертый до блеска. Чисто выбритый, аккуратно постриженный и причесанный. Гладкий и сладкий. Ага, возможно, неправильность заключалась в последней характеристике, если только в совершенстве может быть что-то неправильное. Все звуки и цвета приглушенные (признанные наилучшими для здоровья нервной системы). На мгновение Кристоферу захотелось увидеть кричащий цвет, услышать оглушающий звук. Но он тут же подавил это желание. В конце концов, он женат на Хелен Хайтауэр, а ее частенько критикуют за экзальтированность и чрезмерную яркость.

Кристофер купил газету в автомате на углу, обратил внимание на дату – день в мае. У него возникло смутное ощущение, что с датой что-то не так, но, вместе с тем, название месяца было ему знакомо. Он вошел в «Норт-Парагон брекфаст клуб». Именно здесь состоится симпозиум, который продлится до поздней ночи и будет проходить на нескольких площадках. Симпозиум посвящен многогранной теме под названием «Пространственные и временные базисы интегрированного мира с экскурсом в возможную реальность, их взаимосвязь с миром бессознательного и терапевтической амнезией с учетом необходимости веры и исследований орологических мотивов в связи с очевидным возникновением одновременных дней». Предмет был бы волнующим, если бы волнение не стало одной из тех вещей, которую записали в нежелательные и приглушили.

Чак Бойвол был уже в Клубе, а с ним – Гарри Гор и Остер Лист.

– Я сделал заказ, Кристофер, – сказал Бойвол. – Это утка-пеганка. Надеюсь, вам понравится. Ее готовят минимум на четыре персоны. «Мы же не можем перебить всех уток в Европе», так они говорят.

– Отлично, – кивнул Кристофер и, нервничая, оглядел троицу приятелей. Безусловно, они ему чем-то знакомы.

Разрази его гром горы! Ну еще бы, ведь он работает с этими людьми, каждый день видится с ними на протяжении нескольких лет. Но нет, нет, его острый ум подсказывал, что он знает их с другой стороны, более интересной. Он взглянул на газету, которую только что купил в автомате. Что-то быстрое, как язык пламени, пробежало по первой странице – и мгновенно исчезло. Возможно, огненные буквы, говорящие: «Хочешь День, мой сладкий? Тогда звони...». Нет, невозможно. На первой странице под заголовком стояла дата: «День в мае».

И все? А какое число?

– Какой сегодня день? – спросил Кристофер.

– Восьмое мая, конечно, – ответил Гарри. – У тебя же в руке сегодняшней «Джорнал», почему ты спрашиваешь?

Да, теперь Кристофер видел, что там четко напечатано «8 мая». Никаких глупостей вроде «День в мае» и уж тем более «День, мой сладкий?».

В Клуб вбежали дети диковатого вида.

– Соломенные люди! Соломенные люди! – кричали они, тыкая пальцами в четверку приятелей. – Соломенные люди!

Они еще немного попрыгали вокруг джентльменов, совершили несколько экстравагантных действий, которые, впрочем, вскоре были забыты. Дети покинули клуб. Исчезли.

– С чего это они? – недоумевал Гарри. – Почему они нас так называли, зачем прыгали вокруг нас?

– Кто? Кто нас называл, кто прыгал? – с еще большим недоумением спросил Винсент.

– Не знаю, – уныло произнес Гарри. – Кажется, здесь кто-то был, что-то говорил и прыгал.

– Ты с ума сошел, Гарри, – укорил его Остер. – Никого здесь не было.

– Соломенные люди, – тихо проговорил Кристофер Фокс. – Теперь я вспомнил эти слова. Проснувшись утром, пытался вспомнить, но не мог. Я думал, это ключ к мечте, которая все время ускользает от меня, а я пытаюсь ее поймать. Теперь у меня есть ключ, но он не подходит ни к одной двери. Мечта исчезла навсегда.

– Мы вернемся к этому вопросу позже, во время дискуссии, – сказал Чак Бойвол. – По-моему, Кристофер, эти «соломенные люди» – часть того базиса, или, возможно, той надстройки, которая, в свою очередь, является частью нашего мира и наших исследований. Есть некоторая вероятность того, что несколько мгновений назад здесь находились дети или, скажем, карлики или гномы. Кто-нибудь их видел?

– Нет, – сказал Остер Лист.

– Никого не было, – подтвердил Гарри Гор.

– И я никого не видел, – сказал Кристофер Фокс.

– И все же я уверен, что некая группа приходила, – вкрадчиво продолжил Чак Бойвол. – Группа, слишком необычная для того, чтобы быть замеченной. Почему мы их не заметили? Или почему мы их забыли ровно через мгновение после их ухода? Думаю, потому, что эта группа проживала день другого вида. Я почти уверен, что они живут в

лете Святого Мартина или в дни зимородка... А вот и утка во всей красе! Наслаждайтесь! Больше такого момента нам не выпадет.

Утка была божественная. Отлично приготовленная, сочная, с богатым вкусом. Родственница тех птиц, что были найдены в землях весны Святого Суккулентуса. (Что? Разве есть земли, которые носят такое имя?)

Четверо почтенных мужей (почтенных благодаря стечению обстоятельств) ели с тем, что в дни другого рода можно было бы назвать вкусом. Они поглощали королевскую птицу, щедро сдобренную фруктовой мякотью, тертыми орехами и перцем, политую сидром, священными соками и маслом, которое называется... сейчас, погодите минуту...

– А вы знаете, что утка-пеганка – мистическое создание? – спросил Чак Бойвол, не переставая шумно жевать (никто не смог бы наслаждаться такой королевской пищей тихо). Бойвол вел себя так, будто знал большой секрет.

– Вовсе она не мистическая, – парировал Гарри, хотя и знал, что говорит неправду. – Обыкновенная европейская утка.

– Не только, – со значением сказал Бойвол. – В дни другого рода она была бы необыкновенной.

– Ты о чем, Бойвол? – спросил Остер Лист. – Что за дни другого рода?

– Ну, например, те дни, которые у голландцев называются краанцоммер – журавлиное лето. Думаю, вы согласны, что дни другого рода, внекалендарные дни, – явление не временное?

– Мы не можем согласиться даже с тем, что такие дни есть, – сказал Кристофер.

– Вот зубы Дрейка¹, например, видят редко, но о них, по крайней мере, знают, – произнес Гарри Гор как будто не своим голосом. Казалось, собственные слова изумили его.

– Дрейк, по сути, то же самое, что Дракос, то есть дракон, – пробормотал Кристофер Фокс. – Я хотел сказать что-то еще, да вылетело из головы.

– Официант, как называется этот великолепный соус, с которым повенчана наша утка? – спросил Остер Лист в радостном волнении.

– Соус «Дракон», – ответил официант.

– Ну так в чем же заключается мистическая необычность этой птицы, Бойвол? – обратился к другу Кристофер.

– Кажется, я забыл, – отозвался Чак. – Давайте начнем дискуссию с обсуждения моей – нет, нашей – забывчивости. Остер, у тебя нет с собой доклада «Амнезия, или дыры в карманах безупречного костюма»?

– Не помню. А что, я его готовил? Сейчас гляну в карманах.

Тем временем на громыхающей горе дерзкие герои делали все возможное для того, чтобы навлечь на себя гнев Божий. Это была опасная игра. Пророки яростно молились, истекали кровью и дрались со страстью. Они боролись за то, чтобы спасти дни другого рода, боролись посреди ужаса и трепета, ужаса и гогота, дрожи от страха и смеха.

Тем утром громыхающая гора выглядела странно. Она не касалась земли. Между землей и подножием горы зиял просвет, в котором парили орлы. А день – что это был за день? Может, первый понедельник гусиной осени? А может, не понедельник? Может, четверг или тыквеница?

¹ Зубы Дрейка – острые прибрежные скалы пролива Дрейка, куда редко заплывают корабли.

Утро было ровно такое же, как и некоторое время назад. Это помнили орлы, это помнили облака. А вот борцы-пророки помнили это смутно, потому что частично утратили память.

Помните, что было написано на священном пергаменте? «Если вера твоя сильна, скажи горе: “Пойди и обрушьясь в море”. Гора пошла и обрушилась». Ну так вот, в то утро тоже была попытка испытать веру. Состязались великие пророки и борцы, отличавшиеся особой верой. Они изо всех напрягли свои мускулы и голосовые связки, и – О, радость! – гора сдвинулась с места и рухнула в море.

Гром небесный приказал водам отступить. Воды отказались принять гору. У пророков и борцов было достаточно веры, а у океана – нет. Кто же будет смеяться последним в это святое утро?

Они вечны, они в расцвете сил, но в народе их часто называют «братья дедов». Великие пророки, люди молитвы и борцы. Один из этих бесстрашных был индейцем, и он пытался поставить индейский символ на самого Бога. Бог, однако, похож на туман, так что писать на нем невозможно.

– Мы будем бороться, – сказал индеец Богу-туману, – бороться, чтобы увидеть, кто из нас станет богом этого дня. Я говорю тебе то, что не имеет смысла в обычные дни. Я не хотел бы учить тебя тому, как ты должен делать собственное дело, но иногда кому-то приходится брать на себя роль учителя. Кроме обычных дней, должны быть особые дни. У тебя они есть, я уверен, но ты держишь их спрятанными в мешке. Значит, я должен бороться и вырвать у тебя один такой день.

Они боролись так, как только может бороться с туманом человек, залитый потом и кровью. Но индеец победил – отобрал у Бога день и сам стал Богом этого дня.

– Это будет день травы, – решил индеец. – Не такой, как ваши сухие, ровные, бескровные дни.

Он долго лежал, обессиленный, сплетя пальцы; потом сила вернулась к нему.

– Здорово, что ты отмечаешь в своей книге падение каждого воробья, – сказал индеец Богу. – Смотри, не забудь отмечать и эти дни.

А дальше случилось вот что. Бог отметил день, ради которого с ним сражался индеец, но не в той книге, где отмечал обычные события, а на священном пергаменте. Так день, выигранный индейцем, стал первым из внекалендарных дней.

Пророки, борцы и самые разные молящиеся были на горе. Например, были чернокожие, которые сражались за дни кукурузы и дни слоновой кости. Были островитяне с коричневой кожей: они стояли за дни рыболова и дни дикой свиньи. Были люди с розовой кожей из северных лесов, они ходили по сосновым иглам и готовили бальзамы. Были уродливые жители болот и люди из больших городов. Все они сражались с Богом в страхе и трепете.

Некоторых обезглавили и четверговали, части их тел с яростью были брошены на землю: говорят, им не хватило определенных качеств для победы или что их сила иссякла. Но другие, и таких большинство, вырывали у Бога великие дни, дни расцвета, дни зимородка, дни медхензоммер – летних девушек, дни Святого Гарве, дни индейского лета. То были прекрасные дни, полные любви и смерти, дни, бурлящие радостью и кровью. И все они были отмечены на особом священном пергаменте, и потому стали внекалендарными.

– Внекалендарные дни, – говорил Чак Бойвол. – Красивая идея, и мы почти ее доказали. Сезоны, которые не зна-

чатся в календаре! А ведь есть, наверное, целые эры, которые там не обозначены. Вроде ледникового периода. Я не говорю, что ледниковый период именно такой. Я говорю – вроде.

– Но ледниковый период – это абсолютная реальность. Он настоящий! – настаивала Хелен Хайтауэр.

Дискуссия длилась уже несколько часов. Хелен, жена Кристофера Фокса, вернулась с переговорного пункта, где она работала, надела живописные лохмотья и присоединилась к ученым.

– Конечно, настоящий, Хелен, – сказал Чак Бойвол. – Мне бы быть таким настоящим! Думаю, что ты помнишь этот период или знаешь его лучше большинства из нас. Твоя амнезия опасно неполная, ты слишком много знаешь. Боюсь, как бы тебя не поразил гром. Тем не менее, в обычном летоисчислении ледниковый период отсутствует.

– Но как, например, аборигены объясняли существование ледниковых отложений и вечной мерзлоты? – спросил Силач Остролист – то есть Остер Лист.

Они сидели в Университете, в уютной комнате на факультете психологии. Здесь Чак Бойвол обычно проводил встречи. Комната располагалась ровно под кабинетом спецэффектов, где работал профессор Тимашев.

– Как объясняли до появления современной геологии? – переспросил Бойвол. – Да никак. Просто одним прекрасным утром над прежним слоем возникал новый слой. Местный пастух наверняка сказал бы, что это луна вытянула его из земли или что он упал с неба.

– Ты сумасшедший, Бойвол, – с некоторой ажитацией заговорил Гарри Гор. – Откуда же тогда ледниковый период? Откуда бы ему взяться, даже вне календаря? Почему этот период оставил свои следы и в календаре тоже?

Руки у Адриана были очень большие и сильные. Почему они не замечали этого раньше?

– Я думаю, что существовала династия великих пророков и духоборцев, которые хотели вызвать к жизни ужасные дни Великой Зимы¹, – сказал Бойвол, понижая голос. – Не знаю, почему они этого хотели и почему проливали ради этого кровь. Это были люди, но их помнят, как ледяных гигантов.

– О, это же мои пра-пра-пра-прадедушки! – воскликнула День-Огонь, она же Хелен Хайтауэр. – Дни снега! Дни льда! Миллионы дней!

– Ты хочешь сказать, что определенные архетипы... – начал Кит Фокс.

– Трясли небесные столпы, пока не посыпался снег, и пал он миллион дней – внекалендарных, – закончил Чак Бойвол.

– Чудак, то есть Чак, ты точно помешался. – Кристофер почти повторил слова Гарри. Хоть и говорил Кристофер, но в центре всеобщего внимания был именно Гарри. Он странно улыбался, и кожа у него как будто светилась изнутри алым светом, как у тех, кто проливает кровавый пот, молясь и сражаясь. И почему раньше они этого не замечали?

– Я почти готов поверить, что ты – один из этих великих борцов, – сказал Кристофер Бойволу, но глядел при этом на Гарри.

– Ты просто сразил меня наповал, как копьем, Кит, – печально проговорил Бойвол. – Ты раскрыл тайну моей смерти. Я проиграл. Не знаю, когда это было. В один из внекалендарных дней. Я проиграл – год назад или десять тысяч

¹ Великая Зима – имеется в виду зима накануне Рагнарёка: гибели богов, описанной в скандинавской мифологии.

лет назад. Не смог встать в один ряд с Великими. Меня не сбросили с горы – я так и не поднялся на нее. Свободное место было, как и возможность для восхождения, но мне не хватило силы духа. Тот, кому суждено быть чемпионом или пророком, никогда не станет вновь обычным человеком. А я, таким образом, даже меньше, чем человек. Но, увы, я все помню и живу в днях другого рода.

– По-моему, дни другого рода во времени совпадают с обычными днями, – раздумчиво произнес Гарри Гор, крупный и сильный мужчина. Почему раньше они этого не замечали?

– Нет, не совпадают, – поправил его Бойвол. – Есть дни внекалендарные и календарные. Внекалендарные – вне времени, так на них и надо смотреть.

– Ты смотришь по-своему, я – по-своему, – упорствовал Гарри. – Давай рассмотрим аномальные периоды в разных странах: весна Святого Гарве, лето Святого Мартина (эти святые когда-то были горными пророками и борцами и сражались очень жестоко, совсем не как святые). Возьмем март Мидаса (богатый свой сезон тоже нужен. Говорят, в этом месяце они получают прибыль буквально из воздуха). Дни собаки, дни зимородка, дни дракона, урожайный май (интересно, что это за урожай в мае?), лето всех святых, дни слоновой кости, дни рога, индейское лето, ивовая неделя, лето абрикосов, гусиное лето, дни каменного гиганта, дни кривой мили, сезон под названием Алчедония у римлян... Так вот, я тебе скажу, все эти дни совпадают по времени! – Человек по имени Гроза Горы, он же Гарри Гор, казалось, излучал волны превосходства.

– Нет, это невозможно, – возразил Чак Бойвол. – Потому что дни другого рода не вписаны в ход времени. Для них нет ни времени, ни места.

– А внекалендарных ночей не бывает? – спросил Остер Лист.

– Нет. И все по той же причине. Они относятся к другому времени и пространству, – сказал Бойвол.

Из кабинета профессора Тимашева донесся гром. Он шел прямо сверху – раскатистый, самый что ни на есть природный гром. Тимашев читал сенсационные (и мелодраматические) курсы по феноменологии. Но как он сумел добиться такого спецэффекта?

– Все происходит одновременно, – настаивал Гарри Гор со смехом, и в этом смехе как будто перекатывались каменные валуны. – И происходит прямо сейчас. Я сижу здесь с вами в эту минуту, но я нахожусь и там, на горе. Гром в комнате наверну – настоящий гром. Но за ним слышится более глубокий, отдаленный гром, который обыватели называют «смехом Бога».

– Все совершенно вышло из-под контроля, – запротестовал Остер Лист. – Предполагалось, мы проведем серьезный симпозиум о пространственных и временных базисах. Некоторые из вас превратили это событие в нелепость, происходящую в глупом месте и в глупое время. Вы говорите слишком антропоморфически обо всех этих вещах, включая Бога. Невозможно бороться с Богом в кустах или в тумане и устраивать скачки на пони в надежде свергнуть Бога хотя бы на день. Хотя я и атеист, все это мне кажется отвратительным.

– Но мы и есть антропоиды, дружище, – заявил Гарри. – Как еще мы можем говорить, если не с антропоморфической точки зрения? Мы играем в Его игру, мы боремся с Ним, чтобы стать Богом на день, мы хотим совершить переворот. Я верующий, и не вижу в этом ничего отвратительного. Ого! Один из них проиграл. Это случается так редко...

Интересно, есть ли у меня шанс?

– Гарри, о чем ты?! – воскликнул Остер Лист.

– Как ты сможешь сделать это, Гарри, если я не смогу? – спросил Бойвол.

– Вспомни обо мне там наверху, Гарри! – крикнула День-Огонь. – Подари мне день. Подари мне день огня.

– И обо мне тоже вспомни, – попросил Кит Фокс. – Хотел бы я быть на твоём месте, но это дается не всем.

Сверху послышался громкий крик, потом звук падения тела и завывание ветра в горах.

– Что, ради всех этих других дней, вытворяет сегодня профессор Тимашев? – раздраженно спросил Силач Остролист. – А ты что здесь делаешь, Гарри? Ты весь горишь.

– Дай мне место! Освободи место! – кричал Гроза Горы голосом, в котором звучали раскаты грома. Он был в страшном возбуждении, алые кровавые капли пота сияли на его лице. – Он проиграл, проиграл, почему же он не падает?

– Помоги ему, Кит Фокс! – взмолилась День-Огонь. – И я помогу.

– Сейчас! – крикнул Кит Фокс.

Комната содрогнулась. Содрогнулось все здание, содрогнулся поздний вечер за окном. Наверху с грохотом перекачивались валуны – не то на горе пророков, не то в комнате спецэффектов профессора Тимашева. Образовался великий разлом, вход, и место превратилось во время.

Послышался стук копыт, как будто лошади мчались по небу. Затем с сокрушительным звуком – спаси, Боже, его душу – обезглавленное окровавленное тело и несколько конечностей грохнулись с огромной высоты прямо на стол посреди комнаты, забрызгивая всех сидящих фонтанами крови. Но потолок над ними остался невредим – ни следа вторжения.

– У меня кишка тонка смотреть на такое, – пробормотал Чак Бойвол и рухнул без чувств.

– Тимашев, ты просто придурок! – Остер Лист погрозил кулаком потолку. – Следи за своими чертовыми спецэффектами! Ты портишь здание!

Но Тимашев, бесспорно, был талантлив. Свои спецэффекты он демонстрировал во время занятий по феноменологии в том кабинете, что наверху.

– Голова, голова! Не забудьте про голову! – возбужденно вскрикнула День-Огонь.

– Только что вспомнил, что Тимашева сегодня нет в городе. А значит, и занятий у него нет, – удивленно проговорил Кит Фокс.

– Дай мне место! О, дай мне место! – протрубил Гарри Гор. И исчез.

Он, как говорится, будет героем грядущих дней.

– Голова, голова! – кипятилась День-Огонь.

Кристофер и Остер пытались привести Бойвола в чувство. Они трясли его, как вдруг он начал разваливаться на части. Рука отпала. Потом другая. Оказалось, он сделан из соломы. Соломенное чучело, набитое окровавленной соломой. Больше ничего.

– Чучело, да еще и топорно исполненное, – удивленно проговорил Кристофер Фокс. – Правильно он сказал: тот, кто падает вниз, не сможет стать обычным человеком. Он был меньше, чем человек.

– Странно. Мне он всегда казался настоящим человеком, – сказал Остер Лист.

– Голова, голова! Вы забыли голову! Бросьте ее вниз! – кричала День-Огонь.

И голова упала вниз. Она разбилась о пол, как большая подгнившая тыква.

Под городом есть город, над городом трава,
Фонтаном хлещет кровь, и вниз летит глава.

Генри Барабан «Баллады»

СОДЕРЖАНИЕ

Нил Гейман. МОЙ ЛАФФЕРТИ (Пер. М. А. Литвиновой)	5
Майкл Дирда. Предисловие ¹	12
ДОЛГАЯ НОЧЬ СО ВТОРНИКА НА СРЕДУ (Пер. Б. Силкина)	16
Майкл Суэввик. Предисловие	26
УЗКАЯ ДОЛИНА (Пер. М. Д. Литвиновой)	27
Майкл Бишоп. Предисловие	47
И НИКАКИХ ИЗВЕСТНЯКОВЫХ ОСТРОВОВ (Пер. А. Грузберга)	49
Терри Биссон. Предисловие	65
ВЕЛИКАЯ МЕЖДУГОРОДНЯЯ (Пер. С. Гонтарева)	66
Джек Данн. Предисловие	80
КАК МЫ СОРВАЛИ ПЛАНЫ КАРЛА ВЕЛИКОГО (Пер. С. Гонтарева) ...	82
Нил Гейман. Предисловие	98
БЕЗПЛОДНЫЙ ПЕРЕУЛОК (Пер. А. Графова)	99
Нил Гейман. Предисловие	109
ПРОКАТИСЬ В КОНСЕРВНОЙ БАНКЕ (Пер. И. Телегиной)	110
Паттон Освальт. Предисловие	128
ДЕВЯТЬСОТ БАБУШЕК (Пер. С. Гонтарева)	129
Энди Дункан. Послесловие	142
Харлан Эллисон. Предисловие	145
ЗЕМЛЯ БОЛЬШИХ ЛОШАДЕЙ (Пер. С. Гонтарева и М. А. Литвиновой)	148
Грегори Фрост. Послесловие	159
Роберт Сильверберг. Предисловие	163
ДАМБА ЭВРЕМЫ (Пер. Л. Папериной)	164
Келли Робсон. Предисловие	179
ЛУННЫЕ ПРИЗРАКИ 1870-Х (Пер. М. А. Литвиновой)	181

Сэмюэл Дилэни. Предисловие	222
ШКОЛА НА КАМИРОИ (Пер. К. Михайлова)	224
Нэнси Кресс. Предисловие	245
ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СЛЕДУЮЩЕМ КАМНЕ (Пер. С. Гонтарева)	247
Р. А. Лафферти. Послесловие	278
Гвенда Бонд. Предисловие	281
НЕБО (Пер. С. Гонтарева)	282
Грегори Фили. Предисловие	299
СМЕЮЩИЕСЯ УТЕСЫ (Пер. А. Минаевой)	302
Конни Уиллис. Предисловие	318
СЕМЬ ДНЕЙ УЖАСА (Пер. И. Почитайкина)	319
Кэт Рэмбо. Предисловие	330
БУМЕРОВЫ ОТМЕЛЛИ (Пер. М. Д. Литвиновой)	332
Джон Скальци. Предисловие	354
СТАРАЯ ЗАБЫТАЯ НОЖКА (Пер. С. Гонтарева)	355
Сэмюэл Дилэни. Предисловие	370
МИР КАК ВОЛЯ И ОБОИ (Пер. М. А. Литвиновой)	372
Эндрю Фергюсон. Предисловие	393
ХИТРОПАЛЫЕ (Пер. М. А. Литвиновой)	395
Джефф Вандермеер. Предисловие	414
ПЛАНЕТА МЕДВЕДЕЙ-ВОРИШЕК (Пер. В. Кулагиной-Ярцевой)	416
Гэри К. Вулф. Предисловие	438
ДНИ ТРАВЫ, ДНИ СОЛОМЫ (Пер. М. Д. Литвиновой)	440

¹ Все предисловия и послесловия к рассказам в пер. М. А. Литвиновой.

Литературно-художественное издание

Р. А. Лафферти

ЛУ ЧШЕЕ

Фантастические рассказы

НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ

Редактор *Г. Козлодоев*

Художественный редактор *И. Телегина*

Корректор *С. Бриджибаев*

ИБ № 042-3/2

Подписано в печать 1.10.16. Формат 70 x 108 1/32.
Бумага типогр. Печать цифровая. Гарнитура Times New.
Усл.-печ. л. 16,15. Тираж 20 экз. Заказ № 839-52/2.

Типография издательства «Заря»
г. Великий Гусляр

Зарубежная фантастика

Издательство «Заря»